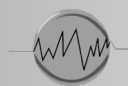

ISSN 2223-2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 10 2018 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью

«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

В.Л. Степанов — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин — к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
П.В. Акулишин — д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
Э.Н. Алиева — д.филол.н., доцент, независимый эксперт
А.Ю. Ватлин — д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Г.И. Воронина — д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
Е.Е. Вяземский — д.п.н., проф., МПГУ
Н.А. Герасименко — д.филол.н., проф., МГОУ
Е.Б. Евладова — д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
А.Э. Котов — д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
С.К. Лебедев — д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
П.В. Лизунов — д.и.н., проф., Сев. [Арктический] Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
А.П. Миньяр-Белоручева — д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
М.В. Михайлова — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Я.М. Нейматов — д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова — д. филол.н., проф., Московский гум. университет
В.В. Петрусинский — д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
Т.А. Печенёва — д.п.н., Белорусский ГУ
Н.Л. Пушкарева — д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
А.Н. Рыжов — д.п.н., проф., МПГУ
А.И. Савостьянов — д.п.н., проф., МПГУ
А.С. Сенявский — д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
М.Ю. Сидорова — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
А.М. Сморгчов — д.и.н., проф., РГГУ
О.Ю. Стрелова — д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
В.И. Тюпа — д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
Н.М. Щедрина — д. филол.н., проф., МГОУ
С.Н. Ханбалаева — д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
Н.В. Юдина — д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью

«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

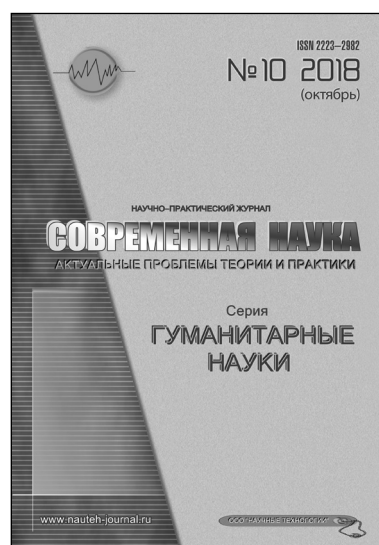
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 10 октябрь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал

«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.10.2018 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

- Вивчар В. М.** — Переходное состояние историографии униатства в пореформенной России 70-х гг. XIX в
- Vivchar V.* — The transition state of the historiography of uniate church in the post-reform Russia of the 70s of the XIX century. 5
- Ибрагимов Р. Р., Саматова Ч. Х.** — Ислам в советском государстве в конце 1970-х – середине 1980-х гг. (на примере Татарской АССР и Узбекской ССР)
- Ibragimov R., Samatova Ch.* — Islam in the soviet state at the end of the 1970s is the middle of the 1980th years. (on the example of the Tatar ASSR and Uzbek SSR) 10
- Калашник В. В.** — Проповедническая деятельность православного духовенства послевоенного периода (1946–1953 гг.)
- Kalashnik V.* — Preaching activity of the orthodox clergy postwar period (1946–1953)..... 13
- Кириллова А. И.** — Виды, формы и особенности реализации государственной политики XX – начала XXI в. в Мильковском районе, Камчатский Край
- Kirillova A.* — Forms of state policy and characteristic features of it's implementation in XX – XXI centuries in Milkovskiy district, Kamchatskiy Kray 24
- Корнеева Г. А.** — Политико-мировоззренческие предпосылки формирования системы многопартийности в Сибири в конце XIX в.– начале XX в
- Korneeva G.* — Political and ideological preconditions for the formation of a multi-party system in Siberia in the late nineteenth century – the beginning of the twentieth century 29
- Магомедов Р. М., Омаров А. И.** — К вопросу о некоторых военных аспектах взаимоотношений народов Северного Кавказа и Русского государства в XVI столетии
- Magomedov R., Omarov A.* — To a question about some military aspects interrelations of peoples the North Caucasus and the Russian state in the XVI century 38

Педагогика

- Анурова Т. А.** — Методы работы преподавателя с родителями в детской школе искусств при подготовке ребенка к концертному выступлению
- Anurova T.* — Methods of work of the teacher with parents at children's school of arts at preparation of the child for concert performance. 41
- Ахмедова Р. Н.** — Ценностные ориентации учащейся молодежи как приоритет современного воспитания
- Akhmedova R.* — Values orientation of the studying youth as a priority of modern education. 44
- Бородина М. А.** — Латинские крылатые выражения как один из воспитательных аспектов при формировании физической культуры студентов-медиков
- Borodina M.* — Latin practice sentences as one of the educational aspects during formation of physical culture of medical students 51
- Власова Л. В.** — Подготовка преподавателя к организации воспитательной деятельности с учащимися высшей школы
- Vlasova L.* — Preparation of the teacher for the organization of educational activity with students of higher school. 55
- Герасименко Т. Л., Варенина Л. П.** — Спорные вопросы и перспективы использования предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) в образовательном процессе
- Gerasimenko T., Varenina L.* — Disputable Issues and Perspectives of the Implementation of CLIL (Content Language Integrated Learning) in the Educational Process 59
- Кулешов Е. А.** — Методологические возможности межпредметной интеграции в преподавании физики
- Kuleshov E.* — Methodological possibilities of inter-predict integration in teaching physics. 62

Лизунов П. В. — Дуальное обучение как направление по реализации регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста	Васильева К. К. — Российско-китайское терминотворчество на пути создания международного языка делового общения
<i>Lizunov P.</i> — Dual training as a direction for the implementation of the regional standard of personnel support of industrial growth65	<i>Vasilyeva K.</i> — Russian-Chinese Terminology on the Way of Creating an International Business Communication Language96
Плаксина И. В. — Онтологическая модель становления субъекта инновационной педагогической деятельности	Глазова М. Б. — Особенности перевода с русского языка на мансийский язык
<i>Plaksina I.</i> — Ontological model of formation of innovational pedagogical activity subject69	<i>Glazova M.</i> — Peculiarities of translation from Russian into Mansi language102
Щербаклова И. А. — Коммуникативный метод как средство повышения уровня мотивации к изучению иностранного языка и эффективности процесса обучения иностранному языку в целом	Денисенко М. В. — Восприятие серого цвета в разных лингвокультурах
<i>Shcherbakova I.</i> — Communicative method as a means of increasing the level of motivation to learn a foreign language and the effectiveness of the learning process of a foreign language as a whole75	<i>Denisenko M.</i> — Perception of grey colour in different linguocultures106
ФИЛОЛОГИЯ	
Абросимова Н. Г. — Эгоцентризм как принцип смысло-речевой организации текстов в немецкоязычной повседневной коммуникации	Егорова В. В. — Социокультурное влияние глобализации на языковую картину мира европейских и азиатских стран (на материале журнала «The Economist»)
<i>Abrosimova N.</i> — Egocentrism as a principle of the semantic-speech text organization in German-language everyday communication78	<i>Egorova V.</i> — Sociocultural influence of globalization on the picture of language in European and Asian countries (based on «The Economist» magazine)110
Ангалева М. А. — Семантическая криптолальность армейского идиома США (на материале английского языка)	Калесник Е. Ю. — Первая полемика Н. С. Лескова в газете «Современная медицина»
<i>Angaleva M.</i> — The U.S. military idiom semantic cryptolality (as exemplified in English)83	<i>Kalesnik E.</i> — First polemica N.S. Leskova in the newspaper «Contemporary medicine»115
Базанова А. Е., Попова Е. О. — Особенности использования приема витализации в российском экономическом медиатексте	Касымова О. П., Гун Лэй — Семантическое освоение заимствований из китайского языка в русский
<i>Bazanova A., Popova E.</i> — Peculiarities of using personification in the Russian economic media text88	<i>Kasymova O., Gong Lei</i> — Semantic development of the borrowings from Chinese into Russian120
Ваганова А. К. — Языковые средства передачи движения в рассказе В. Г. Короленко «Река играет»	Кельбеханова М. Р., Османов А. И. — Дагестанская литература в 80-е гг. XX в.: культурно-исторический аспект
<i>Vaganova A.</i> — The language means expressing movement in V.G. Korolenko's story «The river plays»91	<i>Kelbekhanova M., Osmanov A.</i> — The Dagestan literature in the 80th years of the XX century: cultural and historical aspect125

Коляда Н. А. — Экспрессивно-оценочная номинация в сфере существительного (на примере немецкого языка)	Сам Н. Д. — «Путь жизни» Л. Н. Толстого: алгоритм саморазвития
<i>Koljada N.</i> — Expressive-evaluative nomination of a noun in the field on the example of the German language/130	<i>Sat N.</i> — «The way of life» by L. N. Tolstoy: the algorithm of self-development160
Кузьмина А. В. — Термины литературоведения в толковом словаре: специфика стилистических помет и толкования значения	Свинцова И. Ю., Жаркова Е. Х., Назарцева Е. А. — Виды субъектов, предикатов и распространителей в русских безличных предложениях
<i>Kuzmina A.</i> — Terms of literary study in an explanatory dictionary: the peculiarity of stylistic labels136	<i>Svintsova I., Zharkova E., Nazartseva E.</i> — Types of subject, predicate and modifier in Russian impersonal clauses.165
Ле Лан Нгок — Имидж политического лидера Вьетнама в российских СМИ	Староверова Т. С. — Тенденции развития интернет-представительств региональных СМИ в социальных сетях
<i>Le Lan Ngok</i> — Image of Vietnam's political leader in Russian media140	<i>Staroverova T.</i> — Development trends of websites of regional mass media168
Луканкина Т. А. — Поэтическая фонетика начала XXI века	Цатурян М. М. — Художественный перевод и языковое посредничество в художественной литературе: соотношение общего и художественных мировоззрений
<i>Lukankina T.</i> — Phonaesthetics in the beginning of XXI century.144	<i>Tsaturyan M.</i> — Artistic translation and language intermediation in artistic literature: the relationship of the general and artistic world-views.174
Мартыненко Е. В., Мельникова А. В. — Филологические особенности журналистской этики при освещении чрезвычайных ситуаций	Цатурян М. М., Глущенко А. Н. — Особенности политического дискурса социальной сети Twitter
<i>Martynenko E., Melnikova A.</i> — Philological features of journalistic ethics in the illustration of emergency situations.149	<i>Tsaturyan M., Glushchenko A.</i> — Peculiarities of the political discourse of the social network Twitter.178
Пантелеева О. В. — Влияние лингвокультурных факторов на баварский диалект	Яковец Т. Я., Король Е. В. — Функционирование молодежного жаргона в текстах игровых чатов
<i>Panteleeva O.</i> — The influence of different factors on the Bavarian dialect.153	<i>Yacovets T., Korol E.</i> — Youth jargon functioning in the texts of computer games chats.182
Потапова О. Е. — Основные особенности систематизации и номинативного употребления лексических единиц (на материале лексико-семантического поля «Море»)	Информация
<i>Potapova O.</i> — Main peculiarities of systematization and nominative usage of lexical units (on the material of lexical-semantic field «Sea»)157	Наши авторы. Our Authors.188
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале190

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ УНИАТСТВА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ 70-Х ГГ. XIX В.

THE TRANSITION STATE OF THE HISTORIOGRAPHY OF UNIATE CHURCH IN THE POST-REFORM RUSSIA OF THE 70S OF THE XIX CENTURY

V. Vivchar

Summary. Literature concerning the pre-revolutionary historiography of the Union processes in the Ruthenian lands of the XV–XVII centuries is very significant, heterogeneous. However, as an independent subject of historiographical analysis, it has never been subjected to special development. In this regard, its analysis was embodied either in small linear chronological reviews of the largest works of MV Dmitriev, AB Eliseev, etc., or in the works of G. E. Shcheglov, MV Dmitriev and other researchers on the General scientific contribution of the scientists who wrote them. In this article we will try to look at the history of the study of the issue from an evolutionary point of view, fixing the fundamental features of one of the stages of development of the study of the problem.

Keywords: historiography, the historiographical analysis of post-reform Russia, historiography of Uniate Church, Union issues.

Вивчар Василий Михайлович
К.и.н., старший преподаватель,
Омская духовная семинария
vvivchar@yandex.ru

Аннотация. Литература, касающаяся дореволюционной историографии унияонных процессов в русинских землях XV–XVII вв. является весьма значительной, неоднородной. Однако как самостоятельный предмет историографического анализа она ни разу не была подвергнута специальной разработке. В этом плане ее анализ воплотился либо в небольших линейных хронологических обзорах крупнейших трудов М. В. Дмитриева [6], А. Б. Елисеева [8] и пр., либо в работах Г. Э. Щеглова [27], М. В. Дмитриева [7] и других исследователей, посвященных общему научному вкладу написавших их ученых. В данной статье мы попытаемся взглянуть на историю изучения вопроса с эволюционной точки зрения, фиксируя принципиальные особенности одного из этапов развития изучения проблемы.

Ключевые слова: историография, историографический анализ, пореформенная Россия, историография униатства, унияонная проблематика.

Отечественная историография Брестской церковной унии второй половины XIX–начала XX в. представляла собой единый идейный комплекс и, если не принимать во внимание количественных данных о введении в оборот новых документов и числе исследовательских публикаций, о каких-то концептуальных сдвигах можно говорить лишь с известной долей условности. Тем не менее, если несколько утрировать отдельные зачаточные элементы, в смене или столкновении которых выражалось развитие исторической мысли по проблеме, то можно говорить о том, что она пережила несколько этапов. Так, после польских восстаний 1830-х и 1860-х гг. происходило ее становление, в политизированной «западно-руссистской» вариации (50–60-е гг.) [11]. Причем в церковной исторической науке в это время полностью господствовал богословский взгляд на исторические события. Иной вариант представления проблемы в исторических трудах мы видим с 80–90-х гг., в эти годы, как и ранее, общей установкой историков был православный взгляд на историю унии, но с распространением позитивистской методологии, стремления уйти от любых абстрактных теорий, стала преодолеваться политизированное восприятие польских унияонных инициатив, это проявилось и в исследованиях церковных историков, которые уже оперируют не столько сентенциями

о Божьем Промысле, сколько историко-логическими аргументами и обширными документальными данными [3]. Следовательно, в 70-е гг. XIX в. проблемная историография должна была находиться в некоем переходном состоянии в направлении от «западно-руссистской» антипольской и богословско-схоластической вариаций к так называемой «чистой науке», сконцентрированной на анализе факта как такового.

Чтобы продемонстрировать не вполне очевидную переходность изучения Брестской унии в пореформенные 1870-е тезисно рассмотрим разные уровни разработки проблемы: изменения в методике создания общих церковных курсов, идейный фон работ по церковной истории «Западной России», а также новые тенденции в специальных исследованиях по истории рутенского униатства XV–XVII вв.

Поскольку историографию проблемы разрабатывали в основном выпускники духовных академий, общие церковные истории играли при анализе данной тематики важную методологическую роль. В период 1870–1881 гг. такие «истории» писали духовно-академические ученые П. В. Знаменский, митрополит Макарий (Булгаков) и Е. Е. Голубинский [4; 5]. По обоснованному мнению но-

вейшего историографа Н. И. Солнцева, первый и последний авторы особенно выделялись своей теоретической частью: Знаменский начал дистанцироваться от богословия и использовать систему научно-исторических понятий, а Голубинский выработал уже органический, практически позитивистский способ представления истории церкви как части истории государства и общества [19, с. 391–393]. Заметим, что одновременно с новаторским «Руководством» П. В. Знаменского вышли в печать заведомо устаревшие, компилятивные «Рассказы из Истории русской церкви» непрофессионального светского историка М. В. Толстого, прагматические по характеру и одухотворенные по стилю [22].

Что касается фундаментальной «Истории» митрополита Макария, развивавшейся в методе от тома к тому, вобравшей схоластические и новейшие научно-органические тенденции; то для историографии проблемы весьма важной стала ее документальная часть, осветившая не только те факты, которые подтверждали разделяемую автором православную концепцию Брестской унии, но и те которые ей противоречили (например, о разграблении имуществ православной церкви не только польскими феодалами, но и представителями «литовско-русской» знати; о довольно широком распространении униатства в различных социальных слоях русинских земель Речи Посполитой в первой трети XVII в.).

Митрополит Макарий (Булгаков), кстати, отразил противоречивость своего времени не только историческим трудом, но и своей личностью. Будучи более или менее традиционным церковным историком и ортодоксальным богословом он активно поддерживал либерализацию духовного образования, новую методику П. В. Знаменского и скептические построения Е. Е. Голубинского [20, с. 51].

Если говорить о предпосылках для подобных методологических сдвигов в церковных «историях», то надо сказать о быстром росте исторического знания в середине XIX в., приобретению самостоятельности вспомогательными дисциплинами [9, с. 3–15], выходе на первый план монографического типа исследований, формировании специфических светских научных школ [25], плюрализме научных концепций, питаемом приходом в науку новыми учеными из разночинцев [24, с. 481–502]. Одновременно происходило организационное становление церковной периодики, которая также получила значительную автономию и чаще стала публиковать церковно-исторические труды [16, с. 35–36].

Реформирование многих социальных сфер и либерализация общественных отношений проявились, в частности, в утверждении автономистского Университетского устава 1863 г. и сделанного по его аналогии Устава духовных академий 1869 г., которые стимулиро-

вали критические искания в науке. Согласно последнему в академиях, например, расширились права светской профессуры и белого духовенства, была учреждена специализация по церковно-историческому отделению, стали практиковаться публичные защиты диссертаций и др. [21, с. 181–231]. Подготовленное в таких условиях новое поколение духовно-академических историков гибче относилось к богословским шаблонам и стремились учесть происходящие социальные и научные перемены. Наряду с введением нового Устава, этому способствовали церковные реформы 1860-х гг., разрушившие сословную замкнутость духовенства, разрешившие семинаристам поступать в университеты, а гимназистам в духовные академии [18, с. 439–517].

Характерные для данной эпохи столкновения старого с новым можно увидеть и при обращении к группе монографий, затрагивавших «Западно-русскую» унионную проблематику. В русле работ данного рода в 1870-х гг. начинают выделяться ортодоксально-традиционная и относительно скептическая линии развития. Первая, обеспечившая инерцию антипольских идей М. О. Кояловича и активной деполонизаторской политики 1860-х гг., составлялась трудами, вышедшими из официальных петербургских и киевских кругов: консервативного профессора Киевской духовной академии (далее — КДА), белорусского происхождения И. И. Малышевского; ученика теоретика «западно-руссизма» и профессора Петербургской духовной академии Кояловича, протоиерея, также белоруса А. П. Демьяновича; автора монархического катковского журнала И. Сливовца, а также непрофессионального историка, знаменитого обер-прокурора Д. А. Толстого. Их общей чертой было рассмотрение унии в контексте преувеличенного прозелитизма Ватикана — и особенно — иезуитов, «ополячивавших» «знатнейшие литворусские роды» и погубивших Польское государство [22, с. 210–216].

Вторая линия работ была образована малороссийскими авторами: выпускником КДА С. А. Терновским, на тот момент независимыми от вузовских центров историком Н. И. Костомаровым и ученым литератором П. А. Кулишом. Критицизму последних двух исследователей содействовало их непосредственное участие в украинофильском общественном движении, которое при определенном попустительстве властей в конце 60-х-первой половине 70-х гг. переживало подъем. Интересно, что в данное время к этой же линии можно причислить и консервативного впоследствии исследователя, а тогда молодого выпускника КДА С. Т. Голубева, который хотя и не принадлежал к украинофильским организациям, но как молодой ученый не был чужд веяниям времени.

Скепсис этих исследователей был достаточно осторожным (более отчетливо выражен он у П. А. Кулиша)

заклучался лишь в стремлении распространить принятые научные обобщения на явления одного порядка или наоборот внести уточнения в некоторые расхожие мнения (например, они стали прямо говорить: о подверженности польской цивилизации всей русинской знати, не исключая считавшегося «святопамятным» князя Острожского [10, с. 26], о пропольских симпатиях малороссийской иерархии в силу шляхетского происхождения [3], о несоответствии фактов беспринципных жестокостей и грабежей казаков утверждениям о них как защитниках святой православной веры [13, с. 111]). Причем из этнографических построений (относительно будущего малороссов в польском государстве) начинает выделяться ментальный фактор, включающий понимание разными социальными группами сути католицизма, православия и унии [10, с. 24]. Характерно, что, например, П. А. Кулиш как автор 1870-х гг. при этом высказывал соображения об образцовости научного метода естествознания, необходимости расширения критики в исторических трудах, упоминал в тексте науку социологию и поддерживал идеи О. Конта [13, с. 371].

Обозначенных консервативной и скептической линий в специальных исследованиях по проблеме унии того времени отчетливо выделить нельзя, однако внутри работ светского киевского историка, украинофила В. Б. Антоновича, церковных историков киевской академии Н. И. Петрова и петербургской — Ю. Ф. Крачковского также наблюдалось характерное сочетание традиционной (основной) и новаторской (дополнительной) компонент. Так, придерживаясь общепринятого православного понимания унии как «переходного» польско-римского проекта, эти историки не допускали, характерных прежде для М. О. Кояловича публицистических антипольских заявлений. Развитие исследовательской мысли проявилось также в стремлении этих авторов расширить документальную базу, усовершенствовать критику источника и аналитику событий. Например, Петров и Крачковский, воздавая должное М. О. Кояловичу как первому исследователю униатства, не соглашались с его методом использования поздних источников для изучения ранних периодов [17, с. 428–430]. Кроме того, и Крачковский, и Антонович, как и более скептически настроенные малороссийские ученые, стали касаться ментального и восприимчивого элемента истории униатского феномена.

Переходя к обозрению некоторых частных выводов этих авторов, отметим, что В. Б. Антонович, на польском законодательном материале в начале 70-х гг. проанализировал правовое положение русинского православия в период униатизации оставшихся в Речи Посполитой православных епархий (вторая половина XVII–XVIII вв.). Историк сделал важное заключение, что религиозная борьба против поддерживаемой польским законом уни-

атской иерархии в глазах «южно-русского народа» была легальной, поскольку епископы, тайно согласившись на унию, нарушили православное «начало соборности» [1, с. 282]. Тезис о столкновении католического принципа единоначалия иерархии и соборных усилий православных мирян станет впоследствии важной частью концептуальной модели Брестской унии ученика Антоновича, О. И. Левицкого, который впервые попытается сформулировать альтернативное понимание проблемы [14, с. 74].

В. Б. Антонович подметил также другой психо-эмоциональный момент: «южно-русское» шляхетство окончательно предало «завет предков» и перешло в католичество, когда казаки задели их родовую гордость, предъявив свои претензии на дворянские права [1, с. 284].

Систематизируя причины скорой «латинизации» униатской церкви Антонович указывал молодость, несамостоятельность и эклектичность ее учения [1, с. 336]. Тогда как русинское православие поддерживалось религиозной стойкостью крестьянства, заступничеством России, и «внутренним разложением шляхетского общества», вызвавшим падение Польского государства и исчезновение унии как «ненужного» «политического орудия» [1, с. 331].

Примечательно, что в эпоху перемен церковный историк литературы Петров занялся анализом развития внутренней жизни и организации базилианского монашества — ключевого органа униатской церкви, — первую небольшую статью о котором написал знаменитый «западно-руссист» Коялович [11].

Привлекая новые архивные документы, историк подошел к теме шире предшественника, прослеживая не только географическое расширение ордена и окатоличивание его обряда, но также анализируя его организационную структуру и столкновения ордена с митрополитами, которые «не раз поднимали на него свою властную руку» [17, с. 343–380].

Выпускник Петербургской академии, ученик М. О. Кояловича и также белорус и «западно-руссист» Ю. Ф. Крачковский, следуя за схемой своего учителя и предшественника, сужает его предмет, сосредоточившись на исследовании истории рутенской униатской церкви. Оригинальность его подхода воплотилась, например, в реконструкции идей, упорядочивании представлений епископов-заговорщиков о форме замышляемой ими униатской церкви [12, с. 7–22], их субъективных оценок православных церковных братств или взбунтовавшихся «хлопов» [12, с. 51].

Отталкиваясь от современных наблюдений Н. И. Костомарова цивилизационном влиянии польского уклада на русинский господствующий класс, он еще

до П. А. Кулиша отмечал, что ослабленное «окаатоличиванием» шляхты русинское общество было вынуждено призвать на защиту веры таких людей, «каковы были Козаки» [12, с. 40].

Ю. Ф. Крачковский, создававший свое исследование в пореформенной России, особо останавливался на реформировании униатской церкви, предпринятом митрополитом И. В. Рутским в первой трети XVII в. Показывая, что к началу преобразований его вынудил кадровый кризис в среде униатского духовенства, историк сделал заключение, что после создания базилианского ордена, получившего монопольное положение, все другие реформы по усилению и улучшению кадров белого духовенства оказались невозможны [12, с. 80–118], и, напротив, заставили орденное начальство заняться обеспечением своей независимости от униатской иерархии [12, с. 127–141].

Вместе с тем, по его мнению, именно благодаря ордену, с которым со второй половины XVII столетия отождествлялась униатская церковь, последней удалось выдержать трудный период царствования Владислава IV и казацких войн [12, с. 142]. Хотя историк подчеркивал,

что в своей сущности орден всегда был католическим и сохранял православные обряды только пока занимался подчинением всех униатских монастырей [12, с. 78], а затем приступил к «исправлению поврежденной церковной обрядности» в направлении католицизма [12, с. 150].

Подытоживая сказанное выше можно констатировать, что в пореформенные 1870-е гг. в недрах внешне единой православной историографии Брестской унии происходил переход, если не к надконфессиональному изучению проблемы, то к углублению и объективированию исследования той части унионной проблематики, которая допускалась официальным отношением российских властей и РПЦ к сущности униатства. Этот переход, помимо снижения политизированности и расширения круга используемых источников, заключался в сочетании прагматических, схоластических и полупозитивистских методик, обосновании православной концепции и появлении корректировавших ее сведений и заключений, традиционной тематики иеуитского миссионерства и начальной постановки вопросов о степени самостоятельности униатской церкви и понимании «унии» русинами из разных общественных страт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонович В. Б. Очерк состояния православной церкви в Юго-западной России с половины XVII до конца XVIII столетия // Антонович В. Б. Монографии по истории Западной России. Т. I. К., 1885. С. 351.
2. Воспоминания Е. Е. Голубинского. Кострома, 1923. С. 73.
3. Голубев С. Т. Петр Могила и Исаия Копинский: Вступление Петра Могилы на Киевскую митрополию и его отношение к Исаею Копинскому // Православное обозрение. 1874. С. 57.
4. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1881. С. 968.
5. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Изд. второе, испр. и доп. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2 (209). Кн. 3 (210). М., 1904. С. 926.
6. Дмитриев М. В. Генезис Брестской унии в историографии // Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом. М., 2003. С. 319.
7. Дмитриев М. В. Основные проблемы истории Киевской митрополии в 1-й половине XVII в. // Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 833.
8. Елисеев А. Б. Православная церковь и упразднение Греко-католической церкви в Западной Украине (русская историография проблемы) // Макариевские чтения: материалы четвертой международной конференции (21–22 ноября 2005 года) / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2005. С. 172–176.
9. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 213.
10. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях. . . Т. 2. М., 1997. С. 764.
11. Коялович М. О. История базилианского ордена // Христианское чтение. 1864. С. 452.
12. Крачковский Ю. Ф. Чтения в Обществе истории и древностей российских [далее — ЧОИДР]. 1871. Кн. 1. С. 715.
13. Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 1. СПб., 1874. С. 363.
14. Левицкий О. Внутреннее состояние западно-русской церкви в конце XVI в. и уния. К., 1884. С. 295.
15. Михальченко С. И. Киевская школа в русской историографии (школа западно-русского права). М., Брянск, 1996. С. 186.
16. Нетужилов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX–начала XX веков: историко-типологический анализ: автореф. дисс. . . д-ра филол. наук. СПб., 2010. С. 52.
17. Петров Н. И. Очерк истории базилианского ордена в бывшей Польше. Ч. I. // Труды Киевской духовной академии [далее — ТКДА]. 1870. № 5. С. 428–494.
18. Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих Реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х гг.). М., 1999. С. 567.
19. Солнцев Н. И. Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII–XIX веков: дисс. . . д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009. С. 662.
20. Соловьёв И. Профессор П. В. Знаменский как историк Русской Церкви // История Русской Церкви (Профессор Знаменский П. В.). М., 2000. С. 3–9.
21. Сухова Н. Ю. Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века: дисс. . . канд. ист. наук. М., 2007. С. 421.

22. Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Т. I. СПб., 1876. С. 537
23. Ульяновский В., Панчук О. Микола Петров: портрет у часовій перспективі та різних інтер'єрах // Петров М. Скрижалі пам'яті. К., 2003. С. 336.
24. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 761.
25. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 420.
26. Толстой М. В. Рассказы из Истории русской церкви. (Изд. 1-е — 1870). Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991. [Электронный ресурс]: <http://www.magister.msk.ru/library/bible/history/tolstm01.htm> Дата обращения: 04.2010. Доступ свободный.
27. Щеглов Г. Э. Иван Игнатьевич Малышевский. [Электронный ресурс]: http://minds.by/seminary/znam_vipusniki/malishevskiy.html Дата обращения: 04.2010. Доступ свободный.

© Вивчар Василий Михайлович (vvivchar@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омская духовная семинария

ИСЛАМ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ 1970-Х — СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ АССР И УЗБЕКСКОЙ ССР)

ISLAM IN THE SOVIET STATE AT THE END OF THE 1970S IS THE MIDDLE OF THE 1980TH YEARS. (ON THE EXAMPLE OF THE TATAR ASSR AND UZBEK SSR)

**R. Ibragimov
Ch. Samatova**

Summary. The article is devoted to the peculiarities of the functioning of Muslim associations in the USSR in the late 1970s and the mid-1980s, before fundamental changes in Soviet society began in the framework of the policy of perestroika. The authors, based on materials on the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic and the Uzbek SSR, revealed common and specific features in the position of Islam in this period in the «internal» regions of the country and in the Central Asian region. The factors that determined the specifics of the period in the framework of the investigated problem are shown. The tendencies that took place within the Muslim associations, as well as the forms and methods of implementing the state policy regarding religion, are considered.

Keywords: The Soviet state, Islam, atheism, Council for affairs of religions at Council of ministers of the USSR, Tatar the ASSR, the Uzbek SSR.

Ибрагимов Руслан Рустамович

*К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; В.н.с., Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Татарстана (г. Казань)
rus-ibr@inbox.ru*

Саматова Чулпан Хамитовна

*К.и.н., доцент, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
chulpan-samatova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования мусульманских объединений в СССР в конце 1970-х — середине 1980-х гг., до начала кардинальных перемен в советском обществе в рамках политики перестройки. Авторы, основываясь на материалах по Татарской АССР и Узбекской ССР, выявили общие и специфические черты в положении ислама в указанный период во «внутренних» областях страны и в среднеазиатском регионе. Показаны факторы обусловившие специфику периода в рамках исследуемой проблемы. Рассмотрены тенденции, происходившие внутри мусульманских объединений, а также формы и методы реализации политики государства в отношении религии.

Ключевые слова: Советское государство, ислам, атеизм, Совет по делам религий при Совете Министров СССР, Татарская АССР, Узбекская ССР.

Государственно-конфессиональные отношения в советском обществе определялись атеистическим характером Советского государства. На всём протяжении его истории власть рассматривала религию исключительно с точки зрения её скорого и неизбежного «вымирания» (исключение составляют лишь последние 3–4 года истории СССР, когда в рамках политики перестройки отношение власти к религии кардинально изменилось). В этой связи политика государства в отношении религии в основном сводилась к массовой атеистической пропаганде, жёсткому контролю над верующими и духовенством, применением в их отношении административных, а иногда и репрессивных мер воздействия. В то же время, было бы ошибочно думать, что политика советской правящей элиты была абсолютно однообразна и не допускала никаких корректировок. Иногда, внешнеполитические обстоятельства ставили власть перед необходимостью варьировать методы в своей политике в отношении религии в целом или отдельных конфессий, разумеется, с сохранением «генеральной линии» советской власти в данном вопросе.

С этой точки зрения особым периодом являются 1980-е гг., время, когда в конце 1979 г. после ввода советских войск в Афганистан, пошатнулся авторитет СССР в исламском мире. Руководство страны оказалось в ситуации, при которой с одной стороны, было необходимо восстановить позиции в мусульманском мире, с другой — не допустить усиления влияния ислама и его радикализации внутри страны.

В этой связи представляется интересным исследование отношений власти и мусульман в указанный период в таких регионах как Татарская АССР и Узбекская ССР. В обоих регионах ислам имеет давние традиции, но различия географического месторасположения (условно, Татарская АССР являлась внутренним регионом СССР, Узбекская ССР находилась на южной окраине страны и имела внешнюю границу с Афганистаном), этно- и социокультурные отличия, обусловили определённое своеобразие в восприятии исламских ценностей среди жителей данных регионов.

В Советском государстве верующие и духовенство всех конфессий осуществляли свою религиозную деятельность в соответствии с советским законодательством о культах. Оно юридически закрепило за властями право на тотальный контроль и вмешательство во внутренние дела религиозных объединений, определив при этом механизмы осуществления указанных действий [2, с. 10–24]. Массовые антирелигиозные кампании в довоенный период нанесли мощный удар по религиозным объединениям страны и поставили их на грань выживания. Ситуация для верующих и духовенства поменялась в несколько лучшую сторону в годы Великой Отечественной войны, что было вызвано в первую очередь необходимостью консолидации всего общества перед внешней угрозой [11, с. 21]. В этой связи власти пошли на определённые уступки. Так, в 1943 г., в дополнение к действующему Центральному духовному управлению мусульман (с центром в г. Уфе), были образованы ещё три духовных управления мусульман — Северного Кавказа (в Буйнакске), Закавказья (Баку), а также Средней Азии и Казахстана (Ташкент).

По мнению А. В. Малашенко, среди перечисленных духовных управлений мусульман статус неформального лидера приобрело Среднеазиатское духовное управление, в ведении которого находилось единственное на территории СССР высшее мусульманское учебное заведение — медресе Мир-Араб (г. Бухара) [5, с. 58]. Примечательно, что также на территории Узбекской ССР, а именно в Ташкенте, по инициативе председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана Зияуддинхана ибн Эшона Бабахана в 1970 г. были организованы курсы повышения квалификации имамов-хатибов, которые в 1971 г. были преобразованы в Высший исламский ма'хад (с 1991 г. Ташкентский исламский институт имени Имама Бухари). Таким образом, Узбекская ССР стала центром мусульманского образования СССР.

В начале 1980-х гг., в среднеазиатском и кавказском регионах СССР, стали проявляться негативные отголоски ввода советских войск в Афганистан. Так, в отчёте Совета по делам религий при Совете Министров СССР о состоянии ислама в СССР за 1982 г., говорилось, что «...наиболее реакционная часть незарегистрированного духовенства (к которой можно отнести более 200 потомков ишанов, действующих в Средней Азии, руководителей около 400 мюридских братств, функционирующих в республиках Северного Кавказа...) подстрекает население отказываться от службы в Советской Армии, запрещает своим детям вступать в пионеры и комсомол, размножает и распространяет материалы зарубежных радиостанций..., разжигает религиозный фанатизм» [3, с. 425]. Действительно, влияние «афганского фактора» в республиках Средней Азии порой принимало крайние формы. Так, задержанный в Таджикской ССР неофициально действовавший мулла Н. Иноятов, с группой других мусульман распро-

странял фетву, в которой говорилось: «Советских солдат, погибших в Афганистане нельзя хоронить по шариату, так как они воевали против истинных мусульман Афганистана» [3, с. 428].

В этой связи власть оказалась в двойственной ситуации: с одной стороны продолжалась дальнейшая борьба с религиозными проявлениями, в том числе и мусульманскими, с другой — для противодействия вышеописанным действиям нелегальных мулл, приходилось корректировать тактику. Так, в сентябре 1983 г. председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедов в письме председателю Совета Министров Узбекской ССР Н. Д. Худайбердыеву, говорил о необходимости увеличить подготовку лояльного к советской власти мусульманского духовенства в медресе Мир-Араб и Высшем исламском ма'хаде, напрямую увязав это с необходимостью борьбы с усилившимся влиянием «реакционных» мулл [1, л.91].

Примечательно, что в конце 1970-х гг. о нехватке образованных мулл говорили и власти Татарской АССР, но по другой причине. Дело в том, что мечеть Марджани г. Казани, являлась местом демонстрации властями «религиозной свободы в СССР» и её посещали многие делегации из мусульманских стран. Для их приёма были необходимы муллы имевшие полноценное богословское образование, а таковых было крайне мало. Именно на это указывал уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР, говоря что «... в ТАССР кроме Тазеева Т. С. (т.е. Талгата Таджуддина, впоследствии муфтия ДУМЕС и Верховного муфтия России) нет имамов, окончивших медресе, а объем работы по приёму иностранных мусульманских делегаций не только возрастает, но и настоятельно требует дальнейшего улучшения этого дела...» [5, л.10].

Что касается положения ислама во «внутренних» регионах СССР в целом, то, к примеру, в документах уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР (к нему стекалась вся информация о состоянии дел в религиозной сфере в республике), нет материалов, которые бы свидетельствовали о радикальных проявлениях в умме республики. В то же время, в рассматриваемый период в ТАССР отмечалось усиление влияния религии в целом и ислама в том числе.

Одной из характерных черт положения ислама в Татарской АССР в первой половине 1980-х гг. стало усиление роли женщин в жизни мусульманских объединений. В частности, в мечети Марджани на пятничных намазах присутствовало до 200 женщин. Учитывая, что в татарском обществе именно им принадлежала главная роль в воспитании детей, распространение среди женщин религиозного мировоззрения трудно переоценить, так как

именно в семье осуществлялась «передача» духовных ценностей ислама от старшего поколения к подрастающему. По данным социологических исследований, проведённых в Татарской АССР в середине 1980-х гг., 80% мусульман получили религиозное воспитание именно в семье [8, л. 13].

В первой половине 1980-х гг. органы власти Татарской АССР вынуждены были признать участвовавшие факты посещения мечетей верующими из числа рабочих и интеллигенции в возрасте 30–40 лет. Нередко среди них встречались даже комсомольцы и коммунисты. В некоторых случаях члены КПСС являлись активистами религиозных объединений. К примеру, в 1970-е — 1980-е годы мусульманскую общину г. Набережные Челны возглавлял коммунист М. Шакиров; член КПСС Н. Исламов состоял в руководстве казанской мечети Марджани [6, л. 92]. Впоследствии все они лишились членства в КПСС.

Схожее положение наблюдалось и в Узбекской ССР, где местные власти были вынуждены констатировать факт усиления и расширения религиозного влияния среди коренного населения Узбекистана [9, с. 167].

В 1970-х — 1980-х гг. несколько изменился подход власти в отношении религиозных объединений, действовавших на нелегальной основе, но функционировавших уже давно и имевших постоянный состав верующих. Если ранее, в их отношении действовали директивы о немедленном прекращении незаконной религиозной деятельности, то позднее подобные действия были признаны неэффективными и нецелесообразными [7, л. 57]. Во-первых, спустя некоторое время, после разовых административных мер, нелегальные религиозные объединения воз-

обновляли свою деятельность; во-вторых, создавались многочисленные прецеденты о возможности сравнительно безнаказанного нарушения законов; и в третьих, неофициальный характер функционирования религиозных общин, затруднял для власти контроль над их деятельностью. К тому же, после появления «афганского фактора», именно в нелегально действовавших мусульманских объединениях Средней Азии и Кавказа стали заметны признаки радикализации ислама.

В свете таких обстоятельств, в конце 1970-х — начале 1980-х гг., власти пошли на регистрацию подобных религиозных объединений, при условии их полной и безоговорочной лояльности к советскому политическому режиму. Так, в период с 1980 по 1983 гг. в Татарской АССР получили возможность функционировать легально четыре мусульманских объединения (за этот же период в органах власти были зарегистрированы два объединения Русской православной церкви).

Таким образом, анализ ситуации по материалам Татарской АССР и Узбекской ССР позволил увидеть общее и особенное в положении ислама во внутренних регионах страны и в среднеазиатском регионе в 1980-е гг. Специфика положения мусульманской уммы Средней Азии в рассматриваемый период, во многом определялась негативным восприятием определённой частью мусульман региона ввода советских войск в Афганистан и в этой связи опасением властей появления в данном регионе антисоветских настроений. Общим трендом для двух регионов стало более прагматичное и рациональное отношение власти к мусульманскому образованию, а также придание официального статуса некоторым ранее нелегально действовавшим мусульманским объединениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 2491.
2. Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. — М., 1971. 356 с.
3. Ислам и советское государство (1944–1990): сборник документов. Вып. 3. Сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. М.: Изд. дом Марджани, 2011. 582 с.
4. Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. 222 с.
5. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 93.
6. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 8. Д. 1275 г.
7. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 12. Д. 241.
8. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. Д. 401.
9. Шигабдинов Р. Н. Особенности функционирования религиозных объединений Узбекистана в советский период // Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: Материалы Международной научной конференции, Казань, 23–24 мая 2013 г. / составитель и отв. ред. Р. А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2013. 410 с.
10. Якунин В. Н. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография и источниковедение проблемы. Самара, 2002. 168 с.

ПРОПОВЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА (1946–1953 ГГ.)

PREACHING ACTIVITY OF THE ORTHODOX CLERGY POSTWAR PERIOD (1946–1953)

V. Kalashnik

Summary. The article analyzes the preaching activity of the Orthodox clergy in the post-war period. The main purpose of the article is to determine the nature and types of sermons. By means of the comparative-analytical method of research, the author managed to analyze the published texts of the Church sermons published mainly on the pages of the Journal of the Moscow Patriarchate for 1946–1953, and also to reveal their character. The necessity of the study of preaching as an object of study for historical science. Based on the specifics of the types and genres of homiletic works of the clergy, this or that sermon should have been as clear and accessible as possible to explain the gospel stories, which had instructive, explanatory, religious-philosophical, descriptive-narrative coloring. Some sermons were political in character. In conclusion, the author comes to the conclusion that the preaching activity of the clergy in the post-war period was the only legal form of «religious propaganda».

Keywords: Russian Orthodox Church; preaching activity; clergy; religion; Orthodoxy; propaganda; homiletics; Journal of the Moscow Patriarchate; Siberia; atheism.

Калашник Вячеслав Валерьевич

Аспирант, Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
kalashnik-1988@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется проповедническая деятельность православного духовенства в послевоенный период. Основной целью статьи является определение характера и видов проповедей. Посредством сравнительно-аналитического метода исследования, автору удалось проанализировать опубликованные тексты церковных проповедей, опубликованных преимущественно на страницах Журнала Московской Патриархии за 1946–1953 гг., а также выявить их характер. Обосновывается необходимость изучения проповедничества как предмета исследования для исторической науки. Исходя, из специфики типов и жанров гомилетических произведений священнослужителей та или иная проповедь должна была по возможности понятно и доступно объяснять евангельские сюжеты, которые имели назидательную, разъяснительную, религиозно-философскую, описательно-повествовательную окраску. Некоторые проповеди имели политический подтекст. В заключении, автор приходит к выводу, что проповедническая деятельность духовенства в послевоенный период являлась единственной легальной формой «религиозной пропаганды».

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; проповедническая деятельность; духовенство; религия; православие; пропаганда; гомилетика; Журнал Московской Патриархии; Сибирь; атеизм.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования обуславливается тем, что на современном этапе развития отечественной исторической науки, исследователи, занимающиеся вопросами церковной истории, начинают всё чаще обращаться к церковной истории советского периода, в котором многие вопросы уже изучены, а некоторые из них, как например, тема проповедничества в условиях советского атеистического строя, представляют особый интерес.

Изучение проповеднической деятельности применительно к исторической науке поможет определить особенности внутрицерковной жизни православного духовенства в условиях советской атеистической системы в течение первых послевоенных лет, а также выявить роль и значение проповедничества в деятельности духовенства как способа «религиозного просвещения» населения. Следует отметить, что одними из особенностей внутрицерковной жизни было

произнесение проповедей. По нашему мнению проповедничество являлось единственной формой открытого (законного) влияния на сознание верующих, что во многом объяснялось общими изменениями в статусе не только священнослужителей после войны, но и Русской Православной Церкви (РПЦ) в целом. Это, прежде всего, связано с изменением правового статуса Церкви, благодаря которому Русская православная церковь получила статус юридического лица, хотя и в ограниченной форме. Данный фактор способствовал возрождению не только её структурной организации, материально-финансовой базы приходов, но и возможности беспрепятственно произносить проповеди в действующих храмах. Роль и значение проповеднической деятельности православного духовенства огромны, так как именно благодаря проповедничеству Церковь способствовала духовному единению граждан (верующих), выполняя тем самым свою социальную функцию в советском обществе. Материал данного исследования может быть использован при составлении опорных лекций по истории РПЦ середины XX века, а также по курсу «Религиоведение».

Литературный обзор

В советской литературе по понятным идеологическим мотивам проповедническая деятельность не только не изучалась, но и даже не являлась предметом тщательного историко-теологического исследования. Проповедничество как исследовательское поле в современной российской историографии занимает одно из важных и актуальных направлений в отечественной исторической науке. Научные исследования, опубликованные за последние 8 лет, следует разделить на несколько групп:

Для первой группы характерны работы, в которых анализируется проповедническая деятельность православного причта в епархиях Среднего Поволжья и Северной Осетии, выявляются количественные и качественные особенности «информационно-просветительской работы» священнослужителей, определяются формы проповедей. Для исследований первой группы, также характерны изучение таких аспектов, как: анализ основных способов пастырского учительства (беседы, поучения и др.), являющихся важными составными элементами проповеднической деятельности [6; 17, с. 38–39; 18, с. 71–74; 75, с. 50–54].

Вторая группа отмечена работами, в которых анализируются особенности проповеднической деятельности православного духовенства в начале XX века. Особое внимание уделено проповеднической деятельности духовенства в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.), анализу проповедей как средству урегулирования социально-политической обстановки в России в годы Первой Русской революции (1905–1907 гг.), а также проповеднической деятельности духовенства в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) [4, с. 232–234; 69, с. 157–159; 72].

Третья группа представлена исследованиями, посвящённые проповеднической деятельности православного духовенства во время социально-политического кризиса в России в 1917–1920 гг. Проанализирована деятельность осведомительных отделов при православных благочиниях, проповедническая деятельность духовенства, сводившаяся к агитации и сбору сведений о партизанах. Исследован вопрос об организации проповеднических отрядов в Сибирской армии адмирала А. В. Колчака [66–67; 68, с. 10–11].

Четвёртая группа публикаций представлена работами, в которых даётся подробный анализ проповеднической деятельности епископа Белгородского (впоследствии архиепископа Курского и Обоянского) Онуфрия (Гагалаюка), рассмотрена и изучена тематика проповедей, а также различные религиозно-философские толко-

вания епископа Онуфрия относительно Церкви, смысла жизни, религии. Определены характер и типология проповедей и публицистических материалов священнослужителей РПЦ в годы Великой Отечественной войны [10, с. 74–78; 12, с. 40–50; 13, с. 67–74; 71, с. 65–71].

Пятая группа публикаций, завершающая данный историографический обзор представлена работами историков, основное внимание которых, уделено источникам и методам контроля над проповеднической деятельностью православного духовенства со стороны уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви (далее СД РПЦ/религий) [15; 19; 70, с. 263–273].

Материалы и методы

Основной источниковой базой данного исследования является Журнал Московской Патриархии (далее ЖМП), на страницах которого опубликованы множество проповедей, а также сборник писем, статей, посланий, проповедей митрополита (впоследствии патриарха) Алексия. Для анализа проповедей сибирского духовенства (Омска, Новосибирска и Кемерово) были использованы архивные документы, имеющиеся в нашем распоряжении: фонды уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР (фонды №№ 1418 и 2603), а также материалы Кемеровского Обкома КПСС (фонд П-75). В исследовании применяется сравнительно-аналитический метод. Применение данного метода позволило выявить жанровую классификацию проповедей.

Результаты (Results)

Проповедническая деятельность в первые послевоенные годы была представлена проповедями различного характера и жанра, тематика, которой, в отличие от военного периода, в течение которого была отмечена только проповедями патриотического и философско-теологического характера [13, с. 67–74], стала более обширнее как по объёму, так и по содержанию. Как отмечает Н. С. Сапелкин, «общей чертой всех проповедей православного духовенства является призыв к укреплению пошатнувшейся веры» [73, с. 111]. Основными задачами православного проповедника являлись:

1. Составление наставлений о соответствии учению Евангелия;
2. Составление наставлений о свободе совести и об отделении церкви от государства, о братстве и дружбе народов, о господстве труда, о равноправии женщин [73, с. 110].

Как отмечает Л. И. Сосковец, «священники в своих проповедях призывали верующих соблюдать религиоз-

ные праздники и обряды, чаще посещать храмы, каяться в грехах» [74, с. 185]. При этом самыми «ходовыми» проповедями являлись проповеди христианской любви, добросовестного труда, борьбы с мирскими соблазнами [Там же].

На основе материала, которым мы располагаем, все проповеди можно разделить на следующие группы:

1. Разъяснительно-назидательного характера;
2. Описательно-повествовательного характера;
3. Историко-философского характера;
4. Биографического характера;
5. Разъяснительно-философского характера;
6. Беседы.

Для первой группы проповедей характерно краткое описание жизненного пути Девы Марии. Проповедник высказывает концепцию «Матери-одигитрии», в которую вкладывается ортодоксальная интерпретация Богоматери как не только матери Христа, но и всего христианского мира как «путеводительницы на Небо, которая спасает от бедствий, утешает в скорбях...» [43, с. 27]. Большую часть проповедей данной группы составляет прославление иконы Божией Матери как защитницы и покровительницы Руси. Подчёркивается историческая преемственность и роль, которую сыграла икона в ключевых событиях в истории России, связанная освобождением Руси от татаро-монгольского ига, шведской и польской оккупации, Наполеона и Гитлера. В проповеди с философской точки зрения, митрополит Николай разъясняет такие понятия, как: «жизнь», «вера», «надежда», «любовь». С точки зрения проповедника, жизнь — «это море, волнуемое ветрами бурь и непогоды», вера выступает как нравственный ориентир, который «ведёт каждого из нас к тихим берегам вечной жизни», «надежда — огни маяка вечной жизни, это сияние прекрасного горного Иерусалима..., надежда — это первая и основная добродетель истинного последователя Христова...» [Там же]. Наряду с разъяснительным характером проповедей, имеется и назидательная часть, которая заключается в наставлении священнослужителя своей паствы, а именно «жить верой, укрепляться надеждой, гореть любовью, смирать себя покаянием» [Там же].

Предпринимается попытка раскрытия сути «священных ночей»: Рождественской и Светлого Христова Воскресенья. Приведём примеры: «в первую из них совершилась величайшая тайна явления на земле Сына Божия. Это было началом подвига Богочеловека на земле. В пасхальную ночь — Церковь прославляет искупительный подвиг Богочеловека». Кроме того, раскрывается сущность смирения, которое заключается в духовном росте человека, а также осознания греховности перед Богом. Для проповеди данного типа характерен образно-смысловой контекст: в таких проповедях мы можем

обнаружить такие словосочетания, как «блудный Вавилон», «развратный Рим», которые в свою очередь служат лишь аллегорическими приёмами при раскрытии темы проповеди. Концепция проповеди заключается в том, что «новая жизнь» обязана рождению Христа, а также самой сути Рождественской ночи и ночи Светлого Христова Воскресенья, после которой начался новый этап существования христианской цивилизации, что подтверждается и текстом проповеди: «по новому стала работать мысль человека, уже христианская мысль, и стала развиваться новая культура, уже христианская культура, взамен одряхлевшей языческой» [44, с. 18–21].

Особое внимание уделено разъяснению понятия «радость». Важной особенностью является объяснение деструктивной сущности греха как отсутствия радости, прежде всего, духовного порядка. Для объяснения тех или иных вопросов, проповедник нередко использовал в своих проповедях чёткие и понятные примеры, что позволяло верующим вникнуть не только в суть произносимых проповедей, но и определить их главное значение [50, с. 20–23]. Например, произносятся проповедь, посвящённая Виленским мученикам: Антонию, Иоанну и Евстафию [39, с. 21–23] и высоко оценивая мученический подвиг Виленских святых, проповедник разъясняет истинные цели их подвига: «Они умирали за Христа, они умирали ради священной цели земной жизни — спасения бессмертной души. Они в своём мученическом подвиге проявили добродетели христианской жизни. Их воодушевляла вера в Небесного Отца, надежда на его милосердие и любовь ко Христу» [39, с. 21]. В проповеди сделан большой акцент на прославлении святых мучеников через построение структурно-образной модели мышления проповедника, что позволяет сформировать ему образ мучеников как «носителей высочайшего подвига и нетленной духовной красоты» [39, с. 22]. В некоторых проповедях затрагиваются проблема роли и значения Русской Православной Церкви, а также раскрывается проблематика «двуединой Церкви», т.е. земной и небесной [65, с. 24–26]. По мысли проповедника основная роль Церкви заключается в её призывной функции: «звать к покаянию, будить дремлющую греховную совесть человека, удерживая от уныния и отчаяния, молиться и призывать на Божие благоволение». Раскрывая проблематику «двуединой Церкви» проповедник раскрывает не только её двойственную природу, но и активно прибегает к формированию образов [64, с. 25]. Образ Церкви представлен как «мать, крепко и с любовью обнимающая нас своими материнскими объятиями...». Этот образный приём применяется также и для объяснения сути Таинства Крещения и для характеристики православных храмов в целом: «крещение — это наше духовное рождение; через него мы входим в ограду Святой Церкви», «храмы — места духовного отдыха и благодатного подкрепления» [63, с. 24, 26].

Митрополит Николай в своих проповедях уделяет также внимание объяснению значения Таинства Покаяния, которое начинается с духовного пробуждения, «с осознания своих грехов». При этом объяснения строятся на притче «о блудном сыне» [47, с. 28–31].

Особое внимание уделяется разъяснению сущности любви как духовно-нравственной категории: «любовь — это основа, на которой стоит весь мир, основа, на которой православные христиане совершают свой путь к жизни вечной, к своему вечному спасению». Приводится образ любви как «украшения христианской души» и её истинности, суть которой в смирении и кротости. Наряду с образно-смысловым конструктом любви в проповеди высоко оценена проповедническая деятельность апостолов Петра и Павла в деле распространения учения о агапе (любви) [25, с. 46–49]. Особое внимание в проповедях отводилось назиданию верующих. Такого рода назидания, как правило, строились на примере образа св. пророка Илии, а именно быть крепкими в вере и стойкими в своих религиозных убеждениях, несмотря на враждебность окружения. Следует также отметить, что проповедь митрополита Николая, на наш взгляд, имеет под собой определённые завуалированные параллели с советским атеистическим режимом. Учитывая переориентирование с 1948 г. Советского государства на позиции пересмотра «либерального курса» по отношению к Церкви, когда маховик новой антирелигиозной кампании стал вновь функционировать, данную проповедь можно считать назидательно-аллегорическим повествованием, в которой с учётом политкорректности советский строй заменён на иудейского царя Ахава, известного своим крайне отрицательным отношением к христианскому учению [62, с. 24–27].

На примере православных святых раскрывается значение истиной веры как «таланта, данного Богом», способы испытания веры посредством самоанализа (рефлексии) и наличия «духовных плодов» (положительных и отрицательных поступков) [20, с. 33–36]. Кроме этого, приводятся критерии духовности (любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость и воздержание) [20, с. 34–35].

Некоторые проповеди имеют также назидательный характер и написаны в форме пожеланий оставаться верными Богу православными христианами и не переставать заботиться о душе, любить храм как место «вознесения духа от земли к небу» [58, с. 52–56]. В таких проповедях затрагивается «проблема духа», или «проблема пути спасения человеческой души» Большое внимание уделяется притчам как способу конкретизации проповеднического изложения [36, с. 36–40]. С назидательных позиций конкретизируется необходимость веры в промысел Бога как в источник радости, утешения, духов-

ных сил и вдохновения на примере св. князя Александра Невского. Кроме того, в проповеди сформирован образ Бога как источника жизни и добра [48, с. 38–42]. Проповедь основывается на примерах св. апостолов Петра и Павла, о их молитвенной культуре или «молитвенной этики». На примере молитвенного подвига Павла, митрополит Николай стремится к поучению паствы молиться друг за друга, и приходит к выводу, что молитва — это «проявление нашей любви друг к другу: молитвой за ближнего и друг за друга мы совершаем дело любви, завещанное Богом...» [38, с. 33–37]. В определённых проповедях митрополитом Николаем был сделан акцент на необходимости соблюдения ветхозаветных заповедей, чтобы «приготовить себя к жизни будущего века», а также на «соблюдении божественной воли как способа духовного роста, проявления и обогащения духовной красоты» [32, с. 38–41].

На примерах благочестивых священников, монахов и апостолов в своих проповедях митрополит Николай формирует образ истинного христианина с ярко выраженными христианскими добродетелями: веры, сострадания, прощения и т.п., определяющие путь подвижничества и пустынночества, т.е. тот путь, которые избирают только избранные, истинные христиане, заботящиеся о соблюдении своей как внутренней, так и внешней чистоты [61, с. 30–32], раскрывает личность Божией Матери, как матери всего человечества, как источника силы покаяния и помощи в земных делах [42, с. 21–25], разъясняет сущность и внутреннее содержание Небесного Царства [64, с. 29–33]. Основным источником для данного рода проповедей было два Евангелия: от Иоанна и Матфея. Опираясь на эти евангелия, проповедник объясняет смысл общехристианского долга, раскрывает внутреннее содержание «Земного царства», его главную цель, формирует образ Церкви как хранилища Божественного откровения [63, с. 29, 32].

Следует также отметить, что для проповедей митрополита Николая характерно объяснение составных элементов «радостей веры» (радость покаяния, радость за совершение добрых дел и т.п.), а также её сила [49, с. 8–11], разъяснение предназначения священной обязанности христианина, заключающаяся в совершении добрых дел [49, с. 9, 11], объяснение смысла молитвы как средства духовного общения с Богом, раскрытие возможных путей воссоединения с Богом («Страстная седмица», духовное удовлетворение красотой природы как сотворённой части физического (материально-го) мира «Великим архитектором» (Богом)). Через свои проповеди проповедник призывает к внутреннему изменению, относительно вопроса о вере и праведности [24, с. 23–26], высказывает мысль о скоропостижности жизни, формирует образ земной жизни как источника или эссенции радости и счастья, посланного Богом, на-

чала вечного счастья, необходимости ценить жизнь. Для таких проповедей также характерно работа с образами. Например, в проповеди «Жизнь и смерть» формируется образ младенчества как примера ангелоподобия [31, с. 15–17]. На примере проповеди «Дары» разъясняется значение Божественной литургии, её внутренний и внешний смысл. Достаточно неоднозначно оценивается (в догматическом отношении) человеческая душа как «высшее создание после ангелов» [27, 10–14].

Тематика проповеднических текстов митрополита Николая довольно обширна. В ней проповедник стремится не только раскрыть смысл проповеди как способа «перерождения» души, как способа «утоления духовного голода» и «духовной жажды», но и раскрытие самой силы проповеди божественного учения. Так, например, на основе анализа проповедей Христа, апостолов и св. Иоанна Златоуста проповедник затрагивает вопрос о духовном аспекте проповеди, и вместе с тем формирует образ проповеди как способа изъяснения евангельских истин [54, с. 8–11]. В проповеди на примере «мученических актов» (сказаний о страданиях мучеников в первые века христианства) создаётся образ истинного православного христианина, в котором особо место занимает т.н. «Дух подвижничества». На этом примере проповедь призвана воодушевить верующих и следовать примеру мучеников, т.е. воспитывать в себе стойкость веры [34, с. 7–10]. Проповеди митрополита Николая содержат «живые» примеры терпения (на примере ап. Павла), сохранивший дух веры, когда подвергался унижениям, а также покаяния (на примере ап. Петра), который даже после прощения Христом, продолжал каяться в течение всей своей жизни [60, с. 30–33]. В некоторых проповедях не ставится конкретная цель определить или раскрыть смысл человеческого существования. В них только содержится призыв к уподоблению и приближению своей жизни примеру жизни Христа (отказаться от всего греховного), для того, чтобы соединить своё духовное начало с Богом [33, с. 22–26].

Примеры святости (Сергия Радонежского, Авраама), которые используются в проповедях, во многом служат способом раскрытия темы веры, силы патриотизма и силы человеческого духа. В таких проповедях священник призывает верующих стремиться к воспитанию подобных добродетелей [52, с. 22–25]. В проповеди разъясняется, что собою представляет «Нерукотворный храм», его сущность, перечислены достоинства христианской души. Кроме того, в проповеди объясняется смысл Таинства Крещения как способа освящения души Святым духом, а также Таинства Покаяния как способа воссоздания разрушенного грехами и пороками внутреннего «Нерукотворного храма» (души человека) [41, с. 21–25]. С целью назидания, на примере святых жён-мироносиц Марии Магдалины, Соломии и пр. проповедник раскры-

вает свидетельство большой веры и любви к Христу. Основной акцент в проповеди сделан на идее исповедничества как символа спасения, согласно христианскому учению [2, с. 159–160]. Идеализация стяжательства, труда и молитвы как символов крепости веры и силы духа православного человека обосновывается на примере жизни Преподобного Сергия Радонежского. Раскрывается психотип Преподобного как экстравертной личности: «Сам преподобный здесь трудился не только как игумен, но, как и рядовой инок, выполнявший разные монастырские работы на пользу живших с ним учеников...» [1, с. 161–162].

Ко второй группе проповедей можно отнести те, в которых кратко рассматриваются жития святых, почитаемых в РПЦ. В таких проповедях высоко оценивается проповедническая и просветительская деятельность св. Нины, игравшая важную роль в процессе христианизации Грузии в IV веке. Положительно оценивается такое явление как «юрродство», которое митрополит Николай называет «тяжёлым подвигом во имя Христа» [28, с. 13–16]. Следует также отметить, что важным элементом проповедей данной группы является оценочное суждение о христианстве как о унификационной модели построения и функционирования человеческого общества, наделённого равными правами и возможностями, при этом противопоставляя ему язычество как «тёмного времени», в котором «женщина не имела никаких прав в общественной и государственной жизни, когда она была унижена до того, что её не признавали за человека, приравнивая к домашнему скоту. В христианстве женщина поднята на небывалую высоту [28, с. 14–15]. Исходя из приведённой цитаты, можно предположить, что в проповеди митрополит Николай проводит определённые параллели с феминистическим движением глубокой древности, когда женщина благодаря Христу была наделена всеми правами наравне с мужчинами, стали полноправными членами человеческого общества.

Как и в проповедях предыдущей группы, проповеди второй группы содержат в себе множество образов. С помощью образов проповедник изъясняет суть Таинства Покаяния. Приведём некоторые примеры: образ грешника как некоего путника «заблудившегося в снежную ночь», пытавшийся найти путь к покаянию. Суть данного образа, как считает сам митрополит Николай, заключается в «радости прощения». Среди других образов следует назвать образ христианства как «религии света и духовных радостей». Образ же грехов и добродетелей в проповеди представлен в виде «лестницы» или «золотой и порочной цепи» соответственно. Кроме того, в проповеди подробно анализируются причины, по которым человек затрудняется прийти к покаянию. Среди таковых, автор проповеди называет: неумение осознать степень своего греха, невозможность понять его губи-

тельную силу, а также отсутствие сил вдохновения верой и надеждой на милосердие Бога [46, с. 38–41].

Описываются условия или своеобразные методы поиска, познания Бога, истины, которые можно условно разделить на условия духовного и психического порядка. К духовным относятся: разум, сердце, совесть. К психическим: скептицизм [9, с. 24–25]. Посредством аллегории описывается духовная сущность весны, как времени начала духовного преображения и покаяния [23, с. 30–33]. В проповеди «Скорби и радости» повествуется о внутренних и внешних скорбях, под которыми проповедник понимает «бесчисленные болезни, посещающие нас, опасности от огня, от злых людей, всякого рода обиды, потеря близких людей, скорби и страдания, порождаемые нашими страстями зависти, гордости, ревности и самолюбия» [53, с. 25–28]. Кроме того, в проповеди сделан важный акцент на сравнении веры с «крыльями души»: «На этих крыльях мы высоко поднимаемся над землёй, проникая своим духовным взором в небо духовное, в мир невидимый». Вера в интерпретации проповедника предстаёт в образе светоча, который ведёт человека по его земному пути. Проповедь снабжена образами силы покаяния, взятые в качестве примеров из Евангелия:

- ◆ Пример силы покаяния мытаря Закхея (Евангелие от Луки. Глава 19, стих 8);
- ◆ Пример силы покаяния на основе притчи о блудном сыне [53, с. 25–26].

В проповеди, посвящённой 800-летию основания Москвы, акцентируется внимание на историческом развитии города, начиная от её основания князем Юрием Долгоруким и заканчивая превращением в мощный культурно-политический центр после объединения русских земель и изгнании польских интервентов в начале XVII века. Кроме того, в проповеди высоко оценена роль московского духовенства в расширении церковно-политического авторитета Москвы в XIV–XVII вв., подъёме национально-патриотических чувств народа в годы Великой Отечественной войны. В тоже время, следует отметить, явную идеологическую и политическую контрастность проповеди, в которой ясно обозначена позиция РПЦ в её отношении к государственной власти, занятую ещё в 1927 г. с декларации митрополита Сергия (Страгородского), выражающая полную лояльность к советскому правительству, уважение к авторитету власти и полное понимание политической действительности [5, с. 12–13].

В проповеди «Счастье» повествуется о любви как источнике счастья. Формируется образ Христа как источника любви, источника веры [59, с. 17–20]. Повествуется о природе греха и «духовных болезнях» человека (страданиях и испытаниях), их двойственной натуре,

раскрывается концепция «духовной борьбы» (борьба духа с внутренними человеческими пороками-грехами). Всё это составляет основу проповеди «Добрые воины» [29, с. 18–21]. В проповеди «Вера, надежда, любовь» объясняется значение каждого отдельного символа данных христианских добродетелей. Кроме того, ведётся повествование о значении христианского праздника «Воскресения Христова». Проповедь подробно раскрывает суть каждой отдельной добродетели, отмеченных выше, приводя конкретные примеры из библейских сюжетов: духовный подвиг жён-мироносиц как пример истинной любви к Богу, пример духовного подвига апостола Фомы как примера истинной веры в Бога, пример расслабленного старца Иерусалимского, ожидавший своё исцеление в течение 38 лет, символизирующий проявление надежды [22, с. 12–15].

Повествование о мученических подвигах учеников Христа (апостолов), в которой высказана концепция «Страдания через радость» как догмат христианства в интерпретации апостола Павла, о вере как источнике ободрения, украшения и успокоения, где раскрывается смысл духовных и физических страданий учеников Христа представлено в проповеди митрополита Николая [57, с. 45–49]. В другой проповеди того же проповедника повествование строится вокруг библейской истории о первородном грехе, его значении, смерти Христа. Раскрывается догматический смысл искупительной жертвы Христа [51, с. 19–22]. Проповедь снабжена многочисленными образами Христа (божественный судья и учитель). Данный образ формируется на примере картины «Страшный суд». Среди других образов следует назвать образ Христа как «Бога любви» и «Бога правды». Высказывается догматическая «концепция мира» как времени проявления божественной любви, а также «концепция смерти» как времени окончательного решения (божественного суда), т.е. предопределения участи человеческой души [35, с. 25–28].

В проповеди митрополита Григория кратко рассматриваются историко-политические события, сыгравшие важную роль в жизни РПЦ и государства (принятие христианства в 988 г., получение независимости РПЦ от Константинополя в 1448 г., а также взаимоотношений РПЦ и Ватикана, которые в проповеди оцениваются резко отрицательно). Учитывая, что РПЦ после войны активно использовалась советским правительством на внешнеполитическом направлении своей деятельности, в частности против борьбы с Ватиканом, проповедь носит явный политизированный характер [8, с. 36–37]. Посредством образного сравнения повествуется о дне и ночи не о как природных явлениях, а как о метафоричных категориях. Например, в проповеди день ассоциируется с рождением Христа как носителя света. Ночь ассоциируется с идолопоклонством, язычеством, греха-

ми и пороками [45, с. 23–26]. Рассматривается природа христианского мира, состоящая из истины, непреложного видения (знания) о Боге, понимание и веры в тварное происхождение природы и человека. Кроме того, даётся негативная оценка деятельности стран «Северо-атлантического пакта», отображая в проповеди время «Холодной войны». Негативная оценка высказывается и по отношению к деятельности Римско-католической церкви за её пренебрежительное отношение к восточным христианам и к СССР в частности, что указывает также на политический подтекст проповеди [14, с. 34–35]. Рассказывается о православном храме, раскрывается его предназначение, его «духовная природа». Также уделяется внимание молитве как показателю «живой души» [63, с. 25–29].

Третья и четвёртая группы проповедей представлены следующим содержанием:

- ◆ Рассуждением о смысле жизни, который заключается в служении Богу как «источнику света и тепла для человеческой души». Разведением таких понятий как «мирская и духовная жизнь». «Мирская жизнь» в проповедническом контексте представляет собой повседневность, наполненная «миазмами человеческих грехов, страстей, взаимной лжи, злобы, мести и всякой нравственной грязи», что полностью её отличает от «жизни духовной», которая, по мнению проповедника ««исполнена духовной красотой», в которой человек духовно преображается [30, с. 18–21];
- ◆ Кратким описанием земной жизни преподобного Сергия Радонежского. Как и в проповедях отмеченных выше, большое внимание уделено построению образов при характеристике личности. Работа с образами, по нашему мнению, придаёт проповеди особую колоритность, и позволяет сконцентрировать внимание верующих, уделяя внимание деталям. При характеристике личности Сергия мы можем встретить такие образы, как «святой» (данный образ основывается на различных духовных подвигах его жизни и деятельности), «носитель истинного духа смирения», «носитель и источник любви», «совершенный образец христианских добродетелей» [40, с. 11–13].

Пятая группа представлена проповедями, в которых:

- а) изложены рассуждения о смысле сотворения человека. Следуя библейскому догмату о происхождении человека, проповедник приходит к выводу, что «человек создан не для смерти, а для жизни»;
- б) выражена точка зрения относительно «Таинства смерти», согласно которому, «смерть — это дверь в вечность»;

в) выражен ортодоксальный взгляд на учение о «мытарствах» или испытаниях, которые проходит душа после смерти. Стоит отметить, что учение о «мытарствах» характерно только для Православной церкви, т.к., например, в Римско-католической церкви понятия «мытарство» отсутствует, а фигурирует только «чистилище» [55, с. 22–26].

В проповеди архиепископа Андрея излагается «концепция суда», которую можно условно назвать «концепцией религиозно-нравственной онтологии», включающая в себе четыре составных элемента: совесть, или нравственный суд, история, или суд времени, физический мир, или суд природы, и наконец, божественный (духовный) мир, или «Страшный суд». Если первые три составных элемента, согласно проповеди, сопровождают человека в течение всей его жизни, то последний является конечным, определяющий дальнейшую судьбу человеческой души [3, с. 27–29]. Проповедь митрополита Николая содержит в себе рассуждения относительно цели и предназначения человеческого существования, в которых явно прослеживаются черты философии креационизма: «Человек создан для приготовления себя к жизни будущего века, ему предстоит духовно совершенствоваться, и расти, достигая богоподобия, созреть для будущего, как колос...». Основным средством духовного самосовершенствования, согласно проповеди, выступает принуждение, внутренний самоконтроль и дисциплина [56, с. 17–22].

Шестая группа представлена проповедническими трудами исключительно митрополита Николая, в которых затрагивается тема смерти: «Смерть — это покой телу человека, это конец всем земным заботам, тревогам человека, земной суете, конец и многочисленным, нередко тяжким болезням и страданиям». Характерной особенностью данной группы проповедей является содержание вопросов, которые ставит проповедник перед прихожанами. Проповедь посвящена осмыслению силы веры и основывается на конкретных примерах (римский сотник из Копернаума) [21, с. 32–36].

Затрагиваются также и другие вопросы, а именно:

- а) Сущность (природа) греха;
- б) Сущность и значение Таинства Крещения и Покаяния (Таинство Крещения в проповеди интерпретируется как способ борьбы с грехом, а Таинство Покаяния как способ очищения души от греха). При этом в качестве примера истинного покаяния приводится уже упоминавшееся выше притча о блудном сыне [26, с. 19–22].

Изучение архивных материалов, преимущественно фондов уполномоченного по делам Русской Православ-

ной Церкви по Омской, Новосибирской и Кемеровской областей, позволило определить содержание и характер проповедей сибирских священнослужителей. Так, например, из характеристики уполномоченного по делам РПЦ по Омской области Б. Сергеева от 28 февраля 1948 г., мы можем определить характер и содержание проповеди архиепископа Омской и Тюменской епархии Палладия (Шерстяникова). Характер его проповеди исходя из содержания можно определить как сравнительно-аналитический. В проповеди Палладий сопоставил суд буржуазный и советский и подчеркнул свою полную лояльность советской власти [11, д. 5. л. 23].

Нередко прихожане выражали недовольство качеством произносимых проповедей тем или иным священнослужителем. Так, согласно информационным отчётам уполномоченного по делам РПЦ за 1 квартал 1948 г. (см. раздел «Положение и деятельность церкви») прихожане Никольской и Крестовоздвиженской церквей г. Омска были недовольны редким произношением проповедей архиепископом Алексием (Пантелеевым) (проповеди были малопонятны, произносились тихим, невнятным голосом). Проповеди, как правило, произносились на евангельские темы (в среднем 2 проповеди в течение одного квартала 1948 г.) [11, д. 8. л. 5–6]. В своих проповедях архиепископ Палладий также пытался увязать евангельские темы с современностью, в которых он сопоставлял правительства капиталистических стран (их критика) с советским правительством. Евангельской тематике также была посвящена проповедь священника Никольской церкви г. Омска Сеницына. В своей проповеди Сеницын, как сообщалось в информационном отчёте за 4 квартал 1948 г. уполномоченным А. Плотовым, призывал «не отклоняться от церкви, не обращать внимания на некоторых лиц, старающихся отвлекать верующих от церкви» [11, д. 8. л. 60–61].

Проповеди патриотического характера чаще всего читались настоятелем церквей в г. Новосибирске Сырневым и Крыловым — настоятелем молитвенного дома в с. Болотное, Новосибирской области [7, д. 23. л. 55]. Проповеди архиепископа Варфоломея (Городцова) затрагивали религиозные темы (тему христианской морали с одновременными призывами «любить Родину, подчиняться властям, работать над восстановлением хозяйства») [Там же]. Стоит отметить, что проповеди митрополита Варфоломея были посвящены обычно евангельским или библейским темам, о каком-либо церковном событии или церковном деятеле, которым был посвящён тот или иной праздник. Например, после молебна 7 ноября и 21 декабря 1948 г. в день 32-й годовщины Октябрьской революции и в честь 70-летия Сталина митрополит Варфоломей произнёс патриотические проповеди. При этом особо яркой, как отмечалось в отчёте уполномоченного, была проповедь, произнесённая 21 декабря,

посвящённая Дню рождения Сталина, которая имела патриотический характер. В некоторые своих проповедях митрополит Варфоломей повторял свои призывы к верующим приводить детей в церковь, воспитывать их в религиозном духе (например, в день Иоанна Богослова, 9 октября, в проповеди о любви к Богу митрополит говорил о том, что у верующих всё сильнее должна возгораться любовь к Богу, что необходимо приучать детей любви к Богу, к церкви, обучать их молитвам, Закону Божьему, что указывало на наставленческий характер проповеди) [7, д. 36. л. 12–13].

Проповеди епископа Омского и Тюменского Никандра (Вольяникова) и духовенства Вознесенского собора г. Новосибирска также касались евангельских и библейских тем [7, д. 36. л. 13]. В 1950 г. основными темами проповедей митрополита Варфоломея оставались евангельские и библейские темы. Во многих проповедях, произнесённых в 1950 г. митрополит по-прежнему призывал верующих воспитывать детей в религиозном духе, учить их молитвам, приводить в церковь, крестить. С патриотическими проповедями, с проповедями о мире митрополит Варфоломей обращался относительно редко (например, в 1948 г. в день Советской армии с проповедями патриотического характера выступили митрополит Варфоломей и настоятель Успенской церкви г. Новосибирска, священник Удинцев) [7, д. 27. л. 50; д. 40. л. 51–52. Это подтверждает и информационный доклад за 4-й квартал 1951 г. уполномоченного по делам РПЦ по Новосибирской области Созонёнка [7, д. 42. л. 20–21].

В проповеди сравнительно-аналитического характера, согласно справке о деятельности настоятеля церкви в г. Белово, Кемеровской области Б.М. Запольского от 28 сентября 1953 г., говорилось, что «в день праздника Воздвижения креста было сделано сравнение, что советская неверующая молодёжь уподобляется не покаявшемуся, висевшему на 3-м кресте разбойнику, низвергнутому за это неверие богом в ад. 4 ноября во время вечерней службы, в своей проповеди Запольский сказал, что женщины не имеют никаких прав, их обязанность ухаживать за своим мужем, детьми и готовить им пищу. Особенно изощряется в своих проповедях в поднятии авторитета служителей культа» [76, д. 251. л. 24–25]. Стоит отметить, что проповедь «о неравноправии женщин» явно противоречило тексту 126 статьи Советской конституции (Глава XI конституции РСФСР от 21 января 1937 г.) [16].

Заключение

Таким образом, изучение проповеднической деятельности православного духовенства в послевоенный период позволило сделать вывод о том, что данная деятельность являлась единственной легальной формой

«религиозной пропаганды», с помощью которой Русская Православная Церковь стремилась осветить ключевые аспекты христианского вероучения в условиях враждебного атеистического строя. В то же время, важной особенностью проповеднической деятельности духовенства в рассматриваемый период является жанровое разнообразие гомилетических произведений. Исходя из анализа проповедей, большая их часть приходится на «московское духовенство», а меньшая на «сибирское» соответственно, которое было ограничено проповедями патриотического и сравнительно-аналитического характера. Важно подчеркнуть, что низкий уровень проповеднической деятельности «сибирского духовенства» во многом объяснялся общим состоянием церков-

но-приходской жизни в данном регионе страны, а также самой численностью и подготовленностью (образованностью) самих священнослужителей, которые по этим показателям существенно уступали «московскому духовенству».

Благодарности

Автор статьи выражает благодарность преподавателю русского языка и литературы Н.Л. Кравченко, оказавшая помощь в стилистической правке работы, а также своему научному руководителю доктору исторических наук, профессору В.Г. Рыженко, оказавший неоценимую помощь в подготовке рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексей (Симанский), патриарх Московский и всея Руси. Слово в день обретения мощей Преподобного Сергия Радонежского (18 июля 1947 г.) / Алексей. Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941–1948). М., 1948. С. 161–162.
2. Алексей (Симанский), патриарх Московский и всея Руси. Слово святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексея в воскресный день памяти святых жён-мироносиц (27 апреля 1947 г.) / Алексей. Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941–1948). М., 1948. С. 159–160.
3. Андрей (Сухенко), архиепископ Омский и Тюменский. Слово, в праздник Вознесения Господня // ЖМП. 1946. № 9. С. 27–29.
4. Байрамуков А. С., Гагуева Ф. Р. Проповедническая деятельность военного духовенства в русско-японской войне / World Science: Problems and Innovations. Сб. статей победителей XI Международной научно-практической конференции (Пенза, 25 июня 2017 г.). — Пенза, 2017. С. 232–234;
5. Вениамин (Миллов), архимандрит (впоследствии епископ Саратовский и Балашовский). К 800-летию Москвы: речь в Троице-Сергиевой лавре // ЖМП. 1947. № 11. С. 12–13.
6. Гостиева Л. К. Православие в Осетии: Очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. — Владикавказ, 2014.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.-1418. Оп.1.
8. Григорий (Чуков), митрополит Ленинградский и Новгородский. Слово, произнесённое в Богоявленском Патриаршем соборе в день памяти святых Первоверховных апостолов Петра и Павла (12 июля 1948 г.) // ЖМП. 1948. № 8. С. 36–37.
9. Григорий (Чуков), митрополит Ленинградский и Новгородский. Слово, произнесённое в Ленинградском Спасо-Преображенском соборе в неделю апостола Фомы (28 апреля 1946 г.) // ЖМП. 1946. № 6. С. 24–25.
10. Забникова Е. С. Проповеднический текст в православной журналистике (на примере публикаций архиепископа Луки — профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого в «Журнале Московской Патриархии» 1940-х гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 74–78.
11. Исторический архив Омской области (КУ ИСА). Ф.-2603. Оп.1.
12. Калашник В. В. Журнал Московской Патриархии как источник по изучению публицистической деятельности православного духовенства в послевоенный период (1946–1953 гг.) // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы [Текст]: материалы междунар. науч.-практ. конф., Вологда (27 июня 2018 г.), Вологда, 2018. С. 40–50.
13. Калашник В. В. Проповедническая и публицистическая деятельность духовенства Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). Часть 2. С. 67–74.
14. Каллистрат (Цинцадзе), Каталикос-Патриарх всея Грузии. Слово, сказанное на Святую Пасху в Сионском соборе в Тбилиси (24 апреля 1949 г.) // ЖМП. 1949. № 5. С. 34–35.
15. Киналь А. В., Мику Н. В. Проповедническая деятельность православного духовенства Пензенской области (1940–1980 гг.). URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/46272> (дата обращения: 30.07.2018).
16. Конституция (Основной закон) РСФСР (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/8c635a6adbf5951fcb0f9e5ed6429908/ (дата обращения: 09.03.2018).
17. Кошелева А. И. Проповедническая деятельность приходского духовенства в епархиях Среднего Поволжья в пореформенный период (На примере Пензенской и Самарской епархий) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 38–39.
18. Кошелева А. И. Проповедничество приходского духовенства Пензенской и Самарской епархий в пореформенный период // Вестник СамГУ. 2011. № 4 (85). С. 71–74.

19. Молодов О. Б. Источники о контроле за проповедями православного духовенства Вологодской епархии в 1960–1980-е гг. URL: <http://www.vestarchive.ru/2012-4/2535-istochniki-o-kontrole-za-propovediami-pravoslavnogo-dyhovenstva-vologodskoi-eparhii-v-19601980-e-pdf> (дата обращения: 30.07.2018).
20. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Вера // ЖМП. 1950. № 1. С. 33–36.
21. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Вера и дела // ЖМП. 1950. № 9. С. 32–36.
22. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Вера, Надежда, Любовь // ЖМП. 1947. № 6. С. 12–15.
23. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Весна // ЖМП. 1952. № 5. С. 30–33.
24. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Встречи со Христом // ЖМП. 1947. № 3. С. 23–26.
25. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Гимн любви // ЖМП. 1952. № 8. С. 46–49.
26. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Грех // ЖМП. 1951. № 1. С. 19–22.
27. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Дары // ЖМП. 1948. № 6. С. 10–14.
28. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Дети и братья // ЖМП. 1946. № 2. С. 13–16.
29. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Добрые воины // ЖМП. 1947. № 5. С. 18–21.
30. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Жажда // ЖМП. 1946. № 3. С. 18–21.
31. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Жизнь и смерть // ЖМП. 1947. № 4. С. 15–17.
32. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Заповеди // ЖМП. 1951. № 8. С. 38–41.
33. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. За Христом // ЖМП. 1949. № 10. С. 22–26.
34. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Звание христианина // ЖМП. 1949. № 7. С. 7–10.
35. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Любовь и правда // ЖМП. 1948. № 10. С. 25–28.
36. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Мать и дети // ЖМП. 1950. № 12. С. 36–40.
37. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Мёртвые // ЖМП. 1950. № 10. С. 24–27.
38. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Молитва и благодать // ЖМП. 1951. № 11. С. 33–37.
39. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Мученики // ЖМП. 1946. № 8. С. 21–23.
40. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Наша Слава // ЖМП. 1946. № 7. С. 11–13.
41. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Нерукотворный храм // ЖМП. 1949. № 12. С. 21–25.
42. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Не сироты // ЖМП. 1951. № 7. С. 21–25.
43. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Нечаянная Радость // ЖМП. 1946. № 1. С. 25–27.
44. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Новая жизнь // ЖМП. 1946. № 5. С. 18–21.
45. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Ночь и день // ЖМП. 1949. № 2. С. 23–26.
46. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Покаяние // ЖМП. 1946. № 4. С. 38–41.
47. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Пробуждение // ЖМП. 1952. № 6. С. 28–31.
48. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Промысл // ЖМП. 1950. № 11. С. 38–42.
49. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Радости веры // ЖМП. 1947. № 11. С. 8–11.
50. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Радость // ЖМП. 1946. № 6. С. 20–23.
51. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Райские двери // ЖМП. 1948. № 7. С. 19–22.
52. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Святые // ЖМП. 1949. № 11. С. 22–25.
53. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Скорби и радости // ЖМП. 1951. № 10. С. 25–28.
54. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Слово Божие // ЖМП. 1949. № 4. С. 8–11.
55. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Смерти нет // ЖМП. 1946. № 9. С. 22–26.
56. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Сокровище // ЖМП. 1950. № 2. С. 17–22.
57. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Страдания // ЖМП. 1948. № 9. С. 45–49.
58. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Странники // ЖМП. 1950. № 8. С. 52–56.
59. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Счастье // ЖМП. 1947. № 1. С. 17–20.
60. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Терпение и покаяние // ЖМП. 1949. № 9. С. 30–33.
61. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Уроки // ЖМП. 1951. № 9. С. 30–32.
62. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Утешение // ЖМП. 1952. № 12. С. 24–27.
63. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Храм // ЖМП. 1949. № 8. С. 25–29.
64. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Царство Небесное // ЖМП. 1951. № 3. С. 29–33.
65. Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Церковь // ЖМП. 1946. № 10. С. 24–26.
66. Олихов Д. В. Организация проповеднических отрядов к Сибирской армии адмирала А. В. Колчака временным высшим церковным управлением Сибири. URL: <https://vivliophica.com/articles/history/119795/1> (дата обращения: 30.07.2018).
67. Олихов Д. В. Проповедническо-осведомительная деятельность сибирского православного духовенства в период Гражданской войны. URL: <http://rutmuseum.info/node/5794> (дата обращения: 30.07.2018).
68. Павлова О. С., Салахова Э. Т. Проповедническая деятельность епископа Уфимского и Мензелинского Андрея среди солдат и офицеров в 1917 году // *Международный научно-практический журнал «Интеграция наук»*, 2016. № 4 (4). С. 10–11.

69. Павлова О. С. Социальная и проповедническая деятельность Уфимского епархиального духовенства в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 157–159.
70. Попова К. Ю. Организация контроля за проповеднической деятельностью православного духовенства со стороны уполномоченных Совета по делам религий при Совете министров СССР в 1960–1980-е гг. (на материалах Южного Урала) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. Вып. 2 (2). 2014. С. 263–273.
71. Русин. В., иерей. Эпистолярное наследие священномученика Онуфрия (Гагалаюка). Из фондов Харьковского церковно-исторического музея / Формирование и развитие исторического типа русской цивилизации: к 700-летию рождения преподобного Сергия Радонежского (сб. науч. трудов). — Курск, 2017. С. 65–71;
72. Рязузов С. С. Особенности проповеднической деятельности северного духовенства в начале XX века. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2010/adds.htm> (дата обращения: 30.07.2018).
73. Сапелкин Н. С. За други своя... Воронежская епархия в годы Великой Отечественной войны. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2009. — 202 с.
74. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск: Томский государственный университет, 2003. — 346 с.
75. Фасхутдинова Е. С. Проповеди вологодских архиереев второй половины XIX — начала XX века // Вестник ЧелГУ, 2013. № 3. Т. 2. С. 50–54.
76. Центр документации новейшей истории Кемеровской области (ЦДНИКО). П-75. Оп. 7.

© Калашник Вячеслав Валерьевич (kalashnik-1988@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный университет

ВИДЫ, ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ XX — НАЧАЛА XXI В. В МИЛЬКОВСКОМ РАЙОНЕ, КАМЧАТСКИЙ КРАЙ

FORMS OF STATE POLICY AND CHARACTERISTIC FEATURES OF IT'S IMPLEMENTATION IN XX — XXI CENTURIES IN MILKOVSKIY DISTRICT, KAMCHATSKIY KRAY

A. Kirillova

Summary. The problem of state policy implementation, its forms in Soviet and modern periods are covered in the article. Author uses Milkovskiy district of Kamchatka as the sample, because it is one of the largest and populated areas in the region.

Keywords: state policy, Kamchatka, Milkovskiy district, program approach, state purposeful program.

Кириллова Алина Игоревна

К.и.н., Камчатский государственный университет
имени Витуса Беринга
astra1155@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена классификации видов и форм государственной политики XX — начала XXI в. Особое внимание автор уделяет периодизации и выделению этапов государственной политики на Камчатке. В качестве примера взят Мильковский район — один из самых крупных районов полуострова по площади и численности населения.

Ключевые слова: государственная политика, Камчатка, Мильковский район, программный подход, целевые программы.

Мильковский район — это значительная часть Камчатского края и его историческая судьба является интересной для современных исследователей. На современном этапе он является одним из крупнейших по территории и численности населения сельских районов Камчатки: по данным переписи 2010 г. все сельское население полуострова составило 72929 чел., а население Мильковского муниципального района — 10585 чел. [4] Изучение опыта реализации государственной политики на локальной территории может способствовать выработке эффективной модели региональной политики на Камчатке и совершенствованию механизмов реализации государственной политики в целом.

Согласно наиболее общему определению «государственной политики», которое дается в учебных пособиях и предлагается к запоминанию студентам, ее можно классифицировать по нескольким основаниям [5]:

I. Сфере общественной жизни, на которую она направлена

- ◆ экономическая политика;
- ◆ социальная политика;
- ◆ национальная.

II. Уровню реализации мероприятий

- ◆ федеральная;
- ◆ региональная (причем, соотносимая как с макро-регионами (федеральными округами), так и отдельными субъектами государства);
- ◆ локальная (местная).

III. По механизму реализации мероприятий

- ◆ планово-директивная, характерная для СССР в 1928–1991 гг., при которой формировался четкий срочный план (пятилетний план), предусматривающий достижение определенных показателей в экономическом, социальном, культурном и политическом развитии (например, объемы производства определенных групп товаров, уровень охвата всеобщим, процент этнической интеллигенции/женщин в Советах и т.д.);
- ◆ нормативно-указательная, существовавшая в советской России в 1918–1927 гг. и Российской Федерации в 1991–2000 гг. и представлявшая собой «ответы» со стороны государства на «вызовы времени» (например, принятие цикла декретов и затем инструкций по их реализации на местах, принятие закона о ваучерной приватизации и потом дополнительных нормативных актов, описывающих механизм ее реализации и предотвращающих спекуляции с ваучерами);
- ◆ программная, реализующаяся на современном этапе развития Российской Федерации. Несмотря на ряд сходств с планово-директивной системой (наличие индикаторных показателей, определенных сроков реализации, ответственность различных институтов перед государством, обязательность исполнения), она имеет и ряд весьма четких отличий. Среди них можно выявить:
 - а) гибкость и возможность изменения индикаторных показателей (в случае неудов-

летворительных результатов в течение нескольких лет реализации индикаторные показатели могут быть либо пересмотрены, либо введены совершенно новые, также программа может быть полностью свернута);

- б) разноуровневость программ (если в Советском Союзе все планы принимали только в высших эшелонах власти и затем «спускали на места», то при современном программном подходе возможно создание региональных и даже муниципальных целевых программ вне рамок ФЦП);
- в) долгосрочность (современные целевые программы, в отличие от советских пятилеток, являются средне- и долгосрочными и принимаются на 7–10 и более лет, имея возможности для пролонгации);
- г) отложенность результатов (в случае с пятилетними планами результаты ожидалось немедленно, должны были быть четко видны достаточно высоки, при реализации ФЦП результаты, конечно, являются также видимыми, измеримыми, но могут быть получены и в достаточно отдаленном будущем);
- д) стратегическое планирование (пятилетний план — это тактическое, краткосрочное планирование на сжатый период времени, в то время как ФЦП — это стратегический план, который учитывает реализацию программ во всех сферах жизни общества, взаимодействие этих программ и важность оценки потенциальных рисков, а также наличие дальнейших социально-экономических процессов после завершения срока реализации ФЦП).

Таким образом, мы видим, что современный, программный подход к реализации государственной политики является итогом длительного развития государства в XX в., включая в себя определенные достижения директивно-планового подхода (наличие четких сроков реализации и показателей эффективности, ответственность перед государством, система отчетности, обязательность исполнения) и преодолевает очевидные минусы такого подхода (негибкость, краткосрочность, отсутствие долговременной стратегии).

Следует отметить, что наряду с программным подходом сегодня активно применяется и метод социального проектирования. Существует ряд основных федеральных проектов и программ, полностью или частично затрагивающих вопросы государственной политики. Среди них прежде всего необходимо отметить «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития

Российской Федерации на период до 2020 года», или «Стратегию 2020», которая является основной социально-экономической концепцией развития России [3]. Основным социальным проектом в области непосредственно государственной политики в Камчатском крае является «Стратегия устойчивого развития Камчатского края», разработанная на период до 2030 г. В рамках данного документа выделен ряд конкретных проектов, нацеленных на решение актуальных для региона проблем и преодоление негативных последствий развития в 1990-е гг. Отличие проектирования от программирования состоит в том, что проектирование является гораздо более широким взглядом на задачи политики, представляет собой комплекс мер, относящихся к различным сферам жизни общества, а программирование работает на решение одной конкретной проблемы или ее минимизацию в средне- или долгосрочной перспективе. Корректная и комплексная реализации государственной политики на федеральном, региональном и локальном уровнях требует применения и программного, и проектного подходов. Без их сочетания достижение высоких результатов, а также разрешение сложных социально-экономических и социальных проблем невозможны.

В XX в. Камчатка являлась особой, стратегически важной для России территорией, также именно этот период стал временем реализации целенаправленной и комплексной системы мер со стороны государства, которые можно трактовать как целостную государственную политику. Этот факт обуславливает хронологические рамки нашей монографии — XX — нач. XXI в. Географические рамки нашего исследования — Мильковский район в его современных и исторических границах.

В данной статье мы рассмотрим реализацию государственной политики в Мильковском районе согласно третьему критерию классификации, т.е. по механизму реализации мероприятий. Само изучение вопроса можно начать лишь с 1933 г. в силу неоднозначного административного статуса территории (существовавшая Мильковская волость была упразднена в 1925 г., эта территория вошла в состав образованного Усть-Камчатского района, при этом частично сохранила самоуправление) [1]. По этой причине нормативно-указательный период эту территорию практически не затронул.

Период 1920-х гг. охарактеризовался, как и для всего полуострова, частой сменой локальных нормативно-правовых актов (после получения директив из центра принятые на месте акты упразднялись, вместо них принимались новые с практически аналогичным содержанием; в случае получения новых дополнительных инструкций и вновь принятые локальные акты утрачивали силу). Ярким примером может послужить постановление Губревкома «О борьбе с зюйдварением» (зюйдой

в 1920–1930-е гг. называли подпольно изготовленный высокоградусный алкоголь), которое утверждалось/упразднялось/дополнялось только в 1924–1927 гг. 5 раз. Сходная ситуация наблюдалась и в случае других нормативных документов и указаний. Фактически региональные власти ожидали точных предписаний по каждому из предпринятых шагов, и это обусловило характерные черты первых документов камчатской советской власти:

1. каузальность, то есть создание по случаю/необходимости, для решения текущих проблем, также для реализации на местах составлялись пояснительные записки и инструкции для должностных лиц;
2. быстрая изменчивость (это происходило в силу изменений общегосударственной политики, уточнения списков и привилегий коренных народностей, изменений принципа организации органов местного самоуправления на местах, создания новых административно-территориальных единиц, например, Быстринского и Мильковского районов и т.д.);
3. временность (в названиях многих документах присутствует слово «временный», что показывает переходный характер документа и необходимость его дальнейшей доработки, например, «Временное положение об управлении туземных народностей северных окраин», «Временное положение о сельских советах»);
4. секретность (документы делились на 2 категории: для обнародования на родовых собраниях/сельских/городских сходах и секретные — для пользования должностными лицами и не предназначенные для публичного оглашения. Обычно ко второй категории относились инструкции по реализации циркуляров и постановлений на местах, их количество к концу 1920-х гг. возрастает в связи с ужесточением методов реализации государственной политики).

Второй период реализации государственной политики начался в Мильковском районе практически одновременно с его созданием, в 1933 г., и был связан с утверждением первых пятилетних планов в СССР. Основным направлением социально-экономической и культурной политики СССР по отношению к Камчатке в эти годы было превращение «отсталой окраины» в «развитый район». Как отмечают составители сборника «Советы Северо-Востока СССР (1928–1940 гг.)», «братская помощь со стороны русского рабочего класса помогла малым народам... за короткий исторический период шагнуть в социализм непосредственно от патриархально-общинных отношений» [8, с. 13]. Помимо национальных районов Камчатки, достаточное внимание уделялось и развитию территорий, где национальные меньшинства не составляли большую часть насе-

ления. В то же время в 1920-х гг. официальные власти Камчатки приравнивали жителей Мильковского района, называемых камчадалами, к коренным народам. Тем не менее, в состав освобожденных от налогов туземных на 01.01.1926 г. данное население не вошло [2], по причине чего на территории Мильковского района был реализован стандартный комплекс мер для всех советских территорий, направленный на коллективизацию и индустриализацию. Северная специфика и особенности образа жизни населения (преимущественное занятие трапперством, уход на длительные охоты, сезонность занятий) по этой причине не учитывался. В 1930-х — 1980-х гг. на территории Мильковского района в рамках развития коллективных хозяйств был сформирован ставший традиционным для хозяйств района мясо-молочный профиль животноводства, также для развития индустрии был построен и функционировал лесозаготовительный и лесообрабатывающий комплекс (лесопилка, цеха по изготовлению деревянных изделий: мебель, ограждения, сборные дачные домики и т.д.). В развивавшихся предприятиях тех лет были предусмотрены четкие показатели роста (увеличение поголовья, изготовление большего количества наименований продукции и собственно готового продукта в штуках), предполагаемая прибыль и даже плановая убыточность (для предприятий сельского хозяйства). Характерными чертами планово-директивной политики в Мильковском районе стали:

1. рост количества индикаторных показателей, отражавшихся в спускаемых сверху формах и обязательных для заполнения. Если в 1930-х гг. колхозы и сельские советы заполняли форму на 2-х листах по 30 показателям, то в 1989 г. форма занимала 10 листов и включала более 50 показателей;
2. вмешательство государства во все сферы жизни общества и строгая регламентация культурной и общественной жизни (описывались необходимые мероприятия для всех уровней общественных организаций: октябрятской, пионерской, комсомольской, общества «Знание», так называемых открытых университетов, учреждений культуры, прописывалось содержание классных часов в школах, выступлений на торжественных митингах, праздничная символика);
3. развитие стандартной инфраструктуры населенных пунктов (сельские дома культуры, киноустановки/кинотеатры, дома культурно-бытового обслуживания, жилые дома — индивидуальные и многоквартирные, школы, детские сады, больницы, пекарни, столовые, библиотеки, учреждения дополнительного образования, транспортная инфраструктура и т.д.);
4. изменение сети населенных пунктов: ликвидация малочисленных населенных пунктов и укрупне-

ние так называемых перспективных. Так, в советский период исчезли такие села Мильковского района как, Кирганик, Верхне-Камчатск, Машура, Толбачик и др. Вместе с населенными пунктами ликвидировались и маломощные колхозы, чье имущество и рабочая сила вливались в укрупненные;

5. рост горизонтальной и вертикальной мобильности населения, формирование этнической интеллигенции. Ярким примером может послужить биография Г.Г. Поротова — деятеля культуры и просвещения Мильковского района, прошедшего путь от простого разнорабочего до директора Дома культуры.

В целом, благодаря реализации государственной политики планово-директивного периода в Мильковском районе сложилась современная сеть населенных пунктов, транспортная сеть, социальная инфраструктура сел, профиль сельскохозяйственных предприятий, а также этнический состав населения (благодаря советской миграционной политике). Мильковский район и его населенные пункты приобрели привычный нам вид именно в советский период.

Современный этап реализации государственной политики связан с реализацией федеральных и краевых целевых программ. Следует учитывать, что федеральная целевая и государственная программа — тождественные понятия. Федеральная целевая программа в России — это увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение целевых задач, требующих государственной поддержки [9]. Также государственная программа — это комплексный документ, определяющий основные направления государственной политики в сфере ее реализации. Он связан напрямую со стратегией развития государства в целом и концепцией развития отрасли в частности [9]. Краевая целевая программа отличается от федеральной территорией и агентами реализации. Обычно краевые программы формируются в рамках реализации федеральных. Программный подход в Российской Федерации начал практиковаться с 1994 г., однако, как основной механизм реализации государственной политики на федеральном, региональном и локальном уровне он оформился лишь в начале 2000-х гг.

На современном этапе Мильковский район и Мильковское сельское поселение как его попадает под действие сразу нескольких краевых целевых программ, реализуемых в рамках ФЦП (перечислены наиболее

активно реализуемые или предполагаемые к активной реализации) [6, 7]:

- ◆ «Развитие здравоохранения Камчатского края на 2014–2020 годы»;
- ◆ «Развитие образования в Камчатском крае на 2014–2016 годы» (продолжена);
- ◆ «Социальная поддержка граждан в Камчатском крае на 2014–2018 годы»;
- ◆ «Обеспечение доступным и комфортным жильем жителей Камчатского края на 2014–2018 годы»;
- ◆ «Энергоэффективность, развитие энергетики и коммунального хозяйства, обеспечение жителей населенных пунктов Камчатского края коммунальными услугами и услугами по благоустройству территорий 2014–2018 годы»;
- ◆ «Содействие занятости населения Камчатского края на 2014–2018 годы»;
- ◆ «Развитие внутреннего и въездного туризма в Камчатском крае на 2014–2018 годы» (предполагается к активной реализации в районе);
- ◆ «Развитие культуры в Камчатском крае 2014–2018 годы» (включая традиционную культуру КМНС);
- ◆ «Физическая культура, спорт, молодежная политика, отдых оздоровление детей в Камчатском крае на 2014–2018 годы»;
- ◆ «Развитие транспортной системы в Камчатском крае на 2014–2025 годы»;
- ◆ «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции Камчатского края на 2014–2018 годы».

Также развитие Мильковского района попадает под действие «Концепции устойчивого развития Камчатского края до 2030 г.».

В целом, на территории Камчатского края действует 21 краевая целевая программа, из них 18 в той или иной степени реализуются на территории Мильковского района. Благодаря им на территории района продолжается асфальтирование участков трассы Усть-Камчатск — Петропавловск-Камчатский, строительство физкультурно-оздоровительного комплекса, терминала автовокзала, был сдан новый жилой дом и т.д.

В то же время реализация краевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Камчатском крае на 2014–2018 годы» на данной территории идет крайне медленно. Основной турпоток продолжает оставаться транзитным. Само население и власти не готовы к активным мерам по привлечению туристов в район. Благоустройство и очистка Пущинских источников (которые можно использовать как рекреационный и бальнеологический ресурс) происходят крайне медленно и связаны с организацией смены детского оздоровительного лагеря (в советское время там проводилось 3 смены, сей-

час 1). На данный момент нет предприятий сферы туризма (туроператоров), зарегистрированных на территории района и организующих туры по его территории. Несмотря на все недостатки, программный подход начал давать первые положительные итоги своей реализации.

Таким образом, XX — нач. XXI вв. были богаты формами и методами реализации государственной политики, затрагивали все сферы жизни общества и носили комплексный характер, а также реализовывались на различных уровнях. Наибольшую эффективность в советские годы продемонстрировал именно планово-директивный механизм и унаследовавший некоторые его черты программно-целевой механизм современности. Благодаря комплексности подхода, наличию стратегических и тактических планов, четкому представлению агентов, субъектов и объектов, а также сроков реализации, календарного плана мероприятий именно такие механиз-

мы позволяют принимать долгосрочные меры и получать устойчивый результат. Разделение государственной политики на уровни также наиболее эффективно достигается при планово-директивном и программно-целевом механизмах, но степень самостоятельности на региональном и локальном уровне при последнем намного выше. При планово-директивном механизме региональный и локальный уровни — это уровни элементарного исполнения, без предложения инициативы и права внесения корректировок в случае сбоев при реализации системы мероприятий. Нормативно-директивный метод применялся на переходных этапах развития: в годы становления советской власти в 1920-х гг. и демократизации российского общества в 1990-х гг. Все решения носили каузальный характер и решали проблемы лишь на короткое время, причем, решались наиболее острые проблемы, отсутствие решения которых могло привести к социальному взрыву.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Камчатского края (ГАКК) ф.Р-29 оп.1 д. 3 лл.61–62
2. ГАКК ф.Р-29 оп.1 д. 7 л.5
3. Алиев В. В. Проектный и программный принципы в государственной молодежной политике // Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: материалы семинара для молодых ученых. Вып. 9 [Текст] / под общ. ред. Вал. А. Лукова. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. — 84 с.
4. Всероссийская перепись населения 2010. Том 1. Численность и размещение населения // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 27.08.2018)
5. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. / под ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. — М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. — 992 с. // [Электронная версия] URL: http://grachev62.narod.ru/krasnov/ch_08.htm http://bookzie.com/book_1727_glava_17_3.1._OBSHNIYE_POLOZHENIYA.html (дата обращения: 02.05.2018)
6. Официальный сайт Мильковского сельского поселения, Камчатский край // URL: http://admmsp.ru/da_razdel.php?id_blok1_levelpages1=3&blok=adm&razdel=da (дата обращения: 20.09.2018)
7. Перечень и информация о краевых целевых программах // Официальный сайт Правительства Камчатского края. URL: <https://kamgov.ru/search?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D0%B5%2B%D1%86%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D0%B5%2B%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D1%8B&category=4> (дата обращения: 02.05.2018)
8. Советы Северо-Востока СССР. Сборник материалов и документов (1928–1940 гг.). — Магадан, 1979. — 287 с.
9. Федеральная целевая программа. Определение // [Электронный ресурс] URL: http://economic-definition.com/Economic_and_legal_terminology/Gosudarstvennaya_programma_Government_program_eto.html (дата обращения 02.05.2018)

© Кириллова Алина Игоревна (astra1155@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИТИКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX В.— НАЧАЛЕ XX В.

Корнеева Галина Андреевна

К.и.н., доцент, с.н.с., Хакасский государственный
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории
korn-galina@yandex.ru

POLITICAL AND IDEOLOGICAL PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF A MULTI-PARTY SYSTEM IN SIBERIA IN THE LATE NINETEENTH CENTURY — THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

G. Korneeva

Summary. The article considers the issue of political and ideological preconditions for the formation of the Siberian multi-party system at the beginning of the 20th century, which is connected with the processes of differentiation and political consolidation of social forces in the defining boundaries of the main directions of social and political thought and movement. Already on the eve of the revolution, in the slightly differentiated opposition democratic movement in the region, the contours of the disintegration into trends within the main directions or the paradigm of the main «models» of the country's historical development began to be determined: the socialist and its non-radical type of variety — the Socialist Revolutionaries, the Popular Socialists, the liberal — on the basis of basic liberal values — the left flank (cadets), the liberal-conservative (Octobrists) flank of liberalism and the right-monarchist trend on the basis of moral politicians philosophy neoslavnyanofilskogo conservatism Shipovskaya Sheremetev-wing (in Tomsk took shape in the «circle» — STG department even before the Manifesto of October 17). The definition of contours with respect to the amorphous left flank of Western-type liberalism at the beginning of the revolution took on a radical character, which aroused the corresponding reaction of the socium, in the mental dimension of a traditionalist, extremely right-wing radical, that manifested itself in the wave of October pogroms. Given the multi-vector politico-ideological prerequisites for the formation of a multi-party system in Siberia, on the whole, the question of «rootedness» of right-wing parties, like the entire system, at the regional level calls for further research.

Keywords: Siberian region, First revolution of 1905–1907, main directions of social and political thought and movement, Siberian multi-party system, Narodniks, Socialist-Revolutionaries, Eneses, Constitutionnalists — liberals, Octobrists, rightists (Black Hundreds).

Аннотация. В статье рассматривается вопрос политико-мировоззренческих предпосылок формирования сибирской многопартийности начала XX в., который связан с процессами дифференциации и политической консолидации общественных сил в определяющихся границах основных направлений общественно — политической мысли и движения. Уже накануне революции в слабо дифференцированном оппозиционном демократическом движении региона стали определяться контуры распада на течения в границах основных направлений или парадигме основных «моделей» исторического развития страны: социалистическое и его разновидность неонароднического толка — эсеры, энесы, либеральное — на базе основных либеральных ценностей — левый фланг (кадеты), слабее проявился либерально — консервативный (октябристы) фланг либерализма и правомонархическое направление на базе нравственной политической философии неославянофильского консерватизма шиповско-шереметевского толка (оформилось в Томске в «кружок» — отдел СРЛ еще до выхода Манифеста 17 октября). Определение контуров относительно аморфного левого фланга либерализма западного типа в начале революции приобретало радикальный характер, что вызвало соответствующую реакцию социума, в ментальном измерении традиционалистского, крайне праворадикального толка, проявившего себя в волне октябрьских погромов. При наличии разновекторных политико мировоззренческих предпосылок формирования многопартийной системы в Сибири, в целом вопрос «укорененности» правых партий, как и всей системы, на региональном уровне требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Сибирский регион, Первая революция 1905–1907 гг., основные направления общественно- политической мысли и движения, сибирская многопартийность, народники, эсеры, энесы, конституционалисты — либералы, октябристы, правые (черносотенцы).

Специфика развития в большей степени к началу XX в. традиционного российского общества в условиях неорганической, непоследовательной и незавершенной модернизации актуализирует проблематику предпосылок формирования системы российской многопартийности накануне первой революции и до выхода Манифеста 17 октября, в том числе, и на региональном уровне, в контексте анализа общественно — политической ситуации, обусловившей оформление партийных структур в границах основных направлений общественно — политической мысли и движения.

Формирование многопартийности в Сибири с некоторым запозданием развивалось в общероссийской парадигме слева направо, первыми с 90-х гг. XIX в регионе стали оформляться группы и комитеты социал-демократической партии и партии эсеров, но в целом партийный спектр в границах основных направлений определился в период революции 1905–1907 гг. История сибирской многопартийности связана с народнической, затем социал-демократической ссылкой, в целом — социокультурным развитием региона, прежде всего, открытием Университета, затем Технологического института в Томске, строительством Транссибирской магистрали. Общественно — политическая среда на рубеже веков, представленная главным образом разночинной интеллигенцией, отличалась оппозиционностью с областническим уклоном, широким диапазоном мировоззренческих взглядов. Определение политико — мировоззренческих позиций в новых реалиях исторического времени представителей слабо дифференцированного общественного пространства в контурах границ основных направлений конца XIX в. и до выхода Манифеста 17 октября 1905 г. подготовило оформление спектра либеральных и правомонархических партий, рассмотрение данных процессов в административных границах сибирского региона рубежа веков и определило задачу данной статьи.

В современной сибирской историографии установлено, что накануне первой революции общее оппозиционное движение в регионе не определялось деятельностью социал-демократов и эсеров, так как их комитеты и кружки еще находились в стадии формирования. В центре общественной деятельности находилась слабо дифференцированная в политико — мировоззренческом измерении демократическая интеллигенция, объединенная общей оппозиционностью к режиму, к тому же усиленной неравноправным положением Сибири в составе Российской империи.

В условиях отсутствия в Сибири земств, таких организаций как Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов, до революции 1905–1907 гг. центрами

консолидации сибирской демократической интеллигенции становились различные общественные самодеятельные организации и редакции ведущих сибирских газет, содержательное наполнение направлений которых, как правило, еще не имели выраженного принципа «партийности». Слабое размежевание либерализма и левodemократического крыла в народничестве, использование марксистами легальной печати объясняет, почему, например, «под знаменем» такой «прогрессивной демократической газеты» как «Сибирский вестник» в Томске, «группировались представители различных оттенков политической мысли», когда «...народники мирно уживались с истинными областниками и даже с марксистами». [1. С. 296]. «Новые» средние слои консолидировано проявили свою оппозиционность, связанность мировоззренческих взглядов с тактическими установками в работе губернских и уездных комитетов Особого совещания нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. Автор письма (подпись «Май») от 23 декабря 1902 г. к В. Гробер в Берн писал, что в общественной жизни Красноярска «небывалое оживление», «все условия и слои поднялись», «либералы заняты комитетами по сельскохозяйственной промышленности», «еже-субботно устраиваются заседания общества сельского хозяйства, где читают доклады» (последние две читал доклад Е.Г. Шольп), «идут оживленные дебаты», «все требуют земства». (2. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 9. Ч. 40. Л. 15].

Ведущую роль в разноуровневой и разнонаправленной структуре демократической оппозиции накануне революции играли общественные самодеятельные образования, деятельность которых определялась парадигмой перехода от умеренного просветительства, «культурничества» к открытому противостоянию режиму, уже с 1901 г. с мест стали поступали тревожные сведения о радикализации и социальной направленности деятельности представителей сибирского «общества».

Переход демократической интеллигенции к открытому противостоянию режиму развивался в обществе, для которого было характерно наложение модернизационных процессов на социальные структуры, в ментальном измерении представляющие традиционный архетип — «код» ментальности, сформированный в идеологической парадигме триединой «уваровской» формулы. Собственно первые открытые политические выступления вскрыли уровень устойчивости традиционного социума в условиях российского модернизационного перехода. 18 февраля 1903 г. в Томске прошла студенческая демонстрация, закончившаяся столкновениями с монархически настроенными горожанами при явном нейтралитете полиции (был избит и арестован присяжный поверенный М.Н. Вознесенский), реакцией на демонстрацию стало распространение «листка» — «Патриотического воззвания» с призывом к изгнанию всех «крамольников-моло-

кососов», врагов России, с «горизонта земли русской». [3.1903. № 19; 4]. Архетип традиционализма в сибирском обществе проявился и в проведении молебствий (иногда по просьбе рабочих), и патриотических демонстрациях по случаю начала русско-японской войны.

В условиях объективных социально-экономических процессов модернизационного характера в содержательном измерении внешне единая оппозиция «протестующего меньшинства» на рубеже веков переживала сложный и противоречивый процесс внутренней мировоззренческой дифференциации, к началу XX в. в контурах подвижных границ основных направлений общественно — политического движения определялись течения, в рамках которых шла консолидация сил, в перспективе определивших содержание разновекторных программных платформ и тактических установок пестрого спектра сибирской многопартийности.

В условиях противоречий цивилизованного характера в обществе переходного типа, смены поколения политических ссыльных (народничество сменялось социал-демократией) и распространения марксизма в народнической ссылке развивался кризис «отцов» и «детей», кризис идеологии и тактики определял контуры течений распадающегося никогда не представлявшего единства народнического движения. В период дискуссии с марксистами в 90-е гг. XIX в. по вопросу развития капитализма в Сибири и в целом России в народничестве помимо левого неороднического фланга (в типологии социал-революционеры) определились типологические черты центристского направления, тяготеющего к социализму Н.К. Михайловского. Для данного направления было характерно неприятие как идеологии «малых дел» правонароднического крыла, представленного газетой «Неделя», так и легального марксизма в лице «Нового слова», переданного Н.С. Кривенко в 1897 г. П.Б. Струве. Сохраняя верность демократическим идеалам «шестидесятников», часть народнической ссылки консолидировалась вокруг журнала «Русское богатство». Это была не завершившаяся до первой революции эволюция части народников, в том числе и в Сибири, по линии будущих народных социалистов (энесов). Например, в тактической установке на объединение всех прогрессивных сил — от либералов до революционеров на либерально-народнических, реформистских позициях, близких к организации «Народного права», стояла редакция тобольского «Сибирского листка». [5.1897. 2 января].

Общий демократизм, оппозиционность режиму, эклектичность и расплывчатость областнической идеологии, единство позиций по некоторым базовым вопросам, сохраняли некоторый потенциал сотрудничества областников и эсеров. Демократизм, подпитывая оба направления, обуславливал взаимно примиренческие

позиции, например, редактор «Восточного обозрения» либеральный народник И.И. Попов в своих воспоминаниях писал, что он «по идеологии был федералистом и примыкал к сибирякам, но шел дальше их». [6. С. 232]. Но, например, неонародник (эсер) С.П. Швецов в письме к А.А. Кауфману (б/д) свое «холодное» отношение к «Восточному обозрению» (при всем уважении «как честному органу»), неприятие направления «Сибири» объяснял тем, что не мог «сочувствовать, так называемому, сибирефильству»: «ставши на сибирефильскую точку зрения, можно договориться до геркулесовых столбов», а в теории — «до самых возмутительных выводов в области практики», поэтому не был уверен, что «по какому-нибудь серьезному вопросу русской народной жизни мы не разойдемся врагами». [2. Ф. 5101 (архив А.А. Кауфмана). Оп. 1. Д. 213. Л. 55]. Акцентированное внимание Н.М. Ядринцева на «специфически-сибирском» не разделял кружок С.Л. Чудновского в Иркутске («молодежь ... чувствовала себя ближе к «Сибирской газете»), «общероссийский», «общечеловеческий» подход к проблемам Сибири, критическое отношение «ко всем порядкам» Европейской России обуславливали отрицательное отношение к устремленности Н.М. Ядринцева ограничиться осуществлением в Сибири страдающих «массой дефектов» реформ второй половины XIX в. [7. Ф. 661 (архив М.К. Лемке). Д. 1205. Л. 1–3 об.]. Но и в среде областников в условиях ломки «государственного хозяйства и общественных отношений» развивался процесс «переоценки ценностей», например, областник В.И. Анучин пришел к убеждению, что «чисто сибирские вопросы» не могут питать художественную литературу». В 1898 г. из Петербурга он писал Г.Н. Потанину, что на местном, областном материале беллетристика должна «создавать произведения общечеловеческой ценности». [8. Ф. 381 (архив Г.Н. Потанина). Оп. 1. Д. 2-а. Л. 16 об.]. Разность идейных платформ и тактических подходов к решению вопросов «нужд» Сибири в определенной мере блокировали перспективу организационных связей областников и эсеров, о чем свидетельствует неудавшаяся попытка эсеров при поддержке Г.Н. Потанина в 1903–1904 гг. создать на общедемократической платформе блок оппозиционных сил («народников, марксистов и либералов») — организовать полулегальный «областной союз». Усилия эсеров не дали результатов по причине принципиального расхождения с областниками в подходах к разрешению «сибирских вопросов». В.И. Анучин в письме к Г.Н. Потанину от 14 февраля 1904 г. писал, что «связь со «стариками» у нас что-то плохо ладится», большинство «стариков»-либералов отнеслись к затее уклончиво и опасливо». [8. Ф. 381 (архив Г.Н. Потанина Оп. 1. Д. 2-а. Л. 27 об.-28)]. Сибирское областничество не разделяло и поколение «нового» либерализма, например, С.Г. Сватиков отмечал, что «вопрос о Сибири в областническом движении был настолько чужд редактору «Освобождения» и его сотрудникам, что никто из них в течение всех че-

тырех лет существования органа ни звуком о них не обмолвился». [9. С. 109]. Не удалось Г.Н. Потанину через В.И. Анучина получить поддержку в петербургских кругах в издании сборника «Сибирские мотивы», в 1898 г. В.И. Анучин в письме сообщал, что, «просвещенных капиталистов» «областничество в восторг ... не приводит». [8. Ф. 381 (Архив Г.Н. Потанина). Оп. 1. Д. 2-а. Л. 5].

С началом революции центрами политического самоопределения и консолидации основных направлений общественно-политической мысли и движения в Сибири становятся городские думы, редакции газет, высшие учебные заведения, общественные организации и профессиональные союзы, например, в Томске ведущую роль в процессе определения границ левого фланга либерализма сыграло Юридическое общество, газета «Сибирская жизнь», в Иркутске — Восточно-Сибирский отдел Всероссийского союза инженеров и техников, редакция газеты «Восточное обозрение», в Красноярске — общество врачей, в Тобольске — кружок при местном музее.

После событий 9 января 1905 г., в условиях быстрой политизации населения под лозунгом Учредительного собрания активность и консолидация либералов, в соответствие с политико-мировоззренческими ценностями развивались на платформе конституционализма, в политической реформе усматривался единственный возможный путь выхода страны из революционного кризиса. После событий в Томске 12 и 18 января 1905 г. решение совета Технологического института 29 января 1905 г. прекратить занятия до 1 сентября 1905 г. (аналогичное решение принял и Совет Университета) было мотивировано тем, что «необходимым и неизбежным условием мирного выхода из настоящего безвременья является обеспечение правового порядка, состоящего в неприкосновенности личности и жилища, свободе совести, слова, печати, собраний, союзов, уравнение общегражданских и политических прав всех лиц без различия сословий, национальности, вероисповедания и пола, независимость суда, участие свободно избранного народного представительства в осуществлении законодательной власти и в контроле над администрацией и бюджетом». [10. С. 117–118].

Политический радикализм, прежде всего западников-конституционалистов в начале революции вызвал ментальную реакцию в определяющихся контурах границ консервативного направления, представленного традиционалистско-монархическими структурами сибирского общества. Первыми правую реакцию на конституционализм и революцию выявили политизирующиеся городские думы. Так «четверо гласных Красноярской городской думы отказались подписать резолюцию думы с выражением сочувствия по поводу событий 9 января»,

часть гласных Томской городской думы при обсуждении событий 18 января в городе выступила принципиальным противником революционеров и высказала пожелание «открыто заявить о своем патриотизме и горячо выразить верноподданнические чувства своему возлюбленному монарху». [11. С. 53–54].

На идеологическом уровне контуры традиционалистско-консервативного течения проявились в мировоззренческих границах правого фланга распадающейся «земской партии» — славянофильского консерватизма шиповско-шереметевского толка, в конечном итоге определившее перспективу оформления правомонархического (в типологии и черносотенного) направления как самостоятельного политического движения в парадигме консервативно-славянофильской теории развития России. Выраженно реакция справа была связана с позицией экстраординарного профессора физики Томского Технологического института А.И. Ефимова (в будущем члена томского отдела Союза русских людей, крайне правого крыла Союза 17 октября и затем губернского отдела Союза русского народа) на содержание резолюции, принятой Советом Томского Технологического института на заседании 29 января 1905 г в явно выраженной формулировке введения в стране парламентаризма западноевропейского типа. По поводу студенческих выступлений в институте в январе 1905 г. и решения Совета прекратить занятия профессор выразил свое особое мнение в записке от 31 января 1905 г. («особое мнение» к протоколу заседания Совета 29 января 1905 г.). Позиция А.И. Ефимова была изложена в соответствие с теорией психологии масс Лебона и Фрейда — поведенческого стереотипа человека на уровне бессознательного. Профессор не мог поверить, что студенческая молодежь действительно увлечена лозунгами демонстрантов, которые «слишком уж противоречат не только существующему государственному строю, но и всяким мыслимым в близком будущем его видоизменениям». Массовый характер студенческих демонстраций и митингов в аудиториях института объяснял побудительными мотивами на уровне бессознательного, когда подавленная человеческая индивидуальность, придает гомогенному сообществу типологические качества «толпы-массы», тогда «временно и слепо увлеченное самыми крайними идеями», «организованное и экзальтированное меньшинство в состоянии аффекта принимает участие в действиях под красным знаменем «социальной революции» и лозунгом «долой самодержавие» и, умело воздействуя «то на ум, то на чувство», «сбивает с толку» и вовлекает в смуту находящееся под давлением «тайных сил» большинство. Поэтому А.И. Ефимов категорически отрицал, что причина студенческих волнений «лежит исключительно в недостатках государственного строя», по его мнению, источник заключается «главным образом в причинах нравственного порядка». С верой в «здоровую» со-

циально-культурную природу студенческой молодежи утверждал, что основная масса в искреннем раскаянии испытывает «тяжелое нравственное состояние и колебания», предлагал от имени Совета института указать студентам на «преступность дальнейших обструкций и демонстраций», на принцип беспартийности образования, «призвать ... к порядку» и исполнению своего долга «пред отечеством» и таким образом сохранить смысл «существования нашей школы». Вместе с тем, ситуация внутренней смуты, по мнению профессора, требует определиться институту в своем отношении к происходящим событиям (нарастание революционной агитации в среде учащейся молодежи и железнодорожных рабочих, принявшей «явно изменнический характер» с целью «возбуждения общей стачки по линии Сибирской железной дороги» и «вооруженных демонстраций») как подобает «высшей научной и при том государственной школе» и предложил выразить позицию института — «шагов постепенных и осмотрительных» «в это смутное время» — во всеподданнейшем адресе и таким образом продемонстрировать связь Технологического института с государством. Смысловое содержание адреса профессор А. И. Ефимов сформулировал с позиции неославянофильской консервативной политико-социологической теории, в частности, он указывал, что в адресе не должно быть ни малейшего намека, «что устраняло бы начало самодержавной власти», согласно учению Аксакова и Кавелина, имеющего «глубокие корни и в истории, и в умах народа». Соответственно политическая доктрина была сформулирована в границах шиповско-шереметевского фланга земского либерального консерватизма начала XX в.: самодержавие является гарантией «целостности и спокойствия государства», «само по себе» не исключает «ни широкого самоуправления, ни свободы и достоинства личности», ни общественного представительства в законодательных, судебных и административных «установлениях», «любое движение на почве конституционализма или борьбы партий приведут страну к не предвиденным катастрофам, примером которых могут быть студенческие волнения и банкеты 12 января 1905 г. в Томске, либо к анархии в виде «пугачевщины». Профессор считал необходимым выразить твердую уверенность в том, «что начала, высказанные ГОСУДАРЕМ в указе 12 декабря 1904 г. в своем дальнейшем развитии, при содействии верного ему народа, поведут к обновлению России и подъему народного духа и благосостояния», предлагал в «надежде на милость к увлечениям и заблуждениям» заверить императора в своей готовности «всеми силами служить» делу обновления. Единственно, с чем соглашался профессор — это включить в адрес пожелание дать свободу печати, «как способ, коим могло бы обнаружиться и выясниться то, что назрело и необходимо». Сам факт подачи адреса, по мнению профессора, должен был продемонстрировать полный разрыв института с революционной агитацией и консти-

туционализмом, стать выражением «желания в дальнейшем развитии русской жизни держаться родной почвы». [2. Ф.102. Оп. 99. 1907 г. Д. 77. Ч. 5. Т. 2. Л. 4–5 об]. В результате студенты I и II курсов (271 человек) под предлогом несоответствия уровня профессионализма званию профессора отказались посещать лекции, выполнять лабораторные работы под руководством А. И. Ефимова и обратились к Совету института с просьбой ввести параллельный курс физики в новом учебном году (протокол заседания Совета от 4 ноября 1906 г.). Не смотря на принципиальное возражение профессора, Совет большинством голосов принял решение удовлетворить постановление студенческой сходки. (протокол от 5 декабря 1906 г.). [2. Ф. 102. Оп. 99. 1907 г. Ч. 5. Т. 2. Д. 77. Л. 16, 22–22 об.].

Проявление разноплановых ценностных ориентиров в слабо дифференцированном общественно-политическом пространстве Сибири в начале Первой русской революции было вызвано и с реформаторским курсом режима — подготовкой рескрипта 18 февраля 1905 г.

Обсуждение вопроса представительства в Совете министров до выхода рескрипта 18 февраля 1905 г. на страницах «Сибирской жизни» отразило теоретико-мировоззренческую нерасчлененность «старого» и «нового» либерализма, одновременно — и намечающиеся контуры его внутренней дифференциации. Введение института представительства в политическую систему страны идеологи трактовали в основном в логике основных постулатов теории позитивизма («социологической науки»), проблему рассматривали в контексте эволюционной доктрины прогресса, становления личности, гражданственности — залога «настоящей и будущей жизни нашей страны и нашего народа», условия применения «грандиозных творческих сил земли», «сознательного гения самого народа». [12. 1905. 6 февраля]. Определяющим в идейно-теоретическом и политическом измерении направления «Сибирской жизни» была ориентация на либерально-западническую модель, но с учетом национальных, исторических, культурных традиций общества. Поэтому в теоретическом обосновании социально-политических позиций присутствовало обращение к поколению философов идеалистов — носителей «идей, за которые боролись люди 40-х годов», особая ценность которых заключалась в обладании «именно теми знаниями, которые необходимы при перестройке старого на новое в народной жизни», в активной гражданской позиции. Эволюционное развитие России в парадигме общеевропейского цивилизационного процесса связывалось и с ролью умеренного либерализма 40-х гг. XIX в. в подготовке крестьянской реформы 1861 г., историческое значение которой понималось с точки зрения реализации основополагающих либеральных ценностей, так как заданное крестьянской реформой развитие

(хотя и замедленное) российского общества идет «по пути освобождения личности от всяких видов закрепощения». [13].

В период обсуждения вопроса о созыве Земского собора «Сибирская жизнь» отразила и основные мировоззренческие ориентиры «казенно-патриотической» организации славянофильского толка «Русского собрания», проводником которых было «Новое время» А. С. Суворина. А. С. Суворин продолжал отстаивать курс реформ в границах самодержавного государства с установкой на политическую волю правительства, «широкую гласность» и «свободу критики» при обсуждении законопроектов. При этом выход из революционного кризиса связывал не столько с партийной борьбой (речь идет «ни о каких-то переходящих течениях, ни об игре в выгоды или невыгоды»), сколько с нравственными категориями — архетипами национального менталитета, на которые с началом революции попытались опереться умеренные правые («патриотизм, который поднимается высоко над частными интересами», национальное самосознание, осознание ответственности каждого за судьбу своей страны, «не смотря на разность убеждений», солидарность общественных сил), так как «дело идет о России, об ее положении внутреннем и внешнем, об ее целостности, об ее будущем», «каждый русский должен с этим считаться, иначе он не русский». А. С. Суворин призывал перейти от теоретической к практической деятельности с тактической установкой на объединение кружков и организаций, «доселе разбросанные, неопределенные», была сформулирована стратегическая задача сплотить эти разрозненные силы в партию. [12. 1905. 6 февраля]. Не случайно после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. призыв к созданию правой всесословной консервативной партии шел от РС, затем поддержанный «москвичами» и практической организационной деятельностью СРЛ. В Сибири правые впервые открыто заявили о своем существовании именно в границах религиозно — нравственных, политико-мировоззренческих ориентиров правого фланга фактически распавшегося земского либерализма шиповско-шереметевского (неославянофильского) толка с выходом 1 сентября 1906 г. томской газеты «Сибирские известия».

Одновременно с позиций позитивизма — соответствия политической системы объективному закону эволюции общества к гражданскому обществу и правовому государству на основе формирования обладающей всем объемом прав гражданской свободы личности — заявила о себе на страницах «Сибирской жизни» группа левых сибирских либералов («социальный позитивизм», «новый либерализм»), обозначив контуры разрыва «в политических ориентациях» с традицией идеалистической философии поколения 40-х годов XIX в., «отличительной чертой» которых стала пропаганда «конституционной демокра-

тии» и степень оппозиционности режиму. Профессор Томского университета И. Малиновский в статье «Общество и правительство (по поводу Высочайшего рескрипта 16 февраля)» писал, что «в новейшей историко-юридической литературе» «взгляд» К. Аксакова — «правительству — сила власти, земле — сила мнения» — «считается ошибочным», часть профессоров университета не рассматривает Земские собрания как представительные совещательные учреждения, так как их права определялись не законом, а обычаями, теперь представительные учреждения должны определяться точным законом на основе «опыта истории и указания науки». Профессор однозначно констатировал, что исторический опыт и наука «указывают на несостоятельность совещательных собраний народных представителей». Отсюда очевидной становилась ориентация на кардинальные реформы политического и социального строя России, на законодательный характер Земского собрания, всесословные, демократические представительные органы, формирующиеся на основе независимых выборов. [14].

Более четко контуры границ либерального (в основном левого фланга) и умеренно правого направлений общественно-политической мысли и движения в регионе стали определяться в период петиционной кампании с выходом указа Сенату 18 февраля 1905 г. и затем подготовки проекта земской реформы в Сибири согласно рескрипта 3 апреля 1906 г. на имя иркутского генерал-губернатора П. И. Кутайсова. Каналами активизации общественных сил стали городские думы и думские комиссии, в деятельности которых выявилась достаточно последовательная, хотя и слабо выраженная реакция справа, прежде всего на конституционализм в «упаковке» областничества, зачастую предложения слева по решению неотложных нужд Сибири корректировались справа с точки зрения, что поставленные вопросы уже признаны и рассматриваются «с высоты престола» (позиция Шильдер-Шульднера и Барта на заседании кружка Тобольского музея 11 марта 1905 г.).

По поводу выхода рескрипта 18 февраля городские думы официально продемонстрировали свою позицию в верноподданных адресах (Енисейская, Красноярская, Иркутская, Томская, Семипалатинская). Указ на имя министра внутренних дел Томская городская управа расценила как выражение готовности верноподданного «дворянства, земства, купечества, городских и крестьянских учреждений» «содействовать успешному выполнению возвещенных преобразований» в соответствии «желанию ГОСУДАРЯ совместной работой правительства и зрелых сил общественных достигнуть осуществления предначертаний, ко благу народа направленных», а сам рескрипт как залог «мирного прогрессивного течения русской жизни», знаменующий «начало новой эпохи, эпохи величия нашей дорогой Родины». Дума явно проявила политическую

ориентацию в русле умеренного земского конституционализма с присущими сибирскому либерализму чертами областничества. В границах мировоззренческой парадигмы «старого» либерализма в адресе на имя министра внутренних дел думцы указывали, что «только в постоянном единении со своим ГОСУДАРЕМ и участии в законодательных актах население г. Томска видит выход из того поистине тягостного положения, в котором находится в настоящее время дорогая наша Родина», обратив внимание властей на неотложные нужды отдаленной, находящейся в неравноправном положении с центром, территории (нет земств, суда присяжных), с пожеланием («осмелились просить») на пропорциональное к населению Европейской России представительство сибиряков «в собрании доверенных лиц» и надеждой, что пословица «до Бога высоко до Царя далеко» для сибиряков «отойдет навсегда в область преданий». При этом большинством голосов было отклонено предложение А. Н. Шипицина дополнить текст адреса положением Красноярской городской думы, касающееся условий, гарантирующих избрание действительно «достойных, доверием народа облеченных людей». [15. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2951. Л. 109 об.-111; 12. 1905. 10 марта].

Для обсуждения думских адресов, но главным образом записок в Совет министров, гласные стали собираться на частные собрания, где они могли «более свободно высказывать свои пожелания и мнения» (предложение гласного Томской городской думы М. С. Чернышова на заседании 22 февраля 1905 г.). [15. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2951. Л. 114]. Комиссии проявили общность позиций в вопросе представительства, при этом официальные формулировки с выражением «верноподданнических чувств» не соответствовали политическим позициям левых, которые на частных заседаниях обсуждали содержание записок конституционного характера, так как вопрос о реформировании городского самоуправления напрямую связывали с общеполитическими преобразованиями — созывом народного представительства с законодательными функциями, введением в стране гражданских свобод, как главного условия «ликвидации бюрократической системы управления и умиротворения страны» (Томская, Барнаульская, Красноярская, Иркутская городские думы). [16. С. 123, 125].

Под лозунгом Учредительного собрания в ходе обсуждения содержания записок в Совет министров в политическое движение втягивались и различные общества, не имеющие права «обсуждать политические вопросы», причем, в ряде мест заседания обществ с «присутствием посторонней публики» становились факторами открытых протестных выступлений под политическими лозунгами и «красными флагами».

На собрании Общества врачей Енисейской губернии 31 мая 1905 г. в городском театре под председатель-

ством «стоящего во главе революционного движения в Красноярске» доктора В. М. Крутовского, выступавшие «в резких выражениях порицали существующий строй», «призывали к свободе и перемене образа правления», критиковали политику С. Ю. Витте. Во время зачитания Козловым резолюции Пятигорского общества врачей из ложи первого яруса предположительно П. И. Кусковым были выброшены прокламации (одна из них «К обществу»). Собрание закончилось манифестацией с революционными песнями, лозунгами и «несколькими красными флагами», собравшиеся прошли по Воскресенской улице к Покровскому переулку, у магазина купца Дегтярева, «близ Покровского сквера», раздались выстрелы. По-видимому, это была провокация, по сведениям агентуры, из ворот магазина Дегтярева «выскочила молодая барыня с револьвером и стала ругать демонстрантов дармоедами и негодьями, смущающих народ, и пообещала их всех перестрелять», при этом сама «выстрелила в воздух», затем раздались выстрелы со стороны демонстрантов, после чего «началось беспорядочное бегство толпы». [17. Ф. 25. ОЦ. Д. 275. Л. 1, 5–7, 12.; Ф. 25. Оп. 6. К. 488. Д. 2663. Л. 1].

В Юридическом обществе идейно обоснованная теория прогресса в мировоззренческих взглядах университетской профессуры обусловила обсуждение вопроса полномочий представительства только в границах законодательного права. [18].

Рескрипт 18 февраля выявил наличие в общественно-политической жизни Сибири довольно значительные либеральные силы, которые, пройдя через несостоявшиеся завышенные ожидания периода деятельности Особой комиссии А. Г. Булыгина, в основной своей массе пойдут по пути радикализации, центр политической активности будет переходить на уровень самостоятельных организаций, и городских дум, надежды на реформирование политического строя на конституционных основах, как главного условия решения социально-экономических вопросов, станут связываться не с политикой государства, а с партийной борьбой за места в Государственной думе, допуская в тактике и радикальные средства.

В профсоюзном движении наиболее левые позиции в борьбе за конституцию в границах либерального движения занимал иркутский Союз инженеров и техников, проект платформы которого по основным положениям был близок к программе конституционно-демократической партии. [17. Ф. 600. Оп. 1. Д. 236. Л. 5–7].

В системе мировоззренческих ценностей стратегически тактика сибирских либералов-интеллигентов определилась на этапе подготовки Булыгинской думы, затем избирательного закона 6 августа и Манифеста

17 октября. Основная направленность тактической эволюции либералов была связана с работой обще земских съездов, которым, как отмечал И.И. Попов, «придавали большое значение». [10. С. 261, 264–265]. Постепенно очищаясь от областничества, генерация сибирских либералов-интеллигентов весной-осенью 1905 г. проявили тенденцию к объединению с общероссийским либеральным движением преимущественно в границах левого фланга освобожденчества, завершив свою политическую эволюцию с оформлением отделов партии кадетов.

Думские либералы освобожденческого толка в ходе обсуждения содержания адресов и записок проявили характерную черту русской интеллигенции — нетерпимость к мнению оппонентов, прежде всего справа, хотя отношение к монархистам-традиционалистам в сибирском либерализме оказалось не однозначным (правый фланг — октябристы на начальном этапе генезиса в ряде регионов стали центром притяжения правых). Но в целом не случайно впоследствии и умеренными, и крайне правыми культурно-типологический — западнический образ русского интеллигенции будет восприниматься в качестве главного «внутреннего врага» — разрушителя исторически сформировавшихся устоев-начал Российской государственности.

В период петиционной компании после выхода рескрипта 18 февраля 1905 г. явно проявилось открытое противостояние правых политическому радикализму конституционалистов. 30 мая в Красноярской думе гласные Н.Ф. Селянин и А.Ф. Комаров (в будущем члены Красноярского отдела Союза русского народа) «после преступной речи» П.И. Кускова (требовать немедленного созыва народного представительства, которое должно решить вопрос о войне), «сославшись на головную боль», оставили зал заседания, а затем совместно с гласным А.Г. Смирновым (организатор протопартийного объединения правого толка в Красноярске «Союза мира и порядка», на базе которого осенью 1906 г. был открыт отдел СРН) заявили особое мнение относительно принятой резолюции по вопросу представительства. Инцидент в думе в донесении Енисейского губернатора от 7 июня 1905 г. объяснялся позицией П.И. Кускова, который аргументировал свое выступление ссылкой на заявление 164-х местных жителей в Красноярскую думу и соответствие содержания записки своему выступлению по вопросу компетенции представительства решить вопрос о войне. Гласный Н.Ф. Селянин попытался снять с повестки заседания вопрос о представительстве с законодательными правами (заявление 164-х не значится в повестке собрания и не может обсуждаться), на что гласный В.М. Крутовский предложил ему покинуть зал заседания: «Если кто не желает слушать заявление, то может выйти на это время в другую комнату». [17. Ф.25. Оц. Д. 275. Л. 8 об., 10–10 об.]. Подобная ситуа-

ция сложилась и в иркутской комиссии. На возражение справа по поводу компетенции думы обсуждать вопрос о необходимости коренных реформ и изменении основного закона И.И. Попов предложил тем, кто не согласен покинуть заседание («ушел один Юзефович»). [10. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. С. 250].

Вместе с тем, реакция на митинги, организуемые революционной интеллигенцией (эсерами, социал-демократами) с участием рабочих, глубинных слоев традиционного социума свидетельствовала о наличии «питательной базы» (социоментальных предпосылок) формирующегося консервативно-монархического (правого, в типологии и черносотенного) движения в общественно-политическом пространстве региона. Летом 1905 г. в Барнауле митинг под лозунгом «Долой войну» закончился избиением агитаторов, так как они в своих выступлениях «затронули монархические и религиозные предрассудки толпы». [19. С. 184]. Соответствующую реакцию на угрозы разрушения жизненного уклада проявили и мещанские общества после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. То есть вопрос об «укорененности» правых партий, как и всей системы многопартийности на региональном уровне требует дальнейшего исследования.

Таким образом, еще до выхода Манифеста 17 октября 1905 г. в политико-мировоззренческом пространстве Сибири определились контуры границ не только основных направлений общественно-политической мысли и движения, но и размежевание направлений на течения: социалистическое и его разновидность неонароднического толка — эсеры (правые — левые), энесы, либеральное — прежде всего левый фланг (кадеты), слабее проявилось правомонархическое направление на базе религиозно-нравственной политической философии умеренного неославянофильского консерватизма шиповско-шереметевского толка (оформится в Томске в интеллектуальный «кружок» — отдел СРН еще до выхода Манифеста 17 октября). Причем, граница правого фланга либерализма — октябризма оставалась размытой и в период образования партийных комитетов и союзов после Манифеста 17 октября, первые протопартийные образования, такие как Тобольская партия Центра, отдел СРН в Томске после выборов в Государственную думу вошли в состав местных отделов Союза 17 октября и заняли место на его крайнем правом фланге, Красноярский союз Мира и порядка проявил тенденцию к образованию отдела Союза.

Статья подготовлена и опубликована при финансовой поддержке директора по Управлению бизнесом в Регионах России, Компании Coca-Cola Hellenic Алексея Александровича Селиверстова. Автор выражает искреннюю признательность и благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крутовский В. М. Периодическая печать в г. Томске // Город Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1912. 296 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. Освобождение. 1903. № 19.
4. Ищенко О. В. Студенческая и учащая молодежь как фактор общественной и культурной жизни Сибири (конец XIX — начало XX в.). Омск: Омский гос. ун-т, 2010. 498 с.
5. Сибирский листок. 1897. 2 января.
6. Попов И. И. Минувшее и пережитое: Сибирь и эмиграция. Воспоминания за пятьдесят лет Л.: Колос, 1924. Ч. 2. С. 232.
7. Институт русской литературы. Рукописный отдел (ИРЛИ РО).
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
9. Сватиков С. Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества в XIX веке). Прага: Изд-ние общества сибиряков, 1929. 120 с.
10. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 384 с.
11. Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1978. 169 с.
12. Сибирская жизнь.
13. М-ъ. 19 февраля 1861 г. // Сибирская жизнь. 1905, 19 февраля.
14. Малиновский И. Общество и правительство (по поводу Высочайшего рескрипта 16 февраля) // Сибирская жизнь. 1905. 25 февраля.
15. Областное Государственное казенное учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО).
16. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 — феврале 1917 г. Хроника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 400 с.
17. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
18. Малиновский И. Беседы по вопросам государственной жизни // Сибирская жизнь. 1905. 3 апреля, 24 мая.
19. Шемелев В. И. Барнаул в 1905–1907 гг. // Сибирские огни. 1925. № 4–5. С. 180–200.

© Корнеева Галина Андреевна (korn-galina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хакасский государственный университет

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ВОЕННЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI СТОЛЕТИИ

TO A QUESTION ABOUT SOME MILITARY ASPECTS INTERRELATIONS OF PEOPLES THE NORTH CAUCASUS AND THE RUSSIAN STATE IN THE XVI CENTURY

*R. Magomedov
A. Omarov*

Summary. The military aspect in the history of relations between the peoples of the North Caucasus and Russia is one of the most difficult issues in the history of science as a whole, a special turn of which dates back to the 16th century. The connection with this is the main task in this article, this is an attempt to reveal some basic trends in the military aspect of the relationship between the peoples of the North Caucasus and the Moscow state in the 16th century, where the emphasis is on military diplomacy and on comparing the armed forces of both sides, as well as on their armament.

Keywords: North Caucasus, Moscow State, Russia, military aspect, weapons, armed forces.

Магомедов Руслан Мухумаевич

Аспирант, Дагестанский государственный университет
oliverkromvel93@mail.ru

Омаров Абдулкадыр Исаевич

Д.и.н., профессор, Дагестанский государственный университет
levzerov@mail.ru

Аннотация. Военный аспект в истории взаимоотношений народов Северного Кавказа и России — это одна из самых сложных вопросов в исторической науке в целом, особый виток которого берет свое начало с 16 столетия. В связи с этим основная задача в этой статье — это попытка раскрыть некоторые основные тенденции военного аспекта взаимоотношениях у народов Северного Кавказа с Московским государством в 16 столетии, где основной акцент сделан на военную дипломатию и на сравнение вооруженных сил обеих сторон, а также на их вооружение.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Московское государство, Россия, военный аспект, оружие, вооруженные силы.

Военный аспект в истории человечества — это одна из основных форм прогресса и стагнации, а также один из важных адептов установления взаимных связей между различными культурно-духовными этно-составами [1]. Не последнее место этому *военному аспекту* отводится и во взаимоотношениях между *Русской цивилизацией* [2] и *Северо-Кавказским этно-микро-культурным миром* [3, 3–6].

Здесь не последней ступенью также является XVI столетие, когда Северный Кавказ представлял собой мир пестрых территориально-политических единиц, где как таковой отсутствовали силы способные сплотить и сформировать единую политическую структуру, и по этой причине растерзавшие друг друга в междоусобных войнах [3, 8–42]. В этом хаосе на Северном Кавказе ключевую роль в особенности и с XVI века, также играли Турция и Иран, каждая сторона которого хотели видеть территорию Северного Кавказа как свою провинцию.

В такой обстановке эти стороны неоднократно в 16 столетии сталкивались на территориях Северного Кав-

каза, защищая свои интересы, и привлекая для этого, путем подкупа многих феодалов, с той или иной стороны [4, 290–327], что практически лишало народов Северного Кавказа создания эффективного единого фронта для борьбы с той или иной внешней военной силой [3, 8–42].

И совсем другая, чуть ли не противоположная, картина у ядра *Русской цивилизации*, особенно начиная с 16 столетия, в лице которого выступает Московское государство [2].

Здесь еще со второй половины 14 столетия, под верховенством Москвы как военным, так и путем дипломатии идет объединение русских земель [5, 63–100.], но главным образом в этом процессе преобладает военный аспект, что не наблюдается на Северном Кавказе до 19 столетия [6, 11–235]. В этом аспекте для Московского царства к кульминационным событиям можно отнести Куликовскую битву 1380 года [7, 217–245], которая спровоцировала активный процесс борьбы за обведение русских земель, и стояние на реке Угре в ноябре 1480 года, избавившее русские земли от Ордынского Ига, и позволившее окончательно сформировать

ровать единую крепкую военную и территориальную опору для укрепления и расширения Русского государства [8].

Эти события заложили основу в Московском государстве для начала последующих активных как внутренних военно-политических процессов, так и внешних в 16 столетии [9, 49–67]. Касательно внешних, следует особо отметить присоединение Астрахани к Московскому государству в 1554–1556 году [10], открывшее прямой двухсторонний путь на Северный Кавказ [11, 508–510].

Этим путем в Москве воспользовались уже спустя 3 года после покорения Астрахани, овладев городом Терки (Тюмень), находившимся на одном из рукавов Терека. После этого он был заселен московскими стрельцами, донскими, гребенскими и уральскими казаками (получивших после название *терских*). Терки был обнесен деревянной стеной с башнями, то есть внешне выглядел как русская порубежная крепость [12].

А спустя еще три года Иван Грозный основал по просьбе своего тестя, князя Темрюка, укрепленный городок на Тереке специально для защиты Кабарды [12].

А спустя еще некоторое время началась постройка Терского городка, на месте падения реки Сунжи в Терек, вызвавшая недовольство не только у местного населения, но и у Турецкого Султана и его сателлита Крымского Хана, с читавших эти земли вотчиной Султана. Поэтому сперва его срыли в 1571 году, но потом, в 1578 году, все-таки восстановили [11, 512–519].

Такого рода характер отношений, а иногда и с прямыми боевыми столкновениями войск русских и некоторых Северо-Кавказских феодалов, был в этот период обычным явлением, но, при всей мощи русской армии [13, 58–70], терпели они здесь, в 16 столетии, и довольно ощутимые поражения [3, 9–41].

Так князю Хворостину «со многою ратью» приказано было в Дагестане в 1589 году построить две крепости на Койсе и в Тарках. Крепость на Койсе они возвели под руководством князя Долгорукого, но в Тарках им это сделать не удалось: русские войска не получили обещанной помощи от царя грузинского, Александра и потерпели поражение от войск дагестанских феодалов, потеряв чуть ли не 3 тыс. человек [3, 36–37]. Такие события, начиная с 16 столетия, вплоть до начала Смуты, где русская армия терпела довольно ощутимые поражения от недовольных ее экспансивной политикой Северо-Кавказских феодалов, были не единичными [14].

Но при этом некоторые Северо-Кавказские феодальные образования активно сотрудничали с русскими.

В том аспекте важное место занимает Кабарда, чья конница даже выступала в составе русских войск в Ливонской войне, и не только в той войне [15].

А теперь касательно сравнения вооруженных сил у Севера Кавказских феодалов и Московского государства 16 столетия, то разница, конечно же, громадная, особенно если учесть, что среди феодалов Северного Кавказа не было внутреннего единства [4, 290–305], а Россия являлась чуть ли не самой крупной *военной державой* того периода [13, 58–70].

К тому же из-за относительно, с экономической точки зрения, слабости региона [4, 355–358], феодалы региона не могли себе позволить формирование полноценных вооруженных сил, которые соответствовали требованиям того периода [13, 45–57]. Но при этом у этих феодалов были отряды *нукеров* кавалерии и пехоты [16, 44–45]. Так, по данным Аствацатуряна, которая ссылается на письменные данные жителя Дербента по имени Аллаги, датируемые 1597 годом, у Тарковского шамхала имелось на постоянной основе 1660 кавалеристов, а другие дагестанские феодалы располагали около 2500 кавалеристами [17, 10–11]. К тому же кроме отрядов из нукеров состав в случае крайней необходимости к ним, по их требованию так же присоединялись и отряды ополченцев [18].

Что касается вооружения вооружение у этих отрядов, то они в основном были вооружены холодными видами оружия. Неплохо они были знакомы и с современными для того периода стрелковыми видами оружия. Об этом, в частности, пишет и Аствацатурян. По ее данным, многие из этих отрядов имели не только луки и стрелы, но и ружья, большинство из которых было произведено на Северном Кавказе [19]. Об этом, в частности, также свидетельствует и известие о том, что в XV–XVI вв. кубачинцы, знаменитые на всем Кавказе оружейники, платили подать шамхалу Тарковскому по 30 ружей в год (по другой версии, 30 мер пороха). А кабардинцы впервые познакомились с огнестрельным оружием во время сражения с вторгшимися в Кабарду дагестанцами [20].

Потому не случайно известный кавказовед Е. И. Крупнов, считает, что XV–XVI вв. является временем распространения ручного огнестрельного оружия среди горцев Кавказа. Уже начиная с XV столетия, многие горцы Северного Кавказа начинают строить многоэтажные каменные боевые башни, с учетом использования при обороне не от лука со стрелами, как раньше, а от ружей. Исследования боевых башен в горных районах Северного Кавказа и Закавказья показало, что на стенах всех этажей этих башен, особенно второго, устроены бойницы для стрельбы из ружей.

Оказывается, что даже в самых глухих районах Северного Кавказа в эпоху позднего средневековья, огнестрельное оружие состояло на вооружении у многих воинов-горцев [21, 11]. Все это свидетельствует о налаженном производстве огнестрельного оружия на Северном Кавказе еще в XV столетии, но при этом им не была по карману артиллерия, являвшаяся очень дорогим

удовольствием даже для экономически развитых государств, но являвшаяся тогда **царицей войны** [22].

Подводя итоги, следует отметить, что XVI столетие стало как для России, так и для Северного Кавказа началом фетиля бомбы, которая взорвалась в XIX веке, о мощности которой до этого не знали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дэйви М. Эволюция войн. Режим доступа: http://www.libma.ru/isto_rija/yevolyucija_voin/p17.php.
2. Платонов О. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. Режим доступа: http://www.rusinst.ru/docs/books/o.a.platonov-russkaya_civilizaciya.pdf.
3. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе 16–19 веках. М, 1958.
4. Нарочницкий А.Л., Пиотровский В. Б. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.
5. Тихомиров М.Н, Бескровный Л.Г, Буганов В.И, Зимин А. А. Истории СССР с древнейших времен до наших дней. М. Наука, 1966. С. 63–100.
6. Дадаев Ю.У. Вооруженные силы государства Шамиля. Волгоград, 2016. С. 11–235.
7. Бескровный Л. Г. Куликовская битва. Москва: Наука, 1980. С. 217–245.
8. Несин М.А. К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на реке Угре. Режим доступа: http://www.re_enactor.ru/ARH/PDF/Nesin
9. Волков В. А, Воронин, В. Е, Горский В. В. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ с древнейших времен до конца XIX века. Москва. 2012. С. 49–67.
10. Брезгунова В. М. Присоединение Астраханского ханства в 1554–1556 гг. Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1696-prisoedinenie-astrahanskogo-khanstva-v-1554-1556-gg> 3.12.17.
11. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. Москва, 1962. С. 508–510.
12. Шишов А. В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. http://www.e-reading.club/bookreader.php/1015669/Shishov_-_Shvatka_za_Kavkaz._XVI-XXI_veka.
13. Дмитриев А. В. Военная история России (до середины XIX в.). Новосибирск, 2013.
14. Муцалханов М. Караманское сражение 1605 года в панораме веков. Режим доступа: <http://kumukia.ru/?id=1107>.
15. Каримов Т. М. На службе «БЕЛОМУ ЦАРЮ»: участие кабардинцев в Ливонской войне. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_12-2_20.
16. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е XVII века. Москва, 1963. С. 44–45.
17. Асвацатуриан Э. Г. Дагестанское оружие. Махачкала, 2014. С. 10–11.
18. Акбиев А.С., Абдусаламов М-П.Б. Соперничество кумыкских и кабардинских феодальных владетелей за гегемонию на Северо-Восточном Кавказе во 2-й половине XVI — 1-й половине XVIII века. Режим доступа: http://vestnik.narfu.ru/upload/iblock/be0/5_14.
19. Асвацатуриан Э. Г. Оружие народов Кавказа. Режим доступа: <http://fondadygi.ru/dmdocuments/Асвацатуриян%20Э.%20Г.%20-%20Оружие%20народов%20Кавказа%20-%202004>.
20. Багаев А.Б. О появлении огнестрельного оружия в Осетии. Режим доступа: <http://zilaxar.com/istoriya/ognestrel-v-osetii/>.
21. Крупнов Е.И. «Предисловие к XXIII тому» // «Материалы и исследования по археологии СССР». М.; Л., 1951. Т. XXIII. С. 11.
22. Тарасевич Ю. Артиллерия на рубеже веков. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post400561465>.

© Магомедов Руслан Мухумаевич (oliverkromvel93@mail.ru), Омаров Абдулкадыр Исаевич (levzerov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ С РОДИТЕЛЯМИ В ДЕТСКОЙ ШКОЛЕ ИСКУССТВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ РЕБЕНКА К КОНЦЕРТНОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ

METHODS OF WORK OF THE TEACHER WITH PARENTS AT CHILDREN'S SCHOOL OF ARTS AT PREPARATION OF THE CHILD FOR CONCERT PERFORMANCE

T. Anurova

Summary. the highest stage of musical education of a child in a children's art school is his concert-stage activity. The success of the concert performance of the child is ensured both by the high level of knowledge of the musical material, the responsibility for mastering it is assigned to the teacher, and the psychological mood of the child, in the formation of which parents can play a big role. Therefore, in preparing for a concert performance of the child, the teacher should use methods of working with parents, aimed at their participation in ensuring the success of the stage performance of the child.

Keywords: musical education, children's art school, concert-stage activities of students, interaction between the teacher and parents.

Анурова Татьяна Анатольевна

Аспирант, Белгородский государственный

национальный исследовательский университет;

Преподаватель, «Прохоровская Детская Школа Искусств»

tatjana.anurova@yandex.ru

Аннотация. высшим этапом музыкального образования ребенка в детской школе искусств является его концертно-сценическая деятельность. Успешность концертного выступления ребенка обеспечивается как высоким уровнем знания музыкального материала, ответственность за освоение которого возлагается на педагога, так и психологическим настроением ребенка, в формировании которого большую роль могут сыграть родители. Поэтому при подготовке к концертному выступлению ребенка преподавателем должны использоваться методы работы с родителями, направленные на их участие в обеспечении успешности сценического выступления ребенка.

Ключевые слова: музыкальное образование, детская школа искусств, концертно-сценическая деятельность учащихся, взаимодействие педагога и родителей.

В качестве высшего этапа работы при освоении музыкальной программы и получении музыкального образования можно выделить концертно-сценическую деятельность учащихся музыкальной школы искусств. Публичные выступления являются ответственным этапом для учащихся в процессе получения ими музыкального образования, и позволяют ребенку не только показать уровень технической стороны освоения им музыкальной программы, но и выразить свои чувства, собственное эмоциональное отношение к музыкальным произведениям, в которых выражается его индивидуальное понимание музыки. Публичные выступления всегда сопровождаются сценическим волнением учащихся, которое становится наиболее сильным в условиях экзаменационных отчетов, когда учащиеся получают оценку своей учебной деятельности. Сценическое волнение становится серьезным препятствием для реализации творческой энергии учащихся: от волнения ученик может просто забыть текст музыкального произведения и то, что до экзамена исполнялось им достаточно хорошо, на экзамене может быть исполнено плохо. Поэтому подготовка к концертным выступлениям становится отдельной важной темой в процессе получения музыкального образования ребенком и требует мобилиза-

ции сил не только педагогического сообщества образовательного учреждения, но и родителей.

Естественным является понимание того, что техническая сторона подготовки к концертному выступлению учащихся находится в пределах ответственности педагога. А вот психологическую сторону подготовки к концертному выступлению необходимо брать на себя родителям и работать в данном направлении в тесном взаимодействии с педагогом образовательного учреждения системы дополнительного образования.

Как в процессе подготовки учащихся музыкальной школы к концертному выступлению, так и на протяжении всего периода его обучения при получении музыкального образования взаимодействие педагога с родителями ребенка является важным и обязательным условием успешности освоения ребенком музыкальной программы. Цель работы с родителями заключается в создании единой воспитательной и образовательной среды «семья-школа». Реализация данной цели подразумевает выполнение следующих задач:

- ◆ необходимость объединения и координации совместной работы семьи и школы, направленной на решение образовательных и воспитательных

- задач, а также на выявление и решение возникающих в процессе образования ребенка проблем;
- ◆ необходимость приобщения родителей к совместной деятельности с педагогом при осуществлении мероприятий общественной жизни школы искусств;
 - ◆ необходимость знакомства родителей с программами обучения ребенка и планом мероприятий детской школы искусств с целью привлечения их к участию в данных мероприятиях;
 - ◆ осуществление консультационной деятельности педагога по отношению к родителям в вопросах организации самоподготовки ребенка и выполнения им домашних заданий [4, с. 155].

Выполнение данных образовательных и воспитательных задач взаимодействия педагога и родителей непосредственно влияет на процесс подготовки ребенка к концертным выступлениям.

В рамках решения образовательных и воспитательных задач при подготовке ребенка к концертному выступлению методы работы педагога с родителями могут быть:

1. Коллективными в виде родительских собраний, конференций, взаимодействия с Управляющим советом школы, фестивалей, творческих вечеров с выступлениями детей;
2. Групповыми в виде проведения классных родительских собраний, классных мероприятий, консультаций родителей по вопросам подготовки детей к концертным выступлениям;
3. Индивидуальными, подразумевающим консультации, беседы, телефонные разговоры, переписку педагогов и родителей [5, с. 71].

Как отмечал И.П. Подласов: при хорошей организации совместной деятельности школа и семья становятся партнерами в воспитании детей, в котором каждый имеет определенный круг задач и исполняет свою работу [7, с. 18]. Отношение семьи и ребенка к музыкальным занятиям часто осложняется особенностью музыкального образовательного учреждения, которые состоят в том, что обучение музыки подразумевает регулярную выработку определенного навыка. Это приводит к формированию проблемы систематического исполнения домашнего задания, которое формирует этот навык. Многие родители, к сожалению, не понимают специфик обучения музыке и поверхностно к ней относятся. Но многими учеными выдвинут целый ряд аргументов в пользу музыкального обучения. Именно поэтому стоит выделить конкретные методы совершенствования музыкально-педагогического процесса и установления сотрудничества между педагогом, ребёнком и его семьёй в процессе подготовки детей к концертному выступлению:

1. Присутствие на уроках родителей или членов семьи ребенка.

Этот аспект сопровождения имеет две точки зрения. С одной стороны, некоторым детям необходимо присутствие членов семьи или родителей на занятиях. Эти дети просто не могут воспроизвести и запомнить задания учителя, которые были представлены на занятии, из-за недостаточной концентрации внимания, малого объема памяти и иных физиологических параметров. Родители в таком случае выступают первоочередными помощниками, они могут объяснить алгоритм выполнения домашней работы, которая составлена совместно с учителем, а также контролировать эффективность и результативность ее исполнения.

С другой стороны, на практике встречаются гиперактивные и высокорезактивные дети, внимание которых может рассеиваться на занятиях и быть направлено не на музыкальный материал, а на реакцию членов семьи. Именно поэтому, нужно принимать во внимание обе стороны этого аспекта и подобрать нужный вариант через наблюдения.

2. Приобщение ребенка к концертной деятельности, заключающейся в посещении музыкальных театров, концертных программ филармонии и других концертных площадок города.

Семье ребенка по возможности нужно посещать мероприятия, которые организуются в классе специального инструмента. Дети будут рады видеть заинтересованность родителя по отношению к делу, которым они занимаются.

Также можно добавить рекомендации Л.З. Шайгардановой. Педагог предлагает осуществлять «музыкальный обруч» для родителей, целью которого считается успешное взаимодействие между педагогом и родителем. Родительские собрания считаются основной формой проведения «музыкального обруча», на них родителям предоставляется на ознакомление план работы, методика обучения детей и определяется перспектива деятельности.

Л.З. Шайгарданова также в собственной работе использует такие формы, как музыкально-педагогические практикумы, научно-методические семинары и тематические консультации по проведению и организации музыкальных семейных вечеров и праздников, формированию видеотеки по музыке, домашней фонотеки и прочее [9].

3. Посещение родителями концертных выступлений своего ребенка и выражение ему морально-психологи-

ческой поддержки и признания независимо от наличия ошибок в его выступлении. Ребенку важно знать, что он будет любим родителями при любом результате его деятельности. Это придаст ему уверенности в собственных силах и обеспечит успешность исполнения музыкальных произведений на конкурсах и концертах.

Родителям нельзя быть безразличными к концертам, которые проводятся в школе искусств, в особенности, если в этих концертах принимает участие их ребенок. Такие концепты полезны:

- ◆ с мотивационно-конкурирующей точки зрения (в концертах принимают участие сверстники и одноклассники ребенка, именно поэтому родитель может сравнивать и адекватно оценивать уровень исполнения собственного ребенка, в то время как ребенок будет мотивирован на дальнейшее развитие и успех);
- ◆ с музыкально-просветительской точки зрения (в большинстве случаев, концерты носят тематический характер).

4. Организация домашних концертов, связанных или не связанных с праздничными или знаковыми событиями в семье. Организацию домашних концертов важно начинать с малого количества приглашенных. Важным условием при организации домашних концертов является создание настоящей концертной атмосферы и награждение ребенка аплодисментами, одобряющими словами, несмотря на уровень концертного выступления. Ребенок должен почувствовать важность и нужность его игры на музыкальном инструменте для окружающих.

5. Организация совместного музицирования ребенка с членами семьи, позволяющего формировать у ребенка чувство сотрудничества и взаимной поддержки в процессе его исполнительской деятельности [2, с. 188].

Бывает часто, что в семье ребенка есть родственники, которые обладают определенными музыкальными навыками. Для семьи становится очень интересен опыт совместного музицирования. Такие выступления закрепляют первоочередное значение занятий музыкой в семье, так как базируются на свободном времяпровождении членов семьи и ребенка.

Важно подчеркнуть, что приобщение семей к музыке, а также формирование взаимодействия между педагогами и родителями способствует сплоченности семьи. Дети в таких семьях относятся ответственно к своим увлечениям и занятиям, ответственны за успехи, дисциплинированы. Г.С. Абрамова подтверждает эти выводы, отмечая, что успешность детей в обучении определяется множеством факторов, в частности, и верой родителей в их возможности и силы, реальной поддержкой родителей [1].

Применение данных методов взаимодействия родителей и педагога в процессе получения ребенком музыкального образования в детской школе искусств позволит минимизировать страх ребенка перед выступлениями на сцене и сделать для ребенка концертное выступление не только ответственным событием, но волнительным праздником, который станет стимулом для дальнейшего совершенствования музыкальных навыков учащегося детской школы искусств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, Г. С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов [Текст]. — 6-е изд. — М.: Академический проект: Альма Матер, 2006. — 702 с.
2. Баренбойм, Л. А. Музыкальная педагогика и исполнительство / Л. А. Баренбойм. — Л.: Музыка, 1974. — 337 с.
3. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений [Текст]. — СПб.: Питер, 2010. — 576 с.
4. Ильченко, Е. И. Индивидуальный подход к учащимся при организации домашней работы / Е. И. Ильченко — М.: Просвещение, 2004. — 213 с.
5. Коган, Г.М. У врат мастерства / Г. М. Коган. — М.: Классика-XXI, 2004. — 133 с.
6. Матвеева, Л. В. Педагогическое сопровождение ребенка и семьи в процессе музыкального образования / Л. В. Матвеева // Актуальные проблемы теории и практики музыкального образования: межвуз. сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. — С. 63–80.
7. Подласый, И. П. Педагогика: 100 вопросов — 100 ответов: учеб. пособие для вузов [Текст] / И. П. Подласый. — М.: ВЛАДОС-пресс, 2004. — 365 с.
8. Савшинский, С. И. Работа пианиста над музыкальным произведением / С. Савшинский. — М.: Классика — XXI, 2004 (ПИК ВИНТИ). — 189 с.
9. Шайгарданова, Л. З. Роль семьи в музыкальном воспитании детей в условиях системы дополнительного образования [Текст] // Художественно-педагогическое образование XIX века: анализ состояния и стратегия повышения качества профессиональной подготовки: материалы междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург 13–14 февраля 2007 г. / Урал гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007, С. 349–352.

© Анурова Татьяна Анатольевна (tatjana.anurova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ КАК ПРИОРИТЕТ СОВРЕМЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

VALUES ORIENTATION OF THE STUDYING YOUTH AS A PRIORITY OF MODERN EDUCATION

R. Akhmedova

Summary. The article analyzes the social situation of the Russian youth, its attitude to the modern reality. The conditions of formation of value orientations of students are analyzed, the factors influencing this process are designated. The author dwells on the existing system of Russian education, innovative technologies that contribute to the definition of the younger generation of their place in life, the formation of character, their own worldview and attitude to digital reality. In the article, at the same time, painful points on the body and in the soul of the most promising category of the country's population are revealed. We are talking about a partial loss of Russian national spirituality, patriotism, mercy and morality. The author emphasizes the fact that the state should pay maximum attention to the education and upbringing of the younger generation. The younger generation is undoubtedly in an extreme situation, but today its key role in the development of the state and society is becoming increasingly obvious, since young people are the generation on which the future fate of Russia depends. It is for this reason that the problems of young students require constant attention, urgent consideration and immediate solution by the state.

Keywords: youth, generation, value orientations, education priorities, rule of law, social policy, personality, society.

Ахмедова Ругия Надир кызы
Аспирант, Новосибирский педагогический
университет
rugiya76@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье анализируются социальное положение российской молодёжи, её отношение к современной действительности. Проанализированы условия формирования ценностных ориентаций учащейся молодёжи, обозначены факторы, влияющие на этот процесс. Автор статьи останавливается на существующей системе российского образования, на инновационных технологиях, вносящих свой вклад на определение подрастающим поколением своего места в жизни, на формирование характера, собственного мировоззрения и отношения к цифровой реальности. В статье, одновременно, вскрываются и болезненные точки на теле и в душе самой перспективной категории населения страны. Речь идёт о частичной потере русской национальной духовности, патриотизма, милосердия и нравственности. Автор статьи подчёркивает тот факт, что государство должно уделять максимум внимания образованию и воспитанию подрастающего поколения. Молодое поколение, бесспорно, находится в экстремальном положении, но сегодня все более очевидной становится её ключевая роль в развитии государства и общества, поскольку молодёжь являет собой поколение, от которого зависит будущая судьба России. Именно по этой причине проблемы учащейся молодёжи требуют неусыпного внимания, срочного рассмотрения и незамедлительного решения государством.

Ключевые слова: молодёжь, поколение, ценностные ориентации, приоритеты воспитания, правовое государство, социальная политика, личность, общество.

Смысл жизни любого индивида, его взаимоотношения с окружающей действительностью имеют своим фундаментом ценностные ориентации личности. Они, в свою очередь, формируются приоритетными установками социума, в котором живёт и развивается индивид. Нам всем хорошо известно выражение «другой менталитет». В этих двух словах ёмко заключены все характеристики и отличительные особенности конкретного отдельного общества, которое даёт жизнь, воспитание и образование своим членам.

Каждая семья имеет свои приоритеты в воспитании подрастающего поколения, отличительные от предпочтений соседей, знакомых и коллег. Они отражают социальную жизнь региона проживания этой семьи. Соответственно, принципы образования и воспитания молодого поколения в каждом отдельно взятом государстве в корне отличаются от этих важнейших социальных составляющих других стран современного мирового сообщества.

Российская Федерация, не являясь исключением из выше обозначенного списка, имеет свои направления и цели в воспитательно-образовательном процессе, демонстрирует подрастающему поколению особые ценностные ориентации для успешного формирования личности и гражданина России, ставит перед педагогической наукой специальные, сложные, но обязательные для исполнения задачи. Качество образования является одним из основных показателей прогрессивного развития любого цивилизованного общества.

Сегодня все более очевидной становится ключевая роль молодёжи, как особой социальной группы в развитии государства и общества, поскольку молодёжь являет собой поколение, от которого зависит будущая судьба России, и которое априори выгодно отличается от других групп населения состоянием здоровья, высокими показателями интеллектуальной активности и мобильности.

Молодёжь — это особая социально-возрастная категория, которая отличается не только возрастными рамками, но и своим статусом в обществе, являя собой переход от детства и юности к взрослой социальной и правовой ответственности. Некоторые учёные принимают молодёжь как совокупность молодых людей, которым обществом предоставляется возможность социального становления, молодёжь обеспечивается определенными льготами, но, в то самое время, ограничивается возможность их активного участия в определённых сферах жизни социума[9].

Как бы старшее поколение не критиковало российскую молодёжь, тем не менее, она не только интересуется общественными проблемами, но и однозначно стремится и готова участвовать по-сильному в их решении, особенно в урегулировании тех, которые соответствуют её жизненным ценностям и интересам. Задача общества создать такие условия для жизни и деятельности молодого поколения, чтобы его ценностные ориентации полностью совпадали с нравственными принципами правового демократического государства.

Цель данного исследования — на основании законодательных документов Российской Федерации, касающихся рассматриваемой проблемы, различных источников и публикаций по выбранной теме, исследовательских работ, предшествующих автору статьи, выделить и обозначить приоритетные направления воспитания подрастающего поколения в российском обществе на сегодняшний день. А так же наглядно показать эффективность их влияния на формирование ценностных ориентаций нашей учащейся молодёжи.

Объектом исследования определена особая категория населения России — учащаяся молодёжь со своими взглядами на окружающую действительность и соответствующими ценностными ориентациями.

Методологический фундамент данного исследования являет собой диалектический метод познания, который обеспечивает автору научный подход к изучению явлений современной общественной жизни и участия в ней молодого поколения страны. В ходе рассмотрения обозначенной проблемы применялись исторический метод, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-логический методы исследования. Кроме того, в работе использованы уже опубликованные в СМИ исследования и достижения науки в сфере педагогики, психологии, социологии и иных общественных знаний, относящиеся к проблеме, поднимаемой в статье.

Социальная функция государства многогранна и многообразна по видам и объёму деятельности государственных институтов[9]. Главное назначение соци-

альной функции государства — устранить или смягчить социальную напряжённость в обществе, не допустить большого разрыва между богатством и бедностью, естественными желаниями и возможностями личности, обеспечить неуклонное развитие системы здравоохранения, инновационное сопровождение системы образования и культуры, обеспечить равные стартовые условия самостоятельного жизненного пути для всех своих граждан.

Одним из важных аспектов социальной функции государства является обеспечение равного доступа к общественным благам каждой личности с целью развития и самосовершенствования. В частности, это касается государственного регулирования сферы образования и образовательных услуг.

В сравнении с предыдущим форматом, существовавшим в СССР, условия равного доступа к образованию в Российской Федерации явно сквернее. Переход значительной части средне-специального и высшего образования на платную основу значительно ограничил возможности получения образования для широкого круга слоев населения. Введённые компенсационные меры никоим образом не решили сложившихся проблем. Как результат, Россия проигрывает в области развития социального ресурса своим бывшим соратникам по социалистическому лагерю[11].

Обеспечение должного уровня развития гражданского общества в стране, вовлечённости граждан в общественные процессы также является важнейшей социальной функцией государства. Со стороны государства предприняты серьёзные меры для устойчивого развития некоммерческих организаций, общественных движений, ассоциаций, союзов.

Создан и успешно функционирует влиятельный Общественный совет при президенте Российской Федерации, объём финансирования некоммерческих организаций со стороны государства неуклонно растёт. Такой механизм позволяет перераспределять социальные функции между государством и общественными организациями[9].

Начало XXI века, как и столетие назад, ознаменовалось завершением одного дискурса и наступлением другого. Сформированные ранее концепты XX века становятся совершенно неэффективными. Устоявшиеся модели и теории социального государства, например «государство всеобщего благоденствия» уже совершенно не отвечают новым социально-экономическим реалиям[11].

Четвёртый этап промышленной революции, научно-технический прогресс, цифровая экономика и обще-

ственная жизнь ставят перед страной задачи, которые просто не рассматривались в рамках моделей социального государства XX века. В частности, футурологи прогнозируют в течение ближайших пяти лет исчезновение целого ряда профессий, а то и целых отраслей общественного производства, что не замедлит негативно отразиться на положении учащейся молодёжи.

В странах Бенилюкса абсолютно серьезно рассматривается вопрос перевода судопроизводства под управление искусственного интеллекта и, как следствие, исчезновение таких профессий как адвокат. В течение ближайших 10–15 лет предполагается уход большой массы трудоспособных граждан из области материального производства[12]. Перед государствами встают абсолютно новые социальные задачи, а концепции, предлагающие их решение на рынке философских теорий, отсутствуют в принципе.

Никто не может дать гарантии сегодняшнему абитуриенту, что через 5 лет обучения, выбранная им специальность останется востребованной на рынке труда. За последние несколько лет в нашей стране произошли серьезные социально-экономические изменения. Исчезла обязательная система распределения выпускников в вузах, появилась безработица. В связи с этим молодёжь вынуждена большое внимание выбору профессии и своему профессиональному будущему[11].

С эволюционным развитием общества, качественными преобразованиями в трудовых отношениях, социальным положением конкретного государства понятие «профессия» приобретает ещё одну, достаточно существенную характеристику — модная, не модная; современная или не очень.

Если раньше выбор профессии ориентировался на доступность получения образования (расположение вуза недалеко от дома, небольшой конкурс, малая затратная часть, удобство совмещения учёбы с трудовой деятельностью и так далее), то в настоящее время молодёжь, как правило, в первую очередь обращает внимание на престижность выбираемой ею профессии.

Профессиональное становление личности начинается с того момента, когда человек впервые задумывается о будущей деятельности, пытаясь определить эти круг своих интересов и объем знаний, необходимых для достижения цели. Ситуация на рынке труда во много зависит от того, насколько правильный выбор сделает молодёжь, определяясь со своим местом в жизни, насколько их выбор будет соответствовать их желаниям[6].

Молодые люди нередко вынуждены выбирать профессию, исходя из предполагаемой в будущем матери-

альной обеспеченности, которую им может обеспечить далеко не каждое рабочее место.

Сложность в определении специальности, по убеждению некоторых социологов, состоит ещё и в том, что уровень профессиональной ориентации в нашей стране остался, образно говоря, на уровне тех лет, когда человек впервые полетел в космос, то есть на уровне начала второй половины прошлого столетия[6].

Сегодня вопрос качественной профессиональной ориентации стоит, как никогда, остро. Причин такому положению дел великое множество. Одна из них — недостаточная информированность подрастающего поколения о современном состоянии рынка труда. Подростки зачастую делают свой профессиональный выбор, не исходя из своих способностей и склонностей, а опираясь исключительно на свои знания о знакомых им профессиях.

Результатами не правильного определения школьниками своей будущей профессии становятся недовольство полученной в процессе длительной учебы специальностью, неудовлетворённость своим трудом, отсутствие желания ходить на работу. В конечном итоге, подобный выпускник с дипломом о высшем образовании превращается в несчастного человека, который просто автоматически выполняет свои обязанности, как в семье, так и на рабочем месте[12].

В этих новых условиях отсутствие адекватного государственного ответа на возникающие социальные проблемы грозит серьезным ростом социальной напряженности. И Россия, как государство, уже сейчас обязана формировать некие социальные лаборатории, способные оперативно и креативно создавать социальные стартапы, способные динамично реагировать на быстро меняющиеся социальные условия и поддерживать социально-экономическое благополучие учащейся молодёжи, параллельно формируя её ценностные ориентации[14].

Ценностные ориентации — это избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выраженная в сознании и поведении, способ дифференциации человеком объектов по их значимости.

Можно заключить, что к ценностным ориентациям относится внутренний компонент самосознания индивида, который влияет на мотивы, интересы, установки, потребности личности.

В современной России осознается некоторое падение нравственности учащейся молодёжи, что означает

смену ценностных ориентаций людей под влиянием различных обстоятельств. Можно сказать, что на сегодняшний день в стране складывается новая морально-нравственная атмосфера, происходит переоценка ценностей, их творческое переосмысление, развернулись споры о преобразованиях во многих сферах человеческой жизни, в том числе и духовно-нравственной, моральной. В этой связи становится понятным особое значение ценностных ориентаций молодежи.

Сегодня молодежь большую часть информации получает из СМИ, поэтому черты характера молодого поколения отчасти формируются именно под воздействием рекламы. Можно говорить о том, что в современном обществе реклама выступает мощным рычагом стандартизации восприятия мира молодежью. Следовательно, можно рассматривать рекламу как один из факторов социализации молодежи, особенно если речь идет о социальной рекламе. По этой причине её качество и интеллектуальная направленность должны постоянно быть в поле зрения административных органов[14].

Молодёжь сегодня достаточно зависима от социальной рекламы, но на улицах городов мы не найдём ни одного баннера, плаката, по телевидению не увидим ролика, которые знакомили бы молодое поколение с востребованными на сегодняшний день специальностями. Эфир перенасыщен развлекательными шоу, судебными разборками, кулинарными поединками, разговорами о здоровом образе жизни и вечными политическими дебатами. Но ни у кого нет времени, желания или средств на целенаправленную демонстрацию старшеклассникам людей востребованных на сегодняшний день профессий. К примеру, мало кто из молодых людей имеет сведения о том, что российское государство крайне нуждается в грамотных, квалифицированных технологах любого производства, как в пищевой промышленности, так и текстильной, и любой другой[6]. Как мы можем заметить, оснований для «живучести» существующей проблемы выбора профессии великое множество. Однако причину негативного явления не достаточно обнаружить, её следует незамедлительно искоренить.

В частности, нашей законодательной власти и исполнительной нужно позаботиться о правовом решении вопроса гарантированного трудоустройства молодого специалиста. Тот факт, что после окончания вуза девушки будут отказывать в предоставлении вакансии в связи с наличием маленького ребёнка, а юноше — по причине отсутствия опыта работы, также является благоприятной средой для прорастания проблем с выбором профессии у молодежи.

Выбор направления в получении образования и непосредственно профессии является серьёзной работой

на будущее, предвещающая творческий потенциал человека, общества, цивилизации, формирующая мировоззренческие, поведенческие, экономические и нравственные приоритеты[6].

На текущий момент государством дан социальный заказ: формировать личность с высоким нравственным потенциалом. Концепция модернизации российского образования провозгласила воспитание первостепенным приоритетом педагогической деятельности, а важнейшими задачами воспитания — формирование у молодёжи гражданской ответственности, духовности, культуры, способности к успешной социализации в обществе. Модернизация общеобразовательной школы как базового звена образования предполагает ориентацию образования на развитие личности учащегося, а не только на усвоение суммы знаний[8].

Для современного правового государства приоритетным направлением является сохранение и поддержка института семьи, где чтятся моральные и культурные ценности, соблюдаются права и учитываются интересы всех членов семьи.

Воспитание и развитие учащейся молодежи — один из наиболее значимых вопросов современного социума, который необходимо решать с применением всего современного социокультурного и образовательного потенциала. Научиться осваивать исторические знания культуры общества, разбирать его традиции и обычаи — это не просто восхождение к культуре современного общества, на что ориентирована социокультурная молодёжная среда, это и необходимый толчок и мотивация к развитию созидательной деятельности, при которой возможно создавать новые уникальные культурные продукты[8].

Без предоставления населению достойного высшего образования и целенаправленных научно-исследовательских изысканий ни одно государство не в состоянии обеспечить истинное устойчивое развитие всех сфер жизнедеятельности общества: социальной, материально-экономической, политической, и обязательно духовной, к основным составляющим элементам которой относится образование.

В современных условиях качественное высшее образование обретает положение ведущего фактора экономического и социального прогресса. Модернизация общества и образования устанавливает перед молодежью определенные задачи, которые призывают к различным модификациям в социально-ориентированной деятельности и в то же время требуют её равноправного активного участия. Особую значимость в создании данной

1. Как вы предпочитаете проводить свободное время? Можно отметить несколько вариантов ответа.

Рис. 1. Результаты опроса молодых людей о предпочтениях занятий в свободное время.

активности личности приобретает воспитательная деятельность, нацеленная на организацию культурно-досуговой деятельности молодёжи. Можно выделить следующие особенности:

- ◆ культурно-досуговая деятельность должна охватывать широкий спектр форм, способствующих формированию творческой активности учащейся молодёжи в рамках вуза или иного образовательного учреждения;
- ◆ каждый вид культурно-досуговой деятельности должен предлагать соответствующие условия для переноса мотивов и реальных возможностей в другие виды социально-профессиональной деятельности студентов[8].

С целью выяснения интересов учащейся молодёжи в вопросах организации своего личного времени автором было проведено социологическое исследование, направленное на изучение качественных характеристик по развитию социокультурных технологий среди моло-

дежи. Участниками опроса стали студенты факультета СПО Новосибирского ГАУ.

Опрашиваемым молодым людям предлагалось ответить всего на два вопроса, первых из которых о том, как молодёжь проводит свободное время. Большинство респондентов не выбрали более 3 вариантов ответа, которые и стали самыми распространёнными (рис. 1).

В следующем заданном вопросе было уточнено, какие современные развлекательные технологии знает учащаяся молодёжь, на какие больше обращает внимание.

Здесь также можно было отметить несколько вариантов ответа. Как и предполагалось ранее, наиболее популярными видами стали КВН и «Что? Где? Когда?», то есть две телевизионные игры. Как известно, эти клубы имеют аналоги практически в каждом городе. В то же время, видами современного туризма практически никто

2. Какие современные развлекательные технологии вы знаете? Можно отметить несколько вариантов ответа.

Рис. 2. Результаты опроса молодых людей о современных развлекательных технологиях.

не интересуется. Возможно, это связано с тем, что наиболее популярными являются спортивные мероприятия типа «кроссфит», в то время как организованные походы не столь известны, хотя они являются более интересными видами активного отдыха. Увы, в разрез с этим идет популярность негативной формы отдыха в виде ночных клубов и баров (рис. 2).

Несмотря на то, что 4 человека объясняли свою пассивную позицию именно нехваткой времени, очевидно, что свободное время есть всегда, а социально-культурная сфера построена именно так, чтобы свободное время было позитивным, качественным, полезным.

Российская учащаяся молодёжь на сегодняшний день составляет не только самую перспективную, сильную и трудоспособную часть населения страны. Она относится и к наиболее восприимчивой, ведомой категории. По этой причине требует от государства всяческого внимания, чуткости и всяческого участия для решения на-

сущных задач и постоянно возникающих проблем в связи с ускоренным сегодня развитием интеллектуальных возможностей личности и общественных отношений.

Развитие умственного и творческого потенциала учащейся молодёжи, формирование её ценностных ориентаций невозможно без создания для молодого поколения надёжной материальной базы, достойной и обязательно доступной системы образования, а также включения этой наиболее активной части населения в организованную социально-культурную деятельность.

Не прекращаясь, должна вестись интенсивная работа «педагогического коллектива» страны по формированию воспитывающих элементов в сознании молодого поколения. Российским государством должны разрабатываться и реализовываться различные целевые программы, основной целью которых будет являться формирование общекультурных компетенций учащейся молодежи, её высоконравственных ценностных ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкина О. Н. Дополнительное образование — пространство социализации // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2011. № 5. С. 38–42.
2. Букин В. П. Система регулирования занятости молодежи в регионе. / В. П. Букин — Саранск, 2008. -125 с.
3. Бочавер А. А., Жилинская А. В., Хломов К. Д. Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 31–38.
4. Вашурко С. Н. Здоровый образ жизни, досуг и отдых молодежи: проблемы и пути формирования // Молодежь и рынок труда: конкурентоспособность в современных социально-экономических условиях в России и за рубежом Сборник научных статей международного форума. Омск, 2015. С. 79.
5. Галагузова М. А. Образование против преступности /М.А. Галагузова //Педагогика.-2007.-№ 3.-С.103–111.
6. Глуханюк В. П. Профессиональная ориентация молодежи / В. П. Глуханюк. М. — Проф-пресс, 2003. 41–42 с.
7. Гафиятуллина Л. А. Инновационные формы досуга современной молодежи // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. Материалы Международной электронной научно-практической конференции. 2017. С. 474–479
8. Ефимова И. А. Повышение качества высшего образования в Российской Федерации // Российское предпринимательство. — 2011. — № 5 Вып. 1 (183). — с. 151–154.
9. Иваненков С. П., Кусжанова А. Ж. Молодежь и государство: инновационные подходы. Оренбург: Газпромпечат, 2009.
10. Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления / В. И. Ильин. — Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2007. — 388 с.
11. Капустина Л. Б. Глобализация в экономике, политике и культуре // Управленческое консультирование. 2011. № 1.
12. Кочетков А. В. Теория правового регулирования государственной молодежной политики в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010.
13. Мусянко Т. В., Лукин В. Н. Изменение культурных ориентаций как тренд глобального развития // Credo-new. 2008. № 3(55). СПб.: Архей, 2008. С. 183–207.
14. Соколов А. В. Феномен социально-культурной деятельности / А. В. Соколов. — Санкт-Петербург: СПбГУП, 2003. — 204 с.

© Ахмедова Ругия Надир кызы (rugiya76@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛАТИНСКИЕ КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Бородина Мария Анатольевна

К.филол.н., доцент,

Российский университет дружбы народов

kokocinel@mail.ru

LATIN PRACTICE SENTENCES AS ONE OF THE EDUCATIONAL ASPECTS DURING FORMATION OF PHYSICAL CULTURE OF MEDICAL STUDENTS

M. Borodina

Summary. in this article Latin expressions are considered as one of the necessary factors of educating of the students of medical schools and universities, formation of their healthy personality. Four groups of chosen Latin practice sentences of the famous philosophers and literators of antiquity such as Seneca, Pliny the Elder, Cicero, are explored by the author. Correct nutrition and hygiene, regular physical and mental labor, physiological health of a person as a consequence, overcoming difficulties that lead to future positive result, are necessary attributes of a doctor with higher professional level, who must consciously and thoughtfully form each his step on the way to overcome the human disease.

Keywords: physical culture, physiology of soul and body, correct nutrition, Latin Language, formation of personality.

Аннотация. в статье рассматриваются латинские крылатые выражения как один из необходимых факторов воспитания студентов медицинских вузов, формирования их здоровой личности. Предлагается на изучение четыре группы отобранных афоризмов известных философов и литераторов античности. Правильное питание и гигиена, постоянный физический и умственный труд, физиологическое здоровье человека, и как следствие преодоление трудностей, приводящих к будущему положительному результату, — являются необходимыми атрибутами профессионала-медика, который уже со студенческой скамьи должен осознанно и продуманно строить каждый свой шаг по пути преодоления человеческого недуга.

Ключевые слова: физическая культура, физиология души и тела, правильное питание, латинский язык, формирование личности.

Формирование нравственных и физических ценностей студента является неотъемлемой частью проблемы воспитания молодого поколения. Осознание студентами значимости своей будущей профессии является фактором мотивации обучения, от чего зависит и качество подготовки специалиста, и формирование его «нравственно-ценностного самосознания» [5]. Безусловно, процесс развития будущего специалиста невозможен без развития его внутреннего мира и физического образа жизни.

Физическое развитие и поведение имеет немало важное значение в профессии врача, поскольку последний должен быть сильным и здоровым, обладать санитарно-гигиеническими навыками. Врач обязан следить за своей осанкой и походкой, быстро реагировать на происходящее, с ловкостью преодолевать возможные трудности, стремиться выработать режим своей деятельности как профессиональной, так и личной.

Психолого-педагогический аспект физического воспитания является одним из основополагающих в станов-

лении личности будущего специалиста, тем более медика, который должен заботиться не только о здоровье своего пациента, но и о своем собственном.

Поэтому каждый преподаватель, работающий со студентами медицинского факультета, вдвойне обязан воспитывать и развивать в своем подопечном навыки физического здоровья.

Более того, необходимо и преподавателям по физической культуре уделять особое внимание именно студентам медицинских специальностей, так как без профессиональных знаний в области занятий спортом, предупреждения травм, различного ряда заболеваний и соблюдения правил личной гигиены в ходе выполнения физических упражнений, невозможно в полном объеме владеть своей будущей профессиональной деятельностью.

Говоря о преподавателях-латинистах, регулярно выступающих в роли куратора студенческой группы (от лат. *curator, oris m* — тот, кто заботится, ухаживает, лечит,

надзирает, воспитывает; попечитель; управитель, заведующий [1, с. 215]), необходимо отметить, что в своей деятельности они за помощью могут обратиться к античности, к выражениям мудрых философов, оставивших свое наследие в памятниках древней литературы.

Изучая различные справочники и словари с крылатыми латинскими выражениями, характеризующими так или иначе физическое здоровье человека, можно разделить последние на несколько тематических групп в зависимости от смыслового контекста, заложенного в фразе.

Первую группу представляют собой выражения, в которых здоровье человека прямо пропорционально его питанию и гигиене, другими словами, правильное питание человека помогает сохранить здоровье или его улучшить. В частности, *Fructus cape cum pane, si vis vivere sane* — «Ешь фрукты и хлеб, если хочешь быть здоров» [2]. Дословно первая часть переводится как «поглощай фрукты (плоды) с хлебом», иными словами, хлеб рассматривается как основной продукт питания или даже пропитания, а слово «*fructus, us m*» с латинского языка переводится как «плод», включающий в себя не только фрукты как таковые, но и овощи. В результате данное выражение несет в себе вполне ясный смысл, что при правильном потреблении овощей и фруктов с хлебом, человек будет всегда сыт, и, следовательно, здоров.

Natura homo mundum et elegans animal est — «Человек по природе — это существо чистое и опрятное» [2]. С латинского языка «*mundus, a, um*» [1] обозначает чистый, опрятный, далее изящный, элегантный, «*elegans, ntis*» [1] — разборчивый, изысканный, искусный, утонченный, красивый. Исходя из значений латинских прилагательных смысл данного изречения, принадлежащего Сенеке («Нравственные письма к Луцилию, 92, 12»), намного шире. Перед нами полное описание тех качеств человека, которыми он должен обладать и тем самым отличаться от животного: чистота души и тела, чистота мыслей и поступков. У Сенеки: «Выбрать чистую одежду — это достойный пример стремлений, потому что человек по природе — существо чистое и опрятное... Благо — не в самой вещи, а в ее выборе» (пер. С. Ошерова). Униформа медицинского работника — чистый белый халат или чистый голубой (или зеленый) хирургический костюм и шапочка — настраивают пациента на позитивный лад и самого медика на приятную и плодотворную работу, располагают доктора к больному.

Вторая группа афоризмов несет в себе смысл постоянного труда как физического, так и умственного. Регулярная и неустанная работа над самим собой может привести к физическому и духовному здоровью. *Nulla dies sine linea* — «Ни дня без линии» [2], следовательно, ни дня без труда, пусть немного, но приложить усилия

к достижению своей цели, следовательно, для студента — это ни что иное как становление профессионально развитой личности врача или фармацевта-провизора. Источником данной фразы является рассказ Плиния Старшего об Аппелесе, греческом живописце IV в. до н.э. («Естественная история», XXXV, 36, 12) [4]. Данный художник имел одну отличительную особенность: как бы он ни был занят, ни одного дня не пропускал, не упражняясь в своем искусстве, проводя хоть одну линию, что и послужило основанием для поговорки «*nulla dies sine linea*». Это выражение может послужить превосходным девизом не только для художников и писателей, но и для врачей, которые должны каждый день развиваться и совершенствоваться в медицине, дабы не стать наказанием для людей.

Studia adolescentiam alunt — «Занятия питают юношей» [2]. В действительности данное изречение Цицерона намного шире его перевода. Рассмотрев значения слов, входящих в выражение (глагол *alo, alui, alitum, ere* обозначает вскармливать, взращивать, развивать и укреплять, залечивать и исцелять; *studium, i n* — это старание и усердие, стремление, занятие и профессия, изучение, наука) [1], получаем, что речь идет не просто о занятиях, а о профессии, о науке или той отрасли знаний, которой себя посвящает человек и самое удивительное заключается в том, что истинное стремление и усердие в своей профессии способно исцелить человека, то есть открыть перед ним истину знания. Цицерон в своей защите поэта Архия говорит (VII, 16): «Занятия питают юношей, приносят усладу старикам, украшают в счастье, служат убежищем и утешением в несчастье».

Ad cogitandum et agendum homo natus est — «Человек рожден для размышления и деятельности» [2]. Заниматься и рассуждать — вот основные постулаты человеческого существования. *Corpora juvenum labore firmantur* — «Тела молодых укрепляются трудом» [2]. В основе выражения лежат слова Цицерона («Тускуланские беседы, II, 15, 36»): «Привычка к труду облегчает и перенесение боли. Потому-то устроители греческих государств и старались закалять трудом тела юношей» (пер. М. Гаспарова). С латинского языка глагол *firmo, avi, atum, are* обозначает делать сильным, закалять, укреплять, поддерживать и в медицинском контексте — закреплять. Следовательно, занимаясь определенным делом, работая над поставленной целью, человек отвлекается от своих недугов, неприятностей, отходя от них, тем самым закаливает свое тело, становится сильнее и в результате самоутверждается.

Третья группа крылатых выражений направлена на физиологическое здоровье человека, формирование навыков принятия самостоятельных решений в отношении поддержания и укрепления своего здоровья,

на воспитание привычек, а затем и потребностей в соблюдении правил личной гигиены, на соблюдение элементарных правил поддержания своего тела в чистоте.

Hygiene amica valetudinis est — «Гигиена — подруга здоровья» [2]. Зачастую преподаватель сталкивается с проблемой неприятного запаха от студентов, вследствие их нечистоплотности. В данном случае может помочь данный афоризм, поскольку, когда обучающиеся узнают о том, что слово «гигиена» произошло от имени греческой богини здоровья Гигиены, дочери бога-врачевателя Асклепия, которая изображалась в виде молодой женщины, кормящей из чаши змею, ставшей эмблемой медицины, и начинают понимать, что врач, несущий здоровье человеку неотделим от чистоты, т.е. гигиены, молодые студенты-медики начинают задумываться над чистотой своего тела. В латинском языке слово «змея» переводится как *vipera*, а *f* от *vivus* + *pario*, что значит «живой» и «рождать, производить» [1]. Данный смысл символизирует и предзнаменование судьбы, и жизнь, и смерть.

Mens sana in corpore sano bonum magnum est — «В здоровом теле здоровый дух — великое благо» [2]. Другими словами, если человека не отягощают болезни, и он далек от боли и недугов, тогда и его сознание будет работать только на обогащение его духовного начала, поэтому необходима постоянная работа над сохранением и укреплением своего здоровья.

Четвертая группа крылатых выражений обозначает тяжелый труд и терпение ради достижения победы над самим собой. *Citius, altius, fortius!* — «Быстрее, выше, сильнее!» [2], известный девиз Олимпийских игр и надпись на олимпийских медалях. Игры получили свое название в честь Олимпии — небольшого городка на юге Греции, где находился храм Зевса Олимпийского с его знаменитой статуей работы афинского мастера Фидия, которая считалась в древности одним из семи чудес света. При храме находилось и место для посвященных Зевсу состязаний. Игры проводились раз в четыре года, во время летнего солнцестояния, начиная с 776 г. до н.э. по всей Греции на эти 5 дней объявлялось священное перемирие. Состязались в беге, прыжках в длину, метании диска и копья, борьбе, впоследствии — в верховой езде, езде на колесницах и поэтическом мастерстве. Победителей награждали оливковыми венками и почитали как любимцев Зевса: устраивали в их честь праздники, воздвигали статуи, слагали хвалебные оды. Олимпийские игры были отменены римским императором Феодосием в 394 г. до н.э., при котором окончательно в империи установилось господство христианства. Как всемирные спортивные соревнования они проводятся с 1896 года, в первый раз — в Афинах. Данный афоризм помогает осмыслить путь достижения своей цели: не просто стать

доктором, а профессиональным, не просто знать, как поставить диагноз, а постоянно стремиться узнавать что-то новое, чтобы опередить болезнь, распознать ее в зародыше.

Parit patientia palmas — «Пальмовую ветвь добывают терпением», дословно «терпение рождает пальмовую ветвь» [2], то есть терпением и постоянным трудом человек может достигнуть своей цели, пальмовая ветвь в данном случае выступает в качестве результата, говоря о медицинском вузе или факультете — это становление квалифицированным специалистом, способным распознать заболевание и назначить правильное лечение.

Amat victoria curam — «Победа любит старание» [2]. Слово «*cura*, а *f*» в переводе с латинского языка обозначает забота, старание, усилие к своему делу, далее любознательность и пытливость, то есть стремление узнать и понять суть своего дела, затем исследование как научное рассмотрение или осматривание для выяснения и установления чего-либо, труд, работа как вид определенной деятельности, уход и лечение, почитание и надзор [1]. Таким образом, слово «*cura*, а *f*» в данном афоризме многозначное и включает в себе все основные этапы достижения результата и его поддержания. Перед нами постоянная и очень тяжелая работа и физическая, и умственная.

Продолжением данного выражения является изречение из сборника сентенций Публилия Сира: *Bis vincit, qui se vincit in victoria*, который переводится как «Дважды побеждает тот, кто, одержав победу, побеждает и самого себя» [2]. Медицинское образование не заключается в получении диплома, студент должен пройти путь становления от неопытного студента до начинающего практиканта и от практиканта до уверенного врача, но врача постоянно развивающегося, стремящегося к новым знаниям и новым открытиям, к познанию самого себя. Не возгордиться, не потерять свое личностное начало при достижении определенной цели — вот основной смысл данного изречения.

Таким образом, опираясь на латинские крылатые выражения, способствующие обратить внимание студента на его физическое развитие, преподаватель вуза направляет свою деятельность на формирование личности студента вообще, стимулируя последнего к занятиям физической культурой, укреплению своего здоровья и обогащая санитарно-гигиеническими знаниями. «Трудно надеяться, чтобы наш разум и наши знания, сколь бы усердно мы себя им ни вверяли, оказались настолько сильны, чтобы побудить нас к действию, если мы, кроме этого, не упражняем нашу душу и не приучаем ее к деятельности...» [3] как умственной, так и физической.

Обращение преподавателей к выражениям мудрых философов и правильное их использование в своей практике со студентами дает большой результат при форми-

ровании личности студента, расширяет его кругозор, дает ему шанс продумать свой будущий путь врача, который будет исцелять и пациента, и, в первую очередь, себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — 10-е изд., стереотип. — М.: Рус. Яз. — Медиа, 2006. — 843, [5] с.
2. Крылатые латинские выражения / Авт-сост. Ю. С. Цыбульник — Харьков: Фолио; М.: Эксмо, 2007. — 992 с.
3. Опыты. Эссе / Мишель де Монтень. — М.: Эксмо, 227. — С. 342.
4. Плиний и его энциклопедия // Подосинов А. В., Щавелева Н. И. *Lingua Latina*. Введение в латинский язык и античную культуру. Ч. 2. — М.: Прогресс, 1994. — С. 42.
5. Харламов И. Ф. Педагогика. — 2-е изд., стер. — Мн.: Высш. шк., 2004. — 272 с.

© Бородина Мария Анатольевна (kokocinel@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ К ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УЧАЩИМИСЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Власова Любовь Викторовна

Тьютор по воспитательной работе, Российский
университет дружбы народов
vlasovaliubov@yandex.ru

PREPARATION OF THE TEACHER FOR THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY WITH STUDENTS OF HIGHER SCHOOL

L. Vlasova

Summary. The article actualizes the problem of training teachers of higher education for the implementation of organizational activities in the educational and educational space of the university. The author reveals this problem from the standpoint of the conceptual foundations of the educational policy presented in the «Law on Education» of the Russian Federation. The article identifies and characterizes the main imperatives of the teacher's organizational work in the field of educational activities with students, among whom the author emphasizes the development of the personality of high school students, the creation of the necessary conditions for personal and professional self-determination and socialization, the promotion of socio-cultural development, the formation of spiritual and moral values, oriented on the norms and rules adopted in society, the preservation of national self-awareness and self-identity regard within poly- and multicultural educational environment, and timely analysis of approaches to the organization of educational work with students of high school from the standpoint of the theory of activity within the framework of the humanization of the subject-subject relationship. The article considers the main directions in the preparation of a higher school teacher for the organization of educational activity, their essence and content are characterized in the context of the correspondence of the higher school educational policy, the problems of teacher training and the directions of their solutions are suggested.

Keywords: higher school, educational activity, teacher training for the organization of educational activity, subject-subject relations, humanization, cooperation, educational policy.

Аннотация. В статье актуализируется проблема подготовки педагогов высшей школы к осуществлению организационной деятельности в воспитательно-образовательном пространстве вуза. Автор раскрывает данную проблему с позиций концептуальных оснований образовательной политики, представленной в «Законо об образовании» Российской Федерации. В статье выявлены и охарактеризованы основные императивы организационной работы преподавателя в области воспитательной деятельности со студентами, среди которых автор выделяет направленность на развитие личности учащихся высшей школы, создание необходимых условий для личностного и профессионального самоопределения и социализации, содействие социокультурному развитию, формированию духовно-нравственных ценностей, ориентированных на принятые в обществе нормы и правила, сохранение национального самосознания и самоидентичности учащихся в рамках поли- и мультикультурной образовательной среды, а также своевременный анализ подходов к организации воспитательной работы с учащимися высшей школы с позиций теории деятельности в рамках гуманизации субъект-субъектных отношений. В статье рассмотрены основные направления в подготовке педагога высшей школы к организации воспитательной деятельности, охарактеризованы их сущность и содержание в контексте соответствия образовательной политики высшей школы, выявлены проблемы подготовки педагогов и предложены направления их решений.

Ключевые слова: высшая школа, воспитательная деятельность, подготовка педагогов к организации воспитательной деятельности, субъект-субъектные отношения, гуманизация, сотрудничество, образовательная политика.

Организация воспитательной деятельности с учащимися высшей школы является на сегодняшний день одной из наиболее актуальных проблем. Масштаб проблематики данной области исследования проникает во все сферы жизнедеятельности студенческой молодежи и востребует наличие определенных профессиональных компетенций у преподавателя высшей школы. Воспитательный процесс студенческой молодежи отражает основные концепты образовательной политики Российской Федерации и возлагает ряд опре-

деленных требований к подготовке преподавателя высшей школы к данному виду деятельности [8].

Необходимо отметить, что в понятие «воспитательная деятельность» в высшей школе принято вкладывать такие императивы организационной работы преподавателя как:

- ◆ направленность на развитие личности учащихся высшей школы, рассматриваемая на сегодняшний день в рамках смены образовательной па-

радигмы, ориентирующей обучающихся и педагогов к субъект-субъектному взаимодействию в рамках как воспитательного, так и образовательного процессов, которые должны быть рассматриваемы и моделируемы таким образом, чтобы в процессе данной деятельности личность учащегося развивалась и обогащалась за счет собственного практического опыта, формирующего качества самостоятельности, творческой, готовности к открытиям нового и пр.;

- ◆ создание необходимых условий для личностного и профессионального самоопределения и социализации, основанной на естественных регуляторах процесса опосредования учащихся высшей школы в обществе, при которых сохраняется интерес студента к окружающей действительности, ее особенностям, законам функционирования и явлениям, а также формируется позитивный практический опыт взаимодействия обучающегося с миром, происходит творческое приобретение знаний о нем, переживание через собственный опыт и восприятие, помогающее индивидуальности самораскрыться и самореализоваться в социуме как неповторимая личность;
- ◆ содействие социокультурному развитию, формированию духовно-нравственных ценностей, ориентированных на принятые в обществе нормы и правила; данный аспект является на сегодня одним из важнейших в организации воспитательной деятельности учащихся высшей школы и требует от преподавателя особой подготовленности в плане содействия сохранения национальной самоидентичности учащихся находящейся в тесной взаимосвязи с проявлением толерантности в рамках формирующейся поликультурной образовательной и воспитательной среды; это предопределяет развитие способности субъектов воспитательно-образовательного процесса видеть и уважать национальные особенности субъектов иных культур при сохранении и бережном отношении к своим национальным особенностям и традициям [3];
- ◆ подход к организации воспитательной работы с учащимися высшей школы с позиций теории именно деятельности, подразумевающей, что согласно феноменологии деятельности, цикл деятельности в процессе социализации содержит два полюса — субъект и объект; субъект является тем элементом, который соединяет в единое целое содержание воспитания и его формы; содержанием воспитательной деятельности на полюсе субъекта выступает сам человек во всевозможных его проявлениях, в связи с чем на полюсе субъекта перед нами предстают две противоположности противоречия и их единство: человек как существо ин-

дивидуальное и существо общественное; в связи с этим можно сказать, что цель (в глобальном ее научном понимании) воспитания заключается в развитии каждой из двух противоположностей, с одной стороны, и в создании их гармоничного единства, с другой стороны [2; 4; 7].

Ориентир педагога на использование вышеизложенных аспектов в организации воспитательной деятельности в пространстве высшей школы предполагает серьезные научные размышления над проблемой готовности преподавателей к воспитательной деятельности со студентами и ее организации соответственно стратегии образовательной национальной политики.

Вопросам подготовки преподавателей высшей школы к организации воспитательной деятельности уделено немало внимания в исследованиях различных ученых. Так, научные основы воспитательной деятельности в глобальном ее значении широко представлены в работах И.А. Колесниковой, С.Д. Полякова, Н.М. Борытко и др. [6].

Аспекты подготовки преподавателя университета к организации воспитательной деятельности со студентами, раскрывающие примеры практической реализации конкретных программ и педагогического опыта на базе высших учебных заведений, предложены в исследованиях Г.И. Рогалевой [8].

Научно-методические основы воспитания студентов в условиях образовательных инноваций подробно представлены в трудах Р.У. Богдановой, И.И. Зарецкой и др. [1; 5].

На современном этапе развития системы отечественного образования и сопровождающих его трансформаций особое внимание уделяется вопросам разработки проблем готовности педагогов высшей школы к воспитательной деятельности с учащимися и ее организации на основе изменения подходов к разработке новых программ с учетом роли преподавателя именно как организатора.

Если придерживаться той точки зрения, что содержание воспитательной деятельности на полюсе субъекта — личности как представителя особой индивидуальности — является развитием, воспитанием и формированием его физической сущности, то форма воспитательной деятельности с позиции цикла будет отражаться в таких категориях как «психика и воспитание», «сознание и воспитание», «мышление и воспитание». Развитие формы воспитательной деятельности будет, следовательно, предполагать развитие психики, сознания и мышления сообразно той концепции, кото-

рая заложена концептуально-идеологическими основаниями политики в области образования и воспитания в высшей школе.

Соединение в процессе воспитания двух вышеуказанных противоположностей — личность индивидуальную и личность общественную — представляет одну из наиболее важных задач области психолого-педагогических наук. Вторая, не менее важная задача — это достижение в процессе воспитания гармонии противоположностей, то есть существование индивидуальности и ее гармоничная «вписанность» в контекст общества: их гармоничное соответствие друг другу, которое следует рассматривать как равносильность, равноправность этих противоположностей в социуме [9, с. 126–130; 10].

Актуальность данной проблематики не теряет своей насыщенности в рамках глобализационных преобразований в высшей школе. Но, тем не менее, многие руководители не акцентируют необходимого внимания на мировоззренческом и технологическом компонентах воспитательной деятельности, от которой напрямую зависит развитие личности учащихся высшей школы и их социально, а также профессионально значимых качеств.

Выявляются такие проблемы подготовки преподавателя высшей школы к организации и пониманию воспитательной деятельности со студентами как:

- ◆ недостаточный учет гуманистических основ взаимодействия педагога и обучающихся;
- ◆ осознание преподавателя себя как участника воспитательного процесса в высшей школе;
- ◆ реализация преподавателем себя как субъекта воспитания и носителя профессионального, социокультурного и социально значимого знания [8].

Понимая образовательное пространство высшего учебного заведения как область, в которой осуществляется воспитание студента, необходимо помнить и учитывать в подготовке педагогов то, что воспитательное пространство как социально-педагогическая система и общность, ориентированная на осуществление ценностно-значимой деятельности, должна характеризоваться формированием устойчивых связей и отношений, благодаря которым личность учащихся впоследствии интегрируется в систему социальных взаимодействий, и от которых зависит процесс развития личности.

Готовность педагога к осмыслению этих основ в процессе организации воспитательной деятельности со студентами говорит о сформированности такой категории в деятельности как педагогическая позиция преподавателя высшей школы. Эта категория присутствует в педагогике как основополагающий компонент модели

личности педагога и определяет профессионально-педагогическую, идеолого-мировоззренческую, познавательную и гуманистическую направленность преподавателя высшего учебного заведения.

Необходимо также отметить, что формирование гуманистической позиции в процессе подготовки педагога высшей школы ориентирует его на приоритеты гуманистического воспитания, концепты которого в большей степени раскрываются в сотруднической позиции субъектов воспитательного процесса.

На основании организации различных видов деятельности (в том числе и воспитательной) происходит взаимодействие личности студента (как лимитирующей единицы и структурного элемента социума) и той микрогруппы, которая подразумевает под собой воспитательно-образовательное пространство.

Гуманизируясь, отношения в данном пространстве, в последствии объединяют педагога и учащихся в единое целое — в сообщество. Объединение в сообщество также означает наличие совместной деятельности, которая объединяет полюсы субъект-субъект и субъект-объект в совместном существовании, которое опосредуется в различных видах деятельности (воспитательной, образовательной, трудовой и др.), которые в области психолого-педагогических наук принято называть сотрудничеством. Такое сотрудничество всегда было ценно с позиций педагогических взаимодействий.

Формирование способностей учащихся высшей школы под руководством преподавателя к проявлению ответственности за свои действия, поступки и модельные поведенческие характеристики, а также развитие умений выносить обоснованные оценочные суждения, основанные на ценностях нравственного характера и моральных устоях, позволяют ограничительным рамкам образовательного процесса расширить свои границы. Однако, они все же должны сохранить роль направляющих линий, обусловленных значимыми факторами процесса.

Напротив, если студент был необоснованно чрезмерно наделен правами и степенями свободы без определенной ответственности и ее осознания, то ограничить их в будущем становится нелегко, так как он начинает отстаивать преувеличенные способности и власть, бесцельно расходуя свои силы.

Это еще раз подтверждает то, что формирование действенного общественного сознания и мышления человека возможно и наиболее эффективно только при включении его в воспитательную деятельность, когда субъективные образы объективного мира принимают

в материальных структурах его мозга коды, соответствующие той форме деятельности, которая присуща тому воспитательно-образовательному пространству, в котором совершенствуется обучающийся.

Лишь в этом случае мы можем говорить о квалифицированной подготовке педагога с позиций соединения образования, воспитания и социализации в единый процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова, Р.У. Инновации в воспитании студентов высших учебных заведений: Научно-методическое пособие / Р.У. Богданова.— СПб.: Изд-во АНО «Центр информатизации образования КИО». Выпуск № 9.— 2008.— 87с.
2. Ермолаев, Ю.В. Формирование личности в контексте педагогической антропологии / Ю.В. Ермолаев // *Фундаментальные исследования*.— 2006.— № 2.— Стр. 85–86.
3. Закон об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс].— 2012.— Режим доступа: eduqid.ru/zakon-ob-obrazovanii-v-rf.
4. Заплата, О.А. Осмысление сущности человека как объекта философского и биосоциального знания в контексте интегративной антропологии [Электронный ресурс] / О.А. Заплата, Д.М. Азаматов // *Современные проблемы науки и образования*.— 2014.— № 6.— Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15415>
5. Зарецкая, И.И. Программа курса повышения квалификации. Организация развивающего воспитательного пространства вуза: Сборник научно-методических материалов / И.И. Зарецкая.— М.: АПК и ППРО, 2005.— 260с.
6. Колесникова, И.А. Воспитательная деятельность педагога: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений (Профессионализм педагога) / И.А. Колесникова, Н.М. Борытко, С.Д. Поляков, Н.Л. Селиванова; под общ. ред. В.А. Сластенина и И.А. Колесниковой.— М.: Издательский центр «Академия», 2006.— 336с.
7. Лихачев, Б.Т. Философия воспитания / Б.Т. Лихачев.— М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010.— 335 с.
8. Рогалева, Г.И. Подготовка преподавателей университета к организации воспитательной деятельности студентов / Г.И. Рогалева // *Молодой ученый*.— 2014.— № 4.— С. 1083–1086.
9. Соколов, Ю.Н. Некоторые вопросы педагогики / Ю.Н. Соколов // *Цикл как основа мироздания*.— Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1990.— 142 с.
10. Соколов, Ю.Н. Человеческая деятельность: некоторые вопросы методологии. В книге: *Психолого-педагогические проблемы повышения качества подготовки специалиста в вузе*.— Ставрополь, 1988.

© Власова Любовь Викторовна (vlasovaliubov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ (CLIL) В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

DISPUTABLE ISSUES AND PERSPECTIVES OF THE IMPLEMENTATION OF CLIL (CONTENT LANGUAGE INTEGRATED LEARNING) IN THE EDUCATIONAL PROCESS

**T. Gerasimenko
L. Varenina**

Summary. The article aims to consider the disputable issues of the implementation of CLIL (Content Language Integrated Learning) approach in teaching a foreign language that happens through learning the content. The importance and necessity of CLIL is growing as it facilitates training successful specialists of the XXI-st century who possess not only professional but also foreign language competences and are able to implement them in various activities. Both some advantages and drawbacks of this way of language teaching are highlighted. Its further perspectives which are closely connected with the rapid development of information technology and global processes in various fields are outlined as well.

Keywords: CLIL (Content Language Integrated Learning), CLT (Communicative Language Teaching), critical thinking, ESP (English for Specific Purposes), communicative competence.

Герасименко Татьяна Леонидовна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет им.Г.В. Плеханова»
gerasimenko_2005@mail.ru

Варенина Людмила Петровна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет им.Г.В. Плеханова»
luvaren@starlink.ru

Аннотация. В статье ставится цель рассмотреть спорные вопросы реализации CLIL (Content Language Integrated Learning) (предметно-языкового интегрированного обучения) в процессе обучения иностранному языку через изучение контента. Важность и необходимость CLIL возрастает, поскольку данная методика способствует подготовке успешных специалистов XXI века, обладающих не только профессиональными, но и иноязычными компетенциями, способных реализовать их в различных видах деятельности. Выделены как некоторые преимущества, так и недостатки данного способа обучения языку. Намечены ее дальнейшие перспективы, тесно связанные со стремительным развитием информационных технологий и глобальных процессов в различных областях.

Ключевые слова: CLIL (Content Language Integrated Learning) предметно-языковое интегрированное обучения, CLT (Communicative Language Teaching) (коммуникативное обучение языку), критическое мышление, ESP (English for Specific Purposes) (английский язык для конкретных целей), коммуникативная компетенция.

Формирование прочных компетенций коммуникации на иностранном языке является основной целью обучения иностранному языку в настоящее время. Связано это в первую очередь с требованиями времени к профессиональным компетенциям современного специалиста практически в любой сфере профессиональной деятельности. Используемые методики обучения иностранному языку и в первую очередь коммуникативная методика обучения фокусируются на данной задаче и нужно заметить, что они позволяют достигать значительных результатов. Безусловно, они постоянно совершенствуются, интегрируя в себя достижения в данной сфере, а также инновационные технологии в сфере ИКТ и в результате уровень владения иностранным языком неуклонно растет. Однако следует учитывать тот факт, что большинство изучающих иностранный язык используют его в первую очередь для осуществления коммуникации в области профессиональной деятельности. Поэтому серия учебных пособий

называемых English for Specific Purposes (английский для конкретных целей) становится все шире и совершеннее. Сегодня можно найти массу учебных пособий для языковой подготовки специалистов в разных сферах: English for Lawyers, English for Managers, English for Pilots, English for Nurses, English for Medicine, English for ICT etc. Их появление на рынке и использование в учебном процессе дают неплохие результаты. Соответственно, появляются и новые подходы к обучению иностранному языку. Одним из первых методов был CLIL (Content Language Integrated Learning). Естественно, множество различных мнений и оценок: предметно-языковое интегрированное обучение иногда рассматривают как альтернативу коммуникативному методу изучения языка [2], а иногда как его расширение [3], [4]. Наиболее распространённым является следующее определение: CLIL - дидактическая методика, которая позволяет сформировать у учащихся лингвистические и коммуникативные компетенции на неродном языке в том же учебном контексте,

в котором у них происходит формирование и развитие обще-учебных знаний и умений.

В любом случае, необходимо признать, что, основываясь на академическом содержании как предмете общения, коммуникация становится более уместной, естественной целенаправленной, так как выполняет непосредственные задачи общения. Теоретически CLIL определяется как изучение и преподавание языка и предмета (например, математики, экономики, и т. д.) на одном и том же занятии, в одно и то же время, т.е. одновременно [1]. Считается, что CLIL создает условия для естественного изучения языка, эффективнее формирует и развивает коммуникативные компетенции. Термин CLIL стал распространяться в Европе в середине девяностых в связи с задачей, поставленной Европейским союзом, построить мультязычную Европу как следствие процессов глобализации, миграции, интеграции. Цель — проводить политику 1+2, т.е. каждый гражданин ЕС должен овладеть своим родным языком и двумя другими языками Евросоюза. Нужно заметить, что европейцы справляются с данной задачей. По крайней мере, молодое поколение владеет английским языком на приличном уровне. Так, в Венгрии Болгарии уже давно существуют билингвистические школы, в которых такие учебные дисциплины как история, география, биология, философия, изучаются на иностранном языке. Данная методика используется в высших учебных заведениях, что позволяет подготовить не только специалистов в определенных профессиональных областях, но и специалистов владеющих иностранными языками.

Российская Федерация, несмотря на определенные сложности экономического и политического характера, является активным участником мировых процессов и CLIL также актуален и для нашей страны. Безусловно, уровень владения General English, который сегодня демонстрируют представители нашей страны достаточно высокий. Однако, мы не можем похвастаться такими же высокими результатами в области English for Specific Purposes. Самый простой пример, который иллюстрирует данную ситуацию, — MOOCs (Massive Open Online Courses). Подавляющее большинство курсов, доступных в интернете, разработаны и представлены для использования на английском языке. Многие студенты, которые чувствуют себя уверенно в языке, хотели бы их пройти, но они сталкиваются с языковыми трудностями: академический язык, язык определенной области знаний сложен для них, ведь в средней школе изучается общий английский, который не позволяет полно изучать академические дисциплины на английском языке. В университете, где подразумевается изучение языка специальности, возникает другая проблема. Преподаватель иностранного языка, помимо владения языковыми компетенциями и компетенциями обучения таковым, должен быть

специалистом в определенной области и владеть определенными профессиональными компетенциями, чтобы грамотно преподавать предмет, т.е. он должен быть профессионалом в двух областях, как минимум. На деле, преподаватели иностранного знают язык и методику преподавания, но не являются специалистами в других областях. Специалисты в других областях знают свой предмет, но не владеют иностранным языком. Даже если они и владеют некими языковыми навыками, у них отсутствует методика обучения иностранному языку. Эта ситуация существует уже длительное время и хотелось бы увидеть ее разрешение.

Какие же варианты разрешения данной ситуации существуют?

Возможны три опции развития:

1. Изучение иностранного языка для изучения определенного предмета на языке;
2. Изучение иностранного языка через содержание предмета, который был уже предварительно изучен на родном языке;
3. Изучение иностранного языка и предмета одновременно.

Третий вариант представляет собой тот самый идеальный момент, который хотелось бы иметь в реальности, но на практике осуществляются два первых варианта.

Какими же преимуществами обладает данная методика?

Во-первых, следует отметить, что методика обучения CLIL включает в себя 4 «С»: Content (содержание), Communication (общение), Cognition (мышление), Culture (культурологические знания). Данные составляющие подразумевают, а исследования показывают, что CLIL дает более высокие результаты и развивает личность новой генерации.

Во-вторых, обучаемый по данной методике студент по-настоящему заинтересован в изучении языка, потому что только через него он сможет изучить профессионально-ориентированные предметы и стать высоко подготовленным профессионалом. Изучение языка становится действительно мотивированным и целенаправленным, язык используется для решения конкретных коммуникативных задач.

В-третьих, данная методика способствует развитию критического мышления, которое особенно актуально в настоящее время, так как оно подразумевает аналитическое мышление и включает в себя умения логически рассуждать, давать объективную оценку, отказываться от предубеждений, выдвигать новые идеи и находить но-

вые возможности решения проблем. Другими словами, критическое мышление — это сложный мыслительный процесс, который начинается с получения информации и заканчивается формированием собственной позиции и принятием решения [5].

В-четвертых, понимание особенностей различных культур способствует эффективной социализации в современном мультикультурном мире и лучшем понимании своей собственной.

В-пятых, обучение, базирующееся на данном подходе, предоставляет учащимся/студентам возможность изучать дисциплину и иностранный язык одновременно; для изучения иностранного языка не требуется дополнительных часов в учебном плане, что способствует интенсификации общеобразовательной и профессиональной подготовки в школе и вузе.

Но существует ряд проблем, решение которых необходимо для успешного применения данной методики. Самая главная уже была упомянута выше — отсутствие у преподавателей иностранного языка достаточного багажа знаний по тому или иному предмету и, наоборот, несовершенное владение иностранным языком преподавателями предметниками. Данная ситуация требует подготовки соответствующих кадров, способных работать по данной технологии. На сегодняшний день количество курсов, готовящих преподавателей CLIL, небольшое и качество подготовки оставляет желать лучшего. Очень часто это формальное решение вопроса.

Кроме этого, вопрос о готовности студентов к изучению предметов на иностранном языке все еще остается открытым. Наши учащиеся не готовы изучать предметы на иностранном языке в силу особенностей нашей системы обучения, в которой не уделяется должного внимания развитию критического мышления и автономии учащихся. Более того, проблематична разработка учебных программ и подготовки учебного материала, который бы удовлетворял потребностям учащихся и соответствовал всем нормам и требованиям. А проблема оценки? Что необходимо оценивать: язык или изучаемый предмет?

В заключение хотелось бы заметить, что CLIL благодаря своей двойственной природе процесса изучения как языка так и содержания определенного предмета, благодаря своей гибкости и широкому спектру ситуационных и контекстуальных составляющих, благодаря разнообразию деятельности в различных образовательных контекстах, может рассматриваться как наиболее перспективный подход в изучении иностранного языка и как возможность взглянуть на процесс преподавания и изучения иностранного языка с другого ракурса, а именно изучать иностранный язык не отдельно как отдельный предмет, а через его интеграцию в общий образовательный процесс. Интеграция сегодня присутствует в каждой сфере деятельности человека и иностранный язык не исключение. Умелое предметно-языковое интегрированное обучение безусловно даст самые высокие результаты. Возможности для его внедрения в повседневную практику существуют и возрастают с развитием информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barwell R., Critical issues for language and content in mainstream classrooms: introduction. *Linguistics and Education* 16, 2005.-143–150p.
2. Coyle D., Hood P., Marsh, D. *CLIL: Content and Language Integrated Learning*.-Cambridge University Press, Cambridge.
3. Dalton-Puffer C. *Discourse in Content and Language Integrated (CLIL) Classrooms*. John Benjamins, Amsterdam, 2007.
4. Lasagabaster D., Sierra, J. M. Immersion and CLIL in English: more differences than similarities. *ELT Journal* 64, 2010. —367–375p.
5. Герасименко Т. Л., Гулая Т. М. Использование технологии «Развитие критического мышления» в процессе обучения чтению. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота –2014 -№ 12–1(42) -С.54–57.

© Герасименко Татьяна Леонидовна (gerasimenko_2005@mail.ru), Варенина Людмила Петровна (luvaren@starlink.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖПРЕДМЕТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЗИКИ

METHODOLOGICAL POSSIBILITIES OF INTER-PREDICT INTEGRATION IN TEACHING PHYSICS

E. Kuleshov

Summary. The article actualizes the problem of increasing the significance of interdisciplinary integration in the teaching of the disciplines of the natural science cycle. The author considers this problem in the context of the fundamentals of teaching physics, justifying the need for interdisciplinary integration in the formation of an objective holistic picture of the surrounding world. The article presents methodological aspects of interdisciplinary relations and interdependencies on the basis of implementation of interdisciplinary integration of a higher scientific level, in which quality the author considers activity integration. The interrelations of interdisciplinary integration on the example of natural science disciplines are revealed, their specific specificity is substantiated, and the prospects of the learning process are shown on the basis of the formation of humanitarian, ecological, cultural, historical, chemical-biological, physical and mathematical disciplines among students. integrative thinking.

Keywords: physics, disciplines of the natural-science cycle, intersubject integration, integral picture of the surrounding world, methodological possibilities.

Смена парадигмы образования в условиях трансформации образовательной политики предопределила эскалацию роли качества образования, которое способствовало бы фундаментализации подготовки, подразумевающей целостность восприятия научной картины мира, осознанию личностью своей позиции в ней, а также способности личности применять знания законов функционирования окружающего мира в жизнедеятельности.

Уход от узкоспециализированной подачи знаний в изучении дисциплин естественнонаучного цикла с позиций методологии способствует формированию способности обучающихся научиться воспринимать окружающую действительность, природу и мир в целом с точки зрения единого целого при необходимости освоения существующих способов осознания различных связей между предметами и явлениями окружающего мира с целью приобретения способности познания окружающей среды в контексте общей целостной картины [4].

Такой фундамент, опосредованный специфическими требованиями к результатам освоения учебных дисциплин

Кулешов Евгений Андреевич

*Ассистент, Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана
evgeniy_kuleshov@mail.ru*

Аннотация. В статье актуализируется проблема повышения значимости межпредметной интеграции в преподавании дисциплин естественнонаучного цикла. Автор рассматривает данную проблему в контексте основ преподавания физики, обосновывая необходимость межпредметной интеграции в формировании объективной целостной картины окружающего мира. В статье представлены методологические аспекты межпредметных связей и взаимозависимостей на основе реализации межпредметной интеграции более высокого научного уровня, в качестве которого автор рассматривает деятельность интеграцию. Раскрыты взаимосвязи межпредметной интеграции на примере естественнонаучных дисциплин, обоснована их особая специфика, а также показаны перспективы процесса обучения на основе формирования у обучающихся гуманитарно-экологического, культурно-исторического, химико-биологического, физико-математического и т.п. интегративного мышления.

Ключевые слова: физика, дисциплины естественнонаучного цикла, межпредметная интеграция, целостная картина окружающего мира, методические возможности.

естественнонаучного цикла, требует реализации в образовательном процессе различных форм и способов образовательной интеграции, способствующих формированию умений обучающихся преобразовывать знания, полученные в рамках изучения одного предмета, и синтезировать новое знание, лежащее в плоскости смежных областей. Такой методологический подход обоснован необходимостью формирования нового типа мышления — творческого, критического, научного.

Фундаментальность естественных наук, таких как физика, химия, биология, физическая география и т.п., в рамках межпредметной интеграции позволяет обеспечить не только повышение качества естественнонаучного образования, но и выявить качественно новые взаимосвязи этих областей в условиях интенсификации образовательной деятельности. На основе интеграции знаний получили мощный толчок к развитию такие пограничные отрасли как биофизика, биохимия, робототехника и мн. др., которые, в свою очередь, требуют математизации, информатизации научного знания, а также привлечения определенных направлений физики.

Поиску методических путей осуществления межпредметной интеграции физики с дисциплинами естественнонаучной направленности посвящены исследования М.М. Мирзаевой, А.А. Гайдаева (2017). Рассматривая специфику интеграции физики с другими предметами, исследователи выявили основные формы реализации данных предметных связей и обосновали методологические особенности и способы их осуществления [2].

Научные изыскания О.В. Петунина (2017), раскрывающего сущность межпредметной интеграции естественнонаучных дисциплин, позволяет констатировать, что такая форма интеграции направляет к формированию спиральной структуры изложения интегрированного учебного материала, организованного согласно принципа «концентричности»: организация процесса познания обучающимися от общего к частному и от частного к общему, включающая новое знание «парциально». Эта систематическая постепенность, опираясь на имеющийся фундамент знаний у учащихся, расширяет, углубляет, распространяет круг представлений в каждой из изучаемых областей [3].

Концепция Т.В. Уткиной, рассматривающей интегративные взаимосвязи физики и биологии, позволяет понять саму структуру и методику, способствующую переходу к взаимосвязанному, взаимодополняющему интегративному обучению. Такая форма интеграции позволяет обучающимся овладевать знаниями в комплексе, воспринимать факты, понятия, категории, явления и процессы в единстве, целостно. Для этого существует масса эффективных путей, основной особенностью которых при горизонтальной интеграции будет установление межпредметных связей и взаимозависимостей на основе избегания возможных повторов изучения знания в контексте различных предметов с целью экономии учебного времени для более углубленного, детального синтеза фундаментального академического знания. Это может быть выражено через такие формы как акцентирование, создание образов, фактические, понятийные, конкретизации, создание символов, а также проблемно-поисковые и творческие упражнения [5].

Говоря о методологических возможностях межпредметной интеграции физики с дисциплинами естественнонаучного цикла, необходимо отметить, что на сегодняшний день в условиях интенсификации образовательной деятельности реализации интегративных взаимосвязей в традиционном «знаниевом» контексте недостаточно. Становится необходимой и востребованной межпредметная интеграция в информационном и деятельностном аспектах, позволяющим формировать более продвинутый высоконаучный уровень приобретаемых обучающимися знаний, умений, навыков и компетенций. Специфика такой межпредметной интеграции может быть раскрыта в контексте следующих взаимосвязей:

- ◆ комплексность и многоплановость изучения объекта, процесса, явления и т.п. смежными науками, подразумевающего плюралистичность методологических подходов к раскрытию содержания;
- ◆ использование методологического инструментария, применяемого для изучения объектов, процессов, явлений и пр., в области других наук что позволяет эффективно расширить методологическое поле;
- ◆ разработка на основе межпредметной интеграции новых технологий (в том числе и образовательных), а также научных подходов к изучению, включая теорию, спектр материалов и оборудования и т.д. [6].

Основной особенностью интеграции при вертикальной ее реализации будет установление межпредметных связей с целью формирования различных объединенных типов мышления учащихся в совокупности с созданием целостной картины мира на основе свободного выбора обучающихся и педагогов. Это также поможет определить и будущую направленность деятельности личности ученика на основе формирования у него гуманитарно-экологического, культурно-исторического, химико-биологического, физико-математического и т.п. интегративного мышления [1].

Межпредметная интеграция при данном научном подходе регулируется дидактическими императивами в сочетании и с воспитательными задачами, которые находят свое решение в практической деятельности учащихся, связях обучения с жизнью. При изучении учебной дисциплины «Физика» пути межпредметной интеграции могут быть реализованы через выявление метазнаний в предметах естественнонаучного цикла, а также в процессе математизации, информатизации и экологизации знания. Помимо этого, фрагментарное использование учебного материала в контексте изучения других дисциплин позволяет глубже и более многогранно понимать изучаемые объект, процесс или явление.

Имеет место возрастающая значимость постановки интегративных учебных проблем или проблемных ситуаций межпредметного плана, а также планирование, организация и реализация межпредметных проектов. Деятельностный подход в межпредметной интеграции дисциплин будет отражаться и в организационных моментах образовательного процесса, подразумевающих реализацию специфических форм занятий, как, например, интегрированные или комплексные уроки, бинарные лекции, интегрированные учебные курсы, интегрированные факультативы и пр.

Говоря о положительных сторонах межпредметной интеграции, необходимо отметить, что в настоящее время в современных школах присутствует так называемая дробность и разрозненность знания, отсутствует подача

учебного материала для формирования целостного представления о картине мира. Такой подход сильно снижает продуктивность учебной и тематической внеучебной деятельности обучающихся. Направленность образования на дробление учебного материала (иногда без меры) препятствует восприятию учащимися знания как живого, сложного, объективного. Это, в свою очередь, сказывается на снижении или полном отсутствии интереса учеников к процессу познания окружающей (исторической, биологической, историко-географической, т.е. целостной) действительности и процессов, происходивших, происходящих и грядущих в ней.

В настоящее время потребность в межпредметной интеграции высокого научного уровня актуальна и востребована с точки зрения того, чтобы преподаватель шел по пути так называемого «укрупнения знаний», так как целостность восприятия и понимания действительности, о которых дает понимание физика, должны служить достаточно прочным базисом, привлекающим и опосредующим академическое знание других наук. Так, в данном контексте обучающимися может быть по-новому осуществлен творческий синтез знаний об электронной структуре вещества, его строении, молекулярных процессах и пр. (физика и химия); капиллярных и диффузных явлениях, а также электрических явлениях клеток и пр. (физика и биология); связи физических и климатических явлений (физика и география); программирование робототехнических систем (физика, информатика, робототехника и др.) и мн. др.

Тенденции экологизации современного образования также требуют междисциплинарных интегративных подходов к решению полидисциплинарных задач, к которым относят актуальные проблемы экологического характе-

ра, поиск решений которых объединен и знаниями физики.

Методологические возможности интегрируемых учебных и внеучебных занятий, реализуемых в контексте межпредметной интеграции, будут предполагать, как мы уже указывали выше, использование интегрируемого материала из других областей знания, что влечет за собой особую структуру и методику проведения данных занятий, строящуюся на основе сочетаемости.

По мере усвоения знания эффективным будет являться использование уже блочной структуры учебного и внеучебного материала, что будет способствовать развитию у обучающихся не только целостного восприятия действительности, основанного на предоставленной своевременно свободе выбора, но и комплексного мышления. Здесь уже такие формы как акцентирование, создание образов и символов могут быть заменены более сложными, соответствующими уровню развития и возраста учащихся: обобщение заданий и упражнений; самостоятельные действия на платформах сравнения и обобщения, аналогии и индукции; создание схем, таблиц, тезаурусных полей, служащих более точному восприятию интегрированного материала (метод визуализации); самостоятельный подбор материала; самостоятельное создание теоретического, иллюстративного материала; определение перспективы знаний и их применения в различных областях и т.д.

Ведь здесь важно то, что такой опыт интеграции предоставляет субъектам образовательного процесса богатую почву для размышления над последующей творческой самореализацией в контексте усвоения собственного практического познавательного опыта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дышлюк, И. С. Психолого-педагогические аспекты интеграционных процессов в образовании / И. С. Дышлюк // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2008. — № 2. — С. 75–80.
2. Мирзаева, М. М. Методика осуществления межпредметной интеграции физики с дисциплинами естественнонаучного цикла при обучении физике в школе / М. М. Мирзаева, А. А. Гайдаев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. — 2017. — № 1. — С. 97–101.
3. Петунин, О. В. Способы межпредметной интеграции школьных естественнонаучных дисциплин / О. В. Петунин // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 2 (2). — С. 32–35.
4. Суворкина, Л. А. Методика проблемно-интегративного обучения на примере изучения звуковых явлений в 7 классе / Л. А. Суворкина // Наука и школа. — 2016. — № 3. — С. 45–46.
5. Уткина, Т. В. Интеграция биологии и физики, как условие повышения качества естественнонаучного образования / Т. В. Уткина // Символ науки. — 2016. — № 5–2. — С. 206–210.
6. Хадиуллина, Р. Р. Использование межпредметной интеграции физики и информатики при обучении студентов-спортсменов дисциплине «Естественнонаучные основы физической культуры и спорта: физика» / Р. Р. Хадиуллина, М. И. Галаяудинов // Казанский педагогический журнал. — 2015. — № 4–1. — С. 368–373.

ДУАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПО РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РОСТА

DUAL TRAINING AS A DIRECTION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE REGIONAL STANDARD OF PERSONNEL SUPPORT OF INDUSTRIAL GROWTH

P. Lizunov

Summary. this article deals with the implementation of the state program of the Russian Federation for the development of education for 2013–2020, which highlights the issues of training of skilled workers and mid-level specialists, which are necessary for the innovative economy of our country and the creation of high-performance jobs. The joint work of the Ust-Katav industrial and technological College AND Ust-Katav railway car building plant is also indicated. S. M. Kirov» branch of JSC «GKNPTs im. M. in khrunicheva», which is aimed at creating a dual system of training of highly skilled workers and the development of the system of entrepreneurship in the enterprise, as well as the implementation of the «regional standard of personnel support of industrial growth.».

Keywords: employment of graduates, young specialist, dual system of professional education, organization of practical training of students, innovative platform, working group.

Лизунов Павел Владимирович

*Директор, ГБПОУ «Усть-Катавский индустриально-технологический техникум»
1980pl@mail.ru*

Аннотация. В данной статье ведётся речь о реализации государственной программы Российской Федерации развития образования на 2013–2020 годы, где подчёркиваются вопросы подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена, которые необходимы инновационной экономике нашего государства и созданию высокопроизводительных рабочих мест. Также указывается совместная работа ГБПОУ «Усть-Катавский индустриально-технологический техникум» и «Усть-Катавский вагоностроительный завод им. С. М. Кирова» — филиала АО «ГКНПЦ им. М. В. Хруничева», которая направлена на создание дуальной системы подготовки высококвалифицированных рабочих и развития системы наставничества на предприятии, а также реализации «регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста».

Ключевые слова: трудоустройство выпускников, молодой специалист, дуальная система профессионального образования, организация практического обучения студентов, инновационная площадка, рабочая группа.

Процесс трудоустройства выпускников в настоящее время показывает, что работодатель при отборе специалистов высказывают заинтересованность в кадрах, которые кроме специального образования имеют и опыт работы. Поэтому молодым специалистам сложно конкурировать на рынке труда и адаптироваться к условиям профессиональной деятельности. Еще несколько лет после окончания образовательного учреждения проходит профессиональное становление, требующее дополнительных усилий как от самих молодых специалистов, так и от управленческого персонала организаций, в которых они работают. Это связано так же и с денежными затратами на необходимую переквалификацию.

В чем же причина этого процесса? Одной из причин является кризис традиционного российского образования, а именно: информация в современном обществе устаревает быстрее, чем меняется содержание образования. Из этого можно сделать вывод, что необходимо научить обучающихся, в первую очередь, умениям само-

стоятельно приобретать знания. Вместе с тем на рынке труда востребованы не сами по себе знания, а способность выпускников применять их на практике, выполнять определенные профессиональные и социальные функции. Поэтому в системе профессионального образования возникает необходимость поиска таких методов и способов обучения, которые максимально приблизят подготовку специалистов к реальному производству. Значимость такой подготовки осознается на государственном уровне.

В государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы подчеркивается, что вопросы подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего звена имеют ключевое значение для инновационной экономики нашего государства, решения задачи модернизации и создания высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г. [1]

Такое внимание к этому вопросу основано на том, что конкурентоспособность многих развитых экономик

в прошлом и настоящем опирается именно на квалифицированных рабочих и служащих среднего и высшего уровней квалификации [3].

В свете этого особенно важным является апробация такой системы профессионального образования как дуальное обучение.

Дуальная система профессионального образования характеризуется как образовательный процесс, сочетающий практическое обучение с частичной занятостью на производстве и обучение в традиционном образовательном учреждении [4]. Традиционно лучшей системой дуальной формы профессионального обучения является система образования Германии. Её сила в том, что она поддерживается политикой государства и основана на продуманном сочетании психолого-педагогических теорий и равной ответственности за результаты обучения предприятия и профессиональной школы.

Для России такая форма образования не нова. У нас имелся в советские годы свой, отличный от Германии, опыт подготовки. Это система профессионально-технического образования СССР, базовые предприятия, организация образовательного процесса, основанная на рациональном чередовании теоретических занятий и производственного обучения. Обучение в учебных мастерских строилось на выпуске полезной и сложной продукции, в основе лежал производительный труд, что позволяло обучающемуся на 1-м и 2-м курсах осваивать общепрофессиональные и специальные умения и навыки [2]. Такая система очень близка дуальному обучению, хотя и имела директивную основу.

На современном этапе, в условиях рыночной экономики невозможно только правительственными актами заставить бизнес принимать участие в организации практического обучения студентов, если это не несет за собой какой-то выгоды бизнес-сообществу. Необходимо создание взаимовыгодных условий для профессиональной организации и бизнеса. Этому как нельзя способствует использование элементов дуальной формы обучения.

ГБПОУ «Усть-Катавский индустриально-технологический техникум», являясь с 2017 года инновационной площадкой по проблеме организации сетевого взаимодействия с учреждениями и градообразующим предприятием города, видит решение проблемы качественной подготовки кадров по направлению «Машиностроение» в использовании элементов дуальной системы обучения. С этой целью с градообразующим предприятием «Усть-Катавский вагоностроительный завод им. С. М. Кирова» — филиал АО «ГКНПЦ им. М. В. Хруничева» разработана модель взаимодействия и заключен ряд договоров по организации дуального обучения. Такая модель пред-

полагает обучение рабочей профессии «Оператор станков с ЧПУ» в рамках специальностей «Технология машиностроения» и «Специальные машины и устройства» по дуальной системе одной подгруппы студентов, из которой с лучшими студентами будут заключены трехсторонние договоры с предприятием и профессиональной организацией, предусматривающие гарантированное трудоустройство на конкретное рабочее место. Вторая подгруппа студентов будет получать рабочую профессию «Токарь». Такая система будет более гибко реагировать на потребности предприятия.

Особо заслуживает внимания организация системы наставничества. В настоящий момент на предприятии действует старая система, когда наставниками во время производственной практики являлись специалисты завода, за которыми закреплялась группа студентов. Как правило это были мастера участков или заместители начальников цехов. Существует и система стимуляции таких руководителей практики. Уже в подразделении студенты закрепляются за конкретным рабочим местом и специалистом. Со студентами заключается трудовой договор на время производственной практики и приказом директора вводятся рабочие единицы в подразделениях завода.

Новая система предполагает, что рабочие места по дуальной системе будут определяться заранее, как и рабочий-наставник. Определение круга наставников заранее позволит провести их обучение психолого-педагогическим технологиям обучения студентов на практике в условиях реального производства.

Система наставничества на «Усть-Катавском вагоностроительном заводе им. С. М. Кирова» — филиале АО «ГКНПЦ им. М. В. Хруничева» существует уже давно, но в старой системе роль наставников сводилась к отработке только профессиональных компетенций. В настоящее время перед производственниками стоят несколько более широкие задачи: необходимо не только подготовить студента практически, но и адаптировать его в коллективе и на предприятии. Возникает другая проблема: как оценить работу наставников по адаптации студентов? Профессиональные компетенции проверяются на квалификационном экзамене, который включает практическую и теоретическую части. А вот насколько полно прошел процесс адаптации студентов на производстве определить сложнее. Для решения этой проблемы на заседании рабочей группы по внедрению дуального обучения было предложено разработать программу адаптации студентов на производстве. На основе которой будут составляться для молодых специалистов индивидуальные адаптационные маршруты в соответствии с тем, в какое подразделение завода он попадает. За реализацию таких маршрутов будет ответственным

наставник, а отдел управления персоналом сможет отслеживать и корректировать процесс адаптации.

Со стороны профессиональной организации руководитель практики будет отслеживать выполнение программы практики, развитие профессиональных компетенций и организовывать взаимодействие учебного центра предприятия и техникума по организации практики в форме дуального обучения.

Все эти процессы требуют документального закрепления, поэтому рабочая группа сотрудников отдела управления персоналом предприятия и администрации техникума разработала ряд нормативных документов, таких как договор об организации дуального обучения, положение о наставничестве, квалификационные требования по профессии и др.

Свой опыт по внедрению элементов дуального обучения представители предприятия и техникума представили на заседании круглого стола на 3-м корпоративном чемпионате ракетно-космической промышленности по стандартам World Skills «Молодые профессионалы Роскосмоса — 2018» в Екатеринбурге. Круглый стол проводился по проблеме «Лучшие практики и перспективы внедрения практико-ориентированной (дуальной) модели подготовки рабочих кадров в организациях РКП с использованием механизмов «Регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста». По проблеме организации дуального обучения выступили представители техникумов и предприятий Москвы, Воронежа, Миасса, Усть-Катава, которые готовят специалистов и рабочих для ракетно-космической промышленности. Озвученный опыт поможет в организации взаимодействия предприятий и профессиональных организаций по разным направлениям, в том числе и дуальному обучению.

От Усть-Катава выступили заместитель отдела управления персоналом «Усть-Катавского вагоностроительного завода им. С. М. Кирова» и заместитель директора техникума ГБПОУ «Усть-Катавский индустриально-технологический техникум». Была представлена модель взаимодействия предприятия и профессиональной организации по внедрению дуального обучения.

Данная модель объединяет непосредственно всех участников процесса и, в значительной степени, позво-

лит повысить профессиональный уровень обучающихся, будет способствовать дальнейшему трудоустройству по выбранной профессии, усилит роль предприятия в образовательном и воспитательном процессе.

Модель включает несколько этапов: от мониторинга необходимых для производства рабочих кадров и заключения договоров о дуальном обучении до профориентации.

Реализация модели позволит:

- ◆ подготовить рабочие кадры под конкретное рабочее место;
- ◆ отбирать работников и оценивать потенциальные кадровые ресурсы еще в процессе их обучения;
- ◆ через систему наставничества свести к минимуму затраты по социальной и трудовой адаптации молодого специалиста в трудовом коллективе.

Среди проблем были выделены следующие:

- ◆ сложная экономическая ситуация в стране и на предприятии, отражающаяся в необходимости с одной стороны, в сокращении штата предприятия, а с другой, — омоложении коллектива;
- ◆ необходимость предприятия в небольшом количестве узких специалистов, что затрудняет подготовку по дуальной форме обучения;
- ◆ зачастую, отсутствие понимания и заинтересованности вышестоящих руководителей в необходимости подготовки кадров и взаимодействии с профессиональной организацией;
- ◆ отсутствие учебных мест на производстве;
- ◆ устаревшая система наставничества и т.д.

Все эти проблемы решаются в ходе индивидуальных встреч, круглых столов, заседании рабочих групп на предприятии в профессиональной организации, путем обмена опытом с другими профессиональными организациями.

Таким образом, только путем организации эффективного взаимодействия всех заинтересованных сторон можно добиться значимых результатов в реализации Регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста, подготовке квалифицированных специалистов для экономики региона, способных реализоваться и быть конкурентоспособными на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы [Электрон. ресурс] / Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 295. URL <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 01.08.2018).
2. Батышев С. Я. Блочно-модульное обучение. Москва: ТОО «Промсервис», 1997. 258 с.

3. Образование в Германии. Дидактика [Электрон. ресурс]: Международный семинар. Дюссельдорф, 2015. URL <http://www.ica-amk.ru/despo/event> (дата обращения: 03.08.2018).
4. Некрасов С. И., Захарченко Л. В., Некрасова Ю. А. Пилотный проект «Дуальное обучение»: критический взгляд специалистов // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 4. С. 9–16.
5. Сидакова Л. В. Сущность и основные признаки дуальной модели обучения // Образование и воспитание. — 2016. — № 2. — С. 62–64. — URL <https://moluch.ru/th/4/archive/29/803/> (дата обращения: 09.08.2018).
6. Лизунов П. В. Организация сетевого взаимодействия профессионального образовательного учреждения с предприятиями и общеобразовательными организациями с целью реализации дуального обучения // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — Челябинск: изд-во ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», — 2017. — № 6. — С. 54–58.
7. Лизунов П. В., Савченков А. В. Внедрение элементов дуального обучения в рамках сетевого взаимодействия профессиональных образовательных организаций и предприятий // Инновационное развитие профессионального образования. — Челябинск, изд-во: ЧИРПО, 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 61–63.

© Лизунов Павел Владимирович (1980pl@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ИННОВАЦИОННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

ONTOLOGICAL MODEL OF FORMATION OF INNOVATIONAL PEDAGOGICAL ACTIVITY SUBJECT

I. Plaksina

Summary. Content of the article contains methodological substantiation for formation model of innovational pedagogical activity subject in the scope of V. I. Panov's eopsychological approach. This approach reveals the ontological sequence of subject formation stages as a combination of person's subject qualities, implementing activity in different kinds. Innovational pedagogical activity is defined as activity promoting achievement creative level of professional self-determination and as meta-activity modifying routine components of reproductive kinds of training activity. Analysis of the subjectness formation stages lets reveal essence of innovational activity. Its sense is usage of innovational experience for transformation of educational environment/area. Stages of innovational activity subject formation are defined as a condition for transition from position of pedagogue-master to position of pedagogue-expert, and further to position of pedagogue-creator, who creates innovational and creative environment of the school.

Keywords: innovational pedagogical activity, eopsychological approach, subject, group subject, innovational activity subject, stages of the subjectness formation.

Актуальность исследований в области формирования субъекта инновационной педагогической деятельности обусловлена требованиями к компетенциям педагога в области инновационной деятельности, закрепленными в Профессиональном стандарте «Педагог». Нормативные требования обращены к владению навыками формирования развивающей образовательной среды, проектирования образовательных программ и индивидуальных образовательных маршрутов учащихся, навыкам самостоятельной научно-исследовательской деятельности в сфере науки и образовательной практики.

Еще в 2010 году А.М. Лобок [11], описывая образовательные приоритеты современной школы, предложил три вектора изменений: вектор субъектности

Плаксина Ирина Васильевна
Доцент, Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых, г. Владимир
irinapl@mail.ru

Аннотация. Содержание статьи содержит методологическое обоснование модели становления субъекта инновационной педагогической деятельности в рамках экпсихологического подхода В. И. Панова, который раскрывает онтологическую последовательность этапов становления субъектности как совокупности субъектных качеств индивида, реализующего активность разного рода. Инновационная педагогическая деятельность определяется как деятельность, способствующая достижению творческого уровня профессионального самоопределения и как метадеятельность, изменяющая рутинные компоненты репродуктивных видов обучающей деятельности. Анализ стадий становления субъектности дает возможность выявить суть инновационной деятельности, смысл которой состоит в использовании инновационного опыта в целях трансформации образовательной среды/пространства. Стадии становления субъекта инновационной деятельности определяются как условие перехода от позиции педагога-мастера к позиции педагога — эксперта и далее к позиции педагога-творца, создающего инновационную творческую среду школы.

Ключевые слова: инновационная педагогическая деятельность, экпсихологический подход, субъект, групповой субъект, субъект инновационной деятельности, этапы становления субъектности.

(приоритет мышления над знанием, креативности над репродуктивностью, приоритет детской инициативы), вектор диалога (приоритет эмоционально-ценностного проживания, понимания и принятия индивидуальности) и вектор развития (личности ребенка и педагога, образовательных практик и школы, как целостного организма). Однако, не смотря на сформулированные образовательные приоритеты, школа остается очень инерционной и устойчиво тяготеющей к традиционной парадигме. Школьные педагогические сообщества находятся в крайне противоречивой ситуации: с одной стороны — актуальные направления развития образовательной практики и современные квалификационные требования, с другой стороны — чрезмерный контроль формальных результатов освоения предметных областей (выпускные проверочные работы, ИГА, ЕГЭ). Школа

¹ Печатается при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00251

переживает период столкновения с многообразными формами контроля, которые являются формализованным регулятором педагогической деятельности, заданным извне. Как отмечает О. В. Ковальчук [10], «подчинение нормам осуществляется формально, без полного понимания и внутреннего осознания их смысла, целесообразности». Все это, несомненно, занимает очень значительную часть рабочего времени учителя, вызывает негативные эмоции, запускает процессы психологического выгорания и снижает интерес педагогов к инновационной деятельности и профессиональному развитию.

Поскольку педагогическая деятельность требует наличия у педагога сформированных смысловых и ценностных установок по отношению к педагогической профессии и ее социальной ответственности, то сегодня становится очень важным и своевременным искать новые средства развития профессиональных компетенций в области инновационной педагогической деятельности.

В трудах В. И. Загвязинского, М. В. Кларина, Н. Д. Никандрова, В. А. Сластенина, А. Г. Теслинова, И. Д. Чечель, В. А. Ясвина и др., подробно рассматриваются общие вопросы инновационной деятельности, ее взаимосвязь с профессиональной компетентностью педагога. Профессиональное становление педагога в области инновационной деятельности представлены в трудах А. А. Деркача, И. Ф. Исаева, Л. С. Подымовой, П. И. Третьякова, М. М. Поташника, А. И. Пригожина, В. С. Лазарева, Н. Р. Юсуфбековой, А. В. Хуторского, и др. Возможность осуществлять целенаправленную подготовку учителя к инновационной деятельности обоснована в работах В. А. Адольф, А. А. Вербицкого, Н. Ф. Ильиной, М. В. Кларина, Л. С. Подымовой, П. И. Третьякова, Т. И. Шамаевой.

Н. Ф. Ильина [8] рассматривает инновационную компетентность педагога как интегральную профессионально-личностную характеристику, определяющую качество деятельности в постоянно обновляющейся профессиональной среде, отражающую личностную, теоретическую и практическую готовность к разработке и внедрению объективно нового содержания и технологий обучения.

Многообразие имеющихся определений педагогических инноваций можно свести к пониманию инновации как процесса, направленного на изменение традиционных элементов определенной системы или их взаимосвязи, или как конечного результата инновационной деятельности, получившей реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта. М. В. Кларин [9] определяет инновационную педагогическую деятельность «как порождение объективно нового культурного опыта, который выстраивается в процессе его создания,

фиксации, осмысления для последующего воспроизводства, развития в собственной деятельности или передачи следующей группе людей, которой предстоит этот опыт освоить и развить», а также как метадеятельность, изменяющую рутинные компоненты репродуктивных видов обучающей деятельности. Л. С. Подымова [14] отмечает, что инновационная деятельность выступает важнейшей особенностью педагогического труда и указывает на взаимосвязь общей культуры педагога, его творческого потенциала и профессиональной направленности.

Готовность педагога к инновационной деятельности многократно представлена в трудах И. Б. Белявской, Н. Ю. Звягинцевой, Л. С. Гавриленко, Т. А. Прищепа и др. Готовность определяется как совокупность мотивационно-ценностного, содержательно-операционального и рефлексивного компонентов. В исследовании Н. Ф. Ильиной доказано, что высокая результативность становления инновационной компетентности педагога достигается в пространстве непрерывного образования, которое характеризуется единством методологического, нормативного и научно-методического обеспечения участия педагога в исследовательской деятельности.

Анализ подходов к описанию инновационной педагогической деятельности свидетельствует, что ее реализует педагог, априори занимающий субъектную позицию. И. Г. Скотникова [15], определяя понимание субъектности, отмечает, что ее мерой является степень самоуправляемой активности, направленной на самоорганизацию и саморазвитие. Субъект определяется как носитель субъектности. Однако, по мнению В. В. Знакова [7], в настоящий момент происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как активного начала к самоконструированию, «к поиску таких технологий, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности».

Е. А. Сергиенко [15] отмечает, что во всем многообразии типов понимания субъекта в отечественной психологии можно выделить два противоположных подхода, что связано с представлениями о критериях субъектности. Антропоцентрический подход рассматривает субъекта как вершину развития личности. Этот подход нашел свое обоснование в трудах С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, В. В. Знакова, А. Л. Журавлева, З. И. Рябикиной, А. Г. Асмолова, В. А. Петровского и др. В. В. Селиванов [15] суммирует параметры субъекта, представленные в философских, психологических, педагогических исследованиях, выделяя среди них 24 критериальных свойства субъектности: освоение определенных видов деятельности, способность к саморегуляции и контролю своего поведения, стремление чувствовать себя инициатором собствен-

ных действий и активности, полнезависимость, способность к творчеству и саморазвитию, рефлексивные способности и внутренний локус контроля, способность устанавливать субъект-субъектные отношения, поддерживающие индивидуальность и самооценку другого, наличие персональной истории и жизненного пути, способность решать внешние и внутренние противоречия, включение в общественное развитие и преобразования действительности и др. Именно эти качества приписывают педагогу-новатору.

Генетический подход, в рамках которого развитие субъекта и становление субъектности имеет стадийный характер, представлен в работах Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, В.В. Селиванова, Л.И. Божович, Е.А. Сергиенко, В.И. Слободчикова, Е.П. Ермолаевой, В.И. Панова. Генетический подход рассматривает постепенное становление способности быть автором собственной жизни, при этом стадийный характер развития субъектности в рамках генетического подхода в целом сопряжен с закономерностями возрастного развития. В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев выделяют пять стадий становления субъектности от рождения до 45–62 лет: освоение собственной телесной индивидуальности, одушевление, персонализация, индивидуация и универсализация как трансперсональность и освоение экзистенциальных ценностей. Л.И. Божович раскрывает становление субъекта как процесс формирования личности, указывая на доминирующую роль преодоления возрастных кризисов, выделяя первую форму субъекта как появление «мотивирующих представлений». В.В. Селиванов [15, с. 52] выделяет в становлении субъекта 9 стадий: от предсубъектной до стадии полноценной субъектности и последующей стадии угасающей субъектности.

Применение континуально-генетического принципа, сформулированного А.В. Брушлинским [2] к развитию субъектности, объединяет оба подхода. А.В. Брушлинский считал возможным использовать идею системно-субъектного подхода, позволяющего рассматривать человека как субъекта деятельности, общения, переживания на разных стадиях/уровнях своего развития. Таким образом, мы можем представить развитие субъекта как непрерывный процесс становления разных его уровней, на каждом из которых сохраняется уникальная индивидуальность, избирательность субъекта и его активность в отношении с миром. Е.А. Сергиенко [15, с. 63] отмечает, что становление субъекта есть «постепенный процесс, где шаг за шагом происходит интеграция уникальных и универсальных способностей и достижений человека на пути становления нее новых уровней субъектности. Применение уровневого критерия к определению субъектности позволяет объединить разные точки зрения на ее природу».

Рассматривая две категории — активность и субъектность, В.И. Панов [12] фиксирует с их помощью границы континуума становления психики в индивидуальной форме, подчеркивая, что понятие «субъектность» обозначает «способность индивида быть субъектом психической активности в форме того или иного вида действия (деятельности), и поэтому может использоваться в качестве единицы анализа развития психической активности от активности спонтанной до произвольной в виде конкретного действия/деятельности», в том числе инновационной педагогической. В соответствии с экопсихологической (онтологической) моделью становления субъектности/субъектных качеств осуществляется поэтапно:

1. Субъект мотивации — имеющий потребность освоить новое действие (действие-образец);
2. Субъект восприятия — имеющий способность не только рассмотреть действие-образец, но и сформировать «в уме» модель (образ) действия-образца;
3. Субъект подражательного действия — способный, подражая, воспроизвести действие-образец;
4. Субъект произвольного выполнения действия-образца с опорой на внешний контроль со стороны наставника;
5. Субъект произвольного выполнения действия с опорой на внутренний контроль, способный к самостоятельному выполнению действия-образца, включая контроль и коррекцию правильности его выполнения;
6. Субъект внешнего контроля за выполнением действия-образца другими, способный проанализировать выполнение действия другими;
7. Субъект продуктивного творческого развития, обладающий способностью использовать освоенное действие в качестве субъективного средства для дальнейшего развития самого себя, для творческого самовыражения и преобразования самой деятельности.

Непосредственное упоминание субъекта инновационной деятельности мы встречаем у А.В. Брушлинского [2, с. 25], который пишет: «Субъект в своей деятельности, духовности и т.д.— это субъект творчества, созидания, инноваций». Важным основанием для определения понятия «субъект инновационной деятельности» является предложенный подход А.А. Деркача [3], рассматривающий профессиональное самоопределение личности в контексте перехода от реального к субъектному самоосуществлению. А.А. Деркач подчеркивает, что условием эффективной профессиональной деятельности и «поступательного личностно-профессионального развития является **формирование** (подчеркнуто нами) субъектности, субъектной позиции и субъектной регуляции деятельности».

А. А. Деркач, С. А. Назаров [4] отмечают широту использования термина «самоопределение», которое реализуется в жизнедеятельности личности через «акты профессионального, социального, творческого и др. самоопределения». Анализируя структуру профессионального самоопределения, А. А. Деркач выделяет систему критериев и показателей, позволяющих субъекту достичь этапа профессионального мастерства. Не менее важным является выделение трех уровней профессионального самоопределения: от низкого, для которого характерно отсутствие мотивации к профессиональному развитию, до высокого творческого уровня самореализации и развития в профессии. Самоопределение реализуется через обогащение, усовершенствованием профессиональной деятельности. Подчеркивается, что «процесс профессионального самоопределения идет поступательно, от уровня к уровню».

Анализ подходов к описанию инновационной педагогической деятельности свидетельствует, что в центре внимания всегда находится личность педагога-новатора. Однако в соответствии с теоретическим подходом А. В. Брушлинского [1, с. 162–168] к проблеме индивидуального и группового субъектов педагогический коллектив может рассматриваться как субъект совместной деятельности, общения и отношений. А. С. Чернышев [15, с. 149] подчеркивает, что «степень согласованности актов поведения в группе самым прямым образом влияет на эффективность усилий группы в целом. Особую ценность представляет способ внутреннего согласования коллективных действий в отличие от внешних заданных стандартов поведения». С позиций деятельностного подхода главным регулятором поведения человека в группе выступают цели и задачи совместной деятельности. Как известно, ценностно-ориентационной единство группы формируется не на основе эмоциональной привлекательности, в результате общественно ценной и лично значимой совместной профессиональной деятельности.

По мнению А. Л. Журавлева [6] все большую актуальность приобретает исследование групповой творческой инновационной деятельности. Совместное творчество определяет как совместно-творческий тип деятельности, который требует гибкого перехода от одной профессиональной роли к другой. Несомненный вклад в развитие взглядов на коллективные аспекты творчества внесли Я. А. Пономарев, И. М. Гаджиев, Г. П. Щедровицкий, С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов, рассматривающие творчество как форму межличностного взаимодействия, механизмом которого становится процесс рефлексии, как переосмысления, преобразования деятельности и персонального/группового профессионального опыта. А. Л. Журавлева отмечает, что в рамках этого направления рассматриваются такие понятия, как «групповая

креативность», «креативный потенциал». В деятельностном плане групповая креативность поддерживается высокой активностью и мотивацией к решению сложных, нестандартных задач. Таким образом, можно наблюдать сближение понятий «инновационность» и «креативность/групповая креативность».

Возникает необходимость целостного анализа педагогического коллектива и как субъекта деятельности, и как субъекта общения, и как субъекта отношений. Преобразующий потенциал группового субъекта/педагогического коллектива обеспечивается социальной направленностью, организованностью, сбалансированным управлением, смысловыми ориентирами профессиональной педагогической деятельности и интеллектуальными, эмоциональными, волевыми, коммуникативными и иными способностями входящих в группу субъектов. Важно отметить, что в случае реализации преобразующей активности групповым субъектом мы можем столкнуться с межличностными или межгрупповыми барьерами и конфликтами, которые будут блокировать реализацию самых привлекательных идей. Сложность реализации коллективной инновационной деятельности заключается в том, что личностная культура педагога, его социальные установки, коммуникативная компетентность может стать препятствием процессу совершенствования профессиональных коммуникаций и отношений, форм и содержания совместной деятельности.

А. Л. Журавлев подчеркивает, что к групповым факторам, влияющим на инновационное поведение и креативность относятся эффективная координация совместной деятельности, предоставление конструктивной обратной связи, признание ценности различия идей и точек зрения. А. Л. Журавлев и Т. А. Нестик отмечают, что «...индивиды проявляют меньшую склонность к творчеству, если воспринимают внешнее окружение как контролирующее или принуждающее» [6, с. 55].

Все выше сказанное делает важным решения тактических задач по организации взаимодействия и командообразованию с целью актуализации групповой креативности/инновационности, обогащения практическим опытом, самостоятельного обнаружения «слепых зон» в профессиональной деятельности и профессиональном общении.

Обзор представленных идей позволяет сделать вывод о том, что инновационную педагогическую деятельность мы можем рассматривать как деятельность, способствующую достижению творческого уровня профессионального самоопределения субъекта педагогической деятельности при поступательном формировании его субъектности, которая осуществляется в специально

организованной культуротворческой среде школы, предоставляющей возможности для развития отношений сотрудничества и взаимообогащения на всех уровнях взаимодействия.

В качестве методологического основания становления субъекта инновационной педагогической деятельности нами была выбрана онтологическая модель В.И. Панова. Теоретическая модель становления субъекта и преобразования его активности в творческую деятельность представляет собой идеальную модель, которая может быть операционализирована по отношению к конкретной активности, в нашем случае к инновационной деятельности. Любая деятельность, как указывает В.И. Панов, представляет собой систему действий, каждое из которых имеет исполнительский (репродуктивный) и регулятивный компонент, предполагающий наличие сформированной или формирующейся способности к осознанной саморегуляции, целеполаганию, планированию, организации и коррекции собственной деятельности. Ранее онтологическая модель становления субъектности была применена В.И. Пановым [17], И.В. Плаксиной [13] по отношению к становлению субъекта учебной деятельности.

Анализ характеристик, которые описываются как характеристики инновационного поведения, по нашему мнению, соответствуют стадии мастера в экпсихологической модели В.И. Панова, т.е. высокому уровню профессионального мастерства, обращенного к учащемуся. Стадии, завершающие становление субъектности, — стадии эксперта и творческого самовыражения, предполагают смещение акцента в деятельности педагога на развитие себя и преобразование/порождение инновационной педагогической среды, которая не может быть задана извне, а может быть только создана субъектами инновационной деятельности. Компетенции, характеризующие стадию эксперта, как подчеркивают, К.В. Дрозд, И.В. Плаксина [5], могут быть соотнесены с компетенциями педагога-исследователя, позволяющими «получить новое знание как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, знакомого с методологией научного исследования, обладающего способностью обеспечить продуктивность и качественное разнообразие процесса поиска, приобретения и осмысления новой информации» с последующим ее использованием на преобразующей стадии творца. Последовательность этапов формирования субъектных качеств такова: этап формирования мотивации индивидуального и группового субъекта к инновационной преобразующей деятельности; этап знакомства с сущностью инновационной деятельности, этап подражательного действия; этап освоения инновационных технологий с внешней регуляцией правильности этого выполнения со стороны наставника, тьютера, супервизора, а затем при внутрен-

нем контроле; этап экстерииоризации функции внешнего контроля и формирования исследовательской компетентности педагога, этап творческого самовыражения и продуктивного влияния на образовательную среду/пространство в целях ее трансформации, продуктивного развития.

В современных условиях наиболее сложной проблемой, требующей тщательного подбора технологических средств для ее решения, является формирование внутренней мотивации педагогов. Эдвард Деси [16] автор представлений о внутренней мотивации, утверждал, что внутренняя мотивация — это выполнение деятельности из-за субъективного ощущения ее ценности, стойкое и продолжительное желание работать со сложными, творческими задачами. Внутренняя мотивация никак не связана с внешним вознаграждением работы, она возникает в деятельности, способствующей удовлетворению трех базовых потребностей: потребности в самодетерминации (ощущение себя источником активности), в компетентности (ощущения себя знающим) и потребность в значимых отношениях, включенности в конструктивные отношения. Сказанное возвращает нас к идее организации продуктивного творческого взаимодействия в педагогическом сообществе, ведь, по сути, деятельность педагога не коллективна: каждый учитель остается один с классом, а взаимодействие с коллегами носит, как правило, совещательный характер. Поэтому важно создавать условия для появления внутренне мотивированного инновационного поведения и закрепления его как ценностно-ориентированного способа реализации профессиональных задач.

Реализация экпсихологической модели становления субъекта инновационной деятельности нуждается в разработке комплекса психолого-педагогических средств, направленных на формирование компетенций в области инновационной деятельности в соответствии с онтологической схемой формирования субъектных качеств с включением в него содержательного, инструментального и процессуального компонентов.

Сущность содержательного компонента состоит в обозначении инновационного потенциала школьного сообщества (мотивационно-ценностные ориентации, рефлексивные и творческие способности, отношение личности к неопределенности, способность к сотрудничеству, особенности самоорганизации деятельности, тип профессиональной идентичности) и соотнесение инновационного потенциала с определенным этапом становления субъекта инновационной деятельности в онтологической модели.

Инструментальный компонент комплекса психолого-педагогических средств представляет собой техно-

логии организации совместной творческой, исследовательской и рефлексивной деятельности, технологии командообразования, тренинговые программы, направленные на развитие субъектных качеств, в соответствии с онтологическими этапами становления субъектности, технологии педагогических событий, мастер-классов, интерактивные инновационные технологии. Процессуальный компонент комплекса психолого-педагогических средств развития компетенций в области инновационной деятельности представляет собой практическую реали-

зацию средств, методов и технологий и оценку их эффективности с точки зрения становления субъекта инновационной деятельности. Разработка и апробация комплекса психолого-педагогических средств позволит обосновать эффективность использования онтологической модели становления субъекта инновационной педагогической деятельности, которую можно рассматривать как модель непрерывного совершенствования профессиональной педагогической деятельности в целях инновационной трансформации образовательной среды/пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брушлинский А. В. Психология индивидуального и группового субъекта. — М.: ПЕЗ СЭ, 2002.
2. Брушлинский А. В. Психология субъекта. — СПб.: Алетейя, 2003.
3. Деркач А. А. Субъектное самоосуществление в процессе становления профессионализма // Акмеология. — 2018;65(1). — С. 5–6.
4. Деркач А. А. Назаров С. А. Профессиональное самоопределение: сущность, структура, содержание // Акмеология. — 2018;66(2). — С. 5–8.
5. Дрозд К. В. Проектирование образовательной среды: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / К. В. Дрозд, И. В. Плаксина. 2 изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — С. 196.
6. Журавлев А.Л., Нестик Т. А. Внутригрупповые и организационные факторы совместного творчества // Вестник практической психологии образования. — 2011. — № 1. — С. 55–61.
7. Знаков В. В. Перспективное направление исследований психологии субъекта // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
8. Ильина Н.Ф., Адольф В. А. Факторы и принципы обеспечения становления региональной системы непрерывного инновационного педагогического образования / Альма Матер. — 2012. — № 11.
9. Кларин М. В. Инновационное обучение в образовании взрослых / Проблемы современного образования, 2015. № 4. С. 5–27.
10. Ковальчук О. В. Становление и развитие профессионально-педагогического качества учителя как субъекта инновационной деятельности / Человек и образование. — 2014. — № 3 (40). — С. 21–23
11. Лобок А. М. Школа нового поколения // Вестник практической психологии образования. — 2010. — № 3 (24). — С. 11–12.
12. Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014.
13. Плаксина И. В. Этапы развития субъектности учащихся разных возрастов // European social science journal. — 2015. — № 7. — С. 321–328.
14. Подымова Л. С. Инновационные процессы и технологии в науке и образовании. М.: Издательство Юрайт, 2013.
15. Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
16. Deci E.L., Cascio W/F/ Krusell J. (1975) Cognitive evaluation theory and some comments on the Calder and Staw critique // Journal of Personaliti and SocialPsychology. 31. 81–85.
17. Panov V.I., Plaksina I. V. Didactic and Psychodidactic Features of Forming Universal Learning / Action Subject Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 14 // 3rd International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE2017) — <http://www.atlantis-press.com/php/publication=icadce>

© Плаксина Ирина Васильевна (irinapl@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕТОД КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЦЕЛОМ

COMMUNICATIVE METHOD AS A MEANS OF INCREASING THE LEVEL OF MOTIVATION TO LEARN A FOREIGN LANGUAGE AND THE EFFECTIVENESS OF THE LEARNING PROCESS OF A FOREIGN LANGUAGE AS A WHOLE

I. Shcherbakova

Summary. In this paper, the communicative method of consideration as a motivating factor to the study of a foreign language and the effectiveness of the educational process. The actual problems associated with the insufficient effectiveness of using foreign methods of teaching a foreign language are indicated. The article contains a description of the main distinctive features of the communicative approach from the traditional one. The work contains an analysis of the main advantages of using the communicative method in the study of a foreign language.

Keywords: communicative, communicative method, development of conversational skills, removal of the language barrier, expansion of vocabulary, motivation for learning a foreign language, efficiency of teaching a foreign language.

Щербакова Ирина Александровна

*Старший преподаватель, Елабужский институт
Казанского Федерального Университета
shereri@mail.ru*

Аннотация. В данной работе коммуникативный метод рассматривается как фактор мотивации к изучению иностранного языка и эффективности образовательного процесса. Обозначены актуальные проблемы, связанные с недостаточной эффективностью применения традиционных методов обучения иностранного языка. Статья содержит описание главных отличительных особенностей коммуникативного подхода от традиционного. Работа содержит анализ главных преимуществ применения коммуникативного метода в рамках изучения иностранного языка.

Ключевые слова: коммуникативность, коммуникативный метод, развитие разговорных навыков, снятие языкового барьера, расширение словарного запаса, мотивация изучения иностранного языка, эффективность обучения иностранному языку.

Учитывая протекающий процесс глобализации, характерный практически для каждой сферы жизнедеятельности человека, владение иностранным языком является современной потребностью общества. Актуальность заявленной темы обосновывается тем, что отношение большого количества обучаемых к овладению иностранным языком характеризуется как негативное. Это обусловлено тем, что для успешного усвоения языковых знаний от обучаемых требуются большие усилия.

Проблема данной работы заключается в том, что отличительной особенностью изучения иностранного языка является ценность получения и усвоения исключительно совокупных знаний его аспектов. Обозначенная проблема обостряется, учитывая то, что сегодня во многих государственных учебных заведениях наблюдается тенденция сокращения часов аудиторной работы, которые

отведены изучению иностранного языка. Изучение иностранного языка становится еще более затруднительной задачей при отсутствии мотивационной составляющей.

Эффективность обучения иностранному языку во многом зависит от мотивационной составляющей обучаемого, которая должна проявляться в виде повышенного интереса к изучаемому предмету. Оптимальный уровень мотивации стимулирует эффективность мыслительных процессов, подпитывает интерес к активному участию в занятии. Поэтому важным аспектом эффективности процесса обучения иностранному языку является использование оптимальных образовательных методов, стимулирующих мотивацию обучаемого к получению нового знания.

Одной из важных мотивирующих составляющих изучения иностранного языка является практическая

реализация приобретенных знаний. Это предполагает, что изучению грамматики должно быть отведено достаточно ограниченное время (по мере необходимости), лексика должна быть усвоена в том объеме, который необходим для успешного выполнения практических заданий, а практика должна реализовываться в рамках жизненных ситуаций и диалогов. Для удовлетворения потребности в реализации полученных в процессе изучения языка навыков многие отечественные и зарубежные специалисты (Е.И. Пассов, О.Ю. Сурженко, Э.П. Шубин, И.Л. Бим, В.П. Кузовлев, В.Л. Скалкин, Б.В. Царькова, С.В. Воробьева, Г.Е. Ведель и другие) советуют прибегать к коммуникативному методу изучения иностранных языков.

Целью данной работы является изучение особенностей коммуникативного метода как средства повышения мотивации к изучению иностранного языка и эффективности обучения иностранному языку.

Коммуникативные методики изучения иностранного языка противопоставляются многими современными лингвистами большинству традиционных методик, которые признаются ими менее эффективными. Специалисты считают, что поступательное изучение грамматики и лексики с последующим переходом к закрепляющим упражнениям, свойственное традиционным методикам, не стимулирует мотивацию обучаемого к приобретению и закреплению нового знания [3, с. 19].

Это утверждение базируется на том, что упражнения, созданные искусственным путем, не способны сделать обучаемого активным пользователем иностранного языка. Традиционные методы обучения стимулируют обучаемого скорее промолчать, чем произнести фразу неверно, в то время как коммуникативные методики направлены на снятие страха допустить ошибку вслух.

Эффективность обучения иностранным языкам при помощи коммуникативного метода обучения заключается в том, что развиваются сразу все необходимые языковые навыки: устная и письменная речь, чтение, аудирование. Освоение грамматики происходит в рамках общения между участниками образовательного процесса на изучаемом языке. Благодаря этому обучаемый сначала может запомнить новые языковые формулы, выражения и слова, после чего начинает разбирать, чем они являются в рамках грамматики. Таким образом, коммуникативный метод позволяет обучить не только свободному, но и грамотному говорению на иностранном языке.

В рамках коммуникативного подхода основы изучаемого иностранного языка объясняются обучаемому посредством уже знакомых ему выражений, лексики,

грамматических конструкций, а также при помощи вспомогательных наглядных пособий. В условиях цифровизации современного образования могут быть привлечены последние достижения информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих наглядность образовательного процесса, что в свою очередь способствует пробуждению интереса к традициям, истории и культуре страны изучаемого языка [2, с. 63].

Мотивация к изучению иностранного языка на занятии достигается при создании ситуации, в которой обучаемые ведут диалог между собой как в парах, так и в группах. Данный прием, во-первых, делает занятия немонотонными и разнообразными, во-вторых, обеспечивает привитие навыка речевой самостоятельности. Обучаемые имеют возможность оказывать друг другу помощь, корректировать допущенные собеседником ошибки. Таким образом, для преподавателя отведена, в первую очередь, функция организатора коммуникативного процесса, он может управлять процессом обучения, задавая наводящие вопросы, выделяя наиболее интересные и оригинальные мнения участников общения.

Основными темами обсуждения становятся те, с которыми обучаемый достаточно хорошо знаком на родном языке. Осведомленность и свободное владение темой разговора позволяет сосредоточиться на совершенствовании коммуникативных способностей и умения спонтанно пользоваться языком.

Мотивация к обучению иностранным языком в рамках коммуникативного метода обеспечивается также за счет того, предлагаемые для выполнения упражнения носят открытый характер, то есть обучаемые не могут точно предугадать, каким будет конечный результат деятельности, поскольку он зависит от текущих реакций и ответов. Кроме того, для поддержания интереса к обучению на каждом занятии должны моделироваться новые, не рассматриваемые ранее ситуации. Это также является особенностью коммуникативного метода [1, с. 5].

Говоря о мотивационной стороне применения коммуникативного метода и эффективности его применения в процессе обучения иностранному языку в целом, целесообразно выделить его главные преимущества:

1. Развитие разговорных навыков с самого начала обучения — коммуникативный метод обучения иностранному языку предполагает, что погружение в англоязычную среду начинается с первого занятия;
2. Постепенное снятие языкового барьера — языковой барьер формируется в рамках традиционного подхода, если обучаемый испытывает страх допустить ошибку в произношении;

3. Формирование навыков беглой речи — скорость говорения нарабатывается за счет того, что обучаемые разговаривают об актуальных и насущных проблемах — бытовые ситуации, обсуждение свежих новостей, общение с друзьями и так далее;
4. Развитие способности понимать язык — в рамках коммуникативного метода обучения иностранному языку усилия обучаемого направлены на развитие не только разговорных навыков, но и умения слушать и понимать говорящего.
5. Быстрое расширение словарного запаса — коммуникативные приемы обучения во многом ориентированы на скорость усвоения материала и оперативность его практического применения;
6. Доступность и несложность занятий — коммуникативный метод обучения иностранному языку в настоящий момент пользуется большой популярностью как в рамках государственных образовательных учреждений, так и в частных языковых центрах. Относительная простота усвоения зна-

ний обеспечивается за счет вовлеченности участников занятия в интересную активность: обучающие игры, общение, взаимопомощь [4, с. 56–58].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что коммуникативный метод обучения иностранному языку имеет целый ряд преимуществ, которые качественно отличают его от традиционного подхода. Коммуникативный метод в широком смысле можно трактовать как уподобление процесса обучения коммуникативному процессу. Коммуникативный метод изучения иностранного языка можно рассматривать как образовательную модель процесса общения.

Главным отличием коммуникативного подхода от традиционного является способ организации образовательного процесса: в качестве основного приема вместо специально подгоняемых под активную лексику и изучаемую грамматику учебных текстов и диалогов используется имитация ситуаций из реальной жизни, которые вызывают у обучаемых мотивацию к говорению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баграмова, Н. В. Коммуникативно-интерактивный подход как способ повышения овладения иностранным языком [Текст] / Н. В. Баграмова // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. — Вып 18. — С. 3–6.
2. Головкин, Е. А. Инфокоммуникационные технологии как средство моделирования социокультурного пространства изучения иностранного языка [Текст] / Е. А. Головкин // Иностранные языки в школе: научно-методический журнал. 2013. — № 8. — С. 60–66.
3. Мильруд, Р. П., Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам [Текст] / Р. П. Мильруд, И. Р. Максимова // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 5. — С. 17–23.
4. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению [Текст] / Е. И. Пассов. — М.: Просвещение, 2011. — 208 с.

© Щербакова Ирина Александровна (shereri@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Елабужский институт Казанского Федерального Университета

ЭГОЦЕНТРИЗМ КАК ПРИНЦИП СМЫСЛО-РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

EGOCENTRISM AS A PRINCIPLE OF THE SEMANTIC-SPEECH TEXT ORGANIZATION IN GERMAN-LANGUAGE EVERYDAY COMMUNICATION

N. Abrosimova

Summary. The article highlights the formulation principles of the egocentric texts in everyday communication based on the analysis of applications for employment and authorized announcements. The egocentric text is understood as a speech product, in which special personal textual meanings are actualized. This actualization is carried out through egocentric language and speech means, in other words, pointers to oneself as a cognitive and speech subject.

Keywords: anthropocentrism, egocentrism, egocentric point of view, egocentric language means, text prototype.

Абросимова Наталья Геннадьевна

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
abrosimova8@gmail.com

Аннотация. В статье освещаются особенности принципов формулирования эгоцентрических текстов в обыденной коммуникации. Под эгоцентрическим текстом в настоящей работе понимается речевое произведение, в котором посредством совокупности эгоцентрических языковых и речевых средств, то есть указателей на самого себя как на когнитивного и речевого субъекта, актуализируются особые, сугубо личные текстовые смыслы. Объектом исследования являются такие виды повседневных эгоцентрических текстов, как заявление о приеме на работу и авторизованные объявления.

Ключевые слова: антропоцентризм, эгоцентризм, эгоцентрическая точка зрения, эгоцентрические единицы, текстовый прототип.

Современный этап развития лингвистики, как известно, характеризуется повышенным интересом представителей этой области науки к человеку, использующему язык в качестве активного субъекта речевой деятельности в собственных когнитивных и коммуникативно-прагматических интересах.

В научном обиходе лингвистов прочно закрепились понятия «антропоцентризм» и «эгоцентризм», находящиеся в логическом отношении «общее-частное». Антропоцентризм связан с когнитивной и коммуникативной сущностью языка, который не может существовать и развиваться самостоятельно, вне человека и различных форм его деятельности. Как одна из парадигмальных черт современных лингвистических исследований антропоцентризм заключается в том, что человек признается точкой отсчета при анализе тех или иных языковых явлений, которая задает его направленность и определяет его конечные цели. При этом исследователи исходят из того, что антропоцентризм указывает на *субъектность* любого высказывания средствами языка, т.е. его принадлежность некому субъекту речи. Эгоцентризм, сверх того, подчеркивает *субъективность* речи, иначе говоря, эксплицитное «самовыражение» в структуре (текстового) высказывания его автора — как субъекта с маркированной индивидуальной точкой зрения по отношению к информации, содержащейся в тексте [3].

До сих пор речевой эгоцентризм рассматривался исключительно по отношению к художественным речевым произведениям. При этом он понимался либо (1) как имманентный принцип порождения и восприятия любого художественного текста, либо (2) как формально-содержательный фактор литературных текстов, в которых композиционно-смысловым центром повествования является некое сосредоточенное на собственной точке зрения «Я» («Я» автора, реальной исторической личности; повествовательное «Я» как одна из масок автора, актуализация одной из его эгоцентрических точек зрения) [3; 5].

По наблюдениям исследователей-интерпретаторов литературно-художественного текста, в нем всегда присутствуют субъектно-личностные смыслы и эмоционально-экспрессивная или логическая оценка автора по отношению к текстовой информации. Так, в системе взглядов В.Г. Адмони на художественный текст значительная роль принадлежит идеям об особом характере эгоцентризма и интроспекции как его онтологических свойствах. Предназначение художественной литературы ученый видит в «непосредственном чувственно-предметном и понятийно-наглядном постижении действительности и раскрытии душевной жизни человека вплоть до самых ее глубинных черт». Исходя из этого художественный текст определяется как «возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего со-

стояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания» [1, с. 116–120]. В словесно-речевом художественном высказывании сочетаются субъективность его автора, с одной стороны, и стремление последнего к воспроизводимости создаваемого фикционального текста, с другой. Эгоцентрическая позиция автора художественного текста многослойна и многопланова, она «мультиплицируется» в персонажах и объектах изображаемого мира, во всех речевых партиях текстов. При этом воспринимающий текст читатель психологически также не свободен от своих эгоцентрических состояний, которые оказывают влияние на понимание и интерпретацию им содержания и формы литературного текста.

Идеи об эгоцентризме художественного текста имплицитно пронизывают абсолютное большинство современных исследований в области лингвистики и стилистики текста. Включая работы, в которых эгоцентризм выделяется в качестве специального объекта исследования [2; 3; 5; 8]. В то же время, как показывают исследования в области лингвистики и стилистики текста последних лет, эгоцентризм выступает в качестве фактора текстообразования и в повседневной коммуникации, будучи здесь прототипической характеристикой определенного класса текстов.

К классу повседневных текстов, в основе которых лежит эгоцентризм и которые, в связи с этим могут быть определены, как эгоцентрические, относятся заявления (о приеме на работу, об увольнении и т.д.), деловая автобиография, авторизованные объявления, личное письмо, а также определенные виды текстовых высказываний (твиттер, блог и др.) в Интернет-общении. Создание подобных текстов связано, прежде всего, с выражением потребностей и решением индивидуальных проблем некоего «Я». Человек, формулирующий эгоцентрический текст в повседневной коммуникации, выступает и как выразитель сугубо личных прагматических интересов, и как носитель определенной/ типизированной социально-прагматической роли (например, участник конкурса, кандидат на какую-либо должность, начальник, друг, блогер и т.д.), который хочет быть понятым в определенном социуме и достигнуть конкретной / -ых личной / -ых цели / -ей. Можно предположить, что в основе формулирования каждого вида эгоцентрических текстов реальной коммуникации лежит текстовый *прототип* или *стандарт*. Проекция создаваемого текста на существующий в общественном сознании и в дискурсивной практике общества текстовый прототип накладывает некоторые ограничения на выражение личной точки зрения речевого субъекта. Например, каждый человек представляет себе, что он должен иначе формулировать текст заявления о приеме на работу или деловой автобиографии по сравнению с текстом личного письма

своему другу. Иначе говоря, повседневные эгоцентрические тексты сочетают в себе, с одной стороны, *субъективность, индивидуальность и креативность* языкового формулирования, а с другой — ориентацию на некий *композиционно-речевой стандарт*.

Например, одним из видов эгоцентрических текстов, распространенных в любой этнокультуре и обслуживающих социально-практическую деятельность человека, является *заявление о приеме на работу* (нем. *Bewerbungsschreiben*). При формулировании названного типа текста автор осознает себя одновременно субъектом и объектом речевого изображения. Это обусловлено лежащей в основе данного текста интенциональностью: сообщить в координатах «Я» — «здесь» — «сейчас» о субъективных и объективных обстоятельствах, важных для решаемой с помощью текста личной проблемы и реализации прагматических целей автора.

Как известно, заявление о приеме на работу должно 1) содержать обязательные (стандартные) композиционно-архитектонические компоненты (адреса получателя и отправителя, дату, место, тему, форму обращения к адресату, форму прощания и личную подпись); 2) быть кратким и информативным, поскольку потенциальный читатель хочет получить достоверные сведения о том, обладает ли кандидат необходимыми для определенной должности характеристиками, опытом, квалификациями или нет [9, с. 64–68].

В то же время фактор решения сугубо индивидуальной (эгоцентрической) проблемы побуждает автора текста отбирать подходящие формы в рамках задаваемых прототипом. Это, в свою очередь, обеспечивает актуализацию в текстовой структуре лингвостилистических средств с эгоцентрической семантикой и их выдвижение на передний план в качестве «прагматических фокусов» текста.

Так, например, рассматриваемое ниже заявление кандидата на место банковского сотрудника содержит все части, предписанные стандартом для данного типа текста:

Bankausbildung + Internetkenntnisse = Ihr neuer Mitarbeiter Rolf Mahler

*Sehr geehrte Damen, sehr geehrte Herren,
letzte Woche fiel mir im München-Teil der «Süddeutschen Zeitung» der dort veröffentlichte Artikel über Ihre Bank auf. Darin steht unter anderem, dass Sie gerade eine Onlineabteilung aufbauen. Vielleicht sind Sie auf der Suche nach geeigneten Mitarbeitern, die sich speziell um Ihren Internetauftritt kümmern. Da bin ich der Richtige für Sie.*

Warum ich das so frech behaupte? Sehen Sie selbst: Ich bin gelernter Bankkaufmann und 20 Jahre alt. Meine Ausbildung habe ich vor zwei Monaten abgeschlossen. Neben meinem Interesse für alle Bankangelegenheiten bin ich leidenschaftlicher Internettüftler.

Bei meinem bisherigen Arbeitgeber, einer Privatbank im Süden Münchens, war ich im letzten Jahr zuständig für die neue Homepage. Zwar habe ich die Seiten nicht programmiert. Aber ich war derjenige, der dafür sorgte, dass die gewünschten Inhalte eine ansprechende Form bekamen und schnell onlinegingen. Daneben war ich bei der Entwicklung des Onlinebanking beteiligt. Inzwischen kenne ich die Vor- und Nachteile der einzelnen Verschlüsselungssysteme sehr gut. Ich bin auch dazu fähig, den Dienstleistern zu vermitteln, welche speziellen Anforderungen die Kunden stellen.

Das Bankgeschäft einerseits und die Herausforderung, die das Internet als Medium bietet, andererseits — darin liegen meine Kernkompetenzen. Wenn Sie tatsächlich einen Mitarbeiter brauchen, der von beidem etwas versteht, dann freue ich mich auf Ihre Einladung und auf Ihre Fragen, wenn ich mich (hoffentlich bald) bei Ihnen vorstellen darf.

*Freundliche Grüße von Allach nach Erding
Rolf Mahler [9, с.102]*

Структурным и прагматическим ядром текста является местоимение *ich*, идентифицированное лицом, конкретно называющим свое имя (*Rolf Mahler*), профессию и возраст (*Ich bin gelernter Bankkaufmann und 20 Jahre alt.*). От лица этого «Я» ведется диалог с потенциальным работодателем. Сигналами, инициирующими речевое взаимодействие с адресатом, служат вокативы (*Vielleicht sind Sie auf der Suche...; Sehen Sie selbst:...; Wenn Sie tatsächlich einen Mitarbeiter brauchen, ...*), вопрос-зачин во втором абзаце, на который речевой субъект сам же отвечает (*Warum ich das so frech behaupte?*), а также многочисленные авторизованные конструкции (*letzte Woche fiel mir... auf; Ich bin auch dazu fähig, ...*).

Для обозначения темы письма автор заявления использует креативную речевую форму, имитирующую математический пример (*Bankausbildung + Internetkenntnisse = Ihr neuer Mitarbeiter Rolf Mahler*). Кандидат не скрывает заинтересованности в месте работы и прагматически нацеленно рассказывает о своих профессиональных качествах и интересах, отмечая достижения на предыдущем месте работы. При этом речевой субъект использует в структуре текста необходимые (с его точки зрения) уточняющие детали (даты и места, причинно-следственные отношения), языковые средства с субъективно-модальной и оценочной прагматикой (*vielleicht, hoffentlich bald*), специальную (*Entwicklung des Onlinebanking, Verschlüsselungssysteme*) и эмо-

ционально-оценочную (*...bin ich leidenschaftlicher Internettüftler, frech*) лексику.

К распространенным в повседневной коммуникации видам эгоцентрических текстов принадлежат также *авторизованные объявления* (объявления о поиске жилья, партнера, работы сообщения о рождении ребенка или смерти близких), то есть объявления, написанные от конкретного лица и передающие «субъективную авторскую позицию» [4]. Тексты авторизованных объявлений обладают меньшей степенью композиционно-речевой стандартизации в сравнении с текстами заявлений о приеме на работу.

Рассмотрим в качестве примера два Интернет-объявления о поиске жилья. Следует отметить, что на многих порталах названной тематики существуют обязательные для заполнения рубрики. Например, на популярном в Германии сайте www.wg-cast.de к таковым относятся фото, имя, пол, возраст, профессия, бюджет, данные о том, курит ли человек, а также о том, имеет ли он опыт проживания в коллективе жильцов (нем. *Wohngemeinschaft*, сокр. *WG*). При этом в графе «О себе» (нем. «*Über mich*») автор в произвольной форме указывает информацию, которую он считает необходимой, с его точки зрения, для решения актуальной задачи.

Ich bin Marie 26 Jahre alt und habe mich — zugegebenermaßen spät — noch mal entschlossen eine Ausbildung zu machen (vorher habe ich studiert) aber leider sind Kulturwissenschaften im 2 Fach Ba ein garant für nen Taxischein.

Zu mir:

Ich bin eigentlich sehr entspannt. Mag es abends mit Leuten abzuhängen und ein Gläschen Wein oder ein bis Drölf Bier zu trinken (wohne gerade auch in einer Wg mit zwei Freunden von mir). Bin allerdings auch viel arbeiten (die Gastro schläft nie). Ich versuche 3–4 mal die Woche zum Sport zu gehen und wenn es die Zeit erlaubt setze ich mich auch mal hin und spiele Playstation oder schaue Filme/Serien etc.

Kann auch eine kleine Sammlung von Brettspielen (cards against humanity, joking hazard) beisteuern. Dann hat man immer was zu lachen.

Mein einziges Kriterium ist eigentlich, dass ich eine gute und schnelle Anbindung zum Zoo habe, da dort in der Nähe mein Ausbildungsplatz ist und, dass das Zimmer bezahlbar ist.

Also dann ich freue mich von euch zu hören. [11]

В первом абзаце объявления его автор — молодая женщина называет свое имя и возраст, а затем самокритично и с иронией отзывается о своем образовании, объясняя причину продолжения обучения (*zugegebenermaßen spät; aber leider sind Kulturwissenschaften im 2 Fach Ba ein garant für*

nen *Taxischein*). Далее речевой субъект характеризует себя, перечисляя личные качества, предпочтения и хобби (*sehr entspannt; mit Leuten abzuhängen und ein Gläschen Wein oder ein bis Drölf Bier zu trinken; versuche ... zum Sport zu gehen; spiele Playstation oder schaue Filme/Serien etc.; eine kleine Sammlung von Brettspielen*) В заключительной части объявления автор делает акцент на важности для нее расположения и стоимости жилья (*eine gute und schnelle Anbindung zum Zoo; ..., dass das Zimmer bezahlbar ist*).

Эгоцентрическая позиция автора усиливается при этом языковыми средствами с субъективно-модальной и оценочной семантикой, лексикой из сферы эмоционального переживания и высказываниями с причинно-следственной семантикой. Следует также отметить, что стиль текста объявления приближен к устной обиходной речи, о чем свидетельствуют разговорная лексика (*mit Leuten abzuhängen; ein Gläschen Wein oder ein bis Drölf Bier*) и редукция (*für **nen** Taxischein; Mag es abends...; Kann auch...*). Автор не соблюдает нормы синтаксиса (отсутствие необходимых знаков препинания) и орфографии (*im 2 Fach Ba ein **g**arant*) современного немецкого языка, что является характерной чертой Интернет-коммуникации [7]. Все это придает тексту непринужденный интимно-доверительный характер, а также дает речевой портрет адресанта данного текстового высказывания, выполняя тем самым характерологическую функцию.

Текст следующего объявления о поиске жилья интересен тем, что оно написано якобы от лица четырёх детей, референциально соотносящих себя с местоимением 1-го лица множественного числа *wir*, которое и является семантико-грамматическим субъектом текста:

*5-köpfige Familie sucht Haus oder Wohnung zur Miete
Preis: 840 €*

Wir 4 Kinder und unsere Mama suchen dringend in den kommenden Wochen bzw. Monaten ein Haus oder eine 5-Zimmer-Wohnung zur Miete in Leingarten, da wir dort ab dem nächsten Schuljahr zur Schule gehen werden. Das neue Zuhause sollte mindestens 5 Zimmer haben und die Kaltmiete von 840€ nicht übersteigen. Ein Garten für uns Kinder zum Spielen wäre schön, ist aber kein Muss. Ansonsten stellen wir keine hohen Ansprüche und freuen uns über Angebote zu zahlreichen in Frage kommenden Mietobjekten! [10]

Реальный автор объявления (предположительно мать детей) остаётся, таким образом, как бы в тени, а все внимание адресанта концентрируется на интересах и потребностях детей по отношению к необходимому жилью. С помощью подобного «инсценируемого» эгоцентризма автор, усиливая общий эмоциональный настрой текста, манипулятивно воздействует на потенциального адресата. При этом в тексте широко используются субъективно-модальные и эмоционально-оценочные языковые единицы (*dringend, sollte, wäre schön, ist aber kein Muss*).

Проинтерпретированный языковой материал (несмотря на его ограниченный объем) наглядно показывает, что в основе любого вида эгоцентрического текста в повседневной коммуникации лежит интенция его автора, связанная с решением сугубо личной проблемы. Принципы формулирования таких текстов отличаются сочетанием композиционно-смысловых форм предписанного текстового стандарта и свободы выбора, а также комбинирования языковых средств, способствующих достижению коммуникативно-прагматических целей автора текста. При этом эгоцентрические единицы, расфокусированные по тексту, втягивают в поле своего семантического и прагматического «напряжения» другие текстовые элементы, создавая тем самым композиционно-смысловую целостность всего текста и определяя способ тематического развертывания в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб: Наука, 1994. 153 с.
2. Баракина И. В. Семантико-прагматические характеристики эгоцентрических высказываний: Дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04/ Баракина Инна Валерьевна. СПб, 1997. 212 с.
3. Гончарова Е. А. Лингвостилистический аспект интерпретации эгоцентрических текстовых структур // *Stylistyka*. XIV. Opole: Uniwersytet Opolski, 2005. С. 175–187.
4. Кобызь К. В. Взаимодействие лингвостилистических средств стандарта и экспрессивности в текстах авторизованного объявления (на материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Кобызь Кристина Викторовна. СПб, 2005. 186 с.
5. Породин И. В. Лингвопоэтические средства выражения эгоцентрической точки зрения в литературном тексте (на материале современной немецкоязычной художественной прозы): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Породин Иван Владимирович. СПб, 2006. 202 с.
6. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 2010. 332 с.
7. Трач А. С. Особенности использования письменной речи в сети интернет // *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2010. № 10. С. 34–39
8. Хомякова Е. Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности (на материале английского языка): Дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04, 09.00.13 / Хомякова Елизавета Георгиевна. СПб, 2002. 250 с.

9. Duden, Professionelles Bewerben — leicht gemacht, Engst, Judith. Mannheim: Dudenverl., 2007, 2. Aufl. 346 S.
10. [www.ebay-kleinanzeigen.de](https://www.ebay-kleinanzeigen.de/s-anzeige/5-koepfige-familie-sucht-haus-oder-wohnung-zurmiete/852040726-203-9230) [Сайт]: URL: <https://www.ebay-kleinanzeigen.de/s-anzeige/5-koepfige-familie-sucht-haus-oder-wohnung-zurmiete/852040726-203-9230> (дата обращения: 20.04.2018).
11. [www.wg-cast.de](https://www.wg-cast.de/wg-gesucht-berlin/y9xhbk) [Сайт]: URL: <https://www.wg-cast.de/wg-gesucht-berlin/y9xhbk> (дата обращения: 20.04.2018).

© Абросимова Наталья Геннадьевна (abrosimova8@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КРИПТОЛАЛИЧНОСТЬ АРМЕЙСКОГО ИДИОМА США (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

THE U.S. MILITARY IDIOM SEMANTIC CRYPTOLALITY (AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH)

M. Angaleva

Summary. The point that success of cross-cultural interaction is preconditioned both by a communicator's linguistic competence and his background knowledge is hardly to be questioned. This study dwells on the U.S. military subcultural environment and its unique linguo-cultural manifestations. Illustrative materials show that the army idiom, ascending to the cultural-historical heritage of the military society, is typical of cryptolality. This article delivers an analysis of such distinctive phenomena of an American soldier's «verbal passport» as lexico-phraseological units, military socio-cultural dialect units, precedent nominations, army clichés and mottos of arms and branches of the U. S. Armed Forces.

Keywords: ethnos; the US army subculture; service member; army sublanguage; army idiom; cryptolality; cryptolality.

Ангалева Мария Анатольевна

К. филол. н., доцент, ФГКВ ОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
angalevama@yandex.ru

Аннотация. Утверждение о том, что успех межкультурного взаимодействия обуславливается не только языковой компетенцией коммуниканта, но и совокупностью фоновых знаний, едва ли подлежит сомнению. Предметную область настоящего исследования составляют семантически непрозрачные феномены армейского идиома социально-профессиональной группы военнослужащих США. На материале английского языка показано, что армейский субязык, восходящий к культурно-историческому фонду военного социума, характеризуется свойством криптолалличности. В статье анализируются такие самобытные феномены «речевого паспорта» американского военнослужащего, как лексико-фразеологические единицы, единицы военного социокультурного диалекта, прецедентные номинации, армейские клише, девизы родов войск и видов вооруженных сил США.

Ключевые слова: этнос; армейская субкультура США; военнослужащий; армейский субязык; армейский идиом; криптолалличность.

Предлагаемая вниманию читателя статья выполнена в русле антропоцентричной парадигмы исследований и посвящена описанию лингвокультурологических особенностей социально-профессиональной среды военнослужащих армии США. Объектом научных изысканий настоящей работы избран идиом армейской субкультуры США, характеризующийся своей спецификой. В качестве предмета исследования выступают вербализованные в знаках языка феномены армейской субкультуры США, обнаруживающие свойство семантической непрозрачности. В рамках настоящего исследования нас интересует собственно армейский языковой коллектив США и его лингвокультурные артефакты, воплощенные в «речевом паспорте» американского военнослужащего.

Одним из приоритетов современной действительности выступает сохранение самобытности этнических культур. В основе успешного межкультурного диалога, по мысли С. Г. Тер-Минасовой, лежит взаимопонимание во всех его аспектах: языковом, социокультурном, аксиологическом [9, с. 15–18]. Соприкосновение различных культурных традиций обуславливает необходимость выработки базиса эффективного общения и взаимопонимания, так называемого «диалога культур». Как спра-

ведливо отмечает В. Н. Телия, состоящие в непрерывном диалоге семиотические системы языка и культуры могут быть осмыслены как формы сознания, в которых запечатлены мировоззрение и миропонимание народа [8, с. 224–225].

Социум, согласно Т. Б. Щепанской, представляет собой мультикультурное образование, состоящее из множества соседствующих субкультурных сред как нормативно-знаковых комплексов. Выделяют различные точки зрения на понимание сущности понятия «культура». Осмысление культуры как знаковой системы, общности менталитета, символики, культурного кода, картины мира предполагает выдвигание на первый план ее знаковых признаков. Широкое распространение получило «понимание культуры как общности обычаев, ритуалов, норм, моделей и стереотипов поведения». Согласно иной точке зрения, культура подлежит восприятию с позиции социальных условий ее существования и носителей [11, с. 29]. Кроме того, культура может быть интерпретирована как «целостный образ жизни» и как небиологический способ воспроизводства. Последний подход к пониманию упомянутого понятия акцентирует внимание на механизмах диахронной трансляции традиций в процессе социализации. Культура также может

быть определена как способ адаптации человека к его социальному и природному окружению. «Отличие субкультур видят в том, что они неспособны к полностью автономному самовоспроизводству, используют коды своей культуры, из которых заимствуют символы, несколько их трансформируя или перекодируя». Каждое субкультурное образование определяет себя прежде всего по отношению к порождающей культуре, «противопоставляя ей свои нормы и ценности, либо черпая в них обоснования этих норм» [11, с. 28]. Таким образом, идентичность того или иного субкультурного образования определяется общностью менталитета, символики, культурного кода, картины мира; общностью обычаев, ритуалов, норм, моделей и стереотипов поведения; общностью носителя культуры и ее порождающей среды [11, с. 28–29].

Социально-профессиональная общность военнослужащих определяется прежде всего онтологическим предназначением, особой ментальностью, историей, традициями, символикой, военным подъязыком, стандартами вербального и невербального поведения. Одной из важнейших составляющих идентичности армейского субкультурного пространства является его особый лингвокультурный код. Военный субъязык (подъязык или специальный язык), по В.П. Коровушкину, интерпретируется как совокупность фонетических, грамматических и лексических средств национального языка, обслуживающих речевое общение военного социума [2, с. 57–58].

Любая профессия, заключает А.С. Романов, предполагает овладение некой суммой специализированных знаний, умений и навыков, приобретаемых индивидом с опытом в процессе вторичной социализации и освоения профессиональной деятельности. «В сознании индивида складывается новый связанный с содержательной стороной профессии понятийно-категориальный аппарат, формируются профессионально обусловленные модели вербального и невербального поведения, обретает характерные приметы речевой портрет носителя армейской субкультурной среды» [5, с. 27–28]. Вслед за ученым, под армейской субкультурой мы понимаем относительно автономную нормативно-семиотическую социокультурную среду, являющуюся частью порождающей национальной культуры. «Армейская субкультура характеризуется профессионально обусловленной картиной мира, символическим языком, системой ценностных ориентиров, совокупностью норм и традиций» [6, с. 365].

Отражающий экзистенциальное начало воинской профессии армейский идиом обнаруживает широкое употребление военной лексики и военной терминологии. Указанное обстоятельство позволяет выделить

профессиональную группу военнослужащих на фоне остальных социальных групп. К категории военной лексики, по Г.А. Судзиловскому, принадлежат лексические единицы, обозначающие военные понятия и научно-технические термины, а также эмоционально-окрашенные слова и словосочетания [7, с. 3–5]. К отдельной категории специфических элементов речевой коммуникации военнослужащих следует отнести язык неформального общения, вербализируемый посредством социально-группового диалекта (социолекта). Военным жаргонизмам, по Г.А. Судзиловскому, присущи следующие отличительные признаки: нарушение норм литературного английского языка, наличие разнообразных эмоционально-экспрессивных оттенков, фамильярность, узкая сфера реализации. «К разряду жаргонизмов относятся слова и словосочетания, создаваемые и употребляемые в узкой обособленной среде с целью скрытой передачи информации». Эмоционально маркированные лексические единицы «военного жаргона являются, как правило, стилистическими синонимами соответствующих военных терминов» [5, с. 130]. Как справедливо отмечает Б.Л. Бойко, в неофициальной речи военнослужащих неизменно присутствует криптолалический компонент, препятствующий получению доступа к информации представителям других социальных групп. Неофициальный язык существует только для внутреннего использования [1, с. 162–163].

Важную роль в многообразии палитры армейского идиoma играют устойчивые обороты речи, дающие добротный материал для лингвокультурологического анализа. Подчеркнем, что в рамках настоящей работы нас не интересует терминологический пласт лексики, обслуживающий коммуникативные потребности членов военного социума США. Акцент исследования делается на семантически завуалированных фрагментах речевого репертуара американских военнослужащих. Упомянутые факты армейского идиoma отражают реалии военной службы, социальный опыт, практики вербального и невербального поведения членов армейского языкового коллектива. К категории семантически непрозрачных языковых средств и речевых форм могут быть отнесены, например, армейские клише, единицы социокультурного диалекта, девизы родов войск и видов вооруженных сил США, фразеологические единицы, прецедентные номинации. Далее мы предлагаем обратиться к иллюстративному материалу семантически криптолалических языковых средств и речевых форм, отражающих реалии армейской службы.

По мнению А.С. Романова, распространенные в армейской языковой среде клишированные речевые формулы «выступают не только средством удовлетворения потребностей внутригруппового общения, но и служат своеобразным вербальными индикатором, признаком

кастовой принадлежности к армейской субкультуре» [4, с. 124]. Социальная сущность функционирования армейского клише как важного структурного звена армейского идиома, заключена в реализации ряда функций: коммуникативной, символической (интегрирующей/ дифференцирующей), репрезентативной, криптолалической [1 с., 15, 40]. В английском языке устойчивые обороты речи соотносятся с такими наименованиями, как *military catch phrases, military set expressions, military clichés* [4, с. 124]. Армейские клише *adapt and overcome* — приспособляйся и преодолевай, *suffer in silence* — превозмогай страдания мужественно, *all this and a pay check too!* — не только денежное довольствие, но и все это (тяготы и лишения военной службы), *you don't have to like it, you just have to do it* — нравится или нет, — вперед и с песней!, *rise and shine!* — проснись и пой! и др. могут быть сведены к известной максиме, предписывающей стойко переносить трудности военной службы [4, с. 127], [16], [18]. Коррелирующие с семантикой пресловутого «ефрейторского зазора» армейские клише *to hurry up to wait / standby to standby / to arrive 15 minutes prior to 15 minutes prior* отражают специфику армейского образа жизни, подчиненного строгой дисциплине, требованиям воинских уставов и неукоснительному соблюдению регламента служебного времени [4, с. 129], [16]. Определенной степенью семантической завуалированности наделены такие идиоматические изречения, как *save your breath to cool your porridge / loose lips sink ships* — болтать — врагу помогать / болтун — находка для врага (умение держать язык за зубами — необходимый и даже естественный императив военной службы), *to bite the bullet / to face the music* — мужественно, стоически переносить испытания, лишения, физическую боль [13], [19].

Обнаруживающие свойство криптолаличности лексические единицы военного социолекта позволяют отобразить речевой портрет представителя армейской субкультуры. Военный сленг представляет собой язык, созданный и используемый военнослужащими для внутригруппового общения. Сленг может быть представлен в форме акронимов, эмоционально окрашенных, табуированных лексических единиц, образных эвфемизмов. «Военный сленг или неформальное обозначение военной терминологии, представляет собой часто употребляемые военнослужащими социально маркированные лексические единицы» [5, с. 126], [7, с. 41]. Обратимся к примерам жаргонизмов, коррелирующих с героическим нарративом и эксплицирующих идею о том, что служба в вооруженных силах неизменно связана с риском для жизни и здоровья военнослужащих. *Cold jug* — хладнокровный, уверенный в себе военнослужащий; *angel* — погибший в бою; *common touch feeling* — чувство воинского товарищества, чувство локтя; *DIP = Die in Place* — готовность к выполнению боевой зада-

чи любой ценой; *dicing* — выполнение опасного задания (*досл.* игра в кости); *hell's corner/one-way ticket* — билет в один конец, особо опасный участок, «пекло»; *go through changes / been there, done that / hard as nails* — пройти сквозь огонь, воду и медные трубы; *widow maker* — опасный в обращении предмет материальной части [Там же, 130–132], [7].

Девизы родов войск и видов вооруженных сил относятся к текстовым произведениям официоза и выступают частной формой реализации армейских клише. Отражающие основные ценностные ориентиры армейского языкового коллектива девизы воинских формирований нередко восходят к латинским истокам. Ср., например, «Semper Fidelis!»/»Semper Fi («Ever Faithful») — «Всегда верны» (Marine Corps), «*Ne desit Virtus*» («*Rendezvous with Destiny*») — «Встреча с судьбой» (101st Airborne Division), «*Facta Non Verba*» («*Deeds, not Words*») — «Не словом, но делом» (143rd Field Artillery Regiment), «*De oppresso liber*» («*To free the oppressed*») — «Даровать свободу угнетенным» (U. S. Army Special Forces) и др. [10, с. 137–138], [17], [21].

Прецедентные номинации армейской языковой среды, обращенные к культурно-историческому наследию военного социума, характеризуются высокой степенью коннотативности функционирования. Наличие ПФ — сигнал усложненности текста. Прецедентные феномены как единицы, отражающие категории культуры, способны выступать в роли редуцированной метафоры, обращенной к какому-либо национально значимому факту, событию или ситуации. Проиллюстрируем сказанное на примерах:

- ◆ *Captain Jack* — неизменный герой песенной лирики капитан Джэк является олицетворением воинской доблести, мужества, профессионализма, силы духа и несгибаемой воли, высокого уровня профессиональной и физической подготовки. Капитан Джэк — антипод собирательного образа цивилиста Джоди [19], [20];
- ◆ *Jody* — под вымышленным собирательным образом «Джоди» понимается «молодой человек призывного возраста из числа гражданских, не обладающий такими присущими военному человеку качествами, как мужество, стойкость, упорство, сила воли, молодцеватость. Этимологически прецедентная номинация восходит к событиям Второй мировой войны. «Джоди» именовались американские призывники, непригодные по состоянию здоровья к военной службе» [5, с. 143]. Выступающий неизменным персонажем солдатского фольклора — строевых песен *Jody Calls* «Джоди» является олицетворением праздного образа жизни. Приведем фрагмент из строевой песни о «Джоди»: *Ain't no use in going home /*

Jody's got your girl and gone. / Ain't no use in feeling blue / Jody's got your sister, too. / Ain't no use in lookin' back / Jody's got your Cadillac [12].

«Солдатская песня — это неотъемлемый элемент строевой выучки военнослужащих. «<...> строевая песня несет определенную психологическую нагрузку: она закаляет боевой дух, эксплицирует чувство солидарности и сопричастности к воинскому коллективу, служат мощным мотивирующим фактором, повышает уровень дисциплины как во время выполнения строевых приемов и физических упражнений, так и в условиях боевых действий» [3, с. 51]. Восходящие к культурно-историческому наследию военного социума строевые песни отвечают интересам социализации членов армейской субкультурной среды, транслируют ее ценности, традиции, образцы вербального и невербального поведения. Кроме того, произведения солдатского фольклора *Jody Calls* «выполняют ряд функций: воспитательную, обучающую, интегрирующую, духовно-эстетическую, анимационную и др.» [Там же, с. 52];

- ◆ *Dear John* — *шутл.* письмо военнослужащему от супруги или невесты с плохими новостями (развод, расторжение помолвки и т.п.) [5 с. 133];
- ◆ *Kilroy was here* (WWII) — здесь был Килрой. Под фольклорным персонажем понимается вездесущий янки, якобы успевающего опередить всех

и вся [7, с. 137]. Изречением *Kilroy was here* нередко украшались заборы, здания, тротуары и уборные по всему миру [Там же, с. 181], [18, с. 69];

- ◆ *Old Glory* — флаг США [14, с. 193–194];
- ◆ *Son of Mars* (WWII) — (*досл.* сын Марса) солдат, военнослужащий [Там же, с. 215].

Приведенные примеры позволяют сложить представление о богатстве палитры армейского идиома, отражают реалии военной службы, наглядно репрезентируют специфику «речевого паспорта» собирательного облика американского военнослужащего. Мы в полной мере разделяем точку зрения Б.Л. Бойко о том, что взаимодействие языков и культур предполагает знание противоположной стороны. «Это знание приобретается в ходе освоения всего того, что имеется в предметах культуры, фольклоре, реалиях повседневной жизни народа, наконец, в текстах письменных и устных <...>» [1, с. 67]. Корректная интерпретация переводчиком того или иного фрагмента ценностного опыта военного социума подразумевает постижение «культурно-исторического и социального фона». В этой связи вопрос о лингвистической релевантности фоновых знаний в контексте армейской субкультуры отнюдь не праздный. Доступ к общему для участников коммуникации языковому коду далеко не всегда предопределяет успех диалога культур, «что в значительной степени повышает важность фоновых социокультурных знаний» [4, с. 126].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов: монография. М.: Воен. ун-т, 2008. 184 с.
2. Коровушкин В. П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) // Вестник ОГУ. № 4. 2003. С. 53–59.
3. Романов А. С. Образ американского военнослужащего в зеркале речевых этностереотипов строевой песни / А. С. Романов // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2013. № 4. С. 46–58.
4. Романов А. С. Речевые клише армейской субкультуры США в контексте этнокультурной стереотипизации / А. С. Романов // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2017. 3 (33). 122–135 с.
5. Романов А. С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография / А. С. Романов. М.: Военный университет, 2017. 231 с.
6. Романов А. С. Система ценностей армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры / А. С. Романов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 364–366 с.
7. Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? Английская просторечная военная лексика. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
8. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культура. М.: Слово, 2008. 297 с.
10. Шевчук В. Н. Справочник военного переводчика. СПб.: Русь, 2016. 400 с.
11. Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т. Б. Щепанская. М.: ОГИ, 2004. 286 с.
12. Armystudyguide.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.armystudyguide.com/content/cadence/marching_cadence/get-on-back-home.shtml (дата обращения: 11.05.2018).
13. Barrett G. Save Your Breath to Cool Your Soup, Broth, Porridge, etc. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.waywordradio.org/save-your-breath-to-cool-your-soup/> (дата обращения: 29.07.18)
14. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War / P. Dickson. 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.
15. Engel R. The brief history of each branch's motto [Электронный ресурс]. URL: <https://www.military1.com/military-lifestyle/article/1553206014-the-brief-history-of-each-branches-motto/> (дата обращения: 10.04.2018).

16. Ingersoll G. 31 Phrases That Only People In The Military Will Understand. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessinsider.com/military-phrases-2013-12> (дата обращения: 09.06.2018).
17. Military-quotes.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.militaryquotes.com/mottos/US%20Army%20and%20Corps.htm> (дата обращения: 13.06.2018).
18. Rottman G. FUBAR. Soldier Slang of World War II. Osprey UK, Publishing Ltd, 2007. 301 p.
19. Sgtbrandi.com. Updated Glossary of Military Speak and Catchy Sayings [Электронный ресурс]. URL: http://sgtbrandi.com/?page_id=2260 (дата обращения: 13.06.2018).
20. Spywriter.com [Электронный ресурс]. URL: http://spywriter.com/robots/military_slang.html (дата обращения: 13.06.2018).
21. Usingenglish.com. What does 'Loose lips sink ships' mean? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usingenglish.com/reference/idioms/loose+lips+sink+ships.html> (дата обращения: 15.06.2018).
22. US Military Clichés [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wired.com/beyond-the-beyond/2015/08/us-military-cliches/> (дата обращения: 15.06.2018).
23. We are the mighty.com. 19 of the coolest military unit mottos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wearethemighty.com/articles/military-mottos> (дата обращения: 11.05.2018).

© Ангалева Мария Анатольевна (angalevama@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЕМА ВИТАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ

PECULIARITIES OF USING PERSONIFICATION IN THE RUSSIAN ECONOMIC MEDIA TEXT

**A. Bazanova
E. Popova**

Summary. The article is devoted to the peculiarities of using the method of personification in the Russian economic media text. Modern financial and economic processes form a new economic culture, therefore the economic lexis goes beyond the usual highly specialized application. Economic media texts contribute to the process of intensive terminologization due to the fact that the high precision of certain tools of language promote to their permanent updating. As a result of the necessity to adapt economic terminology into the context of materials, journalists are looking for new ways of integration special lexis. The microcontext formed around economic terms helps to improve the perception and estimation of economic media texts by the audience.

The authors analyze the method of personification as one of the stylistic techniques used to integrate economic lexis into the modern economic media text. They come to conclusion that the anthropomorphism inherent in personification promotes to the «revival» of economic processes in the minds of the audience, which increases the level of understanding of economic terminology.

Keywords: stylistic devices, personification, lexical tools, anthropomorphism, media text, terminology integration, context.

Язык экономических медиатекстов — живой организм, который постоянно развивается и эволюционирует под воздействием финансово-экономических, социальных и политических причин. Современная экономическая лексика выходит за рамки привычного узкоспециализированного употребления, становится частью нашей жизни.

Экономический медиатекст — особая категория текстов, способы подачи материалов, а также способы пояснения экономической лексики в которых зависят от автора, потребностей аудитории и вида СМИ.

Сложность восприятия читателем экономических текстов способствует поиску способов адаптации экономической терминологии в контекст материалов. Сам контекст играет важную роль в восприятии термино-

Базанова Анна Евгеньевна

К.филол.н., доцент, Российский университет дружбы народов

baza89265851150@yandex.ru

Попова Елена Олеговна

К.филол.н., ассистент, Российский университет дружбы народов

e.o.popova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования приема витализации в российском экономическом медиатексте. Современные финансово-экономические процессы сформировали новую экономическую культуру, поэтому экономическая лексика выходит за рамки привычного узкоспециализированного употребления. Экономические медиатексты содействуют процессу интенсивной терминологизации в связи с тем, что высокая воспроизводимость определенных средств языка способствует их постоянному обновлению. В связи с возникшей необходимостью адаптации экономической терминологии к контексту материалов, журналисты ищут новые способы интеграции специальной лексики. Микроконтекст, который образуется вокруг употребляемых терминов, способствует улучшению восприятия и оценки экономических медиатекстов аудиторией.

Авторы статьи анализируют прием витализации как один из стилистических приемов, используемых для интеграции экономической лексики в современный экономический медиатекст, и приходят к выводу, что антропоморфизм, свойственный витализации, способствует «оживлению» экономических процессов в сознании аудитории, а также повышению уровня понимания экономической терминологии.

Ключевые слова: витализация, стилистические приемы, персонификация, лексические инструменты, антропоморфизм, медиатекст, интеграция терминологии, контекст.

логии, так как способствует возможности осмыслить полученную информацию. Кроме того, вокруг употребляемых терминов образуется микроконтекст, который позволяет понять значение специальной лексики.

Главное средство совершения коммуникации в медиатекстах — слово. Особое воздействие на материалы медиатекстов оказывают экстралингвистические факторы, влияющие на изменение содержания и его формы, способствуя их адаптации «к потребностям и условиям издания как некоторой совокупности типовых ситуаций общения» [1; с. 85]. Язык медиатекстов неоднороден, эмоционален, содержателен, контрастен и прагматичен.

Сегодня для интеграции экономической терминологии в медиатексты авторы используют штампы и моделированность, экспрессию и стандарт, оценочную функ-

цию, интертекстуальность, цитатное письмо, метафору, языковую игру и т.д. В числе других разновидностей стилистических приемов и способов включения экономической лексики активно используется прием витализации.

Не претендуя на полноту освещения вопроса, в нашей статье мы попытаемся проанализировать особенности использования приема витализации в российском экономическом медиатексте.

Витализация (оживление) — творческий способ моделирования реальности в вербальных текстах и остальных знаковых системах, выраженный наделением явлений неживой природы и предметов человеческими свойствами, применимый, в большей степени, к экономическим явлениям и процессам. Очевидна его связь с олицетворением, широко используемым в текстах различной тематики.

Если олицетворенный предмет имеет «короткий жизненный цикл» и остается в сознании читателя именно неживым предметом, то использование журналистами приемов витализации способствует формированию своеобразной «личности» экономических явлений. По сути, читатель даже не задумывается, о живом объекте он говорит или нет. Повышение степени одушевленности экономических процессов психологически способствует улучшению понимания сути события у читателей, а также психологически формирует у аудитории устоявшийся образ — экономическое явление подсознательно рассматривается как живой организм.

Например, в статье издания «D'» «ПИФам придадут ускорение» понятие «портфель инвестиционных фондов» приобретает одушевленность и наделяется свойствами живого организма: «В отсутствие четких правил ПИФы не рисковали и деривативы покупать не решались. Однако в 2007 году в этот закон были внесены изменения, в которых содержалась принципиально новая норма: теперь ПИФы могли приобретать деривативы при условии ограничения рисков» [4].

Таким образом, персонификация понятия «портфель инвестиционных фондов» психологически упрощает у читателя восприятие термина «дериватив», так как витализация позволяет легче ориентироваться в сути «работы» производственных финансовых инструментов и необходимости их приобретения: «...достаточно было очертить круг рисков, за пределы которого управляющим уже не разрешено заходить... Фьючерсы и опционы считаются более рискованными инструментами, чем акции и облигации, потому что позволяют использовать «плечо». Разрабатывая положение, ФСФР постаралась сделать так, чтобы никаких «плечей» в ПИФах не возникало».

В заголовке статьи газеты «Коммерсантъ» «Спрос проделал дыру в платежном балансе» автор прибегает к олицетворению понятия «спрос», чтобы упростить понимание у читателя взаимосвязи зависимости «курса рубля» от состояния «платежного баланса»: «Во втором квартале 2017 года текущий счет платежного баланса сведен с дефицитом в \$0,3 млрд., свидетельствует оценка Банка России. Причина дефицита — быстрый рост импорта и выплат инвестиционных доходов. Компенсировать разрыв позволило заметное улучшение финансового счета платежного баланса — приток прямых инвестиций и ввоз капитала компаниями. В этой ситуации курс рубля становится все больше зависимым от потоков капитала — его ослабление теперь выглядит неизбежным» [6; с. 2].

Использование приемов витализации в тексте статьи с помощью таких лексических инструментов, как существительные и глаголы (оценка, рост, улучшение, приток, ввоз, ослабление, свести, становиться зависимым), персонифицирует экономическое понятие, а так как олицетворенное явление легче понять (или подумать, что понял), у читателя создается прочный ассоциативный ряд: «спрос», то есть увеличение объемов, качества и цен на инвестиционный и потребительский импорт способствует профициту внешней торговли, что на фоне снижения баланса неторговых операций (увеличения выплат инвестиционных доходов за рубеж и их снижение на территории страны) способствует ухудшению состояния счета текущих операций. Несмотря на попытки снижения оттока капитала из банковского сектора, профицит текущего счета провоцирует плавное снижение курса рубля (стабилизатора платежного баланса). Соответственно, можно говорить, что в платежном балансе «появилась дыра».

В статье газеты «РБК» «Валютные аукционы ЦБ и Минфина не помогли рублю укрепиться» автор в заголовке прибегает к одушевлению понятий «валютный аукцион» и «рубль». Импульс активности, который несут глаголы «не помогли» и «укрепиться» позволяет создать образ «разумного» экономического явления, выполняющего непосредственные действия по попытке усиления национальной валюты. При этом, даже при отсутствии контекста читатель поймет, о чем пойдет речь в статье: «...средства на аукционе валютного РЕПО были выданы сроком на год по средневзвешенной ставке 1,1162% годовых. Это первый аукцион валютного РЕПО, на котором банки взяли такую крупную сумму. Ажиотажный спрос на валюту был и на аукционе Минфина. Несмотря на то что банки получили более \$7 млрд. валюты, курс доллара на Московской бирже резко пошел вверх. По логике проведение валютного аукциона должно было компенсировать повышенный спрос на доллары и укрепить рубль» [3; с. 4].

Таким образом, использование витализации становится способом включения в текст пояснения зависимости девальвации национальной валюты от поддержки ЦБ, спроса на валюту и валютных аукционов.

В тексте статьи газеты «РБК» «Банки в зоне риска» происходит моделирование ситуации, когда банкам и банковским активам приписываются действия и возможности, характерные для одушевленных предметов: «Сейчас банки испытывают проблемы с капиталом. И не очень понятно, где этот капитал искать. Чтобы выполнять норматив достаточности капитала, банкам нужно либо докапитализироваться, либо выходить на прибыльность, либо резко сокращать кредитный портфель» [5; с. 5].

Благодаря использованию глаголов «испытывать», «докапитализироваться», «выходить», «сокращать» происходит упрощение для восприятия читателя понятия «норматив достаточности капитала», который является одним из основных показателей банковской ликвидности, а также пояснение способов восполнения банковского капитала: «...для того чтобы увеличить норматив достаточности капитала на 1 процентный пункт, нужно сократить кредитный портфель на 10%. В крайнем случае банкам может прийти на помощь государство, как это было ранее,— предоставляя кредиты через ВЭБ. Если же возникнут более серьезные проблемы, возможна и санация» [5; с. 5].

В статье издания «Эксперт» «Биткоин может обвалиться до нуля» наделение криптовалюты признаками

живого организма и способностью совершать действия помогает читателю анализировать экономическую ситуацию, сложившуюся вокруг рынка цифровой валюты, становится образной и выразительной дефиницией экономического понятия «биткоин»: «Став средством накопления и спекуляций, биткоин практически не выполняет функции расчетной валюты. Его зашкаливающая волатильность только одно из препятствий, другое — он попросту нелегален для подавляющего большинства торговых точек» [2].

Кроме того, образное определение криптовалюты иллюстрирует еще одно понятие — «волатильность»: «Биткоин не является ни активом (так как не генерирует денежного потока или добавленной стоимости для своих держателей), ни валютой (не гарантирован ничем, кроме человеческого доверия), поэтому весь ажиотаж вокруг него строится исключительно на спекулятивном основании» [2].

Следовательно, через олицетворенную сущность понятия «биткоин» автор подводит читателя к определению термина «волатильность» — взлет и падение стоимости криптовалюты на несколько десятков процентов.

Таким образом, витализированный объект предполагает персонификацию, связанную с антропоморфизмом, что способствует формированию у читателя взгляда на экономические явления как на человекоподобные существа за счет придания экономической лексике «человеческого» характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириленко Н. П. Функционирование научно-стилистических терминов в газетных текстах: дис. канд. фил. наук / Н. П. Кириленко; Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. — М., 1985 г. — С. 85.
2. Королева А. Биткоин может обвалиться до нуля / А. Королева // Expert Online [Электронный ресурс]: Expert Online. — Электрон. дан. — 02.01.2018 — Режим доступа: <http://expert.ru/2017/12/27/bitcoin-mozhet-obvalitsya-do-nulya/> (дата обращения 02.01.18).
3. Кошкарев А. Валютные аукционы ЦБ и Минфина не помогли рублю укрепиться / А. Кошкарев // РБК — 2014. — № 233 (2008). — 15 декабря. — С. 4.
4. ПИФам придадут ускорение / D' [Электронный ресурс]: D'. — Электрон. дан. — № 19 (82). — 12.10.2009–25.10.2009. — Режим доступа: http://expert.ru/d-stroke/2009/19/uskorenie_pifam/ (дата обращения 13.12.17).
5. Фиалко Л., Старостина Н. Банки в зоне риска // Л. Фиалко, Н. Старостина // РБК daily — 2014. — № 164 (1939). — 5 сентября. — С. 5.
6. Шаповалов А. Спрос проделал дыру в платежном балансе / А. Шаповалов // Коммерсантъ — 2017. — № 124. — 12 июля. — С. 2.

© Попова Елена Олеговна (e.o.popova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ДВИЖЕНИЯ В РАССКАЗЕ В.Г. КОРОЛЕНКО «РЕКА ИГРАЕТ»

THE LANGUAGE MEANS EXPRESSING MOVEMENT IN V.G. KOROLENKO'S STORY «THE RIVER PLAYS»

A. Vaganova

Summary. The role of the concept of «movement» in the literary system of V. G. Korolenko's story «The river plays» is considered in this article. The use of words, related to the idea of movement and having various lexical semantics and grammatical properties, in the text is analyzed. A contextual interaction of these words is characterized. The role of language means with the semantics of movement in the creation of speech representativeness, in the formation of a psychological characterization of characters and in the expression of conceptual information is revealed.

Keywords: concept, language picture of the world, verbs of movement, contextual interaction, nominative field, direct meaning, figurative meaning.

Ваганова Айниса Кадир кызы

*К.филол.н., доцент, Таганрогский институт
им. А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
aynisa.vaganova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль концепта «движение» в художественной системе рассказа В. Г. Короленко «Река играет». Анализируется использование в тексте разнообразных по лексической семантике и грамматическим свойствам слов, связанных с идеей движения, характеризуется контекстуальное взаимодействие данных слов. Выявляется роль языковых средств с семантикой движения в создании речевой изобразительности, в формировании психологической характеристики персонажей, в выражении концептуальной информации.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, глаголы движения, контекстуальное взаимодействие, номинативное поле, прямое значение, переносное значение.

Концепт «движение» принадлежит к числу важнейших компонентов когнитивной картины мира: «<...> ничто не знакомо и не присуще нам в такой степени, как движение, являющееся основным свойством, основным признаком жизни» [1, с. 6]. Концепт «движение» находится в тесном взаимодействии с такими фундаментальными для познания мира концептами, как «время» и «пространство»: «Семантика движения соединяет пространство и время. Движение составляет третий компонент, входящий в понятие хронотопа» [2, с. 4]. Движение как один из основных концептов культуры является объектом внимания учёных, изучающих славянские и балканские языки и культуры [3, с. 7–88; 4, с. 89–103; 5, с. 63–71], фольклор [6, с. 206–222], мифологию и верования [7, с. 114–126], обряды [8, с. 213–254; 9, с. 255–270; 10, с. 271–283].

Понятие движения имеет общечеловеческий характер, но в русской культуре образы, связанные с идеей движения, занимают особенно важное место: «Для нашей страны <...> понятия дороги и пути играют необычайно большую роль (гораздо большую, чем в других европейских культурах) в семантике, метафорике, символическом, художественном творчестве» [2, с. 3]. Концепт «движение», как и другие важные для коммуникации концепты, реализуется в русском языке с помощью большого диапазона номинативных средств, разнообразных по своей семантике и грамматическим свойствам. Изучение номинативного поля концепта «движение» в русском языке необходимо

для углубленного понимания русской языковой картины мира. Поскольку смысловые и стилистические возможности номинативных средств языка реализуются в речи, средства реализации концепта «движение» следует рассматривать в процессе их речевого функционирования и контекстуального взаимодействия. Особый интерес в этом отношении представляют художественные тексты, так как художественная речь характеризуется наиболее широким охватом разных стилистических пластов языковых средств и повышенной ролью взаимодействия языковых единиц в системе текста.

Целью настоящей статьи является характеристика языковых средств реализации концепта «движение» в рассказе В. Г. Короленко «Река играет», выявление их функций в тексте рассказа.

Рассказ В. Г. Короленко «Река играет», написанный в 1891 году, был воспринят современниками как новое слово в изображении русского национального характера. По мнению А. М. Горького, герой рассказа, перевозчик Тюлин, «похож вообще на русского человека, героя на час, в котором активное отношение к жизни пробуждается только в моменты крайней опасности и на краткий срок» [11, с. 242]. Большая роль, которую играют в этом рассказе языковые средства с семантикой движения, обусловлена рядом факторов. Во-первых, повествование ведется от лица рассказчика, путешествующего по стране. На это

указывает жанровый подзаголовок текста — «Эскизы из дорожного альбома». Прилагательное *дорожный* соотносится с существительным *дорога* в значении 'путешествие, пребывание в пути' [12, с. 169]. Во-вторых, главным героем рассказа является перевозчик, то есть человек, профессиональная деятельность которого предполагает постоянное пространственное перемещение (тот факт, что герой рассказа, вопреки своей профессии, обнаруживает приверженность к малоподвижному образу жизни, создает психологическую коллизию, которая многократно обыгрывается в тексте). В-третьих, местом действия рассказа является место переправы через реку, то есть само художественное пространство текста тесно связано с идеей движения.

Слова, обозначающие движение, используются в рассказе при изображении разных сфер действительности. В тексте передается движение природных объектов, движение человека, движение транспортных средств.

Мотив движения природных объектов создается уже заглавием рассказа «Река играет», где глагол *играть* выступает в значении 'проявляться с силой, ярко, в движении'. В первой части текста рассказчик, пробуждаясь от сна, видит вокруг себя открытое пространство, наполненное движением: <...> *тихо плыло и таяло сверкающее облако*. <...> *А у самых ног моих плескалась река* [13, с. 209]. Динамизм в изображении реки усиливается во второй части рассказа. Нарастающая интенсивность движения реки, выход реки из берегов передаются с помощью целого ряда глаголов: *торопилась, пенилась, приплескивала*. При этом возникает и олицетворение реки, создаваемое глаголом *торопилась*. О реке говорится, что она *взыграла*. Затем следует эпизод, в котором подробно раскрывается содержание глагола *взыграть* применительно к данному контексту: *Несколько дней назад шли сильные дожди: теперь из лесных дебрей выкатился паводок, и вот река вздулась, заливая свои веселые зеленые берега. Резвые струи бежали, толкались, кружились, свертывались воронками, развивались опять и опять бежали дальше, отчего по всей реке вперегонку неслись клочья желтовато-белой пены* [13, с. 211]. Разлившаяся река приводит в движение прибрежную растительность: <...> *зеленый лопух, схваченный водою, тянулся из нее, тревожно размахивая не потонувшими еще верхушками* <...>. *Молодой ивняк* <...> *вздрагивал от ударов зыби* [13, с. 211]. Динамизм в изображении реки сохраняется на протяжении всего текста. Передаче бурного движения реки способствует широкое использование олицетворения, причем применяемые олицетворения разнообразны по своей семантике. Так, при изображении конфликта между лесоторговцем и обсчитанными им работниками река сопоставляется с матерью, заступившейся за детей: <...> *Ветлуга заступилась за своих деток и взыграла*

на руку артели [13, с. 222–223]. В речи работников мотив движения по отношению к реке связан с мотивом «воли», характерным для русской языковой картины мира: — *Пушай она, матушка, порезвится да поиграет на своей волюшке* [13, с. 223]. Здесь же возникает мотив «удали», также свойственный русской языковой картине мира [14, с. 11]. *Разудалые* звуки песни работников сопоставляются с шумом *буйной реки* [13, с. 223]. Речная волна сравнивается с резвящимся животным: <...> *порой извивая волна вскакивала на берег и бежала к нам, <...>, точно животное, которое резвится, пробегая мимо человека*... [13, с. 233]. В то же время в некоторых случаях повествователь напоминает о том, что обычно река Ветлуга является тихой. На это указывает, например, существительное *смирenniца*, использованное по отношению к реке: *Лошадь <...> уставилась с удивленным видом на изменившуюся до неузнаваемости смирenniцу Ветлугу* [13, с. 225]. Поскольку мотив движения в рассказе тесно связан с водной стихией, движение атмосферных объектов и небесных тел передается с помощью метафорически употребленного глагола *плыть*: *тихо плыло и таяло сверкающее облако* [13, с. 209]; <...> *луна тихо плыла и над часовней, и над темными, спокойно шептавшимися деревьями* [13, с. 210].

Использование языковых средств, характеризующих движения человека, отличается в тексте наибольшим смысловым многообразием. Языковые средства с семантикой движения особенно активно используются, с одной стороны, при характеристике рассказчика, с другой стороны, при характеристике главного героя, перевозчика Тюлина. Для рассказчика пребывание в месте действия рассказа является одним из этапов путешествия по стране. В первой части текста рассказчик вспоминает о Святом озере, куда собирались люди в надежде увидеть незримый город Китеж. Схоластические и бесплодные споры богомольцев произвели на рассказчика мрачное впечатление. Тягостное ощущение тесноты и духоты, испытанное им во время пребывания на озере, передается, в частности, словами, связанными с темой движения: *деепричастием толкаясь* и формой прошедшего времени глагола *протолкался*: *Предыдущие сутки я провел на Святом озере, у невидимого града Китежа, толкаясь между народом <...>. На заре я с трудом протолкался из толпы на простор и, усталый, <...> поплелся полевыми дорогами <...>* [13, с. 210]. Движение рассказчика после утомительного пребывания на озере оказывается медленным, затрудненным, что передается глаголом *поплелся*. Рассказчик преодолел трудный путь и вышел к реке, но испытывает предельную усталость и эмоциональное опустошение, что передается сравнительным оборотом *свалился, точно мертвый* [13, с. 210]. Река как воплощение движения противопоставлена в рассказе озеру как символу неподвижности. Разбуженный шумом реки, рассказчик вспоминает, что находится уже далеко от озера. Он про-

буждается от оцепенения, к нему возвращается способность двигаться: <...> *я бодро отряхнулся от остатков дремоты и привстал на своем песчаном ложе* [13, с. 210]. С рассказчиком, путешествующим по стране и наблюдающим народную жизнь, связан мотив движения, не случайно местные жители обозначают его с помощью субстантивированного причастия *проходящий*: *Эй, проходящий — обращается он ко мне как-то одобрительно* [13, с. 217]; *Проходящий, лезь и ты* [13, с. 218]. При повествовании о перевозчике Тюлине на протяжении всего текста чередуются языковые средства, характеризующие преобладающий мотив инертности, и языковые средства, передающие энергичное движение. При первом появлении Тюлина подчеркивается его инертность, неподвижность: *Он сидит у своего шалаша, понури голову и как-то весь опустившись* [13, с. 212]. На призывы путника, требующего перевезти его через реку, Тюлин не отвечает, надеясь, что тот передумает: — *Может, еще и не поедет...* [13, с. 214]. Вместо того чтобы выполнять обязанности перевозчика, Тюлин размышляет о причинах своей головной боли, постепенно осознавая, что голова болит с похмелья. При этом для передачи процесса размышления используется глагол движения *подходить* в переносном смысле: <...> *Тюлин медленным, мучительным, но зато верным путем подходил к истинной причине своих страданий* [13, с. 215]. Разговор Тюлина с мужиком Евстигнеем показывает, что пассивность присуща не только Тюлину, но в значительной мере и всей изображаемой общественной среде. Ни Тюлин, ни Евстигней, ни сын Тюлина Иванко не желают идти за длинными шестами, нужными для переправы. Только угроза Тюлина, имитирующего готовность встать за хворостиной, заставляет его сына отправиться за шестами: — *Ну-ко я его, подлеца, вищей вытяну... — опять произносит Тюлин, делая новый опыт примерного вставанья. <...> Иванко <...> снимается с места и бежит трусцой на гору, к селу* [13, с. 216]. Оба взрослых советуют друг другу *добежать* навстречу Иванке и помочь ему нести тяжелые шесты, но не трогаются с места. Когда Тюлин, наконец, принимается за работу, движения его носят замедленный характер: *Он <...> так же лениво, с той же беспросветной скорбью, спускается в воду, чтоб отвязать чалки* [13, с. 217]. Однако иногда пассивность Тюлина сменяется активными действиями.

Во-первых, это происходит в сцене переправы на пароме. Данная сцена образует кульминационный момент рассказа. Когда при переправе возникает опасная ситуация, Тюлин преобразуется, он действует энергично и умело: *Тюлин могучим толчком подает паром наперерез течению <...>* [13, с. 219]. После того как опасность миновала, движения Тюлина лишаются всякой интенсивности, он возвращается в свое обычное состояние: *вяло тычет шестом, с расстановкой и с прежним уныло-апатичным видом* [13, с. 219].

Во-вторых, Тюлин, по его утверждению, *бегом догнал за перелеском* [13, с. 222] лодку, которую унесла река. Само это событие непосредственно не изображается, мы знаем о нем лишь со слов Тюлина. Когда же мы видим Тюлина, возвращающегося со спасенной лодкой, его движения характеризуются обычной замедленностью: *Тюлин тащится к своему шалашу по колени в воде, лениво шлепая босыми ногами по зеленой потопшей траве <...>* [13, с. 221].

В-третьих, Тюлин быстро откликается на призыв артельщиков, которые, как он догадывается, намерены угостить его: *И Тюлин с удивительной живостью кинулся к берегу* [13, с. 225].

В-четвертых, Тюлин живо реагирует на зов урневских сектантов, которые отличаются сплоченностью и суровым нравом: *Когда он пристал к берегу, то на лице его виднелась сугубая угнетенность и похмельная скорбь; это не помешало ему, однако, быстро побежать на гору за длинными шестами* [13, с. 235].

Лексика с семантикой движения используется и при изображении различных второстепенных персонажей. Так, интенсивные перемещения в пространстве совершает лесоторговец, вынужденный срочно налаживать отношения с обсчитанной им ранее артелью: *К берегу торопливою походкой приближался <...> мужчина лет сорока пяти, в костюме деревенского торговца* [13, с. 222]; *Кинувшись в село, он наскоро добыл четверть и поклонился артели* [13, с. 223]; *Вскоре Ивахин опять стрелой летел к нашему берегу и опять устремился с новой посудиною на ту сторону* [13, с. 224]; *Ивахин <...> переправился в последний раз на нашу сторону и умчался к селу* [13, с. 224]. Работники, протест которых испугал лесоторговца, после распития привезенной хозяином водки постепенно приходят в состояние инертности, на что указывает глагол *полечь*: <...> *очевидно, не одна уж удалая головушка полегла на вырубке и в кустарнике* [13, с. 233–234]. Возвращаются со Святого озера странники: *К нашему огоньку с берестяными кошелками за спиной, с посошками в руках подошли два странника* [13, с. 228].

Заметную роль в тексте играют слова, передающие движение транспортных средств. Это движение может быть вызвано или человеческим управлением, или воздействием природной стихии. Движение транспортных средств изображается в нескольких эпизодах рассказа — в эпизоде с лодкой, в сцене переправы на пароме, в эпизодах с телегами, подъезжающими к переправе, в финальной сцене с пароходом. Так, изображается лодка, которая стояла на берегу, но с разливом реки оказалась в воде: *Лодка вздрагивает, приподнимается, делает*

какое-то судорожное движение и опять беспомощно ложится по-прежнему [13, с. 212]. Лодка показана как живое существо, испуганное и беспомощное, движения лодки вызваны движением водной стихии. В сцене переправы на пароме происходит борьба между людьми и водной стихией за управление паромом. Сначала паром стремительно движется, уносимый течением реки, при этом движение парома передается через восприятие находящихся на нем людей как кажущееся движение объектов, расположенных на берегу: *Паром закрипел, закачался и поплыл от берега. Перевозный шалаш, опрокинутая лодка, холмик с церковью мгновенно, будто подхваченные неведомой силой, уносятся от нас, а мысок с зеленою подмытою ивой летит нам навстречу* [13, с. 217]. С трудом люди подчиняют паром своему управлению: *Иванко завязывает руль бечевкой, паром окончательно «ложится на перевал», мы налегаям на весла* [13, с. 219]. Изображаются в рассказе и сухопутные транспортные средства — телега (воз) и лошадь. Движение возов к переправе описывается как медленное, затрудненное: *<...> с горы, по неудобной дороге, уже сползают два воза* [13, с. 221]. Для переправы через реку телегу приходится грузить на паром, что оказывается нелегким процессом, включающим в себя разнообразные движения: *Начинается спуск телеги. <...> Горячая лошадь подбирает зад и прыгает с берега <...> наконец, воз установлен на качающемся и дрожащем пароме* [13, с. 220]. В заключительном эпизоде текста появляется пароход: *<...> над мысом появился белый флаг, и «Николай» плавно выбежал на плёсо <...>* [13, с. 235–236]. Плавное и, как подчеркивает глагол *выбежал*, стремительное движение парохода воплощает новую техническую цивилизацию, проникающую в глухие лесные края.

Таким образом, проведенный анализ позволяет охарактеризовать контекстуальное взаимодействие разнообразных по лексическому значению и грамматическим свойствам слов, связанных с идеей движения, в рассказе «Река играет» и роль этого взаимодействия в раскрытии авторской концепции. С этой точки зрения текст рассказа В. Г. Короленко ранее не исследовался. Анализ показывает, что в семантической системе рассказа «Река играет» переплетаются и взаимодействуют контрастные мотивы: мотив движения, активности, и мотив неподвижности, инертности. Идея движения реализуется словами, принадлежащими к разным частям речи. Используются многочисленные глаголы, обозначающие движение. Им противопоставлены глаголы, обозначающие неподвижное положение, например, *сидеть*, а также глаголы, обозначающие переход в неподвижное состояние, например, *свалиться, полечь*. При этом среди самих глаголов движения противопоставлены глаголы, обозначающие движение быстрое, энергичное (например, *бежать, кинуться, умчаться, выбежать*), и глаголы со значе-

нием движения медленного, отягощенного тенденцией к инертности (например, *поллестись, тащиться, сползать*). В большинстве случаев глаголы движения выступают в своем прямом значении, но используется и переносное значение слов данной тематической группы. С одной стороны, переносное употребление передает ассоциации между разными типами перемещения: так, движение небесных тел передается глаголом *плыть*, быстрое перемещение человека — глаголом *лететь*. С другой стороны, глагол, в прямом значении обозначающий пространственное перемещение, в переносном смысле используется для передачи хода размышлений: так применяется глагол *подходить* в сочетании *подходил к истинной причине*. Глаголы движения часто сопровождаются наречиями, уточняющими характер движения. В рассказе эти наречия обычно характеризуют темп движения, что позволяет противопоставить энергичное движение и тенденцию к инертности: с одной стороны, наречия *быстро, бегом*, с другой стороны — *неторопливо, лениво*. С семантикой движения связаны некоторые прилагательные, например, прилагательное *буйный* в словосочетании *буйная река*. Семантика движения присуща и некоторым существительным, употребляемым в рассказе. Во-первых, это существительные, обозначающие процесс движения, например, слова *толчок, вставанье*. Во-вторых, существительные, обозначающие человека по признаку выполняемого движения, например, слово *странник*. В-третьих, с идеей движения связаны и некоторые существительные, обозначающие абстрагированный признак. Таково существительное *живость*, образованное от прилагательного *живой* в значении 'деятельный, полный жизненной энергии' [12, с. 186]. Значительную роль в тексте играет субстантивированное причастие *проходящий*.

Лексика с семантикой движения в тексте выполняет, с одной стороны, изобразительную функцию, поскольку глаголы позволяют не просто назвать какой-то процесс, а представить его как последовательность конкретных действий. С другой стороны, глаголы движения помогают дать психологическую характеристику персонажей, потому что в особенностях движения персонажа проявляются черты его характера. Слова с семантикой движения, взаимодействуя друг с другом и с другими языковыми средствами текста, играют важную роль в выражении концептуальной информации, то есть в передаче авторского понимания изображаемой действительности. В тексте возникают семантические переклички между изображением реки Ветлуги, обычно тихой, но бурной после сильных дождей, и повествованием о персонажах рассказа, особенно о перевозчике Тюлине, большей частью беспечном и малоподвижном, но способном на энергичные действия в опасный момент. В этих перекличках выражается авторский взгляд на национальный характер и на его связи с природной средой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 3–17.
3. Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 7–88.
4. Толстая С. М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 89–103.
5. Чепелевская Т. И. Концепты дома и дороги/ пути в романах Ивана Цанкара // Obdobja 21. Slovenski roman. Ljubljana, 2003. S. 63–71.
6. Неклюдов С. Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten — Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verlag Otto Sagner, 2007. S. 206–222.
7. Клепикова Г. П. Семантика карпато-балканского *Strlg- в свете характеристики некоторых мифологических персонажей («компонент д в и ж е н и е») // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 114–126.
8. Агапкина Т. А. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 213–254.
9. Валенцова М. М. Типы движения в западославянских «королевских» обрядах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 255–270.
10. Кляус В. Л. Движение людей/движение предметов в забайкальском святочном обряде заваливания ворот // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 271–283.
11. Горький М. Из воспоминаний о В. Г. Короленко // Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 14. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 241–245.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2015. 896 с.
13. Короленко В. Г. Река играет // Короленко В. Г. Собрание сочинений в десяти томах. Том третий. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. С. 209–236.
14. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

© Ваганова Айниса Кадир кызы (aynisa.vaganova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО НА ПУТИ СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

RUSSIAN-CHINESE TERMINOLOGY ON THE WAY OF CREATING AN INTERNATIONAL BUSINESS COMMUNICATION LANGUAGE

K. Vasilyeva

Summary. Based on the analysis of Chinese, Russian-language and English-language research literature, the particularities of Chinese terminology are identified, as well as linguistic, cognitive and other issues that are characteristic of the contemporary stage of its development.

The problem of the rise and development of Chinese terminology «Shuyuisyue» is explored mainly from the standpoint of Chinese terminologists and in line with particularities of the Chinese language. The thesis of legitimacy of the subjective and objective principles of term formation is given grounds for, as well as the so-called 3-position relations of the verbal material being operationalized. A statement is put forward that a national term may grow into an international status provided that it is operationalized not only from the dyad standpoint, but mainly from the triad one.

Keywords: terminology, term, terminology creation, international words, linguocultural studies, mentalization of a term.

Васильева Клавдия Кирилловна

*Д.ф.н., профессор, в.н.с. НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН г. Москва,
Россия
klavdiya5@yandex.ru*

Аннотация. На основе анализа китайской, русскоязычной и англоязычной исследовательской литературы выявлены особенности китайской терминологии, а также лингвистические, когнитивные и другие проблемы, характерные для современного этапа ее развития. Исследуется проблема становления и развития китайской терминологии «Шуйюйсюэ» с лингвокогнитивных позиций китайских терминоведов, в соответствии с особенностями китайского языка. Обосновывается тезис правомерности субъектного и объектного принципов образования термина, а также, так называемые трехпозиционные отношения операционализируемого словесного материала. Выдвигается положение о вероятности перерастания национального термина в статус международного при условии, если он операционализируется не только с позиции «дуадной», но, главным образом, с позиции «триадной».

Ключевые слова: терминология, термин, терминотворчество, интернационализмы, лингвокультурология, ментализация термина.

Взаимовыгодное продуктивное сотрудничество Российской Федерации и Китайской народной республики продолжает интенсивно развиваться. Достижение дальнейшего качественного состояния этих отношений возможно, в частности на путях тесного сотрудничества ученых обеих стран. Развитие научно-технических, экономических, торговых и культурных связей между крупнейшими в экономическом, военном и демографическом отношении странами, настоятельно требует соответствующего языкового сопровождения, самостоятельным компонентом которого является терминологическое обеспечение.

Мнение директора Института терминологических исследований Всекитайского комитета научно-технической терминологии (ВКНТТ), профессора Хэйлунцзянского университета Чжен Шупу о состоянии национального и мирового терминоведения, актуализирует проблему сотрудничества ученых России и Китая. По его мнению, «...в основе мирового терминове-

дения лежит европейская культура и языки, в Китае же ситуация другая. В этом смысле Китай нуждается в мировом терминоведении, а мировое терминоведение также нуждается в Китае. Наши российские коллеги увидели это, возможно, раньше других» — заключает Чжен Шупу [33, с. 13]. Мы предварили нашу работу словами патриарха современной китайской терминологии, опубликованные на страницах научного сборника «Международное сотрудничество в терминологических исследованиях /Под науч. ред. К.К. Васильевой, Чжен Шупу». Чита: Поиск, 2010. Перевод: О.Р. Очиров, Е. Цисун — результата совместных многолетних усилий китайских и российских ученых — лингвистов, филологов, педагогов, медиков, словом тех, кто работает на поприще создания термина как единого языка научного и предметно-практического общения разных культур и цивилизаций.

Термины исследуются с точки зрения происхождения, типологии, формы, содержания, функционирова-

ния, использования, упорядочения и создания. Исследуются терминологические проблемы национального языка и языковой ситуации, связанные с его социальной дифференциацией, лингвистическими нормами языка, а также взаимодействия и функционирования национальной терминологии как внутри общества, так и во вне его [1; 14; 6; 15,16; 23;35]. К проблеме формирования национальной терминологии обращается и прикладная социолингвистика, значимость которой постоянно растет [13;24]. Рост международных деловых и культурных связей сопровождается увеличением исследований социокогнитивных аспектов терминологий национальных языков [11;24; 29].

Исследователей интересует и нейропсихическая составляющая терминопорождающей деятельности человека [14; 29]; процесс восприятия и понимания термина, его дефинирования а также когнитивный процесс мотивированных терминов, включая психологический, нейролингвистический аспект терминологической номинации (ассоциативность, восприятие, память, визуальность, инструментальность термина) [4;9;24]; экспликацию нейролингвистических интенций термина через абстракцию, манипуляцию, идентификацию, в контексте усвоения и использования родного или иностранного языка и квазиязыковой символики, к коей, как нам представляется, может быть отнесена китайская иероглифика [5;12;20]. Международное сотрудничество порождает термины, которые маркируют и собственно социальные международные связи. Ученые актуализируют уникальность и сложность передачи значения и смыслов международного термина, лингвокогнитивные, социокультурные правила его образования [18; 32]. Относительно новый аспект терминоведческого дискурса представлен проблемой ментализации термина. Предполагается проанализировать содержательно и понятийно ментальную реальность, выявить ее специфику как предмета и объекта исследования в контексте терминотворчества и терминологии, операционально применив категориально-понятийный аппарат традиционной логики и соответствующий ей понятийный аппарат логической семантики [3;34].

Китайские терминоведы изучают зарубежную теорию и практику терминоведения, в том числе российскую, производя сравнительный анализ русскоязычной и англоязычной терминологий [2; 8;33]. В свою очередь зарубежные терминоведы проявляют интерес к китайской терминологии. Однако здесь часто возникают языковые барьеры, потому что китайский язык представляет для иностранцев немалую трудность [7;8;17]. Отдельного внимания заслуживают исследовательские работы по проблемам национальных терминоведческих школ и терминологии в целом, опубликованные на китайском, русском и английском языках, что потен-

циально сближает и выводит китайское терминоведение на широкий международный уровень [2;7;19;21]. Китайцы производят сравнительный анализ опыта восприятия и оценки российского терминоведения англоязычными зарубежными исследователями. Здесь трудно переоценить роль русскоязычных китайских терминоведов. Это Чжен Шупу (Zheng Shupu), У. Ликунь (Wu li-kun), Е. Цисун (Ye Qi-song) и др.

Становление китайского терминоведения

Начало формирования китайского терминоведения как самостоятельной лингвистической дисциплины, относится к концу 90-х гг. XX века. В это же время были сформулированы основные задачи терминоведения и обосновано название дисциплины на китайском языке: «术语学» «shùyǔxué» — «Шуюйсюэ». По признанию китайских ученых процесс становления продолжается и в наши дни. Формирование категориально-понятийного аппарата китайского терминоведения происходило постепенно, и он постоянно пополняется [25; 28; 31]. Китайские ученые наиболее плодотворно сотрудничают с российскими коллегами. Поэтому большую роль в формировании теоретико-методологической основы современного национального терминоведения они отводят российской терминологии [9;21;28;31;33;34]. Изучение трудов российских ученых [1;4;6;10;13;14;15;16;22;23;26;27;29;30;35] в Институте терминологии Хэйлунцзянского университета способствовало развитию теоретико-методологических основ и становлению китайского терминоведения как самостоятельной научной дисциплины. Чжен Шупу приводит большой перечень соответствий русско-китайских терминов терминоведения: терминоведение 术语学 shùyǔxué, терминология 术语学 shùyǔxué, упорядочение терминов 术语整理 shùyǔ zhěnglǐ, эквивалентный термин 等义术语 děngyì shùyǔ, таксономия 分类学 fēnlèixué, тезаурус 类义词典 lèiyìcídiǎn, терминологический словарь 术语词典 shùyǔcídiǎn и т.д. [28: 142–144]. В работе У. Ликуня этот перечень специфического научного языка значительно расширен и дополнен [25:271]. Какова природа указанного соответствия? — для нас этот вопрос остается открытым.

И все-таки китайское терминотворчество весьма специфично.

Глобализация, расширяя сферу сотрудничества разных народов и культур, с необходимостью диктует четкое однозначное формулирование конкретных сфер жизнедеятельности людей. Это порождает «отраслевую лексику» [6:140], иными словами, специальную лексику, во многом представленную интернационализмами. Под специальной лексикой в терминоведении понима-

ется совокупность лексических единиц определенной сферы человеческой деятельности. Сегодня она развивается интенсивно. Общеизвестно что в состав специальной лексики входит не только термин, который является ее основной единицей, но и другие лексические единицы. Однако, по мнению В.А. Татарина, статус таких терминоподобных лексических единиц пока не имеет четкого определения [23: 236].

Особенности китайского терминотворчества

Особенность китайского терминотворчества наглядно проявляется, в частности, в разработке и упорядочении научно-технической терминологии. На начальном этапе этой работы производился отбор и упорядочение имен существительных — 名词 *míngcí*. Существительное является «несущей конструкцией» нового китайского термина. Другие части речи (глаголы, прилагательные, наречия) выполняют в терминологии функции составных частей термина. Именам существительным присущ номинативный характер. В силу ограниченности числа слогов в китайском языке образуются многосложные слова — термины. Заимствование увеличивает число семантических компонентов слова и расширяет их коннотативный ряд.

В китайском языке, как и в других, специфична и проблема синонимии. Соответственно, многозначность синонимии, по — особенно актуализирует проблему перевода с одного языка на другой. С когнитивных позиций проблема синонимии непосредственно сопряжена с вопросом о связи языка, мышления, действительности и т.д. Все это, безусловно, порождает и другие особенности китайского языка и терминологии.

Общепринятое мнение о термине полагает его словосочетанием. В случае однословности термина — он есть лексическая единица. Другое дело термин — словосочетание. Он состоит из нескольких лексических единиц, каждая из них ни в качестве единицы лексики (потому что не элементарен), ни как объект лексикографического описания (ибо не принадлежит лексическому множеству) рассматриваться не может [1;13;]. Данный случай в особенности справедлив для ЯСЦ (язык для специальных целей; англ.: Language for Specific Purposes).

В современном лингвистическом мире международное терминотворчество наиболее интенсивно развивается в сфере языка для специальных целей (LSP) например, в экономике, туризме, медицине, IT технологиях и в других отраслях. Поэтому формирование китайского терминотворчества развивается и в направлении

создания ЯСЦ, для которого характерен термин-словосочетание. Нам представляется, указанная направленность весьма органична сущности китайского языка. А именно, в силу ограниченности числа слогов в китайском языке новые слова (термины) образуются многосложные, иными словами, образуются термины-словосочетания. Заимствование также увеличивает число семантических компонентов термина и расширяет его коннотативный ряд.

Интернациональность терминотворчества возможна посредством заимствования лексическим и семантическим методами. Последний предполагает калькирование, то есть поморфемный перевод иноязычного слова. Вместе с тем нельзя не признать тот факт, что китайский язык, будучи неродственным языком по отношению к языку русскому и равно — английскому, практически исключает заимствования. Как известно, давно отмечен факт невозможности лексических заимствований неродственных языков.

Проблемы и методы развития китайской терминологии

К числу основных проблем современного китайского терминоведения относится применение теорий западного и российского терминоведения к исследованию терминов и терминологии современного китайского языка. Для китайских терминоведов и равно зарубежных исследователей китайской терминологии важно исследование предмета терминоведения с китайской точки зрения, в соответствии с особенностями китайского языка. Исследование должно опираться как на собственно китайскую теорию терминоведения, так и на опыт зарубежных теорий. Попытки же создания некоего унифицированного метода не приводят к желаемому результату. В китайском терминоведении существует ряд исследовательских проблем. К их числу относится необходимость обобщения существующих общетеоретических и практических подходов к исследованию явления синонимии в китайском языке. Поэтому китайским терминоведам предстоит выработать основные критерии родовидовых различий между терминами.

Осмысление продуктивных способов и моделей образования китайских терминов, возможно на путях исследования форм существующих специальных лексем современного китайского языка. Существует ряд способов терминообразования: семантический, морфологический и др.

Проблема классификации китайских терминов имеет важную значимость в классификации и систематизации терминов. В понимании и интерпретации способов

терминообразования, проблем типологии и классификации терминов у исследователей нет единого мнения, поскольку язык — это живой организм, находящийся в постоянном изменении и развитии.

Любой этнический язык по определению специфичный, уникальный. Но, когда возникает проблема взаимопонимания нескольких субъектов общения — начинается формирование общего, третьего языка, т.е. термина, формирование которого осуществляется посредством перевода. Мировая терминология выработала определенные стандарты терминоведческого перевода, введя, в частности, понятие «эквивалентность перевода». О лингвистических трудностях эквивалентного перевода с европейского языка на китайский и, наоборот, проиллюстрируем на конкретном примере. Слово «Interoperability» (англ.) по признанию китайских специалистов вызывает у них немалую трудность из-за его сложности и неясности. Выдвинув три версии термина, прибегнув к семантическому методу, выделив ориентиры в словосочетаниях с подходящим смыслом с целью определить три китайских *чувства* (выделено нами: ВК) и связанных с ним понятий, перевели это слово посредством русского языка как «взаимодействие». В данном случае, русский язык выполнил роль третьего языка, «посредника», индикатора формирующей зону совместного перекрытия двух языков — английского и китайского.

Нам представляется, что в основе терминообразования, в том числе китайского, неявно наличествует метод «триады терминологической». Под последним мы полагаем 3-х позиционные отношения, которые предполагают 3-х и более субъектов языка, носителей национальных языков. Субъекты образуют три языковых отношения, например: 1. китайский — русский; 2. русский-английский; 3. английско-китайский.

Наличие объектного принципа позволяет субъекту получить новое знание, которое становится возможным, в частности, благодаря тому, что один и тот же предмет поименовывается разными звуковыми комплексами (языками).

Объектный принцип возможен и при дуадном — в случае наличия двух носителей, разумеется, разных языков, и, при триадном — здесь, соответственно, три носителя трех разных языков. В первом случае обоими лицами осознается факт поименования одного и того же предмета различными звуковыми комплексами. И не более того. Каждый из двух лиц ограничивается знанием о том, что этот предмет может называться иначе. При дуадной ситуации каждый находится в качестве и субъекта (носитель языка) и объекта (воспринимающего чужой язык). Но между двумя лицами

понятная коммуникация отсутствует. Она возможна только при наличии минимум третьего лица говорящего на другом языке, отличном от первых двух. Вместе с тем, эмпирические факты о соответствии русско-китайских терминов терминоведения [25:271;28:142–143] позволяет нам предположить, что и при дуадном отношении возможно терминологическое «взаимопонимание». Вероятно, для этого необходимо наличие у двух коллективных субъектов неродственных языков исторические, социокультурные контакты на протяжении долгого исторического времени, как это имело место между китайским и российским народами. Появление коллективного субъекта третьего языка, неродственного первым двум, порождает процесс лексического, семантического создания собственно международного термина.

Заключение

Начало становления категориально — понятийного аппарата китайского терминоведения относится к XX веку. По признанию китайских ученых немалая роль в формировании теоретико-методологической основы современного национального терминоведения принадлежит российской терминологии. Особенность китайского терминотворчества заключается в том, что его исходным основанием является существительное. Остальные части речи служат составными частями термина. Номинативный характер присущ только именам существительным. В китайском слове мало слогов, поэтому термины получают многосложными. Термины формируются методом заимствования. Заимствование увеличивает число семантических компонентов слова и расширяет их коннотативный ряд. В китайском языке своеобразная проблема синонимии, которая актуализирует проблему перевода. Это порождает другие особенности китайского языка и терминологии, а также трудности при создании международных терминов. Процедуру терминотворчества можно рассмотреть и с принципа так называемой «триады терминологической», в соответствие с которой для выработки нового международного термина требуется наличие минимум трех коллективных субъектов неродственных языков.

Современное китайское терминоведение развивается по пути формирования специальной лексики. Китайские исследователи признают, что терминоведение имеет интернациональный характер, потому что в терминологических стандартах любого языка можно найти эквивалент на нескольких других иностранных языках. Что касается терминоведения различных языков и их категориально — понятийного аппарата, то здесь прибегают к согласованию, что также свидетельствует об интернациональности терминоведения.

Терминология обладает той степенью системности, на уровне которой она находится на конкретный момент времени. Поэтому всякое национальное терминотворчество есть процесс постоянного совершенствования и изменения, поскольку меняется вещно-предметный и когнитивный мир человека. Современное китайское

терминоведение от изучения термина как объекта языка постепенно переходит к изучению теории терминоведения. На этом пути китайские ученые поэтапно вводят в научный оборот зарубежные теории терминоведения и формируют китайские международные термины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К.Я. (2006) Общая теория термина. — М.: Издательство МГОУ.
2. Англо-китайская и русско-китайская лексика по лингвистике (2008) / Под ред. Ван Фусян; У Хань-ин. — Пекин: Изд-во «Вайюй цзяосюе юй яньцзю» (на кит. яз., англ.яз.)
3. Васильева К.К., Швецов М. Ю. (2010) Терминотворчество и ментальная реальность // Международное сотрудничество в терминологических исследованиях / Под науч. ред. К. К. Васильевой, Чжен Шупу. Чита: Поиск, С. 36–40
4. Володина, М.Н. (1997) Теория терминологической номинации / М. Н. Володина — Москва: Издательство МГУ
5. Galinski, Christian (2005) Semantic Interoperability and Language Resources: Content development under the aspect of global semantic interoperability [A], in Maria A. Wimmer [ed.], E- Government: Knowledge Transfer und Status. Wien: Osterreichische Computer Gesellschaft, (OCG Schriftenreihe Band)
6. Гринев С.В. (2008) Терминоведение. Москва
7. Detrie C., Siblot P., Verine B. (2001) Termes et concepts pour l'analyse du discours. Une approche praxematique. Paris: Champion. Практический подход. Париж. Чемпион
8. Essays on Lexicon, Lexicography Terminography in Russia, American and other cultures (2007) Kaarpova, O. & Kartashkova, F. Cambridge Scholars Publishing.
9. Ye Qi-song Four (2010) Difficulties of Term Translation (на кит.яз.) // Международное сотрудничество в терминологических исследованиях / Под науч. ред. К. К. Васильевой, Чжен Шупу. — Чита: Поиск С. 206–210
10. Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. — М.: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1973;
11. Lakoff G. (1998) Cognitive Semantics // Meaning and Mental Representation / Ed. by U. Eco. — Bloomington: Indiana University Press
12. Kristensen L., Wang L., Peterson K., Hagoort P. (2012) The Interface Between Language and Attention: Prosodic Focus Marking Recruits a General Attention Network in Spoken Language Comprehension. Cereb Cortex
13. Лейчик, В.М. (2009) Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком
14. Лотте Д.С. (1982) Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука
15. Очиров О.Р. (2015) Вопросы китайского терминоведения: от традиции «упорядочения названий» к современной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 3. С. 192–199
16. Очиров О. Р. (2013) Становление китайского терминоведения: традиции и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. — Сер.: Лингвистика. — 2013. — № 4. — С. 116–125.
17. ISO/NC37. (2004) Proposal for an MOU/MG statement concerning Semantic Interoperability and the need for a coherent policy for a framework of distributed, coordinated repositories for all kinds of content items on a world-wide scale [M] (ISO/TC37 N496) ISO/TC37.
18. Riggs, F. (1993) «Social Science Terminology: Basic Problems and Proposed Solutions» in Terminology: Applications in Interdisciplinary Communication [C]. Ed. By Sonneveld, Helmi B. & Loening, Kurt L., Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company
19. Russian Terminology Science 1992–2002. (2004) (Termne Publisher. Vienna:
20. Савостьянов А.Н., Пальчунов Д. Е. (2013) Когнитивные исследования и нейролингвистика: современное состояние и перспективы дальнейших исследований // Вестник Томского государственного университета. № 368. С. 133–140
21. Словарь современной лингвистики (2000) / Под ред. Д. Кристала. — Пекин: Изд-во «Шан-у иншугуань», 442с. (на кит.яз., англ.яз.) 现代语言学词典 / (英) 克里斯特尔 编. —北京: 商务印书馆
22. Суперанская А.В., Н. В. Подольская, Н. В. Васильева (2008) Общая терминология: Терминологическая деятельность. М.: Издательство ЛКИ
23. Татаринов В.А. (2003) История отечественного терминоведения. Том 3. — М.: «Московский лицей»
24. Temmerman, R. & Loening, K.L., ed. (2000) Towards New Ways of Terminology Description — The Sociocognitive Approach [M], Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company
25. У Ликунь (2009) Исследования по российскому терминоведению. — Пекин: Изд-во «Шан-у иншугуань» (на кит.яз.)
26. Фролова О.П. (1981) Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. — Новосибирск: Изд-во «Наука»
27. Хаматова, А.А. (2003) Словообразование современного китайского языка. — М.: Муравей
28. Чжен Шупу (2005) Современное российское терминоведение. — Пекин: Изд-во «Шан-у иншугуань» (на кит.яз.) 俄罗斯当代术语学 / 郑述谱著. —北京: 商务印书馆, 2005
29. Шарафутдинова Н.С. (2006) Лингвокогнитивные основы научно-технической терминологии, Ульяновск: Ул ГТУ
30. Фельде (Борхвальдт) О.В. (2001) Историческое терминоведение в теории и практике. — Красноярск: РИО КГПУ
31. Фэн Чживэй (1997) Введение в современную терминологию. — Пекин: Изд-во «Юйянь» (на кит.яз.) 现代术语学引论 / 冯志伟著. —北京: 语言出版社, 1997.

-
32. Huang Ting (2010) The Translation Equivalence of Law Terms on the Example Sachenrecht in BGB// Международное сотрудничество в терминологических исследованиях/ Под науч. ред. К. К. Васильевой, Чжен Шупу. — Чита: Поиск С. 110–118
 33. Zheng Shupu, Liang Ailin (2010) A General Survey of the State-of-the-Art of Terminology Studies Abroad (на кит.яз.) // Международное сотрудничество в терминологических исследованиях / Под науч. ред. К. К. Васильевой, Чжен Шупу. Чита: Поиск С. 10–13; 179–193
 34. Zheng Shupu (2010) Terminology Translation and its Strategy// Международное сотрудничество в терминологических исследованиях (на кит.яз.) / Под науч. ред. К. К. Васильевой, Чжен Шупу. — Чита: Поиск С. 223–231
 35. Шелов С.Д. (2003) Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический факт. СПбГУ

© Васильева Клавдия Кирилловна (klavdiya5@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК

PECULIARITIES OF TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO MANSI LANGUAGE

M. Glazova

Summary. The article deals with the peculiarities of translation from Russian into Mansi language by the example of first translated works and the history of translations from Mansi into Russian and from Russian into Mansi. Special attention is given to the lexical difficulties of translation. We examined the interpretation of the source text, taking into account the emotional coloration and culture-specific concepts presented in it.

Keywords: translation, Mansi language, fairy tale, literary text, culture-specific concept, peculiarities of translation, stylistic means.

Глазова Марина Борисовна

*Аспирант, Югорский государственный университет
marinochka191@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода с русского языка на мансийский язык на примере первых переводных произведений и истории переводов с мансийского языка на русский и с русского на мансийский. Особое внимание уделяется лексическим трудностям перевода. Рассмотрена интерпретация исходного текста с учетом эмоциональной окраски и представленных в нем реалий.

Ключевые слова: перевод, мансийский язык, сказка, художественный текст, реалии, особенности перевода, стилистические средства выражения.

В XVIII в. появляются первые переводы Евангелия от Марка и Матфея на мансийский язык. В работе А. Альквиста имеются переводы этих евангелистских текстов, перевод молитвы «Отче наш» и десять заповедей [16]. Переводные произведения были не востребованы, так как были не поняты носителями языка, содержание текстов было искажено подстрочным переводом. В конце XIX в. переводческой деятельностью и сбором материала по диалектам мансийского (вогульского) языка занимались венгерские и финские ученые: А. Регули, Б. Мункачи, А. Каннисто, М. Лиимола. Б. Мункачи переводил на венгерский язык, А. Каннисто на немецкий [2]. Переводы, выполненные Б. Мункачи, были очень точные, так как венгерский язык является родственным языком, переводы А. Каннисто менее точные, так как немецкий язык относится к германской группе. В 1930–50 гг. начинается изучение мансийского языка, и появляются переводы произведений русских классиков: А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», «Станционный смотритель», М. Горького «Старуха Изергиль», Е. Чарушина «Большие и маленькие», В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», Д. Н. Мамин-Сибиряка «Аленушкины сказки», В. Бьянки «Рассказы» с русского языка на мансийский язык. Перевод осуществляли научные сотрудники из числа носителей мансийского языка: Е. И. Ромбандеева, М. П. Вахрушева, Е. А. Кузакова, Е. Монин, А. Зырин, Н. Садомин, П. Чейметов [9]. Произведения этих авторов выбраны для первых переводов на мансийский язык не случайно, эти авторы писали о животных и природе для детей. Детская литература является важнейшим средством воспитания детей. Она решает эстетические, педагогические и дидактические задачи, расширяет представления о мире,

знакомит с природой и вещами, которые окружают ребёнка. Язык детской литературы отличается от языка произведений для взрослых, он более эмоциональный, образный, точный. Поэтому в переводе детской литературы необходимо учитывать особенности правильной передачи композиции и языка произведений. Требования к переводу произведений для детей связаны с задачей правильного понимания для юных читателей. Литературный язык, точный, образный, эмоциональный, соответствует особенностям детского восприятия. Для детей нужно переводить так же, как и для взрослых, только гораздо лучше [5].

Исследованием детской литературы, ее специфики занимаются ученые вот уже два столетия И. Н. Арзамасцева, А. П. Бабушкина, Н. В. Будур, Л. Долженко, Э. И. Иванова, Л. Карасев, Л. А. Кудрявцева, С. А. Николаева, И. Норрис, В. Нэш, В. Пропп, Р. Раскин критики, начиная с В. Г. Белинского, обращают на нее свое внимание, не утихают в науке дискуссии о специфике и феномене детской литературы [4]. В настоящее время Д. В. Герасимова, К. Андраш, С. С. Динисламова продолжают работу над переводами Б. Мункачи.

Актуальность исследования заключается в том, что особенностями перевода первых переводных произведений до настоящего времени никто не занимался. При переводе в первую очередь следует учитывать с какого языка на какой осуществляется перевод. Относятся ли языки перевода к одной языковой группе или к разным группам? Первые переводы с мансийского на венгерский язык довольно точные, так как мансийский язык и венгерский относятся к одной языковой группе (угорской).

Что касается переводов с русского языка на мансийский, то следует учитывать то, что осуществлять их довольно сложно, так как мансийский и русский языки относятся к разным языковым группам. В данном случае особенности перевода касаются в первую очередь синтаксиса. Разное построение предложений: для русского языка характерным является относительно свободный порядок слов в предложении, а для мансийского языка фиксированный порядок слов в предложении. Например: подлежащее предшествует сказуемому, определение определяемому слову и т.д.). В морфологии еще больше различий: отсутствие категории рода в мансийском языке, отсутствие предлогов, разная система склонения имен и спряжения глаголов, наличие определенного и неопределенного артиклей в мансийском языке, наличие каузатива в мансийском языке, также значительные расхождения наблюдаются в лексическом составе. Исконный пласт лексики мансийского языка составляет лексика, связанная с традиционными занятиями народа манси: охота и рыболовство [1]. Контакты русского народа с народом манси начались уже в XIV–XV вв. территория, на которой исконно проживал народ манси относились к Новгородскому княжеству затем к Московскому. Это отразилось в лексике. Существует особый пласт лексики, который имеет эквиваленты в том и другом языке: пасан — «стол», иснас — «окно», вит — «вода», нянь — «хлеб» и т.д., но есть значительный пласт лексики, который не нашел отражения в том и другом языке в силу разных причин: разная традиционная культура, разное мировоззрение, разная материальная и духовная культура [3]. Большой пласт лексики, не имеющий эквивалентов в мансийском языке затрудняет перевод, делает его не точным, при переводе теряется красота, специфика языка. Существуют различные виды перевода стихотворных текстов. Переводчики и литераторы не пришли к единому мнению по поводу классификации видов перевода. Выделяются три вида перевода: прозаический (филологический), поэтический, стихотворный. И по другой классификации два вида: прозаический и стихотворный [5]. Прозаический текст переводить гораздо проще по сравнению со стихотворным текстом, потому что кроме всего прочего, нужно учитывать рифму, ритмику стиха.

«Сказка о золотой рыбке» величайшего русского поэта, основоположника современного русского литературного языка А.С. Пушкина является предметом перевода пушкинистов за рубежом и одним из самых известных его произведений. Так в 1833 г. поэт написал выдающееся произведение «Сказку о рыбке и рыбке», в 1938 г. перевод на мансийский (вогульский) язык осуществил выдающийся лингвист, фольклорист и исследователь мансийского языка Алексей Николаевич Баландин [13].

Особенности, с которыми приходится сталкиваться переводчику: сохранение жанровой характеристики,

передача идеологии А.С. Пушкина, сохранение лексических и грамматических особенностей (архаизмы, перевод безэквивалентной лексики, соблюдение стихотворного размера и рифмы), адаптация материала для детской литературы, отображение времени. Самая главная задача для переводчика — правильно передать главную мысль автора [11]. А.Н. Баландину удалось преодолеть ряд трудностей при переводе сказки, не используя историко-культурный комментарий. Переводчик немного упростил текст, адаптировав его для детей.

И так, приступим к анализу перевода «Сказки о рыбке и рыбке» с русского языка на мансийский язык. Долготы в примерах на мансийском языке не проставлены, так как слова написаны как в оригинале перевода. В русских сказках традиционного характера такой зачин:

Жил старик со старухой
У самого синего моря [7].

На мансийском языке:

*Экваыг ойкавыг олсыг
Атыр хари сярись ватат.* [1].

Буквальный перевод — «Старуха старик жили».

В мансийском сказочном фольклоре сначала идет слово «эква», что говорит о главенствующей роли женщины (период матриархата). Еще одна особенность слов «старик» и «старуха» в мансийском языке такой перевод некорректен. Существительное *ойка* является многозначным, в основном падеже — «старичок, старик, муж» [14]. *Эква* — существительное, *эква* «женщина, жена, старуха» [14], в основном падеже, отвечающее на вопрос *хотьют?* *Эква* — сущ. «женщина», *ыг*- суффикс двойственного числа. *Ол* — глагол, жили (они вдвоем) образовано от инфинитива — *олуукве* — «жить, быть», *с*-суффикс прошедшего времени; *ыг*- суффикс двойственного числа. Историзм «землянка» переведен как: *ма колрисьт* — «землянка», переведен составным существительным, где *суффикс -рись-* уменьшительно-пренебрежительный суффикс. Дословный перевод: в земляном домишке: *ма*- сущ.: «земля», «земляной» [14]. *Кол* — глагол, *рись* — «в домишке», *т* — суффикс местного падежа.

Рассмотрим наиболее яркие стилистические приемы и способы их перевода: *налыман нупыл хурум* — составное количественное числительное — «тридцать три», где *налыман* — «сорок», *нупыл* — послелог «в», «в направлении», *хурум* — число «три». Буквальный перевод: «три в направлении к сорока». *Талыг-тувыг* — глагол — «жили-были» переводится: *тал* — «зима» [15], *ыг*- суффикс двойственного числа.

Тув^ыг, *тув* — «лето» [15], ^ыг- суффикс двойственного числа. Буквальный перевод: «они (двое) зимовали — проводили лето» Основной падеж отвечает на вопрос *хотъют?* «кто?» *толг*^ыл — существительное «неводом», *толыг* — «невод» [15], произошло выпадение звука «ы»; ^ыл — суффикс творительного падежа. Самое частотное употребление слово «хул» — сущ., переводится как «рыба» [14]. Основной падеж отвечает на вопрос *маньыр?* что?

«Золотая рыбка» — яркий стилистическим прием. В словаре Е.И. Ромбандеевой *сорниу*- прилагательное переведено как «золотой». Отвечает на вопрос *манхурип?* какая? в прямом смысле «золотая», а в русском языке это образная метафора. При переводе на мансийский язык теряется авторский замысел.

Синтаксический параллелизм «*Ойка толгыл хул алысьлас / Эква такви сэтапе тахтыс*», соответствует русскому оригиналу «Старик ловил неводом рыбу/Старуха пряла свою пряжу». Синтаксически автор перевода уподобляется автору оригинала «Раз он в море закинул невод / Пришел невод с одною тиною» переводится «*Акв сёс толыг сяръсьн репыгтас/ Толыг ливил тун паг-ёхтыс*». Переводчик соблюдает так же инверсию. Автор полностью уподобляется оригиналу. Простота конструкции не передает стилистической красоты русского языка. В мансийском языке остается прямой порядок слов, что в русском оригинале является инверсией, характерной народным песням и сказаниям того времени. А.Н. Баландин сохранил повторяющуюся конструкцию для сохранения цикличности действий старика, которые повторяется «*ойкакве*» — «старче». Слово «старче» употреблено переводчиком с уменьшительно-ласкательным суффиксом, что показывает уважительное отношение к старику. На лексическом уровне уменьшительно-ласкательный суффикс «*кве*», выражается лексически в мансийском языке употребляется повсеместно в словах «хулкве», «ойкакве» — «старичок», «рыбка» для передачи доброго отношения сострадания автора к старичку, рыбке, которым приходится выполнять различные прихоти боярыни.

В произведении Е. Чарушина «Большие и маленькие» — «Яныг утыт ос мань утыт» употребляется ономапия «Эт, эт, васпыгквет!» — «Кря, кря, утятки!»

«Эт, эт, маньутквет!» — «Кря, кря, маленькие!» Эт, эт — Звуки для обозначения утки в мансийском языке, звуки

животных — это подборка материала для детей, которые могут узнать прочитав звукоподражательные слова, как выглядят некоторые звери, птицы и насекомые, какие звуки они издают и какие у них повадки. В мансийском языке используют слова «эт», «эт», в русском языке «кря» «кря», в английском языке — «quack» в немецком языке — «quack». Ономапия служит для имитации звуков окружающей действительности средствами языка. Большинство звукоподражаний по всему миру схожи, но имеют некоторые различия, зависящие от языка и того, как люди в разных странах воспринимают звуки.

«Вы как лодочки, плавайте!» переведено на мансийский язык как «нан мань хапкве хольт наталталэгын!». После имени, сравнительного оборота нет в мансийском языке, часть речи не подразумевается как сравнительный оборот

«*Нан*»- вы (многие) «*мань*» — 1) мелкий; маленький; 2) юный, молодой; 3) младший; *Хапкве* — *хāп* — лодка, *хольт* — словно наталталэгын — *натуҕкве* — плыть (по течению)

Проанализировав переводы первых переводных произведений можно выделить особенности перевода: сохранение рифмы и стихотворного размера, отсутствие отображения ресурсами мансийского языка большого количества русской лексики и реалий, отсутствие отображения русской напевности, отображения просторечных выражений, заметное подражание языку оригинала, но не полнейшее его отображение. В ходе работы нами была предпринята попытка сравнения оригинала и перевода первых переводных произведений. К сожалению, переводы выполнены только одним переводчиком и нет возможности сравнить с выполненными работами разных переводчиков. Мы планируем при помощи анкет к информантам народа ханты и манси получить переводы первых переводных произведений и проанализировать, как современные носители языка переведут реалии и архаизмы. В ходе написания работы мы столкнулись с проблемой не изученностью первых переводных произведений. К основным выводам можно отнести отсутствие полной передачи стилистических приемов русского языка, даже при полной передачи смысла. Статья может быть использована обучающимися и преподавателями в помощь по методике преподавания мансийского языка. Перевод является одним из важнейших типов заданий, формирующих языковую компетенцию в процессе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. И. С. Алексеева. — Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, Изд-во: «Академия», 2004. 352 с.
2. Баландин, А. Н. Хул алысьлан хум ос хулкве мойт //Изд-во: «Художественная литература», Ленинград, 1938. 32 с.

3. Баландин, А. Н., Мансийско-русский словарь. С лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Вахрушева М. П. Изд-во: — Ленинград, 1958. 275 с.
4. Баландин, А. Н. Язык мансийской сказки / А. Н. Баландин. Изд-во: Ленинград: Главсевморпути, 1939. 80 с.
5. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — Москва: Изд-во: Наука, 1979. 245 с.
6. Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура // Изд-во: Москва: Русский язык, 1990. 269 с.
7. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — Москва: Изд-во: Института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
8. Герасимова, Д. В. Лексика, связанная с охотничьим и рыбным промыслом в мансийском языке: автореф. канд. филологических наук // Изд-во: Ленинград, 1988. 16 с.
9. Герасимова, Д. В. Безэквивалентная лексика мансийского языка // «Уралистика», г. Санкт-Петербург — 2010. / Изд-во: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та. — Санкт-Петербург, 2010. 19 с.
10. Казакова, Т.А., Практические основы перевода // Изд-во: «Союз» Санкт-Петербург, 2000. 416 с.
11. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение // Изд-во: ЭТС, Москва 2002. 424 с.
12. Попович, А. Проблемы художественного перевода // Москва: Изд-во: Высшая школа, 1980. 199 с.
13. Пушкин, А. С. Сказка о рыбаке и рыбке: Изд-во: Санкт-Петербург, 1922. 20 с.
14. Ромбандеева, Е. И. Русско-мансийский словарь: Учеб. пособие для уч-ся 5–9 кл. общеобраз. учрежд.: В 2 ч. Ч. 1. — [ТЕКСТ]: Санкт-Петербург.: Изд-во: «Просвещение», 2005. 186 с.
15. Чернецов, В. И. Краткий мансийско-русский словарь Чернецова И. Я. Изд-во: Москва; Ленинград, 1936. 114 с.
16. Герасимова, Д. В. Проблемы перевода мансийских фольклорных текстов // XLIII Международная филологическая научная конференция — 2014 [электронный ресурс] // URL: <http://conference-spbu.ru/en/conference/13/reports/372> (дата обращения: 08.08.2018).
17. Саркисянц, Е. К вопросу о непереводаемости Пушкина. // Стихи.ру —2011[электронный ресурс] // URL: <http://www.stihi.ru/2011/03/21/1498> (дата обращения: 08.06.2018).

© Глазова Марина Борисовна (marinochka191@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Югорский государственный университет

ВОСПРИЯТИЕ СЕРОГО ЦВЕТА В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

PERCEPTION OF GREY COLOUR IN DIFFERENT LINGUOCULTURES

M. Denisenko

Summary. The aim of the given article is to analyse changes of semantics such words as gray/grey in the American English and British English during the 20th-beginning the 21st centuries, taking these words from the dictionaries, and to compare the frequency of this or that meaning of gray/grey.

The material of the research was the actual material taken from the works of the American and English writers.

As a result of research the opinion has been proved to be true that the perception always depends on mentality and the importance of any phenomenon for the certain people of certain culture.

Keywords: linguoculture, perception, meaning, usage, polysemantic, grey colour.

Без цвета мир был бы серым и скучным. Но и только яркие акценты могут негативно восприниматься человеком.

Сопоставительное изучение лексических единиц в нескольких языках постоянно находится в сфере научных интересов отечественных и зарубежных лингвистов, при этом подобный анализ проводится чаще всего на материале двух языков — русского и иностранного (с точки зрения русиста). Материалом исследования становятся практически все части речи, однако интерес к языковым единицам, обозначающим цвет, наблюдается постоянно. Лингвисты стремятся на разном материале выявить и проанализировать специфические особенности цветообозначений в разных языках. Но данная проблема остается малоизученной.

А серый цвет — наименее изученный из всех цветов. Несмотря на то, что о сером цвете пишут и говорят довольно часто, систематического исследования как такового не существует. Он менее определенный, более сложный по составу, в отличие от белого и черного. Будучи смешением двух ахроматических тонов, он характеризует как различные свойства объектов окружающей действительности, так и различные особенности индивида и социальных слоев общества. Многозначность и многофункциональность серого цвета позволяет нам использовать это прилагательное в различных худо-

Денисенко Марина Валерьевна
Старший преподаватель, Кемеровский
государственный институт культуры
denisenko.mv@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является проанализировать изменение семантики языковой единицы gray/grey в американском английском и британском английском в течение 20-начала 21-го столетий, взяв за основу данные словарей, и сравнить частотность употребления того или иного значения единицы gray/grey в лексико-семантическом плане.

Материалом исследования послужил фактический материал, извлеченный из произведений художественной литературы американских и английских писателей.

В результате исследования подтвердилось мнение, что восприятие всегда зависит от менталитета и значимости какого-либо явления для определенного народа определенной культуры.

Ключевые слова: лингвокультура, восприятие, значение, употребление, многозначный, серый цвет.

жественных стилях и жанрах, при этом его восприятие и оценка варьируются от автора к автору, от эпохи к эпохе.

В данной нашей работе мы хотим проанализировать изменение семантики языковой единицы gray/grey (если таковое присутствует) в американском английском и британском английском в течение 20-начала 21 столетий, взяв за основу данные словарей. А также посмотреть фактический материал, извлеченный из произведений художественной литературы американских и английских писателей, и сравнить частотность употребления того или иного значения единицы gray/grey в лексико-семантическом плане.

Сразу хочется заявить о равноценности или равнозначности употребления слов gray и grey. Для большинства людей это разное написание одного и того же слова: «For most people, gray and grey are simply different spellings of the same word and both are used throughout the English-speaking world. But gray is more common in American English, while grey is more common in all the other main varieties of English. In the U.K., for instance, grey appears about twenty times for every instance of gray. In the U.S. the ratio is reversed.» [2]

По данным нескольких источников выясняется, что grey — написание британского варианта, gray — американский вариант этой языковой единицы [6], кото-

словарь Вебстера	Оксфордский словарь
Смешанный черный и белый	Цвет пепла
Унылый	Унылый
Мрачный	Мрачный
Древний	Старый, древний
Седой	Седой
Зрелый, опытный	Опытный
Неокрашенный (материал)	Одежда серого цвета
Серая лошадь	Животные серого цвета
Солдат армии	Шотландский полк
Одетый в серое	Серое вещество мозга
Бесцветный	Безликий
Пожилой	Теневой (об экономике)

Таблица 1.

Английские писатели	Артур Конан Дойл, Затерянный мир, 1912	Никки Френч. Голоса в темноте, 2002
серый как цвет	gray -eyed gray eyes 2 gray bird gray specimens gray walls 2 gray shawl	grey -stoned grey pebbles grey cords 2 smart grey suit charcoal- grey suit grey cardigan grey T-shirt grey coat shiny grey trousers grey phone
седой; старый	gray goat's- beard	grey hair greying hair grey hair
бледный, болёзненный		chalky- grey skin
туманный		grey mist
предраассветный	gray light gray of the morning	greyness on the horizon
пасмурный, сумрачный		grey sky It was grey and cloudy day seemed colder, greyer
мрачный, безрадостный, невесёлый, унылый	gray landscape	grey world grey landscapes greyness of the world I felt tired and grey . The world appeared changed again.
солдаты армии южан	The 'Last Stand of the Grays '	Greyer.
бледный, невыразительный		Everything was fading and going grey like night.
бледный усталый	gray look	face was grey with fatigue
грязный		Everything was grey .
обыденный		greyness of the world

рый появился в начале 18 века (примерно в 1825 году), но только около века спустя данное написание стало доминировать среди американских писателей. [2]

Рассмотрим изменение лексического значения языковой единицы gray на протяжении 50 лет, взяв за основу данные словарей Уэбстера 1946 и 1996 годов (американ-

ский вариант написания), и grey (британский вариант) из словарей Оксфорда 1950 и 2004 годов издания.

Если сравнить между собой данные словаря Вебстера разных лет, можно увидеть, что количество значений gray с течением временем варьируется в сторону увеличения. Это объясняется тем, что некоторые значения,

Таблица 2

	20 век	21 век
Американские писатели	Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд, Великий Гэтсби, 1925	Кормак Маккарти, Дорога, 2006
серый как цвет	gray eyes 2 gray cars gray upholstery gray fur collar	gray blankets Grayblue eyes pale gray flakes wet gray flakes gray foam gray fur
седой; старый	gray old man 2 gray beard	landscape graying
бледный, болёзненный, землистый (о лице)	gray child	
предраассветный, утренний	gray -turning light gray tea hour	gray dawns shroud of mist gray
пасмурный, сумрачный	gray clouds	gray day gray sky cold gray light
мрачный, безрадостный, невесёлый, унылый	gray land gray little villages gray windows	dead gray sands gray and freezing sea sheets of rain gray world stark gray gray woods roadside motionless and gray gray desolation beach gray and barren flat gray coast
бледный, невыразительный	gray names	light vague gray
пепельный	ash- gray men	everything gray in the ash leaves already gray with ash
грязный		gray water gray snow gray slush

объединенные в словаре 1946 года, разделяются в словаре 1996 года. Например, **седовласый** и, как следствие, **зрелый**, **опытный** объединены в словаре 1946 года, а в 1996 году они выделяются в разные оттенки значения и еще отдельно добавляется значение **старый**, **древний**. В словаре 1996 года появляются новые значения — **неопределенный**, **солдат армии Конфедератов**. Если в словаре 1946 года все животные серого цвета объединены, то в 1996 году **лошадь серого цвета** выделяется в отдельную единицу. Но, конечно, сохраняются и основные значения — собственно **серый цвет** (в результате смешения черного и белого), **мрачный**, **одетый в одежду серого цвета**, **седовласый**.

Проанализируем данные словаря Оксфорда 1950 и 2004 годов. Сразу надо отметить, что в словаре 1950 года отдельно значения не выделяются, а идут перечислением через запятую. В словаре 2004 года появляются значения **безликий** (о человеке) и **теневои** (об экономике). Отдельно выделены фразеологиз-

мы — **серый кардинал**; **серая зона**, район безработицы; **серый товар** — контрафакт. Основные же значения совпадают — собственно **серый цвет**, **седовласый**, **седобородый**, **мрачный** (о погоде), **опытный**; серое вещество мозга.

Сравнивая значения в американских и британских словарях, можно увидеть следующее: см. таблицу на стр. 107.

А теперь обратимся к произведениям американских и британских писателей 20 и 21 веков. Наша цель — выяснить, как же раньше воспринимали и воспринимают серый цвет сейчас, какие значения серого употребляют наиболее часто в художественной литературе, а какие зафиксированы только в словарных статьях.

Для данной работы мы взяли по одному произведению английских и американских писателей разных веков (20–21 вв.), в которых **grey / gray** встречаются довольно

часто (следует заметить, что найти такие произведения довольно-таки трудная задача), чтобы сравнить их употребление между собой и в диахроническом аспекте.

Если сравнивать употребление **серого** у английских писателей, можно заметить следующее: все авторы используют значения *серый* как собственно **цвет, седой (старый) и мрачный, безрадостный, невеселый, унылый**. Серым цветом, как правило, описывается цвет глаз, одежды, животных и предметов (сооружений). Из таблицы можно заметить, что как цвет одежды чаще *серый* упоминается в произведении 21 века. Это и не удивительно, если вспомнить историю отношения к серому цвету в одежде. Именно в последние годы серый цвет воспринимается как практичный, а во многих случаях и элегантный. Зато в литературе начала 20 века более распространенным было употребление *серого* в значении **седой (старый)**. Это тоже легко объяснить изменившимся отношением к возрасту. Современные люди стараются выглядеть молодо, закрашивают седину. Что касается значения **мрачный, безрадостный, унылый**, оно также чаще употребляется в современной литературе. 20 век был насыщен войнами. Люди переосмысливают свое отношение к жизни; они пытаются предугадать, как же будет выглядеть наша планета в бу-

дущем, представляя почему-то именно развитие жизни после каких-нибудь катаклизмов. Вот и получается, что жизнь в таких условиях и выглядит мрачной и безрадостной.

Это особенно прослеживается в произведении американского писателя Кормака Маккарти «Дорога» (2006 год). **Gray** встречается в его произведении 85 раз. **Мрачной, блеклой, изможденной, грязной, безликой, безжизненной** — так выглядит планета Земля после катастрофы.

Также как и английские, американские писатели используют значение **седой (старый)** чаще в произведениях начала 20 века: а с середины 20 века *серый* больше применяют передачи для собственно **серого цвета**. И английским, и американским писателям присуще употребление *серого* при описании погоды в значениях **пасмурный, сумрачный, предрассветный, туманный**.

Можно еще долго рассуждать и сравнивать употребление и восприятие *серого* в произведениях разных авторов разных эпох. Одно можно сказать точно — восприятие всегда зависит от менталитета и значимости какого-либо явления для данного народа данной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Guide to English usage, Longman, LONGMAN GROUP UK LIMITED, London, 1988. — 786 p.
2. Grammarist. Grey or Gray. URL: <http://grammarist.com/spelling/gray-grey/>
3. Concise Oxford English Dictionary, eleventh edition, edited by Catharine Soanes, Angus Stevenson, Oxford University Press. 2004.
4. The Concise Oxford Dictionary of Current English, H. W. Fowler, G. F. Fowler, E. McIntosh. Oxford: Clarendon Press, 4th ed. rev. by E. McIntosh, 1950. — 1552 p.
5. Webster's encyclopedic unabridged dictionary of the English language. New revised edition. Gramercy Books, 1996. — 1693 p.
6. WEBSTER'S NEW INTERNATIONAL DICTIONARY of the ENGLISH LANGUAGE. second edition UNABRIDGED. G. @ C. MERRIAM COMPANY, PUBLISHERS, SPRINGFIELD, MASS, U.S.A. 1946–3210 p.
7. Conan Doyle, Arthur Ignatius. The Lost World. URL: <http://www.e-reading.biz/book.php?book=131775>
8. Cormac McCarthy — The Road Кормак Маккарти, Дорога URL: <http://bookfi.org/g/McCarthy%20Cormac>
9. Fitzgerald, F. Scott. The Great Gatsby. URL: http://ebooks.adelaide.edu.au/f/fitzgerald/f_scott/gatsby/
10. French, Nicci. Land of the living. URL: <http://eng-books.narod.ru/books4/book016.html>

© Денисенко Марина Валерьевна (denisenko.mv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА ЕВРОПЕЙСКИХ И АЗИАТСКИХ СТРАН (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «THE ECONOMIST»)

SOCIOCULTURAL INFLUENCE OF GLOBALIZATION ON THE PICTURE OF LANGUAGE IN EUROPEAN AND ASIAN COUNTRIES (BASED ON «THE ECONOMIST» MAGAZINE)

V. Egorova

Summary. This article helps to identify the process of globalization in the context of linguacognitive and linguacultural processes. The main problem of globalization is unification of educational processes; blending of languages; borrowings and international tokens. Globalization provides the unification of concepts and its deeply connected with development of language and cognitive thinking of the peoples.

Keywords: globalization, concept, picture of the language, culture, the Bologna system of education.

Егорова Валерия Владимировна

Аспирант, Кубанский Государственный Университет
valeriya111@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается глобализация в контексте лингвокогнитивных и лингвокультурологических процессов. Основной проблемой глобализации является унификация образовательных процессов; смешение разных языков; появление заимствованных и интернациональных лексем. Полученные выводы свидетельствуют о том, что глобализация способствует унификации национальных концептов; постепенная эволюция концептосфер народов, связанная с вышеперечисленными процессами — как со стороны общества и когнитивных структур, так и со стороны языка.

Ключевые слова: глобализация, концептосфера, картина мира, культура, лингвокультурология, болонская система образования.

Социальная форма существования человека предполагает коллективизм, взаимодействие, динамику. Любое общество проходит в своем развитии разные стадии, которые сменяют друг друга и в определенной степени модифицируют сознание общества, оставляя след в концептосфере и культуре народа. В настоящий период общество развивается одновременно с несколькими ключевыми процессами социальной и социокультурной природы, и их влияние на общественное устройство, восприятие миропорядка и поведение людей нельзя отрицать. К таким процессам современности относится, в первую очередь, глобализация.

Актуальность статьи обусловлена тем, что образование как социокультурный феномен является важной частью картины мира. Влияние содержательной стороны образования непосредственно отражается в формировании картины мира молодых людей разных стран; при этом содержание образования зависит от его характеристик, представленных в информационной составляющей концепта.

Научная новизна исследования представлена фреймовыми моделями концепта «образование» разных стран, отраженных в дискурсе англоязычных СМИ,

а именно журнала «The Economist», что делает их участниками глобализации мирового образования.

Цель исследования: характеристика структурного и лексико-семантического выражения концепта «Образование», а также в выявлении особенностей ее функционирования в массмедийном дискурсе в условиях глобализации.

Мировая история всегда развивается под влиянием регионализации, так как опыт конкретного общества всегда предопределяет его развитие. При этом в эпоху глобализации региональные процессы все чаще уступают место мировым тенденциям. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению глобализации как сравнительно нового социокультурного явления, имеет смысл определить специфику регионализации картины мира как противоположного процесса.

А. М. Таймулин определяет регионализацию как «... тенденцию к формированию устойчивых региональных объединений... позиционирование региона как определенной целостности, характеризующей выработанными в веках особыми формами симбиоза с природой, специфическими видами самообеспечения, общностью

поведенческих черт, сложившихся в процессе адаптации людей в природной и социокультурной среде, что в совокупности квалифицируется как региональные особенности» [3, с. 18].

Особое внимание народа к сохранению национальной картины мира является проявлением регионализации; сохранение проявляется в бережном отношении к культуре, словесности и, в первую очередь, языку, вербализирующему национальные концепты. Регионализация мировой общественности — это понятие, возникшее одновременно с понятием глобализации, так как именно глобализация является процессом перемен в социуме, определяющемся испокон веков национальной спецификой картины мира его членов. Глобализация двадцать первого века проникает во все сферы общественной жизни: политику, экономику, культуру, образование. Т. А. Кильдибекова и А. С. Рябцева характеризуют глобализацию как «многочисленные социальные процессы общепланетарного характера» [2, с. 949].

Е. Л. Кабахидзе дает следующее определение глобализации: «всеохватывающий и всеобъемлющий процесс интеграции мирового сообщества, взаимопроникновения мировых цивилизаций в условиях общих экономических, экологических, политических, социальных, духовно-нравственных процессов, определяющих современный исторический этап развития общественного сознания» [1, с. 40].

Процессы глобализации предполагают постепенное развитие цивилизации на планете и взаимное проникновение культур, представленных человечеством, друг в друга. При этом такие процессы не могут не отражаться на языках, являющихся основами этих культур, сознании, картине мира народов, принося как позитивные, так и негативные тенденции. С одной стороны, информационная и технологическая революции послужили предпосылками глобализации и сделали возможными многие прогрессивные явления общественной жизни, включая коммуникационные системы (мобильная и спутниковая связь, интернет), которые сделали расстояние не помехой для взаимодействия в реальном времени людей, идей и капиталов из разных частей планеты. Кроме того, глобализация развивает связи и обмен опытом представителей различных профессиональных и других групп людей, что отражается на качестве информации, доступной конкретному индивиду, а также на эмоциональном фоне в мире, укрепляя дружеские связи разных народов.

В научных кругах глобализацию изучают различные дисциплины: философия, геополитика, экология, а также многие междисциплинарные области знаний. Популярность этого понятия объясняется его концептуальным

разнообразием и важностью в практически любом вопросе, касающемся современного общества.

В работах по лингвокультурологии термин «глобализация» используется для обозначения тенденции к созданию единой мировой культуры (цивилизации), а также взаимодействие разных культур и их увеличивающуюся проникаемость друг в друга. Например, благодаря глобальной информационной сети Интернет во всем мире растет популярность ценностей западно-европейской и американской культуры. Исследователи называют этот процесс «вестернизация» или «макдональдизация» [2]. Такая глобализация предполагает не только перенос ценностей и адаптацию понятий из одной культуры в другую в другую, но и реальную унификацию некоторых сфер жизни людей в разных странах (сферы потребления и развлечения особо подвержены глобализации, она также проявляется в бизнесе, производстве, образовании). Говоря о том, что глобализация меняет ценностные установки и стиль жизни, мы имеем в виду, что она модифицирует картину мира, меняет и развивает концептосферу в определенном направлении, даже способствует затуханию некоторых национальных концептов. Это говорит о тесной связи глобализации не только с лингвокультурологией, но и с когнитивной лингвистикой изучает языковые средства и то, как они отражают глобальные перемены в картине мира народа. Категоризация и концептуализация изменений в картине мира, произошедших в результате глобализации, не происходит сразу, и вербализация этих процессов также занимает время, но так как язык очень тесно связан с концептосферой общества, лингвисты могут выявить такие явления на фоне языковых тенденций [2].

Европейский союз представляет собой удачный пример мировой глобализации: европейская интеграция свела в единую систему все жизненно важные сферы нескольких государств: политическую, экономическую, социальную. Эта глобализация затронула также образование, что отразилось как на восприятии концепта, так и на модификации его образа масс-медийным дискурсом. Важным фактом, на котором базируются многие понятийные сферы современного европейского образования, является подписание Болонской декларации, в результате которого страны ЕС начали добровольно переходить в Болонскую систему образования. Анализ текстов об образовании в Германии выявил два основных фрейма концепта в картине мира этой страны: «государственные вузы преобладают над частными»; «образовательная система имеет недостатки». К недостаткам относятся следующие признаки:

1. Бессистемность: «*A chaotic conversion from the traditional diploma to a European two-tier degree system*» (беспорядочный переход от получения тради-

ционного диплома к европейской двухуровневой системе образования) [6].

2. Недостаточный масштаб обучения: «*Students, who obtain bachelors' degrees in some disciplines, do not learn enough to get good jobs*» (студенты, которые получают степень бакалавра, не учатся достаточно хорошо, чтобы получить работу) [6].

3. Высокая оплата за обучение: «*Fees deter potential students, especially from poor families*» (оплата за обучение отпугивает потенциальных студентов, особенно из бедных семей) [8].

Интересно, что последний признак характеризуется как отрицательными, так и положительными коннотациями. Положительная оценка базируется на следующем контексте: «*Fees encourage students to think harder about what they want to study and universities to treat them with more respect*» (Оплата за обучение заставляет студентов задуматься над тем, что они действительно хотели бы учить и университеты, в свою очередь отдают предпочтение таким студентам) [8]. Представляется, что такая причина поддерживать политику высоких цен может быть одним из проявлений регулятивной функции масс-медийного дискурса.

Отметим два глагола, которые являются контекстуальными антонимами: *to deter* — «try to prevent; show opposition to» («попытаться предотвратить что-либо, показать оппозицию чему-либо» [4]); *to encourage* — «to provide conditions that help something to happen» («обеспечить условия, которые помогут случиться какому-либо событию» [4]). Именно эти две лексемы показывают амбивалентность восприятия высокой оплаты за обучение. Тем не менее, статьи включают много примеров синтагм, которые обозначают призывы уменьшить оплату: *tuition fees are politically explosive* (оплата за обучение может спровоцировать политическую нестабильность); *to stop rise in university fees* (остановить повышение оплаты за обучение); *students fed up with tuition fees* (студентам надоела плата за обучение); *to bring back free university education* (вернуть бесплатное университетское образование).

Необходимо подчеркнуть, что, наряду с Болонской системой образования, совмещение работы и образования (система, обозначаемая в английском языке сочетанием *dual-education system*) также неоднозначно воспринимается в Германии. Коннотации в масс-медийном дискурсе, связанные с этими нововведениями, сводятся к восприятию их как несовершенных и дискуссионных. Эмоционально-оценочные компоненты значения лексем *hit*, *vaunted* выражают отношение СМИ к данному вопросу: «*Germany's vaunted dual-education system is*

its latest export hit» [9] («Широко пропагандируемая система сдвоенного образования — недавний экспортный хит Германии»). Как показывает практический материал, данное новшество в образовании способствовало появлению положительной оценки совмещения образования и рабочего процесса, кроме того, этот феномен сформировал целостный позитивный образ в массмедийном дискурсе: *a firm pays students and teaches relevant skills* (фирма платит студентам и обучает соответствующим навыкам); *work-based education* (обучение в реальных рабочих условиях); *to complete specialized courses* (закончить специализированные курсы); *mutual screening between potential employers and employees* (взаимный отбор между потенциальными работодателями и сотрудниками) [9].

Итак, текущие преобразования образования в рамках Болонской системы в Германии представлены в массмедийном дискурсе негативно, однако современная мировая тенденция рационализировать образование, объединив его с работой, и изучая практические навыки представляется полностью положительно воспринимаемым феноменом. Основной семой, на основе которой выносятся оценки компонентов концепта в данной стране, оказалась сема «*finance, profit*» («финансы, прибыльность»).

Еще одно государство, образование которого вошло в образ этого концепта как объекта глобализации, — это Венгрия. Эта страна беспрепятственно провела все этапы модернизации высшего образования по Болонской системе и не привлекала внимания общественности до момента вмешательства правительства Дональда Трампа. В самом центре политических событий оказался Центральный Европейский Университет (CEU), который считается самым престижным и молодым университетом в Европе. С целью поднятия учебного заведения в мировом рейтинге CEU прошел аккредитацию в США, что обозначено в статьях номинацией *foreign-accredited university*. Эти события добавили в модель концепта «образование» в Европе фрейм «независимость образования».

В результате было предложено открыть американский кампус в Венгрии, что вызвало негативную реакцию и университета, и общественности: «*University officials say opening an American campus would be onerous and prohibitively expensive*» [11] («Представители университета считают, что открытие американского кампуса будет обременительно и чрезмерно дорого»).

Правительство Венгрии во главе с президентом также считают действия со стороны Америки неприемлемыми: «*Opening an American campus violates the constitutional guarantee of academic freedom*» [11]

(«Открытие американского кампуса нарушает конституционные гарантии академической свободы»).

Высшее образование во Франции, репрезентация которого выявлена нами в массмедийном дискурсе последних лет, является почти повсеместно бесплатным и регулируемым государством. Необходимо отметить, что данная система (Болонская система) функционирует во Франции лучше чем в Германии. Тем не менее, страхи о развитии двухуровневого высшего образования продолжают существовать, что можно увидеть из следующего примера: «*Students fear the creation of a two-tier system, with worthless degrees*» («Студенты боятся создания двухуровневой системы образования с бессмысленными дипломами») [5].

Фреймы, представляющие концепт «образование» во французской культуре, в масс-медийном дискурсе характеризуют этот феномен как находящийся на пике своего развития, и вербализуют активное внедрение Болонской системы, попытки участников образовательного процесса установить контроль над университетами, а также возникновение университетов нового поколения с мировыми инновационными идеями в действии.

Итак, изучение фреймовой структуры концепта «образование» на материале журнала *The Economist* в Европе доказывает, что национально-образное мышление и сознание языковой личности влияет на специфику ценностной и информационной составляющих национального концепта. Системы образования, фигурирующие в исследуемом массмедийном дискурсе в рамках Европы, идут по пути глобализации и унификации в единую систему, и медиа-тексты зачастую представляют оценку того, насколько успешно им это удается.

Другие страны разных континентов также принимают участие в глобализации образования, составляя часть существующего в масс-медийном дискурсе образа концепта «образование». Внимание масс-медийного дискурса в контексте образования получают азиатские университеты. В условиях повышения всеобщего уровня образования и ужесточения конкуренции образовательных институтов университеты Азии начинают работать над качеством оказываемых услуг, и массмедийный дискурс отражает такие перемены фреймом «образование улучшается по всему миру»: «*As the quality of Asian universities improves, many Asian students will prefer to stay at home*» («Качество азиатских университетов становится лучше, в результате многие азиатские студенты предпочитают оставаться дома») [7].

При этом основная часть контекстов, в которых фигурируют университеты стран Азии, все же иллюстрируют фрейм «студенты учатся за рубежом». Китай — страна,

в которой, с одной стороны, наблюдается наибольшее население, с другой — наибольший процент притока студентов из-за рубежа. Следующий пример наглядно иллюстрирует это: «*Chinese youths make up over a fifth of all international students in higher education*» [10] («Китайская молодежь — это более 1/5 всех международных студентов в высшем образовании»). В связи с этим медиа-тексты часто упоминают такой когнитивный компонент понятийной сферы «образование в Китае», как «утечка мозгов»: «*Every country sends out students, but what makes China different is that most of these bright minds have stayed away*» [10] («Каждая страна посылает своих студентов за границу, но Китай отличается тем, что большая часть уехавших одаренных умов осталась там»).

Использование метонимии, репрезентирующих одаренных студентов, уехавших за границу (*these bright minds* — эти одаренные умы), подчеркивает в этом контексте, что страна теряет интеллектуальный потенциал, причем теряет его именно потому, что не может обеспечить достойное образование сама. Эмпирический материал демонстрирует два когнитивных признака-причины такого положения вещей: это плохое качество обучения в местных университетах (*universities of dubious quality* — «университеты сомнительного качества») и неквалифицированный преподавательский состав (*many staff did not have doctorates* — «у многих сотрудников нет докторской степени»; *universities hired their own students upon graduating* — «университеты нанимают своих же студентов сразу после окончания»; *Chinese universities have a great difficulty fostering talent at home* — «Китайские университеты испытывают сложности в воспитании таланта дома») [10].

Таким образом, языковая картина мира является маркером мировых процессов глобализации. Исследование концептосферы, ее языковой формы, в частности состава лексико-семантических групп, наиболее подверженных изменениям в результате многочисленных заимствований, позволяет определить степень и направление описываемых процессов.

На материале текстов масс-медийного дискурса мы проследили, как посредством вербализации понятийных, образных и ценностных признаков концепта осуществляется моделирование фреймов и других когнитивных компонентов концепта, конституирующих его цельный имидж в современном интернациональном социуме. Глобализация образовательных систем развитых и престижных для студентов европейских стран и борющихся с проблемами стран Азии, предоставила возможность пронаблюдать цельный образ, состоящий из культурных секторов этих стран и сделать выводы о сходствах, различиях и взаимовлиянии образования в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабахидзе Е. Л. Глобализация и языковая картина мира // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXXIV междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2014. № 2(34). С. 42–54.
2. Кильдибекова Т. А., Рябцева А. С. Лингвистический аспект глобализации // Вестник Башкирск. ун-та. 2011. № 3. С. 949–953.
3. Таймулин А. М. Глобализация и регионализация как варианты развития современного общества: автореф. дисс. ... канд. филос. н. Красноярск, 2011. 24с.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Addison Wesley Longman Ltd, 2002. — 1668 p. — LDCE.
5. The Economist (2009, 30 April) «One out, a quarter out» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/node/13578944> (дата обращения: 30.01.2018).
6. The Economist (2009, 25 June) «On shaky foundations» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/node/13914669> (дата обращения: 30.01.2018).
7. The Economist (2010, 8 May) «Will they still come?» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/node/16067747> (дата обращения: 30.01.2018).
8. The Economist (2011, 2 July) «Mediocre, but at least they're free» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/node/18898286> (дата обращения: 30.01.2018).
9. The Economist (2013, 1 July) «Ein neuer Deal?» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/news/europe/21578656-germanys-vaunted-dual-education-system-its-latest-export-hit-ein-neuer-deal> (дата обращения: 30.01.2018).
10. The Economist (2014, 22 November). «A matter of honours» [Электронный ресурс] URL: <https://www.economist.com/news/china/21633865-china-trying-reverse-its-brain-drain-matter-honours> (дата обращения: 30.01.2018).
11. The Economist (2017, 8 April) «Orban v intellectuals» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/news/europe/21720308-ruling-fidesz-party-sees-central-european-university-breeding-ground>(дата обращения: 30.01.2018).

© Егорова Валерия Владимировна (valeriya111@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский Государственный Университет

ПЕРВАЯ ПОЛЕМИКА Н.С. ЛЕСКОВА В ГАЗЕТЕ «СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА»

FIRST POLEMICA N.S. LESKOVA IN THE NEWSPAPER «CONTEMPORARY MEDICINE»

E. Kalesnik

Summary. The article is devoted to the early journalism of Nikolai Semyonovich Leskov and his first polemic in the Kiev newspaper «Modern medicine» in the early 1860s. The article analyzes the features of polemic techniques and speech means used by Leskov in this polemic, shows the conditionality of their choice of personal beginning, the relationship with the individual style of Leskov-publicist.

Keywords: journalism of the 1860-ies, polemic, polemical techniques, individual style. GN With. Leskov, social issues.

Калесник Елена Юрьевна

Учитель русского языка и литературы, МБОУ СОШ
№ 3 г. Серпухова; Аспирант, Московский государственный
областной университет
helirmai@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена ранней публицистике Николая Семёновича Лескова и его первой полемике в киевской газете «Современная медицина» в начале 1860-х гг. В статье анализируются особенности полемических приёмов и речевых средств, применяемых Лесковым в этой полемике, показывается обусловленность их выбора личностным началом, взаимосвязь с индивидуальным стилем Лескова-публициста.

Ключевые слова: публицистика 1860-х годов, полемика, полемические приёмы, индивидуальный стиль Н. С. Лескова, общественная проблематика.

Ранние публицистические выступления Н. С. Лескова многочисленны и разнообразны по содержанию, потому что в начале 1860-х гг. начинающий публицист обращается к широкому спектру общественно-политических, экономических, социокультурных проблем, выдвигаемых жизнью России.

Ранняя публицистика Н. С. Лескова при всей близости её публицистике времени самостоятельное явление, так как печать своеобразия и индивидуальности автора лежит на выборе проблем, на характере их освещения, а также потому, что отчётливо воспроизводит личность публициста, его мировоззрение, впечатления, размышления, оценки событий современности через отличительные приёмы и средства выразительности, характерные для публицистического стиля Лескова, в том числе и приёмы полемики.

«Полемика — письменный, учёный спор» — такое определение читаем в толковом словаре В. И. Даля [5, с. 226]. С точки зрения лингвистики и риторики полемика рассматривается как особый дискурс. «Дискурс (фр. discours, англ. discourse — речь, высказывание) — многозначное понятие <...> Когда говорят о Д., то в первую очередь имеют в виду специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)» [11, с. 231]. Таким образом, полемика является дискурсом, выполняющим эмотивную функцию и направленным на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения, для чего полемист использует арсенал определённых

полемических приёмов и различных языковых средств. Их выбор во многом обусловлен личностью автора (его мировоззренческими установками, складом характера, темпераментом), его творческим своеобразием, подходом к предмету разговора.

В самом начале своей публицистической деятельности, работая в киевской газете «Современная медицина», Лесков написал фельетоны, обличающие взяточничество и административные нарушения медицинских чиновников. На эти публикации Лескова последовали отклики, одним из которых в № 46, 47 стала статья, подписанная инициалами Ф.Б. [18, с. 830]. Ответная статья Лескова, вышедшая под заголовком «Полицейские врачи в России (статья Н. Лескова по поводу статьи г. Ф.Б.)» [17, с. 840], стала первой полемикой Лескова в печати, где он впервые имел дело не с «универсальной аудиторией», а с конкретным человеком, выразителем определённой точки зрения.

А. А. Тертычный, исследуя особенности полемических материалов в публицистике, в частности, цели и задачи полемизирующего публициста, говорит о двоякости цели полемической статьи. Во-первых, публицист должен убедительно обосновать своё мнение, свой взгляд на проблему, а во-вторых, ему необходимо опровергнуть доводы своего оппонента. Следовательно, перед любым полемистом стоит задача найти и представить в тексте такие аргументы, которые по своей доказательной силе должны быть равными тем, которые применяет оппонент, или же превосходить их в этом отношении.

По ироничному замечанию Лескова, Ф.Б. в своей статье «зарядился двумя неотразимыми элементами: а) выбранными статьями XIII тома Свода законов и б) рациональностью» [17, с. 843].

Доказывая, что обвинения Лесковым полицейских врачей во взяточничестве являются бездоказательными, Ф.Б. основной упор делал на то, что закон защищает медицинскую сферу от подобного произвола и ссылался на один из документов (врачебный устав, входящий в XIII том Свода гражданских законов и регламентирующий деятельность полицейских врачей), согласно которому любые действия полицейских врачей должны совершаться только в присутствии ассистентов, в частности, полицейского чиновника и понятых: «Без присутствия этих ассистентов никакое действие врача по медицинской полиции и судебной медицине не считается законным» [18, с. 830].

Перед Лесковым-полемистом стояла трудная задача, поскольку его оппонент выбрал в качестве основного аргумент, обладающий для большинства читательской аудитории наибольшей доказательной силой — документ. У Лескова же подобного аргумента не было, поскольку фактов (факт в публицистике — это твёрдое доказательство того, что реально существует) в прямом смысле этого слова в публикации о взяточничестве полицейских врачей он не представлял. За фактами в публикации Лескова находились, в большей степени, мнение, оценка (отношение к факту). Поэтому Лесков особо останавливается на словах Ф.Б. по поводу бездоказательности обвинений. Подчёркивая, что, безусловно, «в семье городских и уездных врачей есть светлые личности, мученики совести и убеждений», он напоминает, что статья о полицейских врачах является не обвинительным актом, а отражением общественного мнения, значимость которого как доказательства бесспорна: «Такие вещи, как систематические взятки, вошедшие в обычай и тщательно скрывающиеся от власти, не доказываются и не опровергаются юридически, они доказываются общественным мнением и разумным вникновением в дело» [18, с. 848].

В первой полемике Лескова заметную роль играет ирония, относящаяся к полемическим приёмам, дающим преимущество, и этим преимуществом Лесков активно пользуется, так как основной тон разговора с соперником выбирает ироничный.

Но основным оружием над безжизненными документами, предъявляемыми оппонентом, начинающий писатель и публицист Лесков выбирает образность, потому что на протяжении всего своего ответа он создаёт образ «ассистентов», которые, согласно выписке из закона, представленной Ф.Б., являются надёжной защитой от всякого произвола в работе полицейских врачей. Все

остальные полемические приёмы здесь у Лескова являются сопутствующими к этому основному. Образ-персонаж в публицистике, по словам В.И. Здорогеги, должен отличаться «доходчивостью, чёткостью и лаконизмом» [6, с. 100], и Лескову лейтмотивными штрихами удаётся ярко нарисовать и понятых, и полицейских чиновников, и развенчать «идеальный» образ этих ассистентов, возникающий при чтении закона, на который ссылается Ф.Б.

Начиная с приёма «доведение до абсурда», ставящего своей целью доказать ложность утверждений оппонента на основании того, что следствия, исходящие из него, противоречат реальности, Лесков пишет, что закон, который, конечно же, не потакает взяточничеству, для многих чиновников является мёртвой печатной буквой, и его несоблюдение является главной причиной многих нарушений. Одной из важнейших мер, способствующих пресечению взяточничества в работе полицейских врачей, — пишет Лесков, — является присутствие ассистентов: «Но достигает ли закон своей цели, делается ли взятка невозможной от этого ассистентства — это другой вопрос, и вопрос, всеми и всегда решаемый отрицательно» [17, с. 844].

Лесков использует собственный опыт, напоминая о неосведомлённости во врачебном деле рядового полицейского чиновника и, тем более, понятых, которые «играют бессмысленную, автоматическую роль, нечто вроде мебели, вроде роскоши нашего гигиенического контроля» [17, с. 845] при этом усиливается эмоциональность авторской речи. Как отмечают исследователи, логический и психологический аспекты аргументации не отделяются друг от друга в виде дискретных категорий, настолько они взаимообусловлены и взаимодополняемы [7, с. 8]. Эмоциональность сообщения, относящаяся к психологическим аспектам, очень важна для полемиста, потому что эмоциональное сообщение обладает повышенным воздействием на читателя; публицистическая страстность, личное отношение автора к описываемой проблеме, его искренняя заинтересованность в её решении создают особую эмоциональную тональность текста, которая повышает эффективность его воздействия на аудиторию и подкрепляет логические доводы полемиста.

Следующий полемический приём — атака вопроса — позволяет Лескову ещё убедительнее доказывать справедливость своих слов, вопросительные и восклицательные предложения с анафористическим началом усиливают их эмоциональное воздействие, образ ассистентов, о которых говорит Ф.Б., тает на глазах: «Разве Вы, увлечённые, конечно, не избытком любви к истине, забыли, что общество знает, как ничтожен голос полицейского чиновника, лишённого всякого понятия в специальности полицейского медика. Разве, Вы ду-

маете, кому-нибудь неизвестно, что такое наш «понятый» — человек, сгибающийся в форму русского глаголя для того, чтобы на его же спине врач нацарапал наскоро свои заметки для внесения их в акт, который за безграмотных понятых подпишет потом какой-нибудь грамотей, иногда не выдавший ни дела, ни понятых, за которых он подписывается? Разве полицейский чиновник или понятые дают заключение в судебно-медицинском случае, а не сам врач, пред таинственными соображениями которого понятые и полицейский чиновник безмолвствуют!» [17, с. 845]

Важно, что Лесков и в полемике стремится не только доказать свою точку зрения, но и способствовать достижению цели, которую ставил перед собой и газетой «Современная медицина» — не просто отображать уродливые формы жизни современного российского общества, а способствовать объединению всех сил, способных эти формы исправить.

Так, публицист, продолжая штрихами создавать образ бесполезных для вверенного им дела российских понятых, говорит о причинах их наличествования, понимание которых, по мнению автора, поможет исправить существующую теперь ситуацию. Первой причиной Лесков видит отсутствие гражданственности у многих представителей образованной части общества. Вопросно-ответной формой изложения он вовлекает и читателя в свои размышления, делая его активным собеседником. Повторы усиливают напряжённость: «Отчего полицейский чиновник не смеет у нас, во имя закона, пригласить в понятые первого встречного человека, не обращая никакого внимания на его чин, звание и состояние, а тащит (да, тащит) в понятые непременно бедняка мужика или оборвыша мещанина? Оттого, что у нас всякий человек высшего общественного положения считает себе за обиду быть приглашённым к соучастию в исполнении многих обязанностей гражданина, считая эти обязанности привилегией низших сословий, крестьянства и мещанства. Оттого, что вследствие неразвитости социальных понятий иному статскому советнику кажется унижительным быть призвану к одному и тому же делу, к которому призван и мимоидущий плотник» [17, с. 846]. Второй причиной Лесков называет бюрократическую волокиту, из-за которой даже грамотный и равнодушный гражданин страшится попасть в понятые, потому что «кроме долгого стояния на ногах перед полицейским и медицинским чиновником во время самого акта осмотра, ему ещё придется узнать, где живёт, во сколько часов ложится спать и когда встаёт г. полицейский чиновник или врач, ибо к одному из них он, Бог весть за что, должен прийти для подписания письменного акта», получить который удаётся далеко не сразу, и бедному понятому долгое время «по образу пешего хождения» [17, с. 846] приходится посещать чиновников.

Насколько Лесков предпочитает образность сухим фактам, видно и в следующих его цитатах, обращённых к Ф.Б. Оппонент Лескова утверждал, что «свидетельства живых» не подтверждают взяточничества чиновников, и упоминал несколько фактов, которые «заимствованы из дел, бывших в юриспруденции Губернского Правления на каком-то злополучном полуострове» [18, с. 813]. Лесков, опровергая это замечание Ф.Б., рисует сатирическую сценку о таких горе-свидетелях, при этом несколько раз достаточно резко обращаясь к собеседнику: «Мы не знаем, как это делается на злополучном полуострове (ещё не открытом, по словам г. Ф.Б.), но у нас на континенте свидетельствуются в живом виде по большей части люди, которые шесть дней в неделю делают и творят вся дела свои, а на седьмой день пропивают недельные заработки рук своих, приобретая фонари под глаза и бесплатное изменение причёски. Освидетельствование же их почти всегда производится так: (г. Ф.Б.! просим прислушать) когда посчастливится русскому человеку в день пропития трудов своих подставить фонарь своему ближнему, вытолкнуть у него мимоходом два-три зуба или вырвать клочок волос, и если за тем тут же не воспоследует у победителя и побеждённого немедленного примирения, со взносом новой пошлыны в пользу чарочного питейного откупа, то побеждённый, подобрав политье, выбитое из его индивидуальности победителем, завязывает его в угол платка или тряпицы, а в середину того же платка кладёт три, четыре или максимум пять булок и рублёвый билет, и с этим узлом отправляется собственною своею персоною к г. городскому врачу. Напрактикованная прислуга немедленно допускает к нему «побитого», который вручает Его Высокоблагородию «политье», хлеб-соль и государственный кредитный билет, а взамен их получает тут же без всяких «ассистентов» составленное свидетельство и с этим свидетельством отправляется далее благодарить кого следует и оформливать письменный акт своего поражения. Так вот, г. Ф.Б., не считайте нас совсем профанами, и мы, как изволите видеть, говоря словами Гоголя, знаем, «как что делается в благоустроенных государствах»» [17, с. 847]. Приводимая Лесковым сцена создаёт эффектный эмоциональный контраст благодаря сочетанию серьёзности поднимаемой автором проблемы и сатирического её отображения, использованию свойственных сатире приёмов гротеска, гиперболизации. Экспрессивная синтаксическая форма, открытая оценочность, присущие манере изложения в приведённом фрагменте текста, отражают сильное эмоциональное движение автора и позволяют ему овладевать вниманием, чувствами читателя, побуждать к содействию.

На тезис Ф.Б. о том, что полиция всерьёз препятствует взяточничеству медицинских чиновников, Лесков приводит поговорку «рука руку моет» [17, с. 845], которая не только усиливает образность и выразитель-

ность повествования, но и выполняет здесь важные для любого полемиста функции: выражает и аргументирует авторскую позицию.

Эпиграфом к своей статье Лесков берёт высказывание на французском языке «Il faut savoir le monde comme il est, pas comme il doit être» [Нужно видеть мир таким, каков он есть, а не таким, каким он должен быть]. Эпиграф выполняет здесь несколько функций: 1) апеллятивную, т.к. он, наравне с заголовком, является практически первой фразой, устанавливающей контакт автора с читателем; 2) эмотивную, т.к. в нём отражается отношение автора к сообщению; 3) аргументационную. Последняя функция наглядно просматривается. И хотя работа читателя с эпиграфом зачастую требует от первого известного умения читать между строк, в данном случае смысл эпиграфа, призывающего читателя не закрывать глаза на существующие проблемы, а решать их, раскрывается на протяжении всего текста и выступает ясным подтверждением авторской позиции.

В комментариях к публикациям Лескова о полицейских врачах редакция отмечала, что стиль его «стоит слюга лучших сатириков» [18]. Как видно, язык и этой публикации обладает большой художественной образностью и экспрессивностью.

Как уже упоминалось, все полемические приёмы и языковые средства, служащие для выделения принципиально важных оценочных моментов сообщения, играют важную роль в аргументации полемиста, а так как всякая оценка подразумевает наличие субъекта, то эти приёмы и средства оказываются также формой проявления и индивидуального стиля автора, и отражением его личности.

Рассмотрение аргументации, применяемой Лесковым в его первой полемике — использование иронии, гиперболизации, гротеска, элементов фольклора; подтверждение достоверности описываемого собственным опытом, эпиграф, эмоционально окрашенные многочисленные вопросно-ответные конструкции, риторические вопросы и восклицания, перемежающие повествование, — приоткрывает оригинальность почерка начинающего публициста и личность автора, такие его качества, как смелость, темпераментность, равнодушие. Талант Лескова глубоко вскрыть обсуждаемую проблему, проанализировать явление, «оживить» его, вызывают у читателя доверие к публицисту, несмотря на отсутствие как таковых «фактов». Стремление Лескова к практическому результату (решению обсуждаемой проблемы взятости), желание полемиста не управлять читательской аудиторией, а вести диалог с ней, чтобы привлечь её в союзники, достигают цели.

Таким образом, первая полемика Лескова показывает его как основательного полемиста, чей авторский темперамент сочетает в себе объективность и страстность, конкретность выражаемой позиции, ориентирование на прямое цитирование источников. Рациональное построение композиции текста — начало, представляющее собой экспозицию фактов, характеризующих предмет разговора публициста, точное цитирование оппонента, подчинение дальнейшего изложения доказательству своего основного тезиса — целесообразное сочетание логических и эмоциональных компонентов аргументации, использование ресурсов изобразительной и художественной образности в качестве основного приёма полемики свидетельствуют о высоком уровне профессионального мастерства начинающего публициста и писателя Н.С. Лескова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Видуэцкая И. П. Николай Семёнович Лесков // М.: Знание, 1979.
2. Головачёва О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века) // Автореф. дис. ... докт. филолог. наук (10.02.01) // Брянск, 2016.
3. Горелов А.А. Н. С. Лесков и народная культура / А. А. Горелов. — Л.: Наука, 1988.
4. Горохов В. М. Основы журналистского мастерства / В. М. Горохов. Горохов — М.: Высшая школа, 1989.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт.: В 4 т. — СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 3.
6. Здорова В. И. Слово тоже есть дело. Некоторые вопросы теории публицистики. М.: Мысль, 1979.
7. Калачинский А. В. Аргументация публицистического текста. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989.
8. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Лескова: автореф. дис. ... докт. филолог. наук. — М., 2000.
9. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1984.
10. Лесков Н. С. Последнее слово г. Д-ру Аскоченскому // Собрание соч. в 30-ти томах. М.: Терра, 1996. Т. 1.
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина / Институт научн. Инф-ции по общественным наукам РАН. — М.: НПК «Интелвак», 2001.
12. Прохоров Е. П. Искусство публицистики: Размышления и разборы / Е. Прохоров. — М.: Советский писатель, 1984.
13. Симкин Я. Р. Сатирическая публицистика / Я. Р. Симкин. — Ростов на Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1976.

14. Столярова И.В. Н. С. Лесков / История русской литературы: в 4 т. / Под редакцией Н. И. Пруцкова. — Т. 3. Расцвет реализма. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982.
15. Стюфляева М. И. Образные ресурсы публицистики. М.: Мысль, 1982.
16. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. Изд-е 5-е, испр. и доп. — М.: Аспект-пресс, 2014.
17. Лесков Н. С. Полицейские врачи в России (статья Н. Лескова по поводу статьи г. Ф.Б.) // Современная медицина. 1860. № 48.
18. Ф.Б. Несколько мыслей против «несколько слов» г. Фрейшица «о полицейских врачах в России» в № 39 Современной медицины 1860 г. // Современная медицина. 1860. № 46. № 47, 1861. № 6.

© Калесник Елена Юрьевна (helirmai@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный областной университет

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РУССКИЙ

SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE BORROWINGS FROM CHINESE INTO RUSSIAN

**О. Kasymova
Gong Lei**

Summary. A comparative study of languages with different structures is of great theoretical and practical value at the time of intensive development of all-around contacts between nations, of strengthening relations between languages and their mutual influence. Thus, the research into the lexical semantic systems of compared languages presents special interest. The consideration of the features of semantic development of borrowings from the Chinese language in this article aims to make a picture of the inclusion of borrowings from the Chinese language in the associative, semantic and word-formation system of the Russian language.

Keywords: languages with different structures, lexical semantic system, language interaction, specific features, lexical means, semantics.

Лексический фонд любого языка находится в процессе постоянного изменения: в его состав входят новые единицы, одновременно выходят из лексики устаревшие элементы. Пополнение лексического фонда осуществляется с помощью словообразовательных ресурсов языка или на основе прямого и непрямого заимствования. Любой язык неоднороден с точки зрения происхождения, т.к. включает в себя слова из других языков. В целом это способствует обогащению лексического состава языка и делает речь более точной. Лексические заимствования проходят процесс адаптации, со временем некоторые из них прочно входят в состав языка-реципиента и не воспринимаются рядовыми носителями языка как заимствованные.

Возрастание интереса к проблеме заимствования в последние десятилетия у лингвистов, социологов, культурологов объясняется расширением межгосударственных связей и отношений всех народов и увеличением, в связи с этим, межъязыковых контактов. Россия и Китай как соседние страны (протяжённость границы Китая и России 4209,3 км) устанавливают всё более тесные контакты и активно сотрудничают в разных областях, межкультурная коммуникация двух народов с каждым годом становится всё более интенсивной. Активизируется интерес к языковому взаимодействию двух народов, об этом свидетельствует возросшее число публикаций, см., например, работы О.В. Доновой [До-

Касымова Ольга Павловна

Д.филол.н., доцент, Башкирский государственный университет

olgakasyмова@yandex.ru

Гун Лэй

Аспирант, Башкирский государственный университет

rector@bsu.bashedu.ru

Аннотация. В наш век интенсивного развития всесторонних контактов между народами и углубления взаимосвязей и взаимовлияния их языков сопоставительное изучение разноструктурных языков имеет большое теоретическое и практическое значение. При этом особый интерес представляет исследование особенностей лексико-семантической системы сопоставляемых языков. Рассмотрение в этой статье особенностей семантического освоения заимствований из китайского языка преследует цель составить картину включения заимствований из китайского языка в ассоциативную, семантическую и словообразовательную системы русского языка.

Ключевые слова: лексико-семантическая система, разноструктурные языки, взаимодействие языков, лексические средства, семантика.

нова 2011]; О.П. Касымовой, Гун Лэй [Касымова, Гун Лэй 2017; 2018]; Н.В. Перфильевой, Ху Пэйпэй [Перфильева, Ху Пэйпэй 2012]; Л.М. Шипановской, Цзян Ин [Шипановская, Цзян Ин 2016; Цзян Ин, Шипановская 2016]; Янь Цюцзюй [Янь Цюцзюй 2011].

Для разноструктурных языков, какими являются русский и китайский, возможность взаимодействия доступна только в лексической области. Для нас представляет интерес включение заимствованного из китайского языка слова в семантическую систему русского языка. Семантическое освоение заимствования заключается в перераспределении смысла между смежными с ним и близкими по значению словами (тематическими группами слов, синонимами, антонимами), в развитии производных значений, реализации сем в словообразовательных и ассоциативных связях.

По мнению лингвистов, первоначально «слово заимствуется из чужого языка как моносемная единица» [Маринова 2008, с. 23]. Для расширения его значения необходимо длительное время функционирования заимствования в речи и его активность, связанная с востребованностью референта в повседневной жизни носителей языка. Возможность полного освоения для слова возрастает, если оно не закреплено за какой-либо специальной стилистической сферой и активно в различных жанрах литературной речи.

По данным исследований русских и китайских лингвистов, число китаизмов в русском языке составляет 45 слов, включая неологизмы (*кумкват, ши-тцу*) и устаревшие слова (*гаолян, фанза*). Все они составляют восемь тематических групп, каждая из которых включает одну или несколько общих сем. Первая группа — названия растений (*апельсин, бадьян, гаолян, женьшень, кумкват, личи, манго, чай, чумиза*). Вторая — названия продуктов (*апельсин, байховый, бузы/позы, кетчуп, личи, манго, манты, тофу, фунчоза, чай, пуэр, улун*). В третью группу вошли предметы быта (*вок, джонка, жемчуг, книга, сатин, фанза, чесуча, юань*). Четвертую группу составляют философские и религиозные понятия (*Дао, дзен, инь, конфуцианство (от Конфуций), фэншуй, ян/янь*). Пятая группа — названия игр и видов спорта (*кунгфу, маджонг, ушу, цигун*). Шестая группа — названия животных (*панда, чау-чау, шарпей, ши-тцу*). Малочисленную группу составляют названия людей по политическим воззрениям, это участники исторических событий (*хунвэйбин, тайпины*). Ограниченно представлены в русском языке также заимствованные названия языковых явлений (*путунхуа, пиньинь*). Большинство из этих китайских слов заимствованы в недавнее время — в XX–XXI вв. Их можно рассматривать как неологизмы «общеупотребительной тематики», например, *вок 锅 guo, кумкват 金桔 jinju, личи 荔枝 lizhi, бозы 包子 baozi, фэншуй 风水 fengshui* [Вэй, Проценкова 2017, с. 66].

С точки зрения активности употребления китаизмы можно разделить на те, которые известны большинству русскоязычных людей и которые отражены в словарях и художественной литературе, в том числе заимствованные из китайского языка через посредство других языков: *апельсин, байховый, джонка, жемчуг, женьшень, книга, манго, панда, сатин, чай*. Они есть в последних изданиях толковых словарей XX–XXI вв. Мы опирались в основном на данные однотомного «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, который отражает «живые процессы, происходящие в нашем языке в последние десятилетия 20-го столетия», и слова, получившие широкое распространение [Ожегов, Шведова 2001, с. 4]. К активному запасу мы отнесли также слова, понятные абсолютному большинству русскоязычного населения, но вошедшие непосредственно в лингвистические словари русского языка: *кетчуп, манты*. Остальные китаизмы употребляются ограниченно в среде профессионалов или людей, разделяющих увлечения философией, спортом или другим видом деятельности. Эти 12 слов, заимствованных из китайского языка, имеют разную степень семантической освоенности в русском языке. К хорошо освоенным в семантическом отношении китаизмам относятся слова *апельсин, жемчуг, женьшень, книга, чай*. Это заимствования «с высшей степенью освоенности» [Борисова

2010], они зафиксированы словарями, у них нет оттенка новизны, они имеют максимальную частоту употребления, они нормированы с грамматической и орфографической точки зрения и активно употребляются носителями в речевых конструкциях

Остальные слова являются однозначными, у них слабые ассоциативные связи, не зафиксированные в словарях, нет производных слов или их очень ограниченное количество (*сатин — сатиновый, манго — манговый, панда — пандовый*). Это связано со сферой функционирования слов, их востребованностью в речевой практике носителей языка, а следовательно, с востребованностью референта в жизни общества. Для большинства россиян все еще экзотичными являются растения и животные (*кумкват, бадьян, манго, панда, чау-чау* и пр.), виды спорта и медицинские технологии (*ушу, цигун*), религиозные и философские воззрения (*Дао, дзен, фэншуй*), пришедшие из Китая. С полным исчезновением референта слово выпадает из употребления и устаревает (*гаолян, хунхуз, чумиза, чесуча*).

Структура многозначного слова *апельсин* включает в себя пять лексико-семантических вариантов, имеющих радиально-цепную организацию. Первое основное значение «вечнозеленое цитрусовое дерево». Второе значение («плод этого дерева») образовано способом метонимического переноса от первого, третье («цвет плода», например, «Апельсин, мак, лосось и прочие (знакомые, кстати, по коллекциям весна — лето) жизнерадостные оттенки есть у Frighetto, Moroso, Acerbis» [Юлия Пешкова. Ярмарка тщеславия (2002) // «Домовой», 2002.06.04]!) — от 2-го. Четвертое значение («запах плода», например, «...улыбнулась гостя. А изо рта — душистый апельсин!» [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)]) образовано при помощи метафорического переноса от 2-го. Пятое метонимическое значение («изображение плода», например, «...какую-нибудь картошину намазюкал, красным карандашом размалевал и — готово дело — апельсин [А. И. Пантелеев. Рассказы о Белочке и Тamarочке (1938–1947)]») образовано от 2-го. Условно из взаимосвязь можно представить следующим образом: 1 → 2 → (3; 4; 5). Частным случаем развития значения слова *апельсин* является его десемантизация (Ей шел оранжевый. Он звал ее подпольной кличкой Апельсин. Для его суровой снежной страны апельсины были ввозной диковиной [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]).

Е. В. Маринова считает, что «специального рассмотрения заслуживает процесс образования новой фразеологической единицы на базе иноязычного неологизма. Сам по себе этот факт свидетельствует о вхождении но-

¹ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка.

вого иноязычного слова в систему языка, и, очевидно, его можно рассматривать как критерий освоенности иноязычного слова, что, по нашим данным, ещё не отмечалось в специальной лингвистической литературе» [Маринова 2008, с. 4]. Кроме указанного в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой фразеологизма «как свинья в апельсинах» [Ожегов, Шведова 2001, с. 27], в русском языке используется устойчивый оборот «просто/ясно, как апельсин».

Слово *апельсин* имеет 3 производных слова: *апельсинчик*, *апельсинный*, *апельсиновый* [Тихонов 2014]. У него 49 различных реакций на прямой поиск из 101 и 32 единичные в Русском ассоциативном словаре [Караулов и др. 2002]. Большинство реакция связано со значением 'плод'. В этих реакциях ярко представлены образность и наглядность, они показывают, как формируется в национальном сознании визуальный и вкусовой образ объекта. Это внешний вид (цвет, форма, размер) и запах: *оранжевый, оранжевое, желтый, красный, рыжий, круглый, ароматный, большой, гнилой, запах, корка*. Количество таких изобразительных реакций — 26.

Слово *жемчуг* по данным толкового словаря [Ожегов, Шведова 2001, с. 191]. наряду с основным значением ('твёрдое, состоящее преимущ. из перламутра образование в двустворчатых раковинах нек-рых моллюсков') имеет переносное метафорическое значение (о белизне зубов) и метонимическое (жемчуг=ожерелье): «...губы чуть приоткрылись, явив влажный жемчуг зубов» [Евгений Лукин. Там, за Ахероном (1995)]; «Говорят, что жемчуг оживает на коже молодых девушек» [Сати Спивакова. Не всё (2002)]. Слово расширяет свое значение в разных контекстах, приобретая возможность для наименования капель воды (дождь, роса, град), а также с слез: «...уходил от нее скуфейник, уронивший в варежки слезоочитый лик, жемчуг соленый проливать о ней, прося и ей смерти [Андрей Белый. Кубок метелей (1907)]. Реже слово *жемчуг* используют для наименования растений и абстрактных понятий: «...рисинка прилегает к **рисинке**, и при этом каждая сама по себе. Действительно **жемчуг!**» [Алла Костина. Рис, как и восток,— дело тонкое (2002) // «Семейный доктор», 2002.06.15]; «...лучший **жемчуг** пушкинской **лирики**» [А. В. Амфитеатров. Княжна (1889–1895)]. Слово *жемчуг* употребляется в пословице «У кого щи не густы, а у кого жемчуг мелок» и в ее разговорных вариантах. Десемантизация как результат развития значения слова приводит к утрате его связи с основным значением и референтом: твёрдым, округлым образованием, извлекаемым из раковин моллюсков. Например: *Торжества начались на Невском механическом и судостроительном заводе, где в Высочайшем присутствии спущен **крейсер 2 ранга «Жемчуг»*** [неизвестный. Вести (1903.08.28) // «Московский листок», 1903].

Слово *жемчуг* имеет шесть производных слов: *жемчужина*, *жемчужинка*, *жемчужница*, *жемчужный*, *жемчужно*, *жемчужно-белый* [Словообразовательный словарь..., с. 160]. В ассоциативных словарях слово *жемчуг* не представлено.

Слово *женьшень* имеет прямое значение «растение» и переносное (синекдоха) — «корень»: «*Женьшень уже отцвел, и появились плоды*» [В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю (1917)]; «*Знаменитый «корень-человек» — женьшень — впервые упомянут в китайской фармакопее 1596 года*» [Валентин Прозоровский. Лекарства от усталости // «Наука и жизнь», 2009]. Кроме этих употреблений в НКРЯ имеются примеры, свидетельствующие о расширении семантики этого слова. Оно приобрело значение «лечебный препарат», «капли», «настойка»: «*Женьшень — по 20–25 капель два раза в день*» [Александр Фадин. Такова вита (2002) // «Домовой», 2002.11.04]. При десемантизации связь с первым значением (растение) полностью утрачивается: «*Помните, дорогой, вы должны знать всех, вас — пока только я. Ваша кличка — «Женьшень». Итак, Женьшень, желаю счастья*» [К. С. Бадигин. Секрет государственной важности (1974)].

Слово *женьшень* имеет одно производное — *женьшеневый*, в ассоциативных словарях оно не представлено.

Слово *книга* является одним из самых освоенных заимствований из китайского языка. Его семантическая структура включает в себя семь лексико-семантических вариантов, имеющих радиально-цепную организацию. Второе значение 'ментальное содержание книги' образовано способом метонимического переноса от первого 'произведение печати': «И раз мне так мила оказалась эта книга, значит, есть в ней что-то» [Ксения Махненко. Обращение (2002) // «Домовой», 2002.03.04]. Третье значение 'сшитые в один переплёт листы бумаги' (метафора, основанная на внешнем сходстве), образовано от 1-го: «На её площадке стоял столик, лежала большая канцелярская книга и сидел солдат» [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)]. Четвертое значение 'обобщенный свод знаний в к.-л. области' (метафорическое), пятое 'биография, жизненный путь' (метафорическое), шестое 'крупный раздел книги' (синекдоха) и седьмое 'электронное устройство' (метонимическое) значения образованы от 2-го: «...к чему влечёт его непреодолимое желание действовать? К самопознанию, отвечает нам книга природы» [Д. В. Веневитинов. О состоянии просвещения в России (1826)]; «Книга жизни еще не закрыта, но почти все страницы ее перевернуты» [Т. С. Франк. Память сердца // «Звезда», 2003]; «Книга третья («De futura vita») трактует учение о рае, чистилище и аде...» [А. Я. Гуревич. Популярное богословие

и народная религиозность средних веков (1976)]; «Ее обрадует электронная книга; ноутбук; палантин или козынька от известного бренда...» [Полина Морозова. Что подарить на 8 Марта // «Русский репортер», 2014]. Условно из взаимосвязь можно представить следующим образом: 1→(2, 3); 2→(4, 5, 6, 7). Слово книга включено во фразеологизмы (книги в руки, книга за семью печатями, книга рекордов), оно вошло в целый ряд пословиц и поговорок: Смотрит в книгу, а видит фигу; Не суди книгу по обложке; Книга — лучший подарок; Одна книга тысячу людей учит и пр.

Слово книга имеет 10 производных слов: книжка, книжечка, книжица, книжонка, книжник, книжница, книжный, книголюб, книгопечатание, книгохранилище. Слово книга имеет 63 различные реакции на стимул и 46 одиночных реакций на стимул в Русском ассоциативном словаре [Караулов и др. 2002]. Большинство реакция связано со значением 'ментальное содержание книги'. В этих реакция ярко представлено эта семантика (характер содержания: знание, азбука, источник знаний, словарь, Библия, жития, запретная, Камасутра, ложь, наука, источник, открытия, о жизни, учебная, учебник; способ усвоения содержания: читать, непрочитанная, чтение, прочитана; автор: Достоевский, Чернышевский, Пушкин, Гоголь) и оценка содержания книги: интересная, любимая, необходимая, редкая, умная, удовольствие, хорошая, это все. Количество реакция на значение 'содержание книги' — 54.

Первое значение слова книга — 'произведение печати' — подразумевает предметный характер этого слова, поэтому в реакция дана оценка с точки зрения внешнего вида: толстая, ветхая, красивая, позолоченная, старая, новая. В реакция также присутствует связь с частями книги как полиграфического издания: бумага, обложка, переплет. Немногочисленные глаголы называют типичные события, связанные с книгой как произведением печати: порвалась, открыть. Последний этап существования книги также отражен в реакция: макулатура. В реакция отражается также фоновое знание: книга из домашней библиотеки хранится на полке и читается по вечерам (полка, дом, вечер). Реакции «учитель», «студен» связаны с лицами, чья работа/учеба связана с книгой. Общее число реакция этого типа — 28.

Реакции жалоб, бух. (бухгалтерская), тетрадь основаны на третьем значении 'сшитые в один переплет листы бумаги'. Лексико-семантический вариант 'крупный раздел книги' реализуется в ассоциации главы, реакция строчка также семантически связана с этим значением, так как предполагает членение книги на части.

Слово чай также в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой представлено как

многозначное [Ожегов, Шведова 2001, с. 877]. Структура многозначного слова чай включает в себя пять лексико-семантических вариантов, имеющих сложную радиально-цепную организацию.

Первое значение (основное) — 'растение' («*Растет чай на деревьях или на кустах?*») [Русское чаепитие (2003) // «Народное творчество», 2003.10.20]. Второе — 'листья этого растения': «*Магазин, где продавался чай, он отверг*» [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]; третье значение — 'напиток, настоящий на этих листьях': «*Мы сидели на кухне и пили чай*» [Запись LiveJournal (2004)]. Четвертое значение 'настой из листьев других растений': «*Заварила липовый чай. Пить не стал*» [И. Грекова. Перелом (1987)]. Пятое значение — 'чаепитие': «*Приходи сегодня на чай. С Днём рождения!*» [Смс-сообщения старших школьников (2004)]. Имеется несколько фразеологизмов со словом чай: *Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и на чай лакеям даёт по рублю* [А.П. Чехов. Вишневый сад (1904)]; — *Здрате. Чай да сахар! Вчерась была у вас со сватеньем* [Б.В. Шергин. Волшебное кольцо (1930–1960)]; *Мы с Еленой Николаевной любил гонять чаи* [Павел Сиркес. Труба исхода (1990–1999)].

Слово чай имеет 22 производных слова: чаёк, чаёчек, чайника, чайничек, чайница, чаевой, чайный, чаёвник, чаёвничать, почаёвничать, чаевать, почаевать, чашико, чаевые (мн.) чаепитие, чаевод, чаеводческий, чаеводство, чаеобработка, чайхана, чайханик. Слово чай обладает широкими ассоциативными связями, оно прочно вошло в речевую практику русских. Реакции на него составляют 532 слова и словосочетания. Самые частотные реакции: *индийский, крепкий, кофе, грузинский*. В этих реакция ярко представлены образность и наглядность. Они показывают, как формируется в национальном сознании функциональный, визуальный и вкусовой образ чая. В числе 532 реакция большая часть представлена тематической группой слов, связанных с характеристикой чая как напитка: сорта чая (*зеленый, грузинский, черный, индийский* и пр.), вкусовые качества чая (*крепкий, сладкий, вкусный* и др.), запах и температура чая (*горячий, остыл уже, ароматный, пахучий, душистый*). Имеются группы, называющие процесс чаепития: сопутствующие атрибуты, сам процесс, условия заваривания чая (*чайка, пить, заварить, вода, стакан, выпит* и пр.). В числе реакция есть указание на тематическую группу «напитки», в которую входит чай (*компот, сок, кефир, молоко* и др.). В ассоциативное поле вошли самые устойчивые связи этого слова и самый четкий образ, с которым связано слово: чай в русском сознании прежде всего напиток. В китайском языке существует множество слов для обозначения сортов чая (*Чю Хуа, Би Ло Чун, Лун Цзин, Бай Му Дан*). В русском языке ограниченно

употребляются слова *байховый, пуэр, улун (оолонг)*, что свидетельствует о том, что в русском национальном сознании понятие «чай» представлено как в малой степени соотношенное с его разновидностями в отличие от китайской культуры.

Таким образом, слова *книга, чай, жемчуг и апельсин* являются полностью адаптированными в русском языке, анализ их употребления свидетельствует о том, что за достаточно длительное время функционирования в рус-

ском языке произошло расширение их значения, они входят в состав фразеологизмов и поговорок, у них есть словообразовательные связи. Слова *женьшень, кетчуп, манты, манго* освоены в меньшей степени, у них имеется только одно производное слово или совсем отсутствует словообразовательная активность. Остальные китаизмы обладают низкой степенью освоения в русском языке как в лексическом, так и в грамматическом отношении, многие из них отсутствуют в толковых словарях, у них слабая словообразовательная активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, О. С. О проблеме включения иноязычного компонента в языковую парадигму: тематический принцип типологизации заимствований (на материале лексики русского и китайского языков конца XX-начала XXI вв.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2010. № 2 (26). — С. 23–28.
2. Вэй, Ю., Проценкова, Н. В. Особенности заимствований из китайского языка в русской лексической системе // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. — Благовещенск — Хэйхэ, 22–23 мая 2017. Благовещенск: Изд-во БГПУ. — С. 577–580.
3. Донова, О. В. Фразеологизмы в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах (на материале русского и китайского языков). Автореф. . . дис. канд. филол. наук. — Бийск, 2011. — 25 с.
4. Касымова О.П., Гун Лэй. Заимствования-китаизмы в русском языке (тематическая группа названия растений) // Вестник Башкирского университета. 2017, Т. 22. № 4. — С. 1077–1081.
5. Караулов Ю. Н. и др. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. М.: АСТ; Астрель, 2002. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. — 784 с. М.: АСТ; Астрель, 2002. Т. II. От стимула к реакции: более 100000 реакций. — 992 с. URL: <http://thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 25.01.2018).
6. Касымова О.П., Гун Лэй. Процесс заимствования в китайском и русском языках // Вестник Башкирского университета. Т. 23, 2018, № 1. — С. 119–124.
7. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX-начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. Автореф. . . дисс. докт. филол. наук — М., 2008. — 39 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 2001. — 944 с.
9. Перфильева, Н. В.; Ху, Пэйпэй. Определение неологизма в российской и китайской лингвистиках // Русский язык за рубежом. № 2, 2012. — С. 54–58.
10. Словообразовательный словарь современного русского языка. / Под ред. О. А. Ульяновой М.: Аделант, 2013. 511 с. URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/241943_Slovoobrazovatelnyy_slovar_sovremennogo_russkogo_yazyka (дата обращения 10 ноября 2017 г.).
11. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь для всех, кто хочет быть грамотным, 2014. URL: <https://studfiles.net/preview/5274998/page:29/> (дата обращения: 21.04.2018).
12. Цзян, Ин; Шипановская, Л. М. Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7. Ч. 1. — С. 144–152.
13. Шипановская, Л. М.; Цзян, Ин. Лексические заимствования из русского языка в китайский: исторический аспект (на материале «Словаря китайских заимствований» Лю Чжэньяня, Гао Минкяя, Май Юнцяня, Ши Юйвэя, 1984 г.) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2. № 2. — С. 112–123.
14. Янь, Цюцзюй. Русские заимствования в китайском языке и их учет в обучении русскому языку китайских студентов // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). — С. 333–335.

© Касымова Ольга Павловна (olgakasyмова@yandex.ru), Гун Лэй (rector@bsu.bashedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДАГЕСТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В 80-Е ГГ. XX В.: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE DAGESTAN LITERATURE IN THE 80TH YEARS OF THE XX CENTURY: CULTURAL AND HISTORICAL ASPECT

*M. Kelbekhanova
A. Osmanov*

Summary. The article provides a description of the main trends in the development of Dagestani literature in the 80-ies of the XX century the work Purpose — analysis of the status and development of literature in the multinational Republic. It is noted that in the period under review the leading place in the Dagestan literature was occupied by poetry, the role of drama increased, the activity of Dagestan writers in writing scripts for movies was noted. The problematic issues in the development of literature in the DASSR are revealed. The contribution of Dagestan writers and artists to the national cultural process is shown.

Keywords: Dagestan, relevance, drama, prose, poetry, circulation, Rasul Gamzatov.

Кельбеханова Мадина Рагимхановна

*К.филол.н., Дагестанский государственный
университет
Kel_79@mail.ru*

Османов Ахмед Ибрагимович

*Д.и.н., Институт истории, археологии и этнографии
ДНЦ РАН
Osmanov193@yandex.ru*

Аннотация. В статье приводится характеристика основных тенденций в развитии дагестанской литературы в 80-е гг. XX в. Цель работы — анализ состояния и развития литературы в многонациональной республике. Отмечено, что в рассматриваемый период ведущее место в дагестанской литературе занимала поэзия, повысилась роль драматургии, отмечена деятельность дагестанских литераторов по написанию сценариев для кинофильмов. Выявлены проблемные вопросы в развитии литературы в ДАССР. Показаны вклад дагестанских литераторов и деятелей искусства в общегосударственный культурный процесс.

Ключевые слова: Дагестан, актуальность, драматургия, проза, поэзия, тираж, Расул Гамзатов.

В 1980-е гг. дагестанская литература являлась составной частью общегосударственного и мирового литературного процесса. Как отмечалось в приветствии Дагестанского обкома КПСС VII съезду писателей Дагестана (17 июня 1980 г.), с которым на съезде выступил первый секретарь обкома партии М.-С. И. Умаханов, «произведения писателей с каждым годом все больше выйдут на всесоюзную и мировую арену, завоевывая заслуженное признание у взыскательного читателя». [12, с.3].

24 марта 1981 г. в Центральном государственном концертном зале «Россия» в столице страны состоялась открытие Дней дагестанской литературы и искусства. На открытии присутствовали делегации творческих деятелей РСФСР и ДАССР. Вступительным словом встречу открыл председатель Союза писателей РСФСР, Герой Социалистического Труда С.В. Михалков, с ответным словом выступила заместитель председателя Совета Министров ДАССР З.М. Хизроева. Вечер завершился большим концертом деятелей дагестанской культуры. [12, с.16–18]. В нем приняли участие не только профессиональные коллективы, но и народные ансамбли из городов и районов республики.

Деятели культуры и искусства выступили с концертами и в ряде крупных концертных залов Москвы. В залах

имени П.И. Чайковского и Олимпийской деревни состоялись концерты ансамблей песни и танца Дагестана и «Лезгинка», в Доме-музее П.И. Чайковского в Клину и Доме композиторов — концерты дагестанской камерной и симфонической музыки, в Центральном доме литераторов — литературно-музыкальный вечер. Встречи деятелей культуры Дагестана прошли с рабочими завода «Памяти революции 1905 года», студентами Московского государственного университета и Литературного института. В кинотеатре «Новороссийск» состоялась премьера кинофильма «Снежная свадьба», снятого по повести писателя Ахмедхана Абу-Бакара. [14, с. 62–64]. Дни литературы и искусства продемонстрировали возросший уровень литературы, профессионального искусства и народного творчества. [10, с.83].

К 1980 г. Союз писателей республики был одним из самых больших в РСФСР. В составе писательской организации были представлены мастера практически всех жанров и родов литературы. [11, с. 90].

Дагестанская литература была известна в стране и за ее пределами прежде всего и больше всего своей поэзией. Произведения Расула Гамзатова, Фазу Алиевой, Аткая Аджаматова, Анвара Аджиева, Абдул-Вагаба Сулейманова, Рашида Рашидова, Нуратдина Юсупова,

Юсупа Хаппалаева, Сулеймана Рабаданова, Ханбиче Хаметовой, Магомедатабаева и других поэтов были популярны в республике, их читали в переводах на русский и другие языки народов нашей страны, а также зарубежных стран. [4, с. 6].

Дагестанскую многонациональную литературу тех лет трудно представить без книг «Горы и степь», «В тени убегающей лани» Мусы Магомедова, «Мама, зажги солнце», «Два месяца до звонка» Ахмедхана Абу-Бакара, «Отец пророка» Магомед-Расула, «Белый аист» Феликса Бахшиева и др. Эти и другие работы свидетельствовали о переходе писателей от увлечения экзотикой к исследованию внутреннего мира человека, стремлению раскрыть этическое, нравственное содержание современника, отобразить общее и особенное в жизни дагестанских народов.

Неслучайно эти книги пользовались широким читательским спросом и издавались крупными издательствами страны, большими тиражами. В издательстве «Художественная литература» в Москве в 1980 г. вышло полное собрание сочинений Расула Гамзатова в пяти томах (тираж 100 тыс. экземпляров). [5, с. 4]. По данным на 1 января 1983 г., книги Гамзатова были изданы в Советском Союзе 217 раз общим тиражом 13,3 млн. экземпляров на 35 языках народов СССР и зарубежных стран. [13, с. 512].

В 1982 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышел роман Фазу Алиевой «День добра», посвященный событиям периода Великой Отечественной войны. В том же году в издательстве «Советский писатель» были изданы произведения народного поэта Дагестана Юсупа Хаппалаева «Долг» и поэтессы Ханбиче Хаметовой «Гордая волна». В «Современнике» вышла в свет книга писателя Арипа Расулова «Оглянись в пути». Издательство «Детская литература» опубликовало антологии детской литературы «Гости с гор». [3, с. 60].

Большими тиражами издавались книги других известных и популярных поэтов, хотя по количеству изданий редко кто мог бы сравниться с Расулом Гамзатовым. Спрос на поэзию в обществе был велик вообще, а на гамзатовскую особенно. В те годы лучшим подарком считался сборник стихов Расула Гамзатова, который в магазинах, несмотря на тысячные тиражи, достать было трудно. Его книга «Мой Дагестан» стала своего рода визитной карточкой республики. Однако без государственной финансовой помощи, государственного подхода такие вопросы было бы невозможно решить. Как говорил сам поэт в одном из своих выступлений: «у нас поэзия стала государственным явлением». [3, с. 60], [12, с. 50].

Общественная активность писателей поддерживалась и поощрялась Советским государством. В 1983 г.

три дагестанских поэта были удостоены высоких государственных наград. За заслуги в развитии литературы и в связи с 60-летием Расул Гамзатов был насажден орденом Ленина [7, с. 1], Фазу Алиева — орденом Дружбы народов. В связи с 70-летием, орден «Знак Почета» был вручен поэту Шах-Эмир Мурадову. [8, с. 1]. В 1985 г. детскому поэту Нуратдину Юсупову была присуждена премия Союза писателей РСФСР за книгу «Кто кого любит?», а в 1989 г. он стал лауреатом Государственной премии РСФСР им. Н. К. Крупской за книгу «Три подарка». [14, с.21].

На съездах писательских организаций говорили не только об успехах, но и резко критиковали писателей за недостатки. Так на VIII съезде Дагестана (1985 г.) состоялся большой разговор о проблемах, которые мешали и сдерживали развитие региональной литературы. В частности, отмечалось «увлечение писателей крупными, престижными жанрами без необходимой взыскательности, утверждение в поэзии преимущественно малых жанров, легковесное отношение к художественному воспроизведению социальных явлений, упрощенные методы поисков правды жизни, подмена содержания формой, уход от острых проблем современности, отсутствие в драматургии сильных впечатляющих характеров, частое обращение театров к комедийным спектаклям в ущерб серьезным постановкам». [4, с.5–7].

В исследуемый период выходило и немало произведений, поэтических и прозаических, которые не стали заметным литературным событием. Они нередко были оторваны от реальной жизни, страдали увлечением архаизмами и экзотикой горского быта. Сложные социальные явления в иных произведениях писателей приобретали поверхностный, легковесный оттенок, в них не хватало глубины и широты раскрытия жизни во всей ее многомерности и многосторонности, свидетельствуя о недостатке жизненного опыта их авторов.

Почти на всех съездах, совещаниях и встречах писателей отмечалось, что дагестанские театры остро нуждаются в интересных драматических произведениях, написанных местными авторами и на жизненно актуальные темы. Р. Гамзатов подавал пример дагестанским литераторам, начиная с поэмы «Горянка», по которой были сняты кинофильмы и осуществлены театральные постановки, долгие годы, радовавшие зрителей.

Известный аварский поэт М. Абасил написал пьесы «Махмуд из Кахабросо», «Камалил Башир», «Легенда о любви». Даргинский писатель Магомед-Расул, пишущий и на русском языке, был автором пьес «Гюльжанат», «Кто виноват» и драмы «Потерявшая себя».

Лакским писателем К. Мазаевым была написана новая пьеса «Тетушка Удрида». Известный дагестанский рус-

скоязычный поэт-сатирик Н. Алиев, автор целого ряда пьес, поставленных в театрах Дагестана, опубликовал комедию «С чистой совестью мальчишка». Кумыкский писатель А. Атаев, получивший известность своими драматическими произведениями, поставленными на сцене Кумыкского театра, представил в сборнике свою пьесу «Кресло», ставшую новым словом в дагестанской драматургии.

Поэт Б. Аджиев по рассказам Х. Авшалумова о Шими Дербенди написал пьесу «Хитроумный Шими Дербенди», которая была поставлена на сцене Кумыкского театра и прошла с большим успехом. [13, с.513].

На «широкий экран» вышли и дагестанские киноценаристы. При этом особо следует подчеркнуть роль в развитии этого вида творчества народного писателя Дагестана Ахмедхана Абу-Бакара. За свои неполные шестьдесят лет (1931–1991 гг.), из которых тридцать были связаны с литературой, он написал 8 пьес и сценарии 12 кинофильмов. Старт, взятый им на Днях литературы и искусства республики в Москве демонстрацией фильма «Снежная свадьба», снятого по его сценарию, оказался удачным. В Дагестане состоялись кинопремьеры и других фильмов, также снятых по его сценариям: в 1981 г. «Чегери», в 1982 г.— «Пора красных яблок», в 1983 г.— «Загадка кубачинского браслета».

В 1984 г. «Мосфильмом» был снят художественный фильм по сценарию режиссера Кумыкского театра И. Казиева «Талисман любви». [6, с.3], [9, с. 2].

Разносторонне одаренный А. Абу-Бакар оставил яркий след не только в кинодраматургии, но и в других сферах духовной культуры. Его повести были опубликованы миллионными тиражами как на страницах центральных журналов, так и отдельными изданиями во многих издательствах Советского Союза и зарубежных стран. После появления первых повестей А. Абу-Бакара в центральной печати известный советский писатель Георгий Гулиа писал: «Этот замечательный прозаик уверенно вошел в многонациональную советскую литературу. Он возвестил о том, что дагестанская литература сильна не только поэзией, но — что очень важно — и прозой». [13, с.513].

Ахмедханом Абу-Бакаром также было издано три сборника стихотворений, хорошо принятых читателями. Свое заметное место в дагестанской поэзии занял поэт, по определению А.М. Вагидова «философского склада мышления» — Бадрутдин Магомедов о чем он заявил своей новой книгой стихов «Благая весть». Личность героя его стихов наделена многими положительными свойствами, но главное его свойство — стремление постичь суть жизни. [2].

Оригинальным нестандартным стилем отличались произведения поэтессы Шейит-Ханум Алишевой. В 80-е гг. XX в. дагестанскими издательствами были изданы сборники ее стихов: «Ёлда йыр» (Песня в дороге) (1981), «Гьарсинчек» (Колыбель) (1984), «Бийимен: Шиърулар, баллада ва поэмалар» (Я танцую) (1986). В 1984 г. в Москве в издательстве «Современник» вышел сборник стихов «Звездное эхо» на русском языке. В 1987 г. были опубликованы ее стихи в сборнике «Горянки» (перевод с кумыкского языка: Н. Маркграф и О. Ермолаева). В 1990 г. издательством «Советский писатель» была издана книга Ш.-Х. Алишевой «Плачь, любви, вспоминай», ставшая этапной в ее творческой биографии. [3, с.129].

Поэту Жамидину (Гаджимурадову Ж.Г.), работающему в сатирическом жанре, широкую известность принесли публикации в таких известных советских журналах, как «Крокодил», «Новый мир», «Дон», «Современник», «Дружба народов» и газетах «Литературная Россия» и «Литературная газета», распространяемых тысячами и миллионными тиражами. В Москве и Махачкале было издано шесть его сборников, в том числе «Есть обычай в горах» (1986), «День жены» (1988).

В своих произведениях Жамидин не только «боролся», как принято было говорить тогда, с отрицательными явлениями в жизни, но и пытался найти и подсказать выход из создавшейся ситуации. Выбирая предметом изображения обычные явления жизни, он мог привлечь внимание читателя на то, что достойно осмеяния и осуждения.

Продолжал работу в жанре сатиры признанный мастер рассказов и новелл Хизгил Авшалумов. В 1982 г. вышла книга новелл «Похождения хитроумного Шими Дербенди», полных веселого юмора и разящей сатиры. Любимый жанр Хизгила Авшалумова — короткий юмористический рассказ, к которому относится и цикл новелл о Шими Дербенди, так полюбившегося дагестанскими читателями. [1].

80-е гг. период плодотворной работы даргинского поэта и писателя Газим-Бега Багандова. В 1981 г. им был издан сборник «Кунак: Стихи и поэмы», затем он обращается к художественной прозе, в которой стремится проанализировать проблемы современного общества. В 1983 г. в издательстве «Дагучпедгиз» на даргинском языке вышла его повесть «Дузабдихан», затем изданная в журнале «Дружба народов» на русском языке. Крупным произведением Багандова стал роман «Последнее поколение», посвященный деградации системы управления. Багандов писал произведения и для детей, так в 1982 г. в издательстве «Малыш» увидела свет его «Сказка о дедушкиных башмаках».

Проза 80-х гг. XX в. старается высветить грани бытия обычного человека. На этом поприще преуспели многие писатели-прозаики и немногочисленные критики. Один из них, совмещающий обе ипостаси, — Камал Абуков. Рассказы Абукова заставляют читателя задуматься о самых, казалось бы, обыденных вещах, о «незаметных» людях, о последствиях любого даже незначительного поступка. Ни мораль, ни нравственность автором не декларируются открыто, они завуалированы так, что каждый должен их вывести самостоятельно. [17, с. 16].

В Дагестане и за его пределами широкий общественный резонанс имели вечера поэзии, организуемые Союзом писателей Дагестана. Они проходили в переполненных залах, на них с чтением своих произведений выступали как маститые, так и молодые поэты, и писатели. Такие встречи превращались в своего рода отчеты творческой интеллигенции перед читателями и завершались большим концертом мастеров дагестанской эстрады. Для проведения вечера поэзии, посвященного 60-летию образования ДАССР, был выбран вместительный зал г. Махачкалы — Дворец спорта Дагестанского педагогического института, но и он не мог вместить всех желающих. В переполненном зале были вручены дипломы новым лауреатам республиканских премий: заслуженному учителю РСФСР и ДАССР, краеведу и писателю Б. Гаджиеву, поэту М. Гамидову, скульпторам Г. Гейбатову и А. Газалиеву, скрипачу М. Абуеву. После вручения дипломов поэты и писатели выступили со своими новыми произведениями. [5, с.4].

В декабре 1982 г. в Москве, во дворце спорта в Лужниках, состоялся творческий вечер лауреата Ленинской, Государственной, Российской и международных премий, Героя Социалистического Труда, народного поэта Дагестана Р. Гамзатова. Зал, вмещающий 15 тыс. человек, был переполнен. Средства, вырученные от вечера, посвященного 60-летию образования СССР, были переданы в Советский фонд мира.

По инициативе Союза писателей Дагестана в республике были проведены Дни литературы и искусства Российской Федерации, Ленинграда, республик Северного Кавказа, Каракалпакии.

С 9 по 15 июня 1982 г. в Дагестане прошла Неделя таджикской литературы, посвященная 60-летию образования СССР. Это был уже второй приезд в горный край таджикских писателей. Гости побывали на предприятиях и в учебных заведениях Махачкалы, Дербента, Буйнакса, в колхозах и совхозах Сулейман-Стальского района. Всюду их принимали с большой теплотой и радушием.

К Неделе литературы Таджикистана была издана антология таджикской литературы на 5 языках народов

Дагестана. По Дагестанскому телевидению и радиовещанию были организованы теле- и радиопередачи, в республиканских, городских и районных газетах были отведены специальные страницы, рассказывающие о жизни и делах таджикских трудящихся, в кинотеатрах республики демонстрировались художественные фильмы студии «Таджикфильм».

В сентябре состоялся ответный визит в Таджикистан дагестанских литераторов, принятых на таджикской земле с таким же гостеприимством. Взаимные обмены поездками писательских и творческих сил, кроме указанных республик и регионов, состоялись также с творческими деятелями городов Кирова, Вологды и Волгограда. [13, с. 515].

В октябре 1985 г. дагестанские писатели и поэты посетили районный центр — Ножай-Юрт Чечено-Ингушской АССР где состоялся большой литературный вечер. Делегация дагестанских прозаиков и поэтов вместе с чеченскими писателями выступили перед тружениками села ветеранами и учащимися Ножай-Юртовской школы-интерната № 14. Заместитель председателя правления Союза писателей ДАССР Н. Юсупов рассказал о работе дагестанских литераторов. Новые стихи прочитали поэты Х. Хаметова, З. Айдемиров, М. Хириясулаев, Б. Магомедов, М. Давыдов, С. Увайсов. Затем артистами Чечено-Ингушской АССР и школьниками был дан концерт в честь гостей из Дагестана. [16, с.209].

В 1986 г. дагестанские писатели и поэты приняли активное участие в «Рейсе мира и дружбы», проводимом по инициативе Кабардино-Балкарского комитета защиты мира и его руководителя народного поэта Кабардино-Балкарии Сафара Микитова. Комитетом были организованы митинги в Нальчике, Орджоникидзе, Грозном, а также в Махачкале. В актовом зале Дагестанского культурно-просветительного и художественного училища был проведен творческий вечер, который открыл Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, государственных и международных премий народный поэт Дагестана Расул Гамзатов. Затем Сафар Микитов рассказал о проблемах сохранения мира на Земле. Перед общественностью Махачкалы выступили А. Налоев и Б. Кагермазов — писатели из Кабардино-Балкарской АССР, драматург А. Токаев и поэты Х. Хостикоева, Г. Кайтуков — из Северной Осетии, поэты С. Чажкиев и А. Шайхиев из Чечено-Ингушской АССР, а также поэты из Дагестана — Х. Хаметова, Н. Юсупов, А. Даганов. [16, с.210–211]. Встречи писателей и поэтов из различных регионов страны были частым явлением в культурной жизни республики, поэтические вечера по-прежнему вызывали интерес и пользовались успехом у общественности Дагестана.

Таким образом, дагестанская литература в рассматриваемый период, сохранив многие традиции, вышла на новый уровень. На качество, тематику произведений авторов оказывали влияние, как события современности, так и критика партийных органов, общественных организаций, проведение съездов и т.д. 1980-е гг. — важный этап в истории отечественной культуры, когда

несмотря на очевидные успехи стали проявляться кризисные явления, проявлявшиеся в издании не всегда интересных и востребованных произведений. Рассматриваемый период можно охарактеризовать успехами дагестанской многонациональной литературы, ростом ее вклада в общегосударственный литературный прогресс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авшалумов Х. Хитроумный Шими Дербенди: Новеллы. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1982.
2. Батрутдин. Благая весть. Книга стихов. Ярославль, 1991.
3. Вагидов А. Поиск продолжается. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2000. С. 60.
4. Гамзатов Р.Г. Понять и воспеть величие лет. Махачкала: Дагучпедгиз, 1985.
5. Дагестанская правда. 1981. 9 января.
6. Дагестанская правда. 1981. 7 мая.
7. Дагестанская правда. 1983. 8 сентября.
8. Дагестанская правда. 1983. 27 сентября
9. Дагестанская правда. 1984. 3 апреля.
10. Каймаразов Г. Ш. Профессиональное образование в Дагестане в 80-е гг. XX в. // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2013. № 2 (34).
11. Каймаразов Г. Ш. Взаимодействие России и Дагестана в сфере художественной культуры в 80-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12. Ч. II.
12. От съезда к съезду. 1980–1985 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1985.
13. Османов А. И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х кн. Кн. 2: Общественно-политическая жизнь и социо-культурное развитие народов Дагестана. Махачкала, 2007.
14. Советский Дагестан. 1981. № 2.
15. Хаметова Х. Юбиляры уходящего года: Юсупов Нуратдин Абакарович // Дагестан. 2011. № 11 (74).
16. Экономические и культурные связи народов Дагестана с народами республик Северного Кавказа (1921–1990 гг.). Сборник документов и материалов. Составитель: М. К. Нагиева. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013.
17. Юсуфова Л. О. Эволюция жанра рассказа в дагестанской литературе. Автореф. дисс. . . к. филолог. н. Махачкала, 2006.

© Кельбеханова Мадина Рагимхановна (Kel_79@mail.ru), Османов Ахмед Ибрагимович (Osmanov193@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный университет

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ НОМИНАЦИЯ В СФЕРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

EXPRESSIVE-EVALUATIVE NOMINATION OF A NOUN IN THE FIELD / ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN LANGUAGE/

N. Koljada

Summary. In this paper, the author analyzes the expressive-evaluative nomination in the lexical system of the German language, namely in the sphere of the noun. In this case, the definition of the expression, the assessment of an object of reality or phenomenon in a certain context is given. The article deals with the types of nomination, paying special attention to the secondary category of lexical units of the German language. In the examples expressive-evaluative nomination and their subsequent analysis. Attention is paid to the question of functional and stylistic consolidation of emotionally expressive nouns in the lexical system of the German language, dividing them into literary (book), colloquial, familiar, vulgar and other styles. The author proposes an estimated scale consisting of reduced, humorous (mostly positive) and ironic (rather negative) estimates of the given nouns. The process of creating linguistic units for naming the surrounding reality is considered from both a philosophical and linguistic point of view.

Keywords: the noun, lexical system of the German language, evaluation scale, linguistic units.

Коляда Наталья Александровна

*К.ф.н., доцент, Южный Федеральный университет
г. Ростов-на-Дону
vz1612@mail.ru*

Аннотация. В данной статье анализу подвергается экспрессивно-оценочная номинация в лексической системе немецкого языка, а именно в сфере существительного. При этом дается определение экспрессивности высказывания, оценка того или иного объекта действительности или явления в определенном контексте. Затрагиваются вопросы видов номинации, уделяя особое внимание вторичной номинации лексических единиц немецкого языка. В работе приводятся примеры экспрессивно-оценочной номинации с их последующим анализом. Внимание уделяется вопросу о функционально-стилевой закреплённости эмоционально — экспрессивно окрашенных существительных в лексической системе немецкого языка, разделяя их на литературный (книжный), разговорный, фамильярный, вульгарный и другие стили. Предлагается оценочная шкала, состоящая из сниженной, шутильной (большой частью положительной) и ироничной (скорее отрицательной) оценок из приведенных существительных. Процесс создания языковых единиц для называния окружающей нас действительности рассматривается как с философской точки зрения, так и с лингвистической.

Ключевые слова: существительное, лексическая система немецкого языка, оценочная шкала, языковые единицы.

Окружающий нас мир дан нам предметно и получает осмысление в языке, в опредмеченных формах нашего сознания, в нашей речевой деятельности, в процессе которой выделяется сущность предмета, законы его развития, его свойства, получающие свои определения в культурной деятельности людей. Любой язык — это сокровищница истории народа, главный показатель его национальной самобытности. Именно через язык сохраняются национальные традиции, национальная культура любого народа. И его выражение в сказаниях, песнях, пословицах предлагает нам уникальное представление об окружающем мире. Язык — это мощное средство накопления, формирования знаний об окружающем нас мире. Однако каждый язык по-своему интерпретирует полученный опыт путем оценочных значений, имеющихся в лексике.

Язык позволяет говорить, думать, оперировать понятиями. Но каким образом у всех народов мира, невзирая на то, что история возникновения слов для выражения одного и того же предмета или явления

окружающего нас мира (например, стол, стул, дверь, окно, или абстрактные понятия как честность, вежливость, совесть и т.д.) имеют разные корни, разные мотивы возникновения, все же одинаково отражают принадлежность этих слов к предметам и явлениям окружающего нас мира?

Процесс взаимопонимания у людей, говорящих на разных языках, происходит по той причине, что истинной здесь выступает «соответствие наших представлений действительному положению вещей» [4, с. 105].

Человечество в своей практической деятельности семантизировало мир согласно его логике. Предметно-практическое отношение человека к природе всегда сопровождалось семантизацией — выделением значений предметов, их классов, свойств, отношений и т.д. с точки зрения человеческих потребностей. А это выделение значения того или иного предмета, его свойств и его отношений с другими предметами для человека... и есть процесс реально-практической семантизации [8, с. 104], с философской точки зрения.

С лингвистической точки зрения такой вид деятельности человека, как создание языковых единиц для названия окружающей нас действительности и формирования понятий о ней в форме слов, словосочетаний, фразеологизмов — это номинация, предмет теории которой является особой лингвистической дисциплиной. Именно эта дисциплина занимается изучением и описанием общих закономерностей образования языковых единиц, взаимодействием при этом языка и мышления, а также участие человека в выборе тех или иных признаков фрагментов действительности, лежащих в основе номинации.

Сегодняшний мир насыщен многочисленными событиями в разных сферах жизни человека, которые потрясают, впечатляют, изменяют характер взаимоотношений людей, преобразуют воззрения и восприятия происходящего вокруг нас. Это все находит свое отражение в языке, характеризующийся в последнее время преобладанием тенденции к экспрессивности высказывания, к оценке того или иного явления действительности, формирующий определенное поведение, суждение, отношение к тем или иным явлениям действительности.

Каждое новое (или воспринимаемое как новое) явление должно получить свое название. При этом не редко создается новое слово или используется диалектное, а также заимствованное иноязычное слово, приспособляется к слову, уже существующему в языке, которое определенным образом видоизменяет в таком случае прежнюю семантику.

Однако считается [9], что первичные процессы номинации, под которой обычно понимается соотношение отражаемого в сознании фрагмента внеязыкового ряда и звукоряда, впервые получающего функцию названия, явление редкое в современном мире. Все чаще и чаще наблюдаются изменения значения слова на основе аналогичных соотношений денотатов, взаимодействия различных видов значения (сигнификата) слова в пределах лексической системы конкретного языка (вопросы коннотации, валентности и т.д.), палитра которых стала шире и ярче в связи с тем, что появляются новые явления и ассоциации с ними. Ученые-лингвисты, занимающиеся проблемами номинации (М.И. Киосе, О.С. Ахманова, В.Н. Телия, Ж.А. Варздзелашвили, Ж. Баган, Я.Ю. Кравец и многие другие), называют этот процесс вторичной номинацией, при изучении которой существуют все еще спорные моменты. Под вторичной номинацией понимают либо неавтономную лексику, служащей в определенном контексте устоявшимся средством наименования референта [6], либо переосмысление готовых единиц с так называемой вторичной функцией [7, с. 20], либо вторичное значение слова, отличающегося от его естественного, обычного [1, с. 163], либо использование уже

имеющихся номинативных средств с новой функцией наречения [11, с. 129].

При этом различают как средства номинации (словообразование, семантическая транспозиция [9]), типы вторичной номинации (автономная и неавтономная), так и виды вторичной номинации. Что касается типов вторичной номинации, то их определения имеют разные обозначения, а именно: автономная = непрямая — это так называемая мотивированно-опосредованная направленность смысла (сигнификата) того или иного имени на действительность, ведущая к самостоятельной ценности единицы наименования.

Неавтономную номинацию некоторые ученые [11, с. 130] предлагают называть косвенной, характеризующуюся тем, что при именовании объекта смысл имени соотносится только с такими признаками в объекте, которые существенны для него относительно свойств некоего определенного объекта (или ряда объектов), уже закрепленных в другом наименовании.

В любом случае вторичной номинации — не прямой (автономной) или косвенной (неавтономной) — отношение наименований формируется во взаимосвязи четырех компонентов: действительность — понятийно-языковая форма её отражения — предшествующее структурно-семантическое значение языковой формы — языковая форма в её вторичной функции названия.

Более того, при изучении вторичной номинации производятся попытки ее классификации. Так В.В. Катермина [5] предлагает классификацию с учетом гендерного компонента, возрастного, семейного положения, социального статуса, профессии, с учетом цветового компонента и т.д. На наш взгляд, любую классификацию можно соотнести либо с внешней формой номинации, либо с ее внутренней формой.

Главным при этом является вопрос, какова природа вторичной номинации, что является побудительным стимулом переноса смыслового значения одного объекта (или нескольких объектов) и его (или их) существенных признаков, чтобы образовалось новое название. На наш взгляд, основой этого процесса является главным образом ассоциативный и социальный, опирающийся на общественный опыт, характер.

Аппарат косвенной (неавтономной) номинации считается наиболее гибким и универсальным инструментом номинативной деятельности, посредством которого человек может не только обозначать новые стороны или новые аспекты рассмотрения действительности, но и выражать тонкие и мельчайшие их подробности.

Доминантой в этом процессе является перенос (транспонирование), т.е. сдвиги значения слов, своего рода перенос наименования на другой объект на основе общих признаков денотата и референта.

Основными способами переосмысления вторичной номинации считаются метонимия и метафоризация. Именно в процессе метафоризации происходят резкие изменения семантического отношения за счет сближения двух разных понятий [3, с. 89], т.к. в тесном взаимодействии и определенном соответствии находится образно-метафорическое переосмысление в лексико-семантической и во фразеологической системах языка [10, с. 124], и в этом процессе, считает А. Д. Райхштейн, задействованы все структурные формы, в которых совершается метафоризация, а именно: простое, производное, сложное слово, словосочетание.

И если метафора информирует о внутрисистемных связях и отношениях нового образования с другими словами или целыми группами слов, то метонимия позволяет извлечь определенные свойства из уже имеющегося названия отраженной действительности в силу смежности со свойством нового обозначения. Но именно это отклонение языкового элемента от первичной функции и выполняет экспрессивную функцию. Экспрессивные формы речи, как известно, особенно ощутимы в лексике и фразеологии. В лексике немецкого языка экспрессивная номинация, как средство образного метафорического переосмысления, особенно сильно развита в сфере существительного, которое является второй по важности частью речи в немецком языке после глагола [15, с. 156].

Следует отметить, что более всего экспрессия языка присуща молодежи, стремящейся к самовыражению. Но в последнее время отмечается стремление политиков использовать в своих публичных выступлениях для достижения определенных целей экспрессивные средства, чтобы речь была колоритной, яркой, впечатляющей и воздействующей на публику, именно последнее является важнейшей функцией экспрессивных стилей. Среди известных экспрессивных стилей (торжественный, официальный, фамильярный, шуточный, насмешливый и т.д.) экспрессии лишен нейтральный стиль, относящийся к первичной номинации. Как устная, так и письменная речь приобретает экспрессивную окраску различными средствами: эмфатическими, лексическими, грамматическими. Экспрессивность, как сила проявления чувств и переживаний, влечет за собой оценку объекта при определенном эмоциональном отношении к нему. Экспрессивность слова определяется не только собственно языковыми факторами, но и главным образом социально закрепленной оценкой соответствующего явления. Существует ряд слов, которые

тяготеют к эмоционально-насыщенным контекстам [12, с. 140].

Естественным образом напрашивается вывод о роли оценочного момента в этом процессе, т.к. оценка того или иного объекта действительности или явления свойственна природе человека и является одной из форм отражения действительности. Можно с уверенностью сказать, что практически все лексические единицы могут выражать эмоциональную оценку в определенном контексте. Примером этому может служить целый ряд слов, так называемых «первичных», которые в определенном контексте используются как метафорические переносы одного из существенных признаков (как внешнего, так и внутреннего содержания) того или иного явления или предмета на другое явление или предмет:

- Fuchs — лиса (о человеке), хитрец, пройдоха
- Hase — трус (о человеке)
- Kavalier — в настоящее время получивший иронический оттенок
- Kadett — шуточно о парнях
- Kalb — взрослый человек как ребенок
- Koloss — гигант (о человеке)
- Aquarium — пляж
- Kasten — радиоприемник, телевизор
- Apparat — замена любого предмета, если он впечатляет и бросается в глаза
- Kanone — телеобъектив

В этой сфере выделяются также так называемые «производные»:

- Kähne — стоптанные туфли
- Äffer — подражатель
- Könner — «артист», умелец

Однако следует заметить, что в сфере экспрессивно-оценочной номинации (при использовании метафорического переноса признаков объектов) в немецком языке более развитыми ее формами являются сложные слова, например:

- Babykutsche — десткая коляска
- Babyschnaps — молоко для грудных
- Katzengedächtnis — короткая память
- Kaffeebruder, — tante, — schwester — любитель кофе
- Schafskopf — балда
- Waschlappen — размазня
- Schlafmütze — разина
- Maulaffe — зевака
- Missgeschöpf — урод (моральный)
- Schwachkopf — тупица

По характеру экспрессивности названные слова позволяют соотнести их к уже давно признанной классификации, а именно, на лексику с положительной или отрицательной оценкой, в первом случае — это большей

частью слова с шутовым оттенком, во втором случае — ироничные, презрительные.

Методом сплошной выборки из 10.000 словарных статей словаря

H. Küpper. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Band III, V, VI [14] было выделено 85 экспрессивно—оценочных существительных, появившихся в словарном составе немецкого языка с 1960 г., позволяющие разделить их на два стиля: литературный и разговорный с опорой на использование их в контексте в художественных произведениях современных авторов [13, 16], в основном молодежных, эмпирическим путем, а также на основе общения с носителями языка (немецкого).

Literarisch:

Abenteuerschinken — безвкусный приключенческий фильм

Adam— und Eva—Silo — многоэтажный дом с маленькими окнами

Ampelsalat — скопление светофоров

Antennenwald — скопление антенн

Angstbrötchen — завтрак перед работой, стоя

Backenkiete — жевательная резина

Brülldrüse — громкоговоритель

Damen—Ausschnittbüro — ателье (для пошива)

Dummenschule = Idiotengymnasium — вспомогательная школа

Ehemann—Ersatz — посудомойка

Gedankenfabrik — университет

Kriminalshmöker — безвкусный детектив

Lästerloge — балкон

Notenscheune — Берлинская филармония

Qualmapparat — курительная трубка

Quatschkästchen — телефонная трубка

Reichtrümmerstadt — Берлин

Schausport — телевидение

Seelentröster — алкоголь

Sonntagsdampfer — широкие туфли (домашние)

Umgangssprachlich:

Alteisen, Autoveteran, Selbstmordtank, Seifendose, Repräsentationskutsche

Wellblechente, Wellblechkiste — автомашина

Affenfleisch — консервы

Aspirinwagen — «скорая помощь»

Affengesicht — противогаз

Affenkäfig — камера заключения

Akademie — тюрьма

Bärenarsch — большой кусок ветчины

Bildkiste, Familientyrann, Kunststoffkiste, Schafgerät — телевизор

Kommode — телевизор

Blechmaul — мегафон

Bratkartoffelwerkstatt — кухня

Freudenhauspreis — высокая цена

Frostschutzmittel — алкогольный напиток

Gummiadler — велосипед

Intelligenzprothese — очки

Mordrad — мотороллер

Namensplakat — визитная карточка

Naturzahnbürste — яблоко после еды

Pantoffelkino — маленький кинотеатр

Panzerhemd, Rüstung — корсет

Pflasterbohrer — дамские туфли на высоком каблучке

Riesenkunstkiste — большой музей

Sandsteingebirge — многоэтажная гостиница

Schokolade — жевательный табак

Soldatenstall — казарма

Mordbahn — шоссе

Knipsgas — освещение

Postbauch — сумка почтальона

Linsmaschine — очки

Vaseline — жир

Augenfeuchter — фильм

Affenkind — самолет

Kraftstall — гараж

Eierfabrik — птицеферма

Intelligenzscheune — аудитория

Schwitzer — пиджак

Soldatenmedizin — йод

Musikbüfett — пианино

Tonkunstladen — консерватория

Maulkorb — платок

Gesundheitsfabrik — больница

Milchgarage — коровник

Straßenschlachter — грузовик

Flohgas — микроскоп

Spekuliermaschine — бинокль

Gewittertulpe — зонтик

Seelenquäler — роман

Giftstengel — сигарета

Tanzschaffe — танцевальное кафе

Tonmühle — магнитофон

Trinkwurst — колбаса с 80%—м содержанием жира

Wasserbude — киоск для продажи воды

Wasserdroschke — пассажирский пароход

Wassermücke — маленькая моторная лодка

Zwölftonschaffe — музыкальное произведение в современном стиле

При анализе выше приведенных примеров можно констатировать тот факт, что из известных морфологических структур образования сложных существительных (существительное + существительное; прилагательное + существительное; числительное + существительное; местоимение + существительное; предлог + существительное) основной структурой является существительное + существительное.

С семантико-синтаксической точки зрения в немецком языке наблюдаются большей частью определени-

тельные сложные слова (Attributive Zusammensetzung) и соединительные сложные слова (Kopulative Zusammensetzung).

Соединение двух, трех и более слов с нейтральной, лишенной эмоциональности «окраски» придает информации об отношении говорящего к тому или иному предмету эмоционально-экспрессивную окраску. Употребление последней обусловлено как речевой ситуацией, так и сферой определенного общения.

В основе воспроизводства подобных языковых номинаций заложен безусловно ассоциативный характер мышления человека, его эмоциональное отношение к миру, логика мышления, ироничность, находчивость, использование переносных значений слов, что создает не только эмоциональный фон в речевом акте, но и экспрессивность высказывания с сильным воздействием на реципиента.

Отличительным признаком немецкого языка в сравнении с другими языками является именно создание сложных существительных, каждый компонент которых четко отражает то или иное качество объекта.

Оценочная шкала при этом может быть представлена, как издавна принято среди людей, на основании двух признаков: положительная или отрицательная оценка, иногда сниженная, которая может приобрести ироничный или шуточный, а порой и презрительный оттенок.

Из приведенных лексических единиц, один из компонентов которых дает так называемую неодобрительную оценку, сниженной оценкой обладают 17%:

- Bärenarsch, m — большой кусок ветчины
- Brülldrüse, f — громкоговоритель
- Dummenschule, f =Idiotengymnasium, n — вспомогательная школа
- Gedankenfabrik, f — университет
- Kriminalschmöker, m — безвкусный детектив
- Lästerloge, f — балкон
- Notenscheune, f — Берлинская филармония
- Riesenkunstkiste, f — большой музей
- Sandsteingebirge, n — многоэтажная гостиница
- Linsmaschine, f — очки
- Gesundheitsfabrik, f — больница
- Milchgarage, f — коровник
- Straßenschlachter, m — грузовик

31% наделены шуточной оценкой, которая может претендовать быть положительной оценкой. Каждый из компонентов этих сложных существительных обнаруживает либо внешнее сходство с предметом, либо внутренних качеств, либо перенос общего признака с объекта первичной номинации на объект вторичной номинации: Affengesicht, n — противогаз,

Affenkind, n — самолет, Flohglas, n — микроскоп, Maulkorb, m — платок и т.д.

45% из приведенных примеров наделены ироничной, скорее отрицательной, оценкой. Для создания эмоционально-экспрессивного характера является индизонично образное наименование при помощи метафоры: Eierfabrik, f — птицеферма, Intelligenzscheune, f — аудитория, Soldatenmedizin, f — йод и т.д.

Следует отметить, насколько логично и метко в немецком языке соединяются несколько существительных, сохраняющих при этом внутренне значение первичной номинации при переносе их в категорию существительных вторичной номинации. Немецкий язык настолько логичен, что, зная перевод каждого из компонентов сложного существительного, можно почти безошибочно предположить перевод того или иного из них. Более того, исходя из принципов соединения разных существительных в одно, можно самому «создать» новое образование, т.е. присвоить слову вторичную номинацию.

Однако, не всегда логика может быть вспомогательным процессом при создании новообразований. Так, например,

Schwein haben — в значении — «человеку везет» может быть заменено собирательным понятием — *Glückspilz* — «счастливчик, баловень судьбы»; противоположное же ему значение — *Pech haben* — «человеку не везет» заменяется также собирательным значением — *Pechvogel* — неудачник. Но если идти по пути логики, то почему бы не образовать новое слово так же при помощи первого компонента *Schwein + Vogel*, получив при этом — *Schweinvogel*. Да потому что в природе такого явления не существует!

Следовательно, образование новых языковых единиц — процесс далеко не простой, требующий не только название и вычленение фрагментов окружающего нас мира, но он должен соответствовать нашим общепринятым представлениям о действительности. Ведь именование предмета происходит путем указания на его признаки (внутренние/внешние), т.к. само материальное существование предмета есть одновременно проявление его свойств при взаимоотношении с другими предметами. При этом может иметь место быть бесконечная цепочка высказываний, ограниченных определенными целями и потребностями участников коммуникативного акта.

Абсолютно справедливо экспрессивно-оценочная номинация рассматривается в контексте, в определенной ситуации, где и проявляется непосредственная реакция участников речевого акта на то или иное яв-

ление. Именно в процессе коммуникации рождается экспрессивно-оценочная номинация. Следуя разделению номинации на языковую и речевую, экспрессивно-оценочную номинацию можно больше отнести в речевой. В речевом акте выбираются ведь не только сами слова, а главным образом их значения, сочетания, то есть любые единицы, которые и обладают свойством воспроизводимости [2, с. 21]. Речевая номинация всегда ситуативная, событийная, всегда мотивирована, и выбор всегда неизбежен, в то время как в языке выбора нет. У речевых номинаций номинатом является денотат, объективно заданный говорящему, у языковых же номинаций номинатом служит сигнификат как результат условного членения мира данным языковым коллективом.

Затрагивая вопрос о функционально-стилевой закреплённости эмоционально-экспрессивно окрашенных существительных в лексической системе немецкого языка, то можно разделить их, как было выше указано, на лите-

ратурный (книжный), разговорный, фамильярный, вульгарный и другие стили. Так, например, значения слова «автомашина» — *Selbstmordtank*, *Seifendose* — можно отнести к жаргонизмам, равным образом и слова — *Dummschule=Idiotengymnasium* — вспомогательная школа, *Ehemann-Ersatz* — посудомойка.

Фамильярным оттенком наделены слова — *Bratkartoffelwerkstatt* — кухня, *Intelligenzbrille* — очки и многие другие.

Следует констатировать тот факт, что экспрессивно-оценочная номинация недостаточно исследована в настоящее время в лексической системе языка в силу того, что нет определенных критериев выделения экспрессивного значения слов, которое происходит зачастую эмпирическим путем. Экспрессивно-оценочную номинацию целесообразно исследовать главным образом во взаимосвязи с социальной обусловленностью ее образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига. 2007. 576 с.
2. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М.: Просвещение. 1979.
3. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке. В кн: Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука. 1976.
4. Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. М.: Политиздат. 1985.
5. Катермина В. В. Номинация человека в лексике и фразеологии. [Электронный ресурс] — <http://www.studbooks.net> (май 2018).
6. Киосе М. И. Техника и параметры непрямого наименования в тексте. [Электронный ресурс] — <http://www.eling-ran.ru> (май 2018).
7. Лобанов И. Б. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов/ И. Б. Лобанов. М.: Академический проспект. 2007.
8. Матяш Т. П. Сознание как целостность и рефлексия. Ростов-на-Дону: Из-во РГУ. 1988. 184 с.
9. Номинация. [Электронный ресурс] — <http://www.tapemark.narod.ru> (май 2018).
10. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа. 1980.
11. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды. Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977
12. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука. 1973.
13. Christine Nöstlinger. Die Ilse ist weg. — Langescheidt. Goethe-Institut. 1997.
14. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Band III, V, VI, Hamburg, 1967.
15. Maskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. — М.: Hochschule, 1971.
16. Zebrastreifen. Neue deutsche Literatur. Goethe-Institut, Moskau, 2003/2004.

© Коляда Наталья Александровна (vz1612@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕРМИНЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ: СПЕЦИФИКА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ И ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

TERMS OF LITERARY STUDY IN AN EXPLANATORY DICTIONARY: THE PECULIARITY OF STYLISTIC LABELS

A. Kuzmina

Summary. The article is devoted to the question of lexicographical representation of literary terms in an explanatory dictionary. The most common and the most popular explanatory dictionary of the twentieth century, the «Explanatory dictionary of Russian language» by S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova was used as a research material. The author has selected all lexemes that relate to the terminological system of literary study from this lexicographical work by the method of continuous sampling. The aim of the study is to identify and describe the lexicographical difficulties and opportunities that arise in the stylistic characteristics of this class of lexemes.

Keywords: Terms of literary study, explanatory dictionary, lexicography, stylistic labels, «occasional» notes.

Кузьмина Алла Васильевна

*К. филол. н., доцент, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)
kouzmina.a.v@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросу лексикографического представления терминов литературоведения в толковом словаре. В качестве материала исследования был использован самый массовый и самый популярный толковый словарь XX века — «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Методом сплошной выборки из этого лексикографического издания были выбраны все лексемы, которые относятся к терминосистеме литературоведения. Цель осуществленного исследования — выявление и описание лексикографических трудностей и возможностей, которые возникают при стилистической характеристике указанного класса лексем, а также при толковании их значений в пространстве толкового словаря.

Ключевые слова: Термины литературоведения, толковый словарь, лексикография, стилистические пометы, «оказиональные» пометы, толкование значений, метод ступенчатой идентификации.

Неоспорима роль толковых словарей как в духовной жизни общества, так и в развитии отдельной личности. Поскольку «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее СОШ) является самым массовым и самым тиражным словарем в русской толковой лексикографии, рассмотрим на его материале, какие трудности возникают при лексикографической интерпретации литературоведческих терминов.

В толковом словаре специальная лексика разрабатывается обычно на уровне той терминологии, которая представлена учебниками и пособиями для общеобразовательной средней школы, научно-популярной литературой и массовой печатью. Как отмечает Л. П. Крысин, из специальных терминов в словник толковых словарей попадают те, «которые вошли и входят в общее употребление, не теряя своего терминологического значения» [Крысин 2008: 126]. При этом установленное по специальным источникам определение термина нужно «перевести» на литературный язык, используемый при описании слов в толковом словаре.

С целью выявления терминов литературоведения из СОШ методом сплошной выборки были выделены те лексемы, в толковании значений, которых один или

более семантический компонент эксплицировал отнесенность к терминосистеме литературоведения. В результате этого был сформирован словник объемом в 364 единицы для дальнейшего исследования [Швец 2005].

Анализ выделенных слов и их дефиниций показал, что при лексикографической интерпретации литературоведческих терминов в толковом словаре обнаруживаются определенные проблемы. Рассмотрим некоторые из них.

Пометы. Напомним ещё раз о том, что толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой включает в себя 364 единицы литературоведческого характера.

Представляя собой лексические единицы, одно или несколько значений которых имеет терминологический характер, отобранные слова при подаче в толковом словаре рядом с терминологическим значением должны были бы иметь помету (*спец.*), указывающую на принадлежность этого класса лексем к определенному кругу научного употребления. Однако в анализируемом толковом словаре из 364 единиц пометы имеют только 61 (17%). Рассмотрим, какие именно пометы сопутствуют лексикографическому представлению терминов литературоведения:

- ◆ помета (**спец.**) встречается в толковании 33 слов (например, *амфибрахий*, *анapest*, *антитеза* (1), *метафора* (1), *метонимия* (1), *метр*², *мотив*² (2), *октава* (3), *пролог*, *рефрен* (1), *рифмовать* (1), *рифмоваться*, *рондо*, *синекдоха*, *спондей*, *терцет* (2), *тонический*¹, *трехдольный*, *трехстопный*, *троп*, *фоника*, *хорей*¹, *экспозиция* (2), *эпиталама*.);
- ◆ помета (**книжн.**) сопутствует значению 18 слов (например, *аллегория*, *анахронизм* (2), *арабеска* (2), *интрига* (2), *панегирист*, *сарказм* (1), *символика* (1), *фабула*, *эвфемизм*);
- ◆ 7 слов содержат в своем толковании помету (**устар.**), которая хоть и относится к стилистическим пометам [Емельянова 2002], но указывает не столько на специальную сферу употребления, сколько на историческую перспективу значения (*бытописание*, *варваризм*, *панегирик* (1), *сочинитель* (1), *стихотворец*, *стихотворство*, *тенденция* (2));
- ◆ 2 слова имеют двойную помету (**устар. и высок.**) (*песнь* (1), *слово*(5));
- ◆ 1 слово имеет помету (**высок.**) (*творение*).

Однако даже в такой «разногласице» стилистических помет прослеживается определённая логика их использования. Так, бо́льшая часть слов, одно из значений которых имеет помету (*спец.*), является однозначными и представляет собой стиховедческие термины. Помета (*книжн.*) преобладает у слов междисциплинарного характера, многозначность которых демонстрирует широту их употребления. Помета (*устар.*) свидетельствует, что некоторые лексемы воспринимаются современным носителем языка (неспециалистом) как устаревшие, выходящие из живого употребления, в ряде случаев являющиеся архаизмами по отношению к их современным синонимам (например, *сочинитель* — *писатель*, *тенденция* — *идея*).

Интересно то, что остальные литературоведческие термины (301 единица, 83%) даны в СОШ без помет, но считать их общеупотребительными было бы ошибочным, поскольку функционирование большинства из них в устной и письменной речи имеет все же ограниченный характер. Анализ словарных статей показал, что единообразие в подаче лексикографического материала не всегда выдерживается даже при описании одной группы семантически близких единиц. Так, микропарадигма в пределах группы «стихотворный размер» толкуется в словаре следующим образом:

Амфибрахий (спец.). Трёхсложная стихотворная стопа с ударением на втором слоге.

Анапест (спец.). Трёхсложная стихотворная стопа с ударением на последнем слоге.

Дактиль. Трёхсложная стихотворная стопа с ударением на первом слоге.

Хорей¹ (спец.). Двухсложная стихотворная стопа с ударением на первом слоге.

Ямб. Двухсложная стихотворная стопа с ударением на втором слоге.

Непоследовательность подачи материала очевидна: каждое из этих слов является терминологической единицей, которую следовало бы обозначить пометой (*спец.*). Однако у двух слов (*ямб* и *дактиль*) помета отсутствует. Полагаем, этот факт вряд ли говорит о том, что слова *амфибрахий*, *анapest* и *хорей* находятся на периферии литературного языка, а слова *ямб* и *дактиль* являются стилистически нейтральными.

Отсутствие пометы в некоторых словарных статьях компенсируется за счет указания в структуре толкования на сферу употребления слова: *в искусстве*, *в литературоведении*, *в стихосложении*, *в фольклоре*. Подобные стилистические ремарки, помещённые перед толкованием слов, в отечественной лексикографии являются одним из распространенных способов стилистической характеристики лексических единиц. Вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым подобные стилистические комментарии называют «несистемными» или «оказиональными» пометами [Верещагин, Костомаров 1973].

Рассмотрим, каким образом выглядят эти стилистические ремарки в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Анализ лексикографической интерпретации литературоведческих терминов позволяет говорить о том, что в словаре насчитывается 45 дефиниций, в состав которых входит подобная информация. Исследование материалов толкового словаря позволило выделить следующие виды пояснений:

- ◆ **«в искусстве»** (*авангардизм* (2), *гротеск*, *классицизм*, *романтизм*(1), *юмор* (2));
- ◆ **«в области искусства»** (*художник* (1));
- ◆ **«в искусстве, эстетике и других гуманитарных науках»** (*формализм* (2));
- ◆ **«в литературе и искусстве»** (*декадентство*, *натурализм* (1), *символизм*, *футуризм*);
- ◆ **«в русской литературе»** (*акмеизм*, *имажинизм*);
- ◆ **«в литературоведении»** (*сказ* (2));
- ◆ **«в стихосложении»** (*гекзаметр*, *дольник*, *ритмика* (2), *стопа*², *цезура*);
- ◆ **«в поэтике»** (*гипербола*¹, *эпитет*);
- ◆ **«в стихе»** (*метр*², *рифмовка* (2));
- ◆ **«в фольклоре»** (*былевой*);
- ◆ **«в народной словесности»** (*зачин* (2),
- ◆ **«в народном творчестве»** (*небылица* (2));
- ◆ **«в народной сказке»** (*присказка* (1));
- ◆ **«в художественной речи»** (*звукопись*);
- ◆ **«в художественном произведении»** (*образ*¹(5));

- ◆ «в пьесе» (ремарка (2), роль¹(1,3);
- ◆ «в сценическом диалоге» (реплика (2);
- ◆ «в литературном и сценическом произведении» (сюжет);
- ◆ «в старину» (жизние (2), раек(1);
- ◆ «у древних кельтов» (бард(1).

Встречающиеся в толковом словаре уточнения неравноценны с точки зрения тех границ употребления, которые они эксплицируют. Наблюдаются сверхобщие пояснения, объединяющие сразу несколько областей и имплицитующие междисциплинарный характер слов, выражающих литературоведческие понятия: «в искусстве, эстетике и других гуманитарных науках», «в литературе и искусстве», «в искусстве», «в литературном и сценическом произведении». Оставшиеся уточнения, имеющие более частный характер, отражают литературоведческие подсистемы, выделенные на родо-видовых основаниях: в литературоведении → «в стихосложении», «в поэтике», «в фольклоре», «в пьесе». Между тем, среди этих уточнений есть и совпадающие в плане содержания, дублирующие друг друга (например, «в фольклоре» и «в народном творчестве»).

Толкование. Толкование обращено к слову и к языку, поэтому его главное назначение состоит в том, чтобы ввести новое слово или термин в язык коллектива или индивидуума, а также раскрыть значение нового или недостаточно понятного слова. Для нас это особенно важно, так как существуют широчайшие круги читателей, которым толковый словарь необходим прежде всего как современный практический справочник, находящийся всегда под рукой (Шведова 1981: 166).

Исследование словарных дефиниций свидетельствует о преобладании (70%) такого способа толкования слов, как определение через указание более широкого класса, что даже в нетерминологическом словаре поддерживает системный характер терминологической лексики. Анализ толкований с помощью метода ступенчатой идентификации свидетельствует, что исследуемая лексика обнаруживает многоступенчатость включения, последовательность выделения классов и подклассов: *водевиль, элегия(2)...* → *пьеса...* → *драматическое произведение...* → *драма...* → *род литературных произведений...* и так далее. Вот, например, как представлена в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой лишь одна из ступеней этой системы:

Водевиль [дэ], -я, м. Короткая комическая пьеса, обычно с пением. || прил. водевильный, -ая, -ое.

Элегия, -и, ж. 2. Музыкальная пьеса задумчивого, скорбного характера. || прил. элегический, -ая, -ое.

Пьеса, -ы, ж. 1. Драматическое произведение для театрального представления.

Таким же образом представлены в словаре около 200 анализируемых лексем (54%). Однако дефиниции оставшихся единиц (а это чуть меньше половины от общего числа представленных литературоведческих терминов) демонстрируют отступления от общей логики подачи материала, поскольку необходимый идентификатор или отсутствует, или заменен другим, эксплицитно не манифестирующим связь лексемы с данным полем. Рассмотрим следующие микропарадигмы:

микропарадигма «изречение»: афоризм, поговорка; микропарадигма «выражение»: аллегория(2), загадка(1), иносказание, перифраз/перифраза, поговорка, прозаизм;

микропарадигма «слово или оборот речи»: архаизм(1), варваризм(1), диалектизм, троп, фигура(7); микропарадигма «фигура тропа»: метафора(1), метонимия(1);

микропарадигма «слово или выражение»: вульгаризм, гипербола¹, сравнение, эвфемизм;

микропарадигма «насмешка»: сарказм, ирония;

Не вызывает сомнений, что лексические единицы, объединенные в пространстве словаря общим идентификатором «слово или выражение» (вульгаризм, гипербола¹, сравнение, эвфемизм) относятся к различным тематическим группам: гипербола¹ и сравнение являются видами тропов, тогда как вульгаризм и эвфемизм представляют собой лексические средства художественной речи. Последующее сопоставление единиц анализируемой микропарадигмы с лексемами, имеющими в качестве идентификаторов «выражение» (аллегория(2), загадка(1), иносказание, перифраз/перифраза, поговорка, прозаизм), «слово или оборот речи» (архаизм(1), варваризм(1), диалектизм, троп, фигура(7), «фигура тропа» (метафора(1), метонимия(1) показывает, что эти микропарадигмы, оставшиеся в СОШ вне СП «литературоведение», представляют собой 2 смешанные лексико-семантические группы, о чем свидетельствуют не только общие семантические компоненты, но и словообразовательные форманты:

ЛСГ «тропы»: аллегория(2), гипербола¹, иносказание, метафора(1), метонимия(1), перифраз/перифраза, сравнение;

ЛСГ «лексические средства художественной речи»: архаизм(1), варваризм(1), вульгаризм, диалектизм, эвфемизм.

Выявленные проблемные зоны лексикографического представления терминов литературоведения очевидны. Однако необходимо отметить, что рассмотренные примеры не столько демонстрируют рассогласованность определения терминологических единиц в толковом словаре, сколько доказывают чрезвычайную сложность создания словарных толкований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Окказиональные пометы в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (К определению места безэквивалентной лексики в современном русском литературном языке) // Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — С. 218–231.
2. Емельянова О.Н. Стилистическая составляющая лексикографического описания // Вестник Красноярского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Красноярск, 2002. — № 2. — С. 139–140.
3. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — 320с.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1998.
5. Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык: Проблемы художественной речи, Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения, IX–X. — М.: «Наука», 1981. — С. 168–179.
6. Швеиц А.В. «Наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности: Автореф. дис. канд. филол. наук. — СПб., 2005.

© Кузьмина Алла Васильевна (kouzmina.a.v@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА ВЬЕТНАМА В РОССИЙСКИХ СМИ

Ле Лан Нгок

*Российский государственный социальный университет; Российский университет дружбы народов
rus.lanngoc@gmail.com*

IMAGE OF VIETNAM'S POLITICAL LEADER IN RUSSIAN MEDIA

Le Lan Ngok

Summary. Modern society is characterized by a high degree of instability. On the one hand, this is due to the peculiarities of the transitive stage of development of society. On the other — the processes of global transformation that affect the country as part of the world community. As historical experience shows, during periods of social instability the role of random factors and their impact on the social system increases. One of these factors is often the activity of a certain historical person who has outstanding abilities. Precisely to number of such prominent personalities blamed so-called «charismatic», which empowered, according to their followers, extraordinary abilities. The actions of such persons are often unpredictable, but for the stable existence of society it is necessary to identify such people, study and predict their impact on social processes. Accordingly, the main objectives of this article is to determine the main characteristics and features of the charismatic leader of Vietnam in the Russian media, to identify the factors affecting the degree of political charisma.

Keywords: political leader, image, charismatic leader, global transformation, social system.

Аннотация. Современное общество характеризуется высокой степенью нестабильности. С одной стороны, это обусловлено особенностями транзитивного этапа развития общества. С другой — процессами глобальной трансформации, которые влияют на страну как на часть мирового сообщества. Как показывает исторический опыт, в периоды социальной нестабильности усиливается роль случайных факторов и их влияние на социальную систему. Одним из таких факторов часто выступает деятельность определенной исторической личности, которая обладает выдающимися способностями. Именно к числу таких выдающихся личностей относят так называемых «харизматиков», которые наделены, по мнению их последователей, чрезвычайными способностями. Поступки таких лиц часто непредсказуемы, однако для стабильного существования общества необходимо выявлять таких людей, изучать и прогнозировать их влияние на общественные процессы. Соответственно, основными задачами данной статьи является определение основных характеристик и особенностей харизматического лидера Вьетнама в российских СМИ, выявление факторов, влияющих на степень политической харизматичности.

Ключевые слова: политический лидер, имидж, харизматический лидер, глобальная трансформация, социальная система.

В истории философии прослеживается постоянный интерес к так называемым выдающимся личностям. Первый шаг в изучении этого феномена был сделан уже античными философами (Платоном, Аристотелем и др.). Древние мыслители пытались выявить источник возникновения этого качества. Представители следующих эпох тоже обращались к проблеме исключительных личностей. Здесь можно вспомнить произведения Н. Макиавелли и Дж. Вико (в эпоху Возрождения), Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Канта, Г.В.Ф. Гегеля и Л. Фейербаха (классический период развития философии), Ф. Ницше, А. Бергсона, Дильтея и Х. Ортеги-и-Гассета (в постклассическую эпоху). В частности, Ницше анализировал источник одаренности «сверхлюдей», их внутриличностные особенности и ценностные ориентации. М. Вебер в своей работе «Хозяйство и общество» обратился к анализу роли харизматичной личности в истории человечества. М. Вебером также были заложены концептуальные основы теории харизматической личности и ее взаимосвязей с остальной частью социума.

Харизматичные деятели привлекают внимание и современных зарубежных и отечественных исследо-

вателей. Например, С. В. Пахомов изучает особенности деятельности харизматической личности в религиозной сфере; К. С. Гаджиев и О. Сосланд исследуют особенности деятельности носителей харизмы в сфере политики; А. Калабин изучает специфику эффективного лидерства и управления крупными организациями, а В. И. Спиридонова рассматривает роль харизматической личности в условиях нестабильных обществ и тому подобное.

Общественное сознание неоднозначно воспринимает феномен харизматического лидерства. Различные социальные слои, выделяя из своих рядов лиц с харизматическими способностями, ставят к ним собственные, часто противоречивые требования. Если одни видят в определенном харизматическом человеке мессию, способного указать человечеству, которое заблудилось, выход из сложной ситуации, то другие считают ту же лицо шарлатаном или сумасшедшим. Поэтому феномен харизматического лидерства требует философского и научного анализа. В частности, следует исследовать как причины возникновения харизмы, так и способы проявления харизмы в общественной среде.

М. Вебер, который первым начал научное исследование феномена харизматического лидера, предложил следующее определение харизмы: «харизмой следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям. Она рассматривается как посланная Богом или как образец» [2, с. 92].

Современные исследователи отмечают, что харизма имеет несколько структурных компонентов: психологический, коммуникативный, имиджевый и мистический. Психологическая составляющая — это структура личности человека, комплекс черт его характера, привычек и т.д. Эту составляющую трудно менять, она дается человеку от природы. Коммуникационную составляющую можно усиливать, развивая навыки общения. Возможно, например, научиться публично выступать, «зажигать» и вдохновлять людей во время своих выступлений, выстраивать специфические отношения внутри коллектива — систему подчинения и реализации власти. Имиджевая составляющая — это то, что о лидере думают люди, на которых он пытается повлиять. Она наиболее легко меняется даже в короткие промежутки времени.

Харизматический лидер всегда должен сохранять внешнее спокойствие, ему нельзя демонстрировать свою слабость и обычные человеческие эмоции. Гневный крик, истерика, паника явно не относятся к поведенческому арсеналу лидера, у которого ситуация всегда под контролем. К тому же харизматическому лидеру запрещено жаловаться. Сетую на несправедливость судьбы или на нерадивого подчиненного (коллегу), он убивает уважение к себе в глазах своих сторонников.

Харизматический лидер всегда отбирает среди своих сторонников нескольких человек, на которых может положиться в сложной ситуации. Это ближайший круг составляет от трех до десяти человек, которые непосредственно общаются с лидером, только от него получают приказы и только перед ним отчитываются. Основная функция таких лиц — трансляция харизматической пропаганды лидера вниз по ступенькам иерархии группы и во внешний мир.

Возникает вопрос — харизма является естественной способностью, или приобретается в течение жизни? Традиционно, со времен Вебера, сложилось мнение, что она является врожденным качеством. Но в современном социальном пространстве появились различные тренинги, семинары, книги, которые

учат как за определенный промежуток времени стать харизматичным. Дело в том, что можно создать имидж с помощью формальных приемов или средств массовой информации.

Харизма является определенным даром (одаренностью), однако она, как и любое другое человеческое качество, может быть обнаружена в слабой, средней или в большой степени. Есть харизма у определенного человека или нет, могут определить лишь те люди, которые ее окружают. Если же перед нами стоит задача определить, есть ли харизматическая пропаганда, то мы должны ответить на следующие вопросы:

- ◆ Пользуется он уважением у своих подчиненных?
- ◆ Способен ли он убедить людей в своей правоте?
- ◆ Обеспечивает ли защиту своему окружению?
- ◆ Что видят в нем люди, которые его окружают?
- ◆ «Горят ли у него глаза», когда он говорит о цели своей организации?

Каждое «да» из этого списка можно оценить в «двадцать харизматичных процентов». Если ответы на все вопросы положительные, тогда можно сказать, что харизматическая пропаганда присутствует в полной мере. Проявление харизматической пропаганды осуществляется по алгоритму, для запуска которого она должна иметь факторы, которые требуют ситуация, усиливаться энергией и восприниматься другими людьми. Она постоянно должна подкрепляться успехами, иначе происходит ее рутинизация, то есть харизматическая пропаганда становится чем-то обыденным, обычным в глазах общественной массы. Харизму укрепляет борьба за власть, которая реализуется через преодоление препятствий и кризисов. И, соответственно, она ослабляется после того, как ситуация нормализуется. Поэтому, если харизматический лидер хочет сохранить авторитет в течение длительного промежутка времени, то он «должен создать упорядоченную социальную структуру и обслуживающую ее систему законов» [7, с. 19].

Если рассматривать конкретные примеры харизматического лидера, то нельзя не упомянуть вьетнамского лидера Хо Ши Мина. Если рассматривать имидж Хо Ши Мина в российской прессе, то можно увидеть, что он представляется образованным человеком, который радует за свою родину.

Также, Хо Ши Мин показывается как прогрессивный лидер, который смотрит в будущее и настойчиво к нему идет. В колледже он присоединился к патриотической кампании и активно участвовал в антиколониальной демонстрации. Хо Ши Мин верил в пропаганду французов, что именно их культура максимально подходит для того, что сделать Аннам свободным.

С 1925 года в течение двух лет Хо Ши Мин работал переводчиком советского консульства в Кантоне (Китай). Именно в этот период он организовал Товарищество революционной молодежи Вьетнама.

В 1941 году в оккупированном японцами Индокитае Хо Ши Мин основал и возглавил Лигу борьбы за независимость Вьетнама (Вьетминь), которой удавалось сотрудничать с Управлением США (предшественником ЦРУ) и с Китаем против Японии. После капитуляции Японии в 1945 году Вьетминь взял власть в Индокитае в свои руки, а главой независимого правительства Индокитая стал Хо Ши Мин.

Будучи премьер-министром Северного Вьетнама в 1946–1955 годах, Хо Ши Мин находился под контролем коммунистов Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама в его борьбе за свержение правительства на Юге, которое поддерживали США. В 1955 году Хо Ши Мин стал президентом Северного Вьетнама. Ему удалось лавируя между СССР и Китаем, получать помощь от обоих государств, несмотря на разногласия между Москвой и Пекином.

В 1959 году снова начался вооруженный конфликт, так как коммунистические партизаны, известные как Вьетконги, начали наносить удары по целям (включая военные объекты США) в Южном Вьетнаме. Вьетконг обратился за помощью к Северному Вьетнаму, и в июле центральный комитет Хо Лао Донга (Рабочая партия) проголосовал за то, чтобы установить социализм на Севере для объединения с Югом.

На этом же заседании Хо уступил свою позицию генерального секретаря партии в Ле-Дуань. Он оставался номинально главой государства Северного Вьетнама во время войны во Вьетнаме, но занял более закулисную роль. Для его людей «дядя Хо» также оставался важным символом объединения Вьетнама. США продолжали наращивать поддержку Южного Вьетнама, направляя экономическую помощь и начиная с декабря 1961 года — военные войска. Американские воздушные удары по Северному Вьетнаму начались в 1965 году, а в июле 1966 года Хо послал народу страны сообщение о том, что «ничто так не роднит сердце вьетнамцев как независимость и освобождение». Это стало девизом северо-вьетнамского дела.

С началом бомбардировок американцами Северного Вьетнама в 1965 году, Хо Ши Мин занял позицию борьбы и отказа от любых переговоров в условиях продолжения военной агрессии. В стране он стал символом борьбы за независимость, будучи политиком, оказав наибольшее влияние на ход истории Вьетнама и всего национально-освободительного движения XX века.

Одновременно с этим Хо Ши Мин оставался достаточно скромным и непривередливым человеком. Возможно, именно это привлекало к нему внимание народа: смесь сильного лидера, который готов для своего народа на все и одновременно аскетичность и отказ во благих для самого себя.

Заключение

Харизматичная личность всегда стремится захватить лидерские позиции. Лидер-харизматик всегда человек протестующий, который стремится изменить ситуацию, выполняет функцию преобразователя мира. Харизматичная личность предлагает свое собственное понимание иерархии ценностей, морали и идеологии. Харизматический лидер, служит самому себе, он одновременно он является слугой какой-то чрезвычайной («сверхценной») идеи и вождем той группы, которая за ним движется. Такой лидер отказывается от жизненных радостей и благ ради воплощения в жизнь своих желаний и идей. Но, вместе с тем, нельзя быть харизматичным лидером для всех людей сразу, и такой индивид становится авторитетом для большей или меньшей группы, выступающей оппозицией относительно других групп, и стремится навязать им свои цели.

Для проявления харизматичного лидера необходимо, чтобы в обществе была проблемная ситуация, и чтобы к способу выхода из этой проблемной ситуации правящей элитой общества значительная часть населения относилась критически. В таком случае харизматичный лидер рассматривается его последователями как проводник из «темного прошлого» в «светлое будущее». Харизматический лидер всегда находится в поисках, он пытается реализовать свою цель любыми средствами, он способен взять и берет на себя ответственность.

Харизматик заинтересован в наличии большого количества последователей, слепо подчиняющихся ему, соответственно, он стремится объединить и сплотить вокруг себя группу или коллектив людей. Но для того, чтобы социальная группа работала на лидера, ему необходимы собственная идеология и четко определена миссия, соответственно, у него должна быть регламентирована цель и задачи. Харизматический лидер является идеальным вождем, за ним следуют не из чувства долга или внешнего принуждения, а потому что верят в него и доверяют ему. Ради таких людей их последователи сами проявляют инициативу, пытаются преодолеть самих себя, поскольку в них подсознательно возникает желание стать такими же великими как их лидеры. Руководствуясь слепой верой в вождя, последователи харизматиков способны на самопожертвование, для того чтобы приблизить приход «светлого будущего».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриза О. Имидж мужчины. — М.: Говорящая книга, 2015. — 120 с.
2. Бухаркова О. В. Имидж лидера. Технология создания и продвижения. Тренинговая программа. — СПб.: Речь, 2017. — 222 с.
3. Горчакова В. Г. Имидж. Искусство и реальность. — М.: Юнити-Дана, 2016. — 280 с.
4. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа. Стратегия. Психотехнологии. Психотехники. — М.: Омега-Л, 2016. — 272 с.
5. Перельгина Е. Б. Закономерности формирования имиджа как феномена интерсубъективного взаимодействия. — М.: Айтекс, 2015. — 160 с.
6. <http://konkurent.ru/article/17124>
7. <https://persons-journal.com/journal/721/761>
8. <https://www.segodnya.ru /krymckie-zabavy-hencekov.html>

© Ле Лан Нгок (rus.lanngoc@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА НАЧАЛА XXI ВЕКА

PHONAESTHETICS IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY

T. Lukankina

Summary. This article is devoted to the analysis of phonaesthetics peculiarities in the modern Russian poetry. The source material for the article is taken from the poetry of T. Kibirov, D. Bykov, B. Polozkova, I. Kabysh, who are well-known poets. Their works are popular among Russian readers and represent all the features of the modern Russian poetry as a whole. Not only are means of euphony chosen as an object of analysis in this article, but also means of prosody. This is determined by the idea that the harmony of a poem is formed by a whole range of means: rhythm and meter, intonation (made by the means of different syntactic devices), rhyme, means of euphony (alliteration, assonance). There is a close interaction between form and substance in the poetry, that cause the form to enrich the substance. Both traditional and modern means of phonaesthetics can be find in the poems of the poets specified above, these means interact with Russian poetic tradition and enrich it in the same time.

Keywords: Phonaesthetics, euphony, rhythm, meter, intonation, alliteration, rhyme, masculine and feminine rhyme, phonaesthetics means, modern Russian poetry.

Луканкина Татьяна Александровна

*Аспирант, Казанский федеральный университет
tatianaalehina@yandex.ru*

Аннотация. В статье производится анализ особенностей поэтической фонетики современного русского стиха на материале стихотворений Т. Кибирова, Д. Быкова, В. Полозковой и И. Кабыш. Данные поэты являются известными авторами, чье поэтическое творчество в данный момент достаточно востребованно среди читателей, кроме того, стихи данных поэтов отличаются особенностями, характерными для современного русского стиха в целом. Объектом анализа выступают как средства просодии и эвфонии в стихах выбранных поэтов, так и средства стихологии, так как звучание стиха определяется целым комплексом средств: ритмом и метром, интонацией, создаваемой разного рода синтаксическими приемами, различными видами созвучий и звуковых повторов (аллитерации, ассонансы, рифма). Для поэтического языка характерно тесное взаимодействие между формой и содержанием, при котором форма, в том числе звучание, начинает выступать как часть содержания, обогащая его и конкретизируя. В современной поэзии, прежде всего, в творчестве представленных авторов, используются как традиционные средства поэтической фонетики, так и более новые, что позволяет взаимодействовать с русской стихотворной традицией, одновременно подерживая и обогащая её.

Ключевые слова: Поэтическая фонетика, эвфония, ритм, метр, интонация, аллитерация, рифма, клаузула, фонетические средства выразительности, современная российская поэзия.

Поэтическим языком называют язык художественной литературы, т.е. тот набор особых средств языка, при помощи которого объективируется словесное искусство. В отношении литературы как вида искусства язык выступает таким же средством материализации, как краски для живописи или звук для музыки.

Согласно И. А. Бодуэну де Куртене, язык как таковой представляет собой совокупность, части которой связывают между собой отношения звучания, формы, значения и т.д. [2] Нужно отметить, что если звучание языка в повседневном его употреблении может быть связано с его значением достаточно слабо, то звучание поэтического языка неотделимо (или, во всяком случае, должно быть неотделимо) от его значения. Для поэтической речи форма (каковой является звучание) представляет неотъемлемым элементом содержания.

Исследователь В. А. Богородицкий, относящийся к Казанской лингвистической школе, выдвинул положение об «ассоциативной сущности речевой деятельности». Эта идея ему определить общую тенденцию в развитии языков — «стремление к экономии духовных сил и удобству памяти» [2]. Если отнести данную мысль к по-

этическому языку, то можно указать на следующее: для поэтического языка тесная связь формы и содержания и его ассоциативность связаны не столько с экономией духовных средств, сколько к расширению, обогащению содержания за счёт формы, что касается, в том числе, звучания поэтического текста как такового. Таким образом, фонетические средства, используемые в стихе, обогащают его содержание.

Анализ фонетических средств языка, которые используются в поэтической речи, прежде всего, в стихах, представляет интерес, так как показывает особенности взаимодействия формы и содержания в стихе. При этом с течением времени и с развитием русского стиха особенности использования фонетических средств может меняться: какие-то из них могут становиться более частотными, другие терять свою значимость [3], потому анализ особенностей поэтической фонетики современного русского стиха, т.е. произведений, созданных уже в XXI веке, представляется актуальным.

Итак, объектом изучения поэтической фонетики являются приёмы использования различных звуковых сочетаний в поэтической речи, которые способствуют передаче различных чувств и мыслей [7].

Анализу поэтического языка, в частности, поэтической фонетики, свои работы посвятили многие исследователи, причём сложность изучения функций фонетических приёмов в стихе также отмечалась многими. Причём некоторые исследователи, как, например, Б. В. Томашевский, указывали на недостаточную изученность форм звуковой организации стиха, что мешало созданию стройной теории эвфонии [8], то другие учёные, например современник Б. В. Томашевского Б. И. Ярхо, расширяли понимание поэтической фонетики, включая в неё не только собственно эвфонию, но и просоди и стихологию, используемые в эстетических целях [10]. Б. П. Гончаров, развивая данное положение, указывает, что «проблема звуковой организации отнюдь не ограничивается рифмой и звукописью; звуковыми элементами стиха выступают и ритм, и интонация» [4]. Усиление звукового начала в стихе подразумевает, что при анализе стихотворения учитываются также ритм и интонация, которые обычно не рассматриваются при анализе особенностей прозаического текста [5]. В данном исследовании мы будем придерживаться данной концепции и обращать внимание как на особенности просодии и стихологии, так и на особенности эвфонии современного русского стиха.

Поэтический текст представляет собой особую форму языкового употребления, так как он представляет собой средоточие наиболее важных содержательных свойств языка [9].

В данной статье за основу берётся системный подход к звуковой организации поэтической речи, который был предложен Б. П. Гончаровым и разработан в монографии исследователя. Так, в ходе анализа поэтической фонетики на материале современного русского стиха мы будем обращать внимание на метр стиха, звукопись, используемую для создания необходимых автору эффектов, на особенности поэтического ударения, а также на такие средства работы с интонацией в стихе, как клаузулы и анжамбеманы.

Фоника, инструментовка стиха будет анализироваться не сама по себе, а как часть семантико-звукового единства произведения. Поэтическая речь организована таким образом, что при «пересказе» в прозе часть её содержания утрачивается вместе с утратой особой фонетической организации.

Источником практического материала в нашем исследовании стали стихи современных поэтов Т. Кибирова, И. Кабыш, В. Полозковой, Д. Быкова. Данные авторы были выбраны, так как в их стихах представлены актуальные для современного поэтического языка, в частности, поэтической фонетики тенденции.

Рассмотрим сначала, как используются в современных стихах особенности метра, клаузулы, анжамбеманы и иные средства создания интонации в стихе.

Звучание стиха влияет на его значение само по себе: например, короткие резкие строки воспринимаются совершенно иначе, чем длинные и плавные. Так, В. Полозкова в своих стихах о Крыме использует более длинные строки со сложным синтаксисом, что позволяет создать впечатление неторопливого отдыха, задумчивости:

*В плотный туман с седой головы Ай-Петри
Кутать худые плечи — как в органзу.
Долго смотреть, пока не начнет смеркаться,
Как облака и камни играют в го.*

(«Жить здесь. Нырять со скал на открытом ветре...») [Здесь и далее стихи В. Полозковой цит. по: 14].

Ритмический рисунок в данном стихотворении, с одной стороны, предсказуемый, с другой, не слишком чёткий, размытый, также усиливает нужный автору эффект. Стихотворение написано дольником (этот размер преобладает в стихах В. Полозковой — 43 стихотворения из 50 просмотренных в сборнике «Непоэзмание»), что также придаёт ему более современное звучание, перекликаясь с содержанием — чувства лирической героини здесь и сейчас, одновременно вне времени и в очень чётком «настоящем».

В стихотворении «Францу Кафке» В. Полозкова, напротив, прибегает к использованию коротких строк с чётким ритмом и размером (двухстопный дактиль с усечённой второй стопой — один из немногочисленных (7) примеров силлабо-тонического стиха):

*Резво и борзо,
Выпучив линзы,
Азбукой Морзе,
Пластикой ниндзя,
Донельзя близко,
Лезвийно резко,
Чтоб одалиской —
За занавеску <...>.*

Чёткий ритм большинства строк стихотворения вынуждает читателя прочитывать с ударением на первый слог даже строки, начинающиеся со служебных слов, которые в обычной речи ударными не были бы. Также он требует ударения на первый слог в авторском неологизме «лезвийно».

Кроме того, можно отметить, что женские окончания строк в последнем стихотворении создают дополнительный эффект. Так, известно, что мужские клаузулы

Таблица 1. Стихотворения Т. Кибирова «Исторический романс» и Н. Некрасова «Тройка»

	Кибиров	Некрасов
Первые 4 строки	Что ты жадно глядишь на крестьянку, подбоченясь, корнет молодой, самогонку под всхлипы тальянки пригубивши безусой губой? [Здесь и далее стихи Т. Кибирова цит. по: 13]	Что ты жадно глядишь на дорогу В стороне от веселых подруг? Знать, забило сердечко тревогу — Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.
Последние 4 строки	Что топорщится за голенищем? Что так странно и страшно он свищет? Он зовет себя Третьим Петром. Твой тулупчик расползся на нем.	Не нагнать тебе бешеной тройки: Кони крепки, и сыты, и бойки, — И ямщик под хмельком, и к другой Мчится вихрем корнет молодой...

создают эффект завершённости, «точки» [см., например, 3], в то время как женские — длительности. В данном стихотворении женские клаузулы создают эффект длительности, бесконечности, который перекликается с содержанием.

Однако сочетание клаузул и стихотворного размера может не только характеризовать отдельное стихотворение, связывая в нём форму и содержание, но и (обычно в сочетании с другими средствами) связывать его с предшествующей литературной традицией. Интересным примером является стихотворение Т. Кибирова «Исторический романс», перекликающееся на фонетическом уровне со стихотворением Н. Некрасова «Тройка». Представим данные стихи в виде таблицы.

Очевидно, что отсылка Т. Кибирова к тексту Н. Некрасова происходит не только за счёт фонетических средств (совпадение первых слов обоих стихотворений также играет роль), однако фонетическое сходство немаловажно. Оба стихотворения написаны трёхстопным дактилем с чередованием мужских и женских клаузул. Кроме того, Кибиров сохраняет и перекрёстную рифму. Однако фонетическое сходство этим не ограничивается. В стихотворении Некрасова последние четыре строки написаны парной рифмой, что мгновенно меняет всё звучание и интонацию этих строк и придаёт им ощущение завершённости, которое перекликается с ощущением безвыходности для героини стихотворения. Кибиров сохраняет и это изменение — последние четыре строки в его стихотворении также написаны с парной рифмой, которая также создаёт ощущение завершённости. Однако здесь можно отметить и другое взаимодействие между звучанием и смыслом стиха: в финале происходит смысловой поворот, который подготавливается всем содержанием стиха. Несмотря на начало, отсылающее к Некрасову, а также на размер и рифмовку, которые поддерживают ассоциацию с некрасовским стихотворением до самого конца, образное содержание стихотворения связывается скорее с творчеством Пушкина (а финал эту связь обозначает ещё более открыто, делая отсылку к «Капитанской дочке»). В итоге, до конца стихотворения читатель видит

противоречие между звучанием и словесно-образным наполнением стихотворения. Можно предположить, что это один из эффектов, которые автор создаёт намеренно.

Изменения используются не только в типах рифмовки, но и в типах клаузул, как в следующем примере стихотворения И. Кабыш:

*Рай — это так недалеко...
Там пьют парное молоко,
Там суп с тушенкою едят
и с Данте за полночь сидят.
Там столько солнца и дождей,
что вечно алы были маки:
рай — это там, где нет людей,
а только дети и собаки*

[Здесь и далее стихи И. Кабыш цит. по: 12].

В большей части стихотворения использованы сплошные мужские клаузулы, но в последних четырёх строчках мужские и женские чередуются, что создаёт определённый диссонанс в звучании, эффект неожиданной смены интонации. Данный приём сравнительно редок: в просмотренных 30 стихотворениях И. Кабыш он использовался только трижды.

Анжамбеманы, представляющие собой расхождение между ритмическим и синтаксическим строением стихотворного текста, также могут использоваться для конкретизации интонации стихотворения [6]. С этой точки зрения данный приём исследовался М. Гаспаровым [3], Е. Степановым [6]. Существуют и анжамбеманы, в которых перенос происходит не внутри синтагмы, а внутри слова [3].

Частотен данный приём строчного анжамбемана в стихах В. Полозковой (примеры его найдены в 31 стихотворении из 50). Рассмотрим следующие примеры использования анжамбеманов разных видов:

*Жить здесь. Нырять со скал на открытом ветре.
В гроты сбегать и пережидать грозу.
(«Жить здесь. Нырять со скал на открытом ветре...»)*

Таблица 2. Средства поэтической фонетики в стихах Т. Кибирова, В. Полозковой, Д. Быкова, И. Кабыш

	Полозкова	Кабыш	Быков	Кибиров
Всего стихов	50	30	30	40
Клаузула как выразительное средство	2	3	2	5
Длина строки/ разбивка на строки	27	12	20	
Анжамбеман	31	15	5	7
Звукопись	35	26	12	18

Использование наброса в первой строчке стихотворения вынуждает прочитывать её с паузой в месте точки, а не с цезурой в середине строки, как читалось бы, если бы не было этого приёма. Первое предложение, таким образом, достаточно резко интонационно выделяется, что задаёт тон всему стихотворению, сосредоточивает внимание читателя на «здесь и сейчас», хронотопе, который далее будет определяющим в стихотворении.

Сброс в сочетании с особенностями рифмы может также создавать интересные звуковые эффекты:

*Хоть неприлично смешивать кантату с
Частушками — мораль позволю тут:
С годами мной приобретется статус,
И чаши в равновесие придут.*
(«Я ведь не рабской масти — будь начеку...»)

Несмотря на то, что формально в данном примере используется строчный анжамбеман, по сути, его можно назвать внутрисловным, так как фонетически «с частушками» является одним словом).

В современной русской поэзии активно используются традиционные средства звукописи. Всего было просмотрено 150 стихотворений, примеры тех или иных видов звукописи были найдены в 119, причём наиболее высокое соотношение между общим числом стихов и стихов со звукописью было обнаружено в стихах И. Кабыш.

Активно используются в современной поэзии аллитерации:

*Лучше помолчим.
Вон филомела горлышко полощет
в сирени за штaketником моим.*
(Т. Кибиров «Вечернее размышление»)

*Сайде — на чай
Свиться стружкой водопроводной*
(В. Полозкова «Наскальное»)

Получил он овчарку-болгарку, симпатичную, полную сил, но название выбрать подарку добрых поданных он попросил.

(Д. Быков «Кинологическое») [Здесь и далее стихи Д. Быкова цит. по: 11].

*Как беженку из ближней дали,
меня пустивши на постой...*
(И. Кабыш «В моей бестрепетной отчизне...»)

В данных примерах аллитерации служат для придания цельности звучанию стихов («пустивши на постой» — пст — пст), хотя могут также вызывать у читателя определённые ассоциации: «свиться стружкой» — плеск воды, «филомела горлышко полощет» — пение соловья и др.).

Т. Кибиров использует в своих стихах звукоподражания, которые также могут сочетаться с аллитерациями:

*Начинается дождь потихоньку.
Шепелявит в листве ветерок.*
(«Серо-буро-малиновый вечер...»)

*Помнишь? Мне от них как будто лучше,
тра-та-та-та радуги и тучи,
будто тра-та-та-та впереди.*
(«На слова, по-моему, Кирсанова...»)

Каламбурные созвучия также частотны в современных стихах, особенно в стихах Т. Кибирова (15 примеров из 40 стихов) и И. Кабыш (10 примеров из 30 стихов).

*И не в сирени даже, а в синели,
лиющей благовонья в чуткий нос.*
(Т. Кибиров «Вечернее размышление»)

*Все громче музыка звучала,
она врывалась в каждый дом:
такая страстная сначала,
такая страшная потом. <...>*
(И. Кабыш «Блок в 21-м году»)

Использование таких средств поэтической выразительности не только усиливает цельность стиха, но и актуализирует смысловые связи между образами (страшная — страстная) или создаёт эти связи там, где образы изначально их не имеют (сирень — синель). Отметим также, что в примере из стихотворения И. Кабыш каламбурная переключка также представляет собой отсылку к собственно поэзии А. Блока.

Сведём полученные числовые данные по средствам поэтической фонетики, используемым в стихах рассматриваемых поэтов. Приёмы звукописи (аллитерации, ассонансы) не выделяются отдельно, так как в большинстве примеров они используются одновременно, дополняя друг друга.

По приведённым выше примерам и численным данным видно, что развитие поэтической фонетики в XXI веке идёт по пути взаимного обогащения формы и содержания. Так, частотность анжамбеманов объясняется тем, что они позволяют создавать прерывистый ритм, который является своего рода маркером современной поэзии. Особенная частотность звукописи в стихах И. Кабыш связана с тесной связью её поэзии с поэзией XX и XIX века,

причём не так, как у Кибирова — на уровне игрового диалога, а на более серьёзном уровне. Клаузула как выразительное средство используется достаточно редко, в большинстве стихов используется традиционное чередование мужских и женских клаузул либо единообразные окончания, которые не нагружены содержательным смыслом. Длина строк активно используется как выразительное средство, связывая форму стихотворения и его содержание: более длинные строки обычно используются в стихах с более медленной интонацией, сама длина строк подчёркивает более медленное течение времени. Наиболее частотен этот приём в стихах В. Полозковой, в то время как Д. Быков использует как средство выразительности отсутствие разбивки на строки в стихе, что также, соотносясь с зачастую подчёркнуто прозаическим содержанием, подчёркивает его.

Суммируя, укажем, что в стихах анализируемых поэтов используется целый ряд традиционных средств фонетической поэтики, которые связывают рассматриваемые стихи как с поэтической традицией XIX века, так и с поэтической традицией XX века, при этом использование данных средств в современной поэзии одновременно поддерживает и обогащает поэзию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики: Из университетских чтений. Изд. 7. М.: URSS. 2011. 576 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.
3. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
4. Гончаров Б. П. Звуковая организация и проблема рифмы. — М., 1973.
5. Гончаров Б. П. Поэтика Маяковского как система. Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. — М., 1982
6. Степанов Е. Анжамбман как стилистический прием поэтов XXI века. Дети Ра 2011, 2(76). [Электронный ресурс]. Журнальный зал. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ra/2011/2/st42.html>. (Дата обращения: 25.06.2018).
7. Степанова В. М. Экспрессивные ресурсы фонетики и лексики в лирике Г. Р. Державина и А. С. Пушкина. Тамбов, 2005. 227 с.
8. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. — М., 2003. — С. 98.
9. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. М.: Академия, 2004.
10. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения (набросок плана). Публ. М. Л. Гаспарова // Контекст-1983. — М., 1984. — С. 214–215.
11. Быков Д. Поэтический обозреватель «Новой газеты». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-bykov-poeticheskiy-obozrevatel-novoy-gazety#83>. (Дата обращения: 25.06.2018).
12. Кабыш И. Рай — это так недалеко. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/text/kabish07may03.html>. (Дата обращения: 25.06.2018).
13. Кибиров Т. Стихотворения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://modernpoetry.ru/main/timur-kibirov-stihotvoreniya#istrom>. (Дата обращения: 25.06.2018).
14. Полозкова В. Непознание. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://modernpoetry.ru/contemporary/vera-polozkova-nepoznanie#nepoznanie1>. (Дата обращения: 25.06.2018).

© Луканкина Татьяна Александровна (tatianaalehina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКИ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

PHILOLOGICAL FEATURES OF JOURNALISTIC ETHICS IN THE ILLUSTRATION OF EMERGENCY SITUATIONS

**E. Martynenko
A. Melnikova**

Summary. The journalists are guided by the ethical standards during their work, which are adopted by the professional community. But the ethical issues for those of them, who highlight different extreme situations, often come into conflict with the specifics of the dangerous zone. The article lists the codes and documents, which should be based on the representatives of the journalistic profession. In addition, the author of the article analyzes one of the current problems of ethical behavior of journalists working in emergencies, connected with «journalism of drones».

Keywords: journalists, emergency situation, emergency, emergency information, EMERCOM, emergency department, rescuers, media, ethics, code of ethics, UAV, drone.

Мартыненко Елена Викторовна

Д.полит.н., профессор, Российский университет дружбы народов

Мельникова Анастасия Владимировна

*Аспирант, Российский университет дружбы народов
scharnchorst@mail.ru*

Аннотация. Журналисты в своей работе ориентируются на этические нормы, принятые профессиональным сообществом. А для тех из них, кто освещает чрезвычайные события и экстремальные ситуации, вопросы этики часто вступают в конфликт со спецификой опасной зоны. В статье названы кодексы и документы, на которые стоит опираться представителям журналистской профессии. Кроме того, автор статьи анализирует одну из актуальных проблем этического поведения журналистов, работающих при ЧС, связанную с, так называемой, «журналистикой дронов».

Ключевые слова: журналисты, ЧС, чрезвычайная ситуация, МЧС, чрезвычайное ведомство, спасатели, СМИ, этика, кодекс этики, БПЛА, дрон.

Журналистская этика приравнивается к нравственному выбору каждого человека в данной профессии. Особенно важны основы этики, когда журналисты ежедневно в своей работе сталкиваются с горем и страданиями людей, насилием и разрушениями, стихийными бедствиями и катастрофами, чрезвычайными, экстремальными и стрессовыми ситуациями.

В таких условиях главное место занимает принцип «Не навреди!», который складывается из следующих постулатов: необходимо заботиться о непредвзятости своих публикаций; стоит уважать как личность человека, ставшего объектом профессионального журналистского внимания, проявляя в ходе общения с ним корректность, такт и выдержку; надо уважать право человека на неприкосновенность частной жизни, не позволяя себе вторжения в нее без согласия героя во всех случаях, кроме тех, когда герой является публичной персоной и его частная жизнь вызывает несомненный общественный интерес; важно оставаться верным реальности, не искажать в материале жизнь героя; стоит воздерживаться в материале от любых пренебрежительных замечаний или намеков, способных унижить героя (от иронического обыгрывания его имени, фамилии, деталей внешности; от упоминания о нем как преступнике, если это не установлено

судом; от недоброжелательных реплик по поводу расы, национальности, цвета кожи, религии, болезней и физических недостатков) [1, 186–187].

Различными российскими и международными общественными организациями разработаны кодексы и правила работы журналиста в экстремальных ситуациях. Они приняты в профессиональной среде и уже не раз доказали свою необходимость.

Наиболее развернуто, по общему мнению специалистов, основные нормы и вопросы этики при подготовке журналистских материалов в экстремальных условиях, в частности при ЧС, отражены в таких документах, как «*Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции*» и «*Декларация принципов поведения журналиста (журналистика в чрезвычайных обстоятельствах)*». Первый, из указанных нами, документ принят Федеративным Советом Союза журналистов России 30 октября 2001 года и одобрен VII Съездом Союза журналистов России 16 мая 2003 г. [2], а другой подготовлен и апробирован в тематических семинарах экспертом в области журналистской этики Юрием Венедиктовичем Казаковым в 2002 г. [3, 139].

Журналист самостоятельно решает, какой кодекс, декларацию или документ он возьмет для себя за основной. Более того, журналист вправе ссылаться на принятый в профессиональном сообществе зарубежный опыт и международные рекомендации. Выбранные правила как фундамент в работе в опасной зоне должны быть максимально подходящими в описываемых чрезвычайных обстоятельствах.

В качестве примера рассмотрим набирающее популярность направление журналистской работы, связанное с условиями ЧС,— «журналистику дронов».

В аналитической статье экспертов Общественной коллегии по жалобам на прессу отмечается, что понятие «дрон» стало известным в России сравнительно недавно. Хотя беспилотные летательные аппараты (БПЛА) используются в основном в авиации и военной промышленности и имеют четкие законодательные рамки, им также находят применение в других сферах деятельности: от любительской съемки до перевозки грузов и сбора информации для журналистской работы.

БПЛА в настоящее время часто применяются в работе спасателей и пожарных, в системе МЧС России, как поддержка при ЧС для предотвращения катастроф и бедствий, ликвидации последствий ЧС и во время проведения поисково-спасательных операций. Без дронов не обходится ни один оперативный штаб, развернутый на месте, где необходима помощь профессиональных спасателей.

Термин «журналистика дронов» начал активно использоваться благодаря американскому журналисту Тиму Пулу, который 17 сентября 2011 года в течение дня вел прямую трансляцию протестных настроений, организованных акций на Уолл-Стрит, в Нью-Йорке, и делал это при помощи одного смартфона и дрона. Его съемку впоследствии использовали такие крупные телеканалы, как Аль-Джазира и NBC [4].

БПЛА первоначально применялись в военных целях, и мысль о том, что летательные аппараты смогут однажды снимать репортажи, казалась невозможной. Но спустя 15 лет у нас есть ряд подтверждений, что это возможно. В нашей стране и за рубежом регулярно выпускаются журналистские материалы с использованием дронов, особенно когда дело касается журналистики чрезвычайных ситуаций и необходима съемка с высоты (с воздуха) для полноценного охвата территории, например, как места катастрофы, очагов пожара, наводнения, стихийного бедствия, беспорядков и т.п.

Так, первопроходцами среди российских СМИ стали корреспонденты РИА Новости, которые в 2012 году осу-

ществляли съемку митинга на Болотной площади в Москве с воздуха [5]. Сегодня к БПЛА как к способу съемки и трансляции прибегают многие СМИ, а в первую очередь — ведомственные медиа МЧС России и пресс-служба чрезвычайного ведомства России.

Если в российском законодательстве относительно полетов БПЛА существует примерный вектор развития, ограничивающий и регламентирующий деятельность подобного рода съемки, то с этической стороны вопроса дела обстоят куда сложнее. Эксперты утверждают, что главные опасения связаны с потенциальной опасностью беспилотников (несчастными случаями при полетах над людьми), но и с нарушением границ частной жизни [6]. В данном случае этические правила поведения журналистской работы часто не учитываются и грубо нарушаются.

В странах Европы и в США проблему освещения событий с помощью БПЛА считают серьезной. Более того, западные специалисты отмечают, что этические стандарты в «журналистике дронов» должны быть гораздо требовательнее, чем в любой другой сфере или профессии, когда также применяются беспилотники.

В связи с нарастающей проблемой в 2011 году было создано Профессиональное сообщество дрон-журналистов (PSDJ), которое охватывает более 60 стран, включая Россию. Организация также создала собственный Кодекс этики [7]. Его предлагают рассматривать в качестве дополнения к действующим нормам этического поведения журналистов XXI века.

Кодекс состоит из нескольких основополагающих принципов, которые складываются в определенную иерархию на основе распространенных случаев из практики журналистов. Документ по этике представляет собой набор руководящих принципов, которые рекомендованы к соблюдению, и сам журналист выступает «судьей» в области применения данных принципов.

Рассматриваемый нами Кодекс этики строится на 5 постулатах: новостной ценности (использование беспилотника для получения информации должно быть строго оправдано, если это единственный способ освещения события); безопасности (оператор БПЛА должен пройти предварительное обучение, а само устройство должно быть в состоянии пригодном для безопасного и контролируемого полета); неприкосновенности закона (оператор дрона должен соблюдать правила, действующие в том воздушном пространстве, в котором он летает, а исключения составляют случаи, когда журналистам намеренно препятствуют в сборе общественно значимой информации с помощью БПЛА); конфиденциальности (дрон должен управляться таким

образом, чтобы не нарушать границы частной жизни людей); и традиционной этики (ранее принятые в профессиональном сообществе этические нормы не исключаются при использовании в работе принципов данного Кодекса) [8].

В вопросах конфиденциальности стоит учитывать, что в случае, если по каким-либо соображениям невозможно избежать съемки частной жизни непубличных фигур, лучше всего производить запись в общественных местах и впоследствии подвергать отснятый материал редактированию на предмет наличия в кадре частных лиц в закрытых помещениях, которые не являются объектами расследования или репортажа.

В противном случае, журналисту, который пренебрег данными рекомендациями, может грозить наказание: от штрафа до судебного разбирательства.

В последнее время участились случаи, когда журналистов, освещающих ЧС, штрафуют за осуществление съемки посредством БПЛА. Например, в 2016 году в Коми журналист одного онлайн-журнала получил штраф в четыре с половиной тысячи рублей за съемку крупного нефтеразлива с беспилотного летательного аппарата. Тогда использованный при съемке дрон заметил сотрудник ФСБ. Штраф был наложен на журналиста по причине съемки без разрешения. Сотрудники Отдела Госавианадзора по Коми заявили, что журналист должен был заранее уведомить Усинский центр организации планирования воздушного движения, поблизости от которого проводилась съемка, о предстоящем запуске беспилотного аппарата, поскольку полеты на высоте 150 метров могут быть опасны для воздушного движения.

Часть выбранной территории как объекта съемки относилась к одной из компаний, охрана которой по-

требовала прекратить съемку, не обосновав свои требования, но ссылаясь на нарушение правил использования границ воздушного пространства. Кроме того, правонарушение, согласно постановлению, на которое затем указывали СМИ, не могло быть признано малозначительным, поскольку оно касается безопасности неопределенного круга граждан, а любое воздушное судно является повышенным источником опасности [9].

Результатом многочисленных спорных ситуаций стали дискуссии о принятии законопроекта о беспилотниках, который был воплощен в жизнь в виде предварительных поправок в Воздушный кодекс в 2016 г. По правилам, которые пока не утверждены официально, о чем сообщили в Минтрансе, все беспилотные летательные аппараты, тяжелее 250 грамм, нужно будет ставить на учет или регистрировать их, если они превышают 30 кг [10]. Однако пока не будут определены правила регистрации дронов, граждан не ждет ответственность за запуск беспилотников и за отсутствие их в реестре. То же самое касается и журналистов, которые используют БПЛА при освещении ЧС.

Итак, от того, насколько журналист подготовлен для поддержания баланса возможного и доступного в отражении действительности в чрезвычайной ситуации и экстремальной обстановке, зависит судьба тех, о ком и для кого он готовит материал, а также его дальнейшая профессиональная карьера. Важно понимание журналистом необходимости соблюдения этических норм и умение сочетать их со своими морально-нравственными установками, голосом своей совести.

Нами описана одна из актуальных проблем, связанных с нарушениями этических норм в журналистике чрезвычайных ситуаций: нарушение границ частной жизни и воздушного пространства при использовании БПЛА в процессе освещения чрезвычайных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста: Учебное пособие. — М.: «Аспект-Пресс», 2002. — С. 186–187.
2. Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции. 30 октября 2001 г. [Электронный доступ]: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/760-eticheskie-printsipy-professio>
3. Арапова Г. Ю., Кузеванова С. И., Ледовских М. А., Пантелеев Б. Н. Освещение журналистами экстремальных ситуаций / авт.-сост. Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова, М. А. Ледовских, Б. Н. Пантелеев. — 2-е изд., испр. и доп. — Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2012. (Справочная серия. Юристу и руководителю СМИ). — С. 139.
4. Журналистика дронов и этические вопросы. // Сайт Общественной коллегии по жалобам на прессу. Дата публикации: 16.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://presscouncil.ru/novosti/5938-zhurnalistika-dronov-i-eticheskie-voprosy> (дата обращения: 01.09.2018).
5. Шествие и митинг на Болотной 4 февраля. Как это было на улице и в интернете. // РИА Новости. Дата публикации: 05.02.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/politics/20120205/557568324.html> (дата обращения: 05.09.2018).
6. Журналистика дронов и этические вопросы. // Сайт Общественной коллегии по жалобам на прессу. Дата публикации: 16.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://presscouncil.ru/novosti/5938-zhurnalistika-dronov-i-eticheskie-voprosy> (дата обращения: 01.09.2018).
7. A Code of Ethics for Drone Journalists. // PSDJ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dronejournalism.org/code-of-ethics/> (дата обращения: 01.09.2018).

8. В Коми журналиста оштрафовали за съёмку разлива нефти с беспилотника. // Журнал «Журналист». Дата публикации: 30.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://jrn1st.ru/content/v-komi-zhurnalista-oshtrafovali-za-syomku-razliva-nefti-s-besplotnika> (дата обращения: 04.09.2018).
9. «Я дружу со всеми и летаю безопасно». Минтранс разрешил временно не регистрировать беспилотники. // Gazeta.ru. Дата публикации: 05.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2017/07/05/10774946.shtml> (дата обращения: 04.09.2018).

© Мартыненко Елена Викторовна, Мельникова Анастасия Владимировна (scharnchorst@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА БАВАРСКИЙ ДИАЛЕКТ

THE INFLUENCE OF DIFFERENT FACTORS ON THE BAVARIAN DIALECT

O. Panteleeva

Summary. This article deals with the problem of the influence of the linguacultural factor on the Bavarian dialect. The article is devoted to the problem of saving the dialect together with the traditions, identity of Bavaria, the learning it at schools, the spread of the learning materials, literature, newspapers and radio programs in the dialect.

Keywords: Bavaria; protection of the Bavarian dialect; traditions; culture; factors of influence; identity; the Ministry of education and culture, science and art.

Пантелеева Ольга Владимировна

*Аспирант, Московский государственный
лингвистический университет
breatney2007@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема влияния лингвокультурных факторов на баварский диалект. Статья посвящена проблеме сохранения диалекта и вместе с ним традиций и самобытности Баварии, изучению диалекта в школах, распространению газет, учебных пособий, литературы и радиопередач на диалекте.

Ключевые слова: Бавария; сохранение диалекта; традиции; культура; факторы влияния; самобытность; министерство образования и культуры, науки и искусства.

Введение

Диалект — (греч. *dialektos* — говор, наречие) разновидность общенародного языка, употребляемая сравнительно ограниченным числом людей, связанных территориальной, социальной и профессиональной общностью [https://dic.academic.ru]. Данная статья посвящена баварскому диалекту. Он является одним из самых своеобразных диалектов немецкого языка.

Баварский диалект неоднороден и подразделяется на три подгруппы диалектов:

- ◆ северобаварский диалект — распространён на северо-востоке Баварии в округе Верхний Пфальц, на юго-востоке Верхней и Средней Франконии;
- ◆ среднебаварский диалект — распространён на юге и юго-востоке Баварии (в округах Верхняя Бавария и Нижняя Бавария, на юге Верхнего Пфальца), а также в Австрии (Верхняя Австрия, Нижняя Австрия, Зальцбург, Бургенланд, север Штирии и Тироля);
- ◆ южнобаварский диалект — юго-запад Баварии (округ Швабия), южная Австрия (Штирия, Каринтия, Тироль) и Италия [И. В. Шевченко 2012].

Баварский диалект отличается от других диалектов страны большой функциональной активностью. По данным социологического опроса (2015 г.), в Баварии проживают 12 млн. человек, из них три четверти населения владеют баварским диалектом. Данный репрезентативный опрос показывает, что баварский диалект довольно активно используется местными жителями во всех ситуациях языкового общения [S. Bräuer u.a. 2015].

Использование диалекта может определяться коммуникативной ситуацией, условиями и характером языкового общения. 81% сельскохозяйственных рабочих используют диалект в семье, 74% — в кругу друзей, 67% — на рабочем месте. Среди рабочих эти цифры составляют, соответственно, 72%, 64% и 46%. Что касается служащих, то 55% данной категории используют диалект при общении с семьей, 51% — в кругу друзей и 19% — на рабочем месте [приводится по Буюклян 1990].

В настоящее время значение баварского диалекта постепенно увеличивается, так как обучение в баварских школах ведётся как на стандартном немецком языке, так и на баварском диалекте.

Основная часть

Проблема сохранения баварского диалекта обострилась после свершенного инцидента в школе Оттерфинг. Многие школьники высказали мнение, что не могут понятно выразить свою мысль на литературном языке, поскольку дома они разговаривают на диалекте. Было собрано 150.000 подписей: люди выступили за большее внимание к сохранению баварского диалекта и баварской культуры. В январе 2001 г. министр образования и культуры, науки и искусства выступил с докладом о положении диалекта в Баварии. На повестке дня было обсуждение сохранения баварского диалекта [S. Bräuer u.a. 2015].

Баварское министерство образования и культуры, науки и искусства выпустило печатное издание заседания ландтага Баварии 17/567 от 27 ноября 2013 года [Bayerischer Landtag 2013]. На заседании был поставлен

вопрос: «Насколько язык и диалект нуждаются в сохранении, и осознается ли эта проблема как общественная задача?» Условием для сохранения диалекта является использование диалекта в области искусства, культуры и в обществе, но прежде всего в школе. Цель — активное использование диалекта в жизни общества. При решении данного вопроса необходимо учитывать преобладающую устную форму диалекта и отсутствие кодифицированной грамматической нормы. Министерство поставило задачу: развить у школьников широкую языковую компетенцию и способность говорить на диалекте, что будет рассматриваться в дальнейшем как внутреннее многоязычие.

Результатом изучения диалекта в школе является развитие языкового сознания. Язык отражает идентичность народа, вызывая чувство принадлежности к конкретной группе. Язык основывается на когнитивных процессах, зависящих от развития общества, имеющего свою историю. На заседании ландтага также была поставлена задача развивать у школьников правильное отношение к диалекту. Министерство образования и культуры, науки и искусства Баварии надеется, что в процессе изучения стандартного немецкого языка и баварского диалекта появится новая оценка языка и диалекта. Школьникам дадут понять, что один и тот же носитель языка будет выбирать тот или иной языковой код в зависимости от ситуации и от того, с кем он разговаривает; он будет владеть разновидностями одного и того же языка. Например, в ситуации личного общения говорящий выберет диалект, которым владеет партнер по общению, а в ситуации официального общения, выступая с докладом, следует воспользоваться стандартным немецким языком.

Министерство обеспечило финансовую поддержку разработки учебно-методических пособий по грамматике, а также словарей баварского диалекта. Стоит отметить, что составление и научное исследование словаря диалекта в Баварии имеет долгую историю. В 1785 г. И. А. Шмеллер [<https://www.bayerische-landesbibliothek-online.de/schmeller>] был одним из известных лингвистов XIX в., занимающихся записью баварских слов. Диалекты Баварии грамматически были представлены в 1821 г. С 1827 по 1838 вышли в свет 4 тома баварского словаря И. А. Шмеллера, который до сих пор остается фундаментальным трудом по диалектологии.

И. А. Шмеллер выпустил последующие тома словаря баварского диалекта в 1872–1877 гг. В одиннадцатом томе словаря баварского диалекта лексика представлена во всем многообразии, отмечена этимология значения слов, представлены примеры употребления, включены фразеологизмы, сравнения, пословицы и загадки из литературных источников и повседневной речи. Словарь баварского диалекта и атлас диалектов представляет собой актуальную карту языкового ареа-

ла Баварии. В 2007 г. словарь был переиздан в издательстве Ольденбург. В 1995 г. вышел в свет новый словарь баварского диалекта в двух томах, а третий том вышел осенью 2013 г. Словарь включает лексику баварского диалекта от средневековья до настоящего времени. В 2007 г. вышел карманный баварско-франкский словарь (HWBF). В 2008 г. появился лингвистический атлас Баварии в Баварской онлайн-библиотеке (BLO), атлас доступен через интернет. Л. Меркле разработал пособие по грамматике баварского диалекта, посвященное изучению звуков и морфем. Карманная книга «Сохранение диалекта в Баварии», написанная Л. Шислем и З. Бройером, объясняет возможности методов сохранения языка. В 2011 г. выходит газета MUN [Приводится по: S. Bräuer u. a. 2015].

Во многих университетах Баварии баварский диалект исследуется в синхронии и диахронии, изучается этимология диалектных слов, синтаксис, орфография, фонология и грамматика диалекта. Для исследования привлекаются произведения поэтов и писателей средневековья. Все это необходимо для сохранения диалекта, а также для изучения диалекта школьниками и студентами.

Наглядным примером использования диалекта в школах и образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования является программа Министерства образования и культуры, науки и искусства «Dialekte in Bayern».

Министерством образования и культуры, науки и искусства было решено, что на занятиях учащиеся будут общаться на литературном языке. Владение стандартным языком в устной и письменной форме является важным условием для успешного обучения и для будущего трудоустройства.

Изучение немецкого языка начинается в начальной школе, однако теперь новая программа предполагает и изучение диалекта. На занятиях подчеркивается особое эмоциональное отношение школьников к родному языку и диалекту. Школьники первого и второго года обучения должны выбрать диалект, который они будут изучать, и начать его активное использование.

Предмет «Сходства и различия языков» был введен в школьную программу. Он направлен на объяснение школьникам различий между письменным и устным языком, при этом сравниваются также диалекты. Диалекты используются для обогащения словарного запаса.

Средняя школа

Действующая учебная программа для средней школы, подписанная в 2004 г. подчеркивает то, что надо

сохранять немецкий язык в устной и письменной формах.

Диалект ценен тем, что он значим для формирования идентичности школьников. Их учат выражать свое мнение в различных ситуациях общения, требующих либо использование литературного языка, либо диалекта. В пятом классе использование разновидностей языка является еще более конкретизированным: письменный язык, обиходно-разговорный или диалект. В девятом классе основное внимание уделяется сознательному рассмотрению диалекта, а именно правописанию, где школьники познакомятся с порядком звуков и букв в словах.

Средняя школа с техническим уклоном и экономический техникум

С введением шестилетней средней школы с техническим уклоном ситуация, связанная с сохранением диалекта, улучшилась. С пятого по седьмой класс частому использованию диалекта уделяется особое внимание. С каждым годом учащиеся должны все больше понимать разницу между литературным языком и диалектом: как и где они употребляются и какое производят впечатление.

Благодаря творческому подходу к изучению языка, а именно: написанию сочинений или использованию наглядности языка у детей формируется положительное отношение к диалекту, а также формируется идентичность. В данной программе указывается, что необходимо читать больше литературы на диалекте. В восьмом классе изучается социокультурное значение диалекта. В экономическом техникуме в учебный план также входит осознанное применение различных разновидностей языка в речи, включая диалект.

Гимназия

В 2004 г. был введен учебный план для восьмилетней гимназии. В восьмом классе тема диалекта выходит на первый план. Учащиеся должны изучить особенности и достижения баварского диалекта. Для этого им нужно прочитать литературу, написанную на баварском диалекте. Учащиеся изучают практическую стилистику, орфографию, а также грамматические структуры.

В новом учебном плане, который приняли в апреле 2015 г., школьники должны задуматься о проблемах современности, связанных с языковой вариативностью, актуальными тенденциями развития немецкого языка и влиянием средств массовой информации. Они изучают и обсуждают основы теории коммуникации.

Высшие и средние профессиональные учебные заведения

В программах высших и средних профессиональных учреждений намечается обучение диалекту для устного использования диалекта в ситуации повседневного общения, учебы и работы. При этом рассматриваются различные языковые уровни. Студенты пишут сочинения, где они могут учитывать особенности языковых уровней. В программе также отражена работа с текстами на диалекте.

Литература на диалекте

На новом литературном портале Баварии с 2012 г. стали появляться произведения современной и классической немецкой литературы. Из журнала культуры можно узнать о народных пьесах К. Шпехт, а также прочитать тексты Л. Крист или Л. Тома. А. Вебер издал карманную книгу о литературе Баварии. По карманной книге М. Шпиндлера можно узнать об истории Баварии (политика, культура, развитие общества). Баварские стихи 40х гг. изданы Е. Бауернфайнд, Х. Еттлем и К. Пёльш. А. Швейгерт и Х. Махер издали книгу «Писатели и писательницы 20в.», в ней собраны рассказы, стихи, а также драматургия. Сюда включены также работы журналистов, историков, эссеистов из различных районов Баварии.

Аудиокниги на диалекте созданы для ознакомления читателей с литературой Баварии и для тех, кто хочет выучить баварский диалект. Среди аудиокниг можно назвать: Fitzgerald Kusz (Schweig, Bub!) и Helmut Haberkamm (Komm, sü.er Tod / Gidderbarri: Ein Dorf in Liedern & Dexden / Hinnerwidder & redur), Karl Valentin. Высоко ценится аудиоэнциклопедия со стихами, короткими рассказами, эссе, музыкой, песнями, скетчами, радиотрансляциями, озвученными фильмами. [приводится по: S. Bräuer u.a. 2015]

Следующее стихотворение иллюстрирует стихи на баварском диалекте, которые включены в программу, разработанную для баварских школьников:

Bubberdäd

*Die Maadle sinn stramm und spitzi
Die Sunna mächdsi haaß und hitzi
Die Buum sinn wild und witzig
Die Sunna mächdsi schneidi und
spritzi
Alla sinnsi scharf und schwitzi
Obber naja, des leechdsi — des
gibbdsi*

Gerhard C. Krischker [приводится по: S. Bräer u.a. 2015]

Заключение

В данной статье особое внимание уделяется влиянию человеческого фактора на сохранение баварского диалекта. Разработка описанных выше программ

и финансирование разработки учебных пособий будут способствовать сохранению и дальнейшему развитию баварского диалекта и культуры Баварии, а также самобытности, сохранению и укреплению сплоченности баварцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bayerischer Landtag. Schriftliche Anfrage vom 27.11.2013. № 17/567 // [www.bayern.landtag.de]. 2013. 10S.
2. S. Bräuer, D. Jenetzky u. a. Dialekte in Bayern. München: MDV Maristen Druck und Verlag, 2015. 394 S.
3. М. Буюклян. Языковая структура и территориальные особенности лексики обиходно-разговорного языка (Баварский ареал). Ленинград: 1990. 156 с.
4. И.В. Шевченко. К проблеме распространения и развития баварского диалекта немецкого языка. М: Вестник МГЛУ (646), 2012. 211–214 с.
5. <https://www.bayerische-landesbibliothek-online.de/schmeller>
6. <https://dic.academic.ru>

© Пантелеева Ольга Владимировна (breatney2007@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный лингвистический университет

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И НОМИНАТИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МОРЕ»)

MAIN PECULIARITIES OF SYSTEMATIZATION AND NOMINATIVE USAGE OF LEXICAL UNITS (ON THE MATERIAL OF LEXICAL-SEMANTIC FIELD «SEA»)

O. Potapova

Summary. The article deals with main methods of classification and systematization of lexical units which are included in the lexical-semantic field on the basis of some dictionaries as well as the classification on the basis of analysis of lexical units obtained as a result of selection from literature artworks of XX century. The article also highlights general peculiarities of nominative usage of terms which are included in the lexical-semantic field in literature artworks as well as stylistic methods used for creation of art images.

Keywords: lexical-semantic field, lexical units, classification, selection, category, nominative function.

Потапова Ольга Евгеньевна

*Доцент, ГУМРФ имени адмирала С. О. Макарова
oe27@mail.ru*

Аннотация. Автор рассматривает основные способы классификации и систематизации лексических единиц, входящих в состав лексико-семантического поля «Море», на материале отдельных словарей, а также приведена классификация на основе анализа лексических единиц, полученных в результате выборки из художественных произведений XX века. В статье освещаются основные особенности номинативного употребления терминов, входящих в состав лексико-семантического поля «Море», в художественных произведениях, а также стилистические приемы, используемые для создания художественного образа.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексическая единица, классификация, выборка, категория, номинативная функция.

Лексическая система языка может быть представлена в виде совокупности релевантных структур различных уровней; подобные структуры организуются по признаку семантической общности и называются семантическими полями (классами) (ЛСП), причем содержащиеся в них лексические единицы и их значения коррелируются посредством взаимного противопоставления.

Рассмотрим основные подходы и способы репрезентации и систематизации материала на материале некоторых словарей, в которых представлены отдельные лексемы лексико-семантического поля «Море».

Так, например, «Толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко, составленный в 1999 году и представленный как идеографическое лексикографическое произведение, включает 25000 лексических единиц (ЛЕ) — глаголов, в которых выделено более 100 лексико-семантических групп (ЛСГ). [1] Таким образом, глагольные лексические единицы группируются на основании семантических корреляций.

Например, ряд рассматриваемых лексем включаются в ЛСГ глаголов, представленных в указанном словаре

(*дрейфовать, крениться, балластировать, насканивать (на мель), качать, швартовать*, и др.), но представляется целесообразным распределять лексические единицы, основываясь на других способах, поскольку в рамках ЛСП «Море», выделяются три подгруппы: ЛСГ «Море» («Море-вода», «Море-суша»), ЛСГ «Судно», ЛСГ «Человек». Представленные субполя, или ЛСГ, были выделены по результатам исследования данных систематизации и типизации исследуемых единиц и проанализированы.

Отчасти «Русский семантический словарь» репрезентует отдельные используемые принципы описания и анализа лексических единиц, ведь предметом его «является отдельное значение слова как единица, входящая в подмножество того или иного лексического класса» [2, с.8]. Полисемия лексических единиц, их потенциальная неоднозначность также принимается во внимание.

В других случаях, например при организации лексических единиц в «Тематическом словаре русского языка» представлены не любые лексемы, а лишь те лексические единицы, которые могут неким образом коррелироваться с определенной темой, т.е. закрепляются тематически.

Выделение сем в лексико-семантическом поле «Море»

Число разбиений	Разбиваемое множество	Множество, получаемое в результате разбиения
1	Множество(М) Море (М)	Море-вода Море-суша Море-человек Море — судно
2	М 1 Море-вода	Водное пространство моря Фауна/флора моря Морская стихия Атмосфера над морем
3	М2 Море-суша	Береговые сооружения Морское побережье
4	М 3 Море-человек	Профессии Деятельность людей, связанная с морем Предметы деятельности человека, связанные с морем
5	М 4 Море-судно	Флот Виды судов Части судна Движения судна

После выделения основных разделов при составлении данного словаря, каждая выделенная тема (раздел) наполнялась релевантными лексическими единицами. В подобных случаях тематическая наполненность определяется практической необходимостью. [3]

В отличие от описанных принципов составления тематических словарей, наша классификация представляется более реалистичной, поскольку выборка лексических единиц (из источников языкового материала различных типов) производилась на начальном этапе, и лишь впоследствии собранные единицы были определены в группы на основании принципов, описанных в работах Т. П. Ломтева [4, с. 399]. Систематизация была осуществлена с использованием компонентного анализа отдельных лексических единиц, после чего были выделены ЛСГ, включающие единицы с субстантивным, адъективным и процессуальным значением.

Несмотря на то, что названия ряда групп и подгрупп, представленных в рассмотренных словарях, коррелируются с группами, выделенными в нашей классификации, имеются и существенные отличия. Так, например, в словаре определена группа «Морской и речной транспорт», которая включает в себя лексические единицы различных типов, тогда как наша классификация указывает следующие ЛСГ: «Свойства судна», «Характеристики судна», «Части судна», «Наименования лиц», «Береговые сооружения», «Действие человека, связанное с морем», «Состояние и движение судна».

Такой способ систематизации и классификации собранного материала был определен его спецификой и частотностью употребления в речи, поскольку почти

для всех ЛСГ характерно преобладание лексических единиц морской терминологии.

В художественной литературе употребление лексических единиц ЛСП «Море» частотно, такая лексика используется авторами художественных произведений для придания выразительности образам.

Таким образом, писатель, употребляя термин в своем произведении, опирается чаще всего на представление о семантической наполненности термина в повседневной жизни, а не на его содержание, то есть репрезентуется лишь часть дифференциальных признаков основного содержания ЛЕ. Такое использование термина может быть обусловлено следующими задачами:

1. Образное средство выражения морской профессиональной среды.

*Мы говорим не «штормы», а «штор'ма» — Слова выходят коротки и смачны:
«Вет'ра» — не «ветры» — сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты (Высоцкий) [5]*

2. Противопоставление термина и его общезыкового синонима. Например:

Позвольте, — возразил я, — я береговой, из запаса, никогда на кораблях не ходил... Хотел еще что-то добавить, но командир прервал меня: — Вот и хорошо, что вы на кораблях не ходили, а то ведь береговые на кораблях «ездыт», а не «ходят»... (Могилевский) [6]

Было двадцать один тридцать. Значит, где-то действительно отбивали склянки (Конецкий) [7]

3. В случае отсутствия непосредственного противопоставления термина и общезыкового синонима, такое слово может быть заменено, для того чтобы характеризовать речь моряка:

*Скалистая гряда изрезана многочисленными рас-
селинами, то совсем узкими, то достигающими ши-
рины в два, три и больше кабельтова (Звягинцев) [6]*

4. Встречаются также примеры, в которых общезыковые лексические единицы употребляются наряду с терминами в целях придания большей экспрессии художественным образам в произведениях, не касающихся морской темы. Подобное использование лексических единиц обогащает эмоциональные характеристики образов, придает дополнительные коннотации. Чаще всего такой стилистический прием встречается в произведениях поэтического жанра, для которых типично использование таких лексических единиц, как:

- ◆ Архаичные ЛЕ (например, *неведомый, небеса*);
- ◆ Эмоционально-оценочные ЛЕ (например, *восторженный, бурный*);
- ◆ Абстрактные ЛЕ (например, *любовь, душа*)

Например:

*Швартовы отданы:
Прощайте, товарищи, — с богом! ура!
Кипящее море под нами.
Не думали мы еще с вами вчера,*

*Что нынче умрем под волнами,
Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага... (Гибель «Варяга».
Цит. по: В. Пикуль) [8]*

Использование лексических единиц ЛСП «Море» в художественных произведениях авторами в целях «романтизации» получаемых читателем репрезентуемых представлений на основании устойчивой антитезы «море — суша»; в таком противопоставлении «море» получает дополнительные коннотации опасности, загадочности, тогда как «суша» коррелируется с обыденным и приземленным.

При этом автор с помощью рассматриваемых лексических единиц придает описываемым художественным образам комплементарные романтические коннотации. Однако само содержание термина в научном представлении полностью не передается при использовании в качестве стилистического приема в художественном тексте.

Итак, проанализировав основные способы и приемы использования лексических единиц ЛСП «Море» в номинативной функции в художественных текстах, целесообразно предположить, что употребление терминов, входящих в ЛСП «Море», нацелено на продуцирование большего профессионального колорита, определение речи представителей морских профессий, придание произведениям романтического оттенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь русского языка. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-пресс, 1999. — 704 с.
2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 1998. — 804 с.
3. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. — М.: Русский язык, 2000. — 560 с.
4. Ломтев Т. П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов // Общее языкознание: Хрестоматия. — Минск: Высшая школа, 1976. — С. 398–414.
5. Высоцкий В. С. Стихи // Русская поэзия. URL: <http://www.rupoe.ru/vysotskiy/> (дата обращения 27.06. 2018).
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 07.06. 2018).
7. Конечский В. В. Произведения. Электронный ресурс. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/koneckii_viktor (дата обращения 24.06. 2018).
8. Пикуль В. С. Моонзунд. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/pikul2/06.html> (дата обращения 27.06. 2018).

© Потапова Ольга Евгеньевна (oe27@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ПУТЬ ЖИЗНИ» Л.Н.ТОЛСТОГО: АЛГОРИТМ САМОРАЗВИТИЯ

«THE WAY OF LIFE» BY L.N. TOLSTOY: THE ALGORITHM OF SELF-DEVELOPMENT

N. Sat

Summary. Many works of researchers are devoted to the spiritual heritage of Leo Tolstoy, however, most of them are tendentious interpretations of a critical nature.

Religious and philosophical criticism of the turn of the XIX — XX centuries and the atheistic ideology of the XX century rejected the metaphysical aspect of the doctrine of Tolstoy, interpreting it exclusively as a set of ethical rules. Meanwhile, the doctrine of Tolstoy finally took shape in the later years of the writer to a greater extent under the influence of active perception of the ethical and metaphysical content of Vedic spirituality: the ancient Indian classics (Ramayana, Mahabharata, Bhagavadgita, the Upanishads), Indian philosophy (Ramakrishna, Vivekananda, Bharati, Abhedananda), yogic teachings (Yama, Niyama, Para-bhakti, Karma Yoga).

In this article an attempt is made to reconstruct the basic tenets of Tolstoy's doctrine in the context of Vedic spirituality on the basis of the late work by the writer «The Way of Life» (1910).

Keywords: spiritually-practical system of self-development, God's truth, God-loving, self-consciousness, spiritualization of the soul, the true reality, the good of life, universal prosperity.

Сат Надесса Дарымаевна

К.филол.н., доцент, Тувинский государственный университет
satnd@mail.ru

Аннотация. Духовному наследию Льва Николаевича Толстого посвящено немало трудов исследователей, однако, большинство из них — это тенденциозные трактовки критического характера. Религиозно-философская критика рубежа XIX — XXвв. и атеистическая идеология XX века отринули метафизический аспект вероучения Толстого, интерпретировав его исключительно как набор этических правил. Между тем, вероучение Толстого окончательно оформилось на склоне лет писателя в большей мере под влиянием активного восприятия этико-метафизического содержания ведической духовности: древнеиндийской классики (Рамаяна, Махабхарата, Бхагаватгита, Упанишад), индийской философии (Рамакришна, Вивекананда, Бхарати, Абхедананда), йогических учений (Яма, Нияма, Пара-бхакти, Карма-йога).

В данной статье предпринята попытка реконструкции основных положений вероучения Толстого в контексте ведической духовности на материале наиболее позднего произведения писателя «Путь жизни» (1910).

Ключевые слова: духовно-практическая система саморазвития, божья истина, боголюбие, самоосознание, одухотворение души, истинная реальность, благо жизни, благоденствие.

Произведение «Путь жизни» — это ответ Толстого на духовный кризис социума рубежа веков и своеобразное руководство по его преодолению. Многочисленные изречения, составленные и тематически сгруппированные Толстым, объединены одной идеей — идеей достижимости блага жизни. Предполагается, что читатель должен не просто прочитать, а прочувствовать сердцем каждый афоризм, проникнуться его духовным содержанием и изменить себя во имя блага жизни. Таким образом, это произведение имеет духовно-практическую направленность.

В содержательном плане произведение «Путь жизни» Толстого — это сборник духовной афористики, состоящий из высказываний Толстого и других авторов, но в значительной мере переработанных Толстым в русле собственных убеждений. В связи с этим представляется, что произведение «Путь жизни» аккумулирует основные постулаты вероучения писателя.

Произведём выборку ряда изречений по тематическому принципу и на основе интерпретации заложенного в них духовного содержания осуществим реконструкцию основных положений вероучения Толстого.

Благочестие

Об удержании от зла

20.6.6. Усилие нужно для того, чтобы удержаться от зла. Удержись от зла, и будешь делать добро, потому что душа человеческая любит добро и делает его, если только свободна от зла.

20.2.2. Человеку надо жить для души. А чтобы жить для души, надо подавлять похоти тела.

20.1.5. Человек может воздержаться от желания, если знает, что желание это грешное, может во всякую минуту вспомнить про то, что в нем живет Дух Божий.

Об отречении от эго

25.7.3. Чем больше отрекается человек от своего животного «я», тем свободнее его жизнь, тем нужнее она другим людям, и тем она радостнее для него самого.

25.5.4. Только самоотречение дает нам истинную свободу, освобождая нас от нас самих, от рабства нашей развращенности. Наши страсти — самые жестокие тираны; только отрекись от них, и почувствуешь свободу.

25.5.2. Необходимо отречься от плотской жизни для жизни духовной. Отвратительна жизнь человека, отданная телесным, животным желанием. Настоящая жизнь начинается только тогда, когда начинается отречение человека от животности.

О следовании божьей истине

31.2.7. Как странно и смешно просить Бога! Не просить надо, а исполнять Его закон, быть Им.

4.4.4. Старайся, исполняя Его волю, все живее и живее чувствовать Его в самом себе.

2.7.5. Делай то, что хочет от тебя Дух, живущий в тебе: добивайся смирения, милосердия, любви, и тебе не будет никакого рая. Рай будет в душе твоей.

Благоозарение

О боголюбии

5.1.14. Люби Бога — и в Боге найдешь то, чего ищешь.

4.1.15. Человеку нужно любить, а любить по-настоящему можно только то, в чем нет ничего дурного. А такое существо, в котором нет ничего дурного, и есть только одно: Бог.

4.1.18. Бог любит уединение. Он войдет в твое сердце только тогда, когда Он будет в нем один, когда ты будешь думать только о Нем одном.

Об осознании Бога в себе

31.4.4. Смысл человеческой жизни — во все большем и большем сознании в себе Бога.

4.1.14. Бояться Бога хорошо, но еще лучше любить его. Лучше же всего воскресить Его в себе.

2.6.18. Человек, не оставайся человеком. Делайся Богом — только тогда ты сделаешь с собой то, что должно.

О принятии блага от Бога

5.1.2. Познав Меня, познаете себя. И только тогда все вам будет благо, и в мире, и в вас самих.

31.2.7. Надо быть Им. И получите высшее благо (благо душевной радости).

31.2.7. Надо быть благодарным Ему за то благо, которое Он дал мне, одухотворив меня собою.

Благосеяние

О служении Богу

2.3.3.5. Счастье свое человек находит только в служении ближним. А находит он счастье в служении ближним потому, что, служа ближним, он соединяется с Духом Божиим.

2.6.17. Бог желает блага всему, и потому, если ты желаешь блага всему, то в тебе живет Бог.

31.5.6. Для того, кто делает добро, не нужно награды. Истинная награда — в улучшении своей души. В этом и награда и побуждение к деланию добра.

О любви ко всем существам

5.3.8. Лучший из людей тот, кто любит всех и делает всем добро без разбора, хороши ли они или дурны.

31.6.5. Жизнь моя — не моя, и потому и целью ее не может быть только мое благо: целью ее может быть общее благо.

31.9.7. Стоит только человеку полагать свою жизнь в соединении любовью со всем живущим и с Богом, и жизнь его тотчас же вместо муки становится благом.

О привлечении к доброй жизни

1.7.2. Ложные учителя привлекают людей к доброй жизни тем, что пугают наказаниями и заманивают наградой на том свете, где никто не был. Истинные же учителя учат только тому, что Начало жизни, Любовь, само живет в душах людей и что хорошо тому, кто соединился с Ним.

2.8.5. Для бессмертной души нужно такое же и дело бессмертное, как она сама. И дело это — бесконечное совершенствование себя и мира — и дано ей.

20.5.1. Люди приближаются к Царству Божию, то есть к доброй и счастливой жизни, только усилиями каждого отдельного человека жить доброй жизнью.

Алгоритм саморазвития Благочестие как начало богообщения

Благочестие — это практика деятельного приобретения к божьей истине, гармонизирующей природу человека в соответствии с совершенной природой Абсолюта. Благочестие является начальным этапом богообщения.

К сожалению, природа человека несовершенна: человек обуреваем страстями, желаниями; поражён пороками; падок на соблазны и искушения. В результате человек обречён на страдания, болезни и смерть. Жизнь на уровне животных инстинктов — мука, а не благо. Достижимо ли благо в текущей земной жизни, а не после неё, как обещано другими учениями? В ходе мучительных поисков ответа на этот вопрос начинающий искатель Истины приходит к выводу, что, в первую очередь, необходимо избавиться от всего, что оскверняет жизнь и начать «движение к совершенству»: «Полное совершенство — это Бог. Человек должен делать усилия сознания, чтобы приближаться к совершенству» (20.3.1.). Тем более ориентиры обозначены самим Богом в божьих заповедях, заключающих в себе Абсолютную истину: «Всякая истина от Бога» (2.6.5.).

Духовный подвижник перестраивает жизнь в соответствии с божьей истиной, прилагает усилия по соблюдению системы божественных наставлений: он стремится отпустить от себя зло — отказаться от злодеяний; он стремится избавиться от пороков, как ржавчина, разъедающих его душу, и вместо них культивировать добродетели. Например, стяжательство искореняется щедростью, эгоизм альтруизмом, вражда дружелюбием, малодушие великодушием, предательство преданностью, жестокость милосердием, мстительность всепрощением, равнодушие состраданием, ненависть любовью, себялюбие боголюбием.

Практика Благочестия — очистительная практика, она избавляет душу от скверны, препятствующей её воссоединению с Богом: «Для того чтобы увидеть истинный свет, каков он есть, надо самому стать истинным светом» (2.7.10.).

В этой духовной практике нет надобности ни в жрецах, ни в храмах, ни в обрядах, необходимо только работать над своей душой, улучшать её, совершенствоваться в соответствии с божественным идеалом: «Приблизиться к Богу можно только добрыми делами» (4.3.3.), «Работай над своей душой, и у тебя вырастут крылья» (20.2.9.).

В результате следования божественным принципам жизни нейтрализуется животное эго в человеке и душа устремляется в обитель Бога: «Для того чтобы челове-

ку быть настоящим человеком, ему надо сознать Бога в себе» (2.6.7.).

Таким образом, инструментами начального этапа являются *удержание от зла* («удержание себя от зла, насилия»; «неделание зла»), *отречение от эго* (отречение от эгоцентризма, от «животности» в себе), *следование божьей истине* («исполнение воли Бога»).

Благоозарение как кульминация богообщения

Благоозарение — это практика сверхдиалога души с Богом, дарующая благо жизни. Благоозарение является кульминационным этапом в богообщении и высшей ступенью в эволюции сознания подвижника.

Освобождённая от скверны, душа переживает утончённые состояния благости, любви к миру и к его Создателю. Любовь к Создателю проявляется не как к божеству, через внешние атрибуты поклонения, а как к всеобъемлющему и вездесущему «Духу жизни», через осознание внутреннего единства с Ним: «В тебе, во мне, во всех существах живет один и тот же Дух жизни» (2.3.3.10.). Подвижник верит в существование Бога как Духа жизни и как Источника Абсолютной любви — любви безграничной, универсальной, идеальной.

Любовь к Богу возвышает и приближает душу к Источнику Абсолютной любви; обогащает жизнь мгновениями экстатических состояний блаженства, благости; жизнь обретает новые нежные краски, она становится прекрасной только потому, что в ней есть Бог. Самоотверженная устремлённость к Богу, самозабвенная, всепоглощающая любовь к Нему всё больше и больше истончают невидимую грань между душой и Богом. Остаётся только «усилием сознания» окончательно стереть её.

«Всё живее и живее чувствуя Его в самом себе» (4.4.4.), душа наполняется энергией Абсолютной любви, активирующей божественную сущность души. Мгновенно приходит осознание божественной природы души, её богоподобности, её божественных качеств, соответствующих качествам Бога; грань между душой и Богом окончательно растворяется и душа одухотворяется: «Капля, попадая в море, становится морем. Душа, соединяясь с Богом, становится Богом» (2.6.4.). Одухотворённая и окрылённая душа попадает в обитель Бога (в сферы Высшего Бытия) и принимает дары Бога: Абсолютную любовь, «небесную радость», благо жизни. Принимая дары Бога (благоозарение), подвижник «просыпается к новой, высшей, духовной жизни» (20.2.4.).

Свою физическую данность подвижник начинает воспринимать как инструмент Бога во внешнем мире: «Я — орудие, которым работает Бог» (20.2.1.). Теперь подвиж-

ник аккумулирует энергию из Первоисточника, черпает силы из самого себя и транслирует в мир Абсолютную любовь. В служении Богу, в миссии божьего посланника заключается смысл дальнейшей жизни подвижника.

Таким образом, инструментами кульминационно-го этапа являются *боголюбие* (самозабвенная «любовь к Богу»), *осознание Бога в себе* (осознание внутреннего «единства с Богом»), *принятие блага от Бога* (принятие «рая в душе»).

Благосеяние как венец богообщения

Благосеяние — это практика служения Богу через служение ближним; служение эволюции человека и мира; содействие эволюционным процессам мироздания. Благосеяние, по сути, является венчающим этапом богообщения; она требует от подвижника доказательств духовной зрелости и свидетельствует о духовной самореализации подвижника.

Познав благо жизни, подвижник спешит содействовать всеобщему благоденствию: «Мое истинное благо только в том, чтобы участвовать в Его работе» (20.2.1.). Подвижник приобщает других людей к «доброй жизни» во имя любви к Богу и во имя всеобщего благоденствия. Проявляя Абсолютную любовь ко всем существам, к людям, независимо от уровня их благосостояния и нравственности, подвижник способствует одухотворению человечества, духовному прогрессу цивилизации; в глобальном масштабе — содействует Богу в одухотворении мироздания, в создании благоприятных сценариев развития Вселенной: «Этот мир, тот, в котором мы сейчас живем, это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны нашими усилиями сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для всех, которые после нас будут жить в нем» (31.1.3.).

Подвижник поддерживает начинающих искателей Истины не только в духовном, но и в материальном плане, в решении даже их бытовых проблем, так как заботы о хлебе насущном могут увести их в другую, прямо противоположную, сторону от Бога.

Свою помощь подвижник совершает абсолютно бескорыстно, не беря денег, даров, наград. При этом любое действие подвижника посвящается Богу и мысленно выполняется с Богом. Эта способность быть с Богом не только в тишине уединения, но и в шумной повседневной жизнедеятельности подтверждает духовную силу и зрелость подвижника. Постоянное незримое присутствие Бога в жизни подвижника, неразлучность с Богом ни на одно мгновение гармонизирует пространство вокруг подвижника и души даже самых падших людей: «Он не смотрел на тело, а сквозь наряды богатого и лох-

мотья нищего видел бессмертную душу. В самом развращенном человеке он видел то, что могло этого самого падшего человека превратить в самого великого и святого человека, такого же великого и святого, каким был он сам» (2.3.1.11.).

В этом благосозидательном процессе подвижник является «проводником Воли Бога и испытывает ненарушимое благо» (31.9.6.).

Таким образом, инструментами венчающего этапа являются *служение Богу* («служение Богу через служение человечеству»), *любовь ко всем существам* (проявление «любви ко всему сущему»), *привлечение к доброй жизни* (содействие «духовному преображению» людей во имя всеобщего благоденствия).

Вывод

Интерпретация изречений из сборника «Путь жизни» позволила реконструировать основные положения вероучения Толстого. Данная реконструкция свидетельствует о том, что на рубеже веков писатель выработал оригинальную духовно-практическую систему саморазвития, в которой этика человека и метафизика бытия центрируются идеей достижимости блага жизни.

Основные постулаты вероучения Толстого:

1. Бог есть Абсолют, Дух Жизни, Источник Абсолютной любви;
2. Смысл жизни человека заключается в богообщении, дарующем благо жизни;
3. Богообщение возможно путём саморазвития с помощью системы духовных практик;
4. Система духовных практик (или этапы богообщения):
 - ◆ Благочестие,
 - ◆ Благоозарение,
 - ◆ Благосеяние.

5. Вертикаль богообщения: следование божьей истине — боголюбие — осознание Бога в себе — постижение истинной реальности — принятие блага от Бога — содействие всеобщему благоденствию.

Итак, духовная самореализация подвижника немислима без самостоятельных усилий: усилий нравственных, психических и ментальных, которые в совокупности приводят к достижению блага жизни. Об этом постулирует свод изречений мудрых мыслей — «Путь жизни». В нём указан путь от ложной жизни к истинной жизни, дарующей благо.

Вопрос о достижимости блага жизни решён: необходима смена ложной парадигмы ценностей, низводя-

щей человека до состояния мытаря жизни, истинной парадигмой ценностей, возводящей человека до уровня Творца. Истинная парадигма ценностей является основой благочестия, в свою очередь, благочестие является условием одухотворения души, а одухотворение души — условием постижения истинной реальности и достижения блага жизни.

Таким образом, как вероучительное произведение «Путь жизни» предлагает духовным искателям оригинальный алгоритм саморазвития. Без освоения этого алгоритма невозможно целостное представление о пору-бежном творчестве Толстого; невозможно правильное осмысление духовного содержания поздних произведений писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурба Д. В. Толстой и Индия. Прикосновение к сокровенному. — С-Пб.: Фэн-шуй центр, 2000. — 240с.
2. Бхагавадгита / Пер. с санскрита В. С. Семенцова. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 256с.
3. Вивекананда Свами. Карма-йога. Практическая веданта. — М.: Амрита, 2012. — 224с.
4. Гусейнов А. А. Учение Л. Н. Толстого и современные дискуссии о ненасилии//Сибирские философские школы. — Новосибирск, 2002. — С. 33–48.
5. Дандекар Р. Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. — М.: Вост.лит., 2002. С. 85–103.
6. Костюченко В. С. Классическая веданта и неоведантизм. — М.: Мысль, 1983. — 272с.
7. Лев Толстой. Путь жизни. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works>
8. Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию. — М.: Рипол Классик, 2013. — 384с.
9. Шохин В. К. Брахманистская философия. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 355с.
10. Эдел Д. Яма и Нияма. Исследование этических основ практик йоги. — М.: София, 2014. — 192 с.

© Сат Надесса Дарымаевна (satnd@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тувинский государственный университет

ВИДЫ СУБЪЕКТОВ, ПРЕДИКАТОВ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ В РУССКИХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

TYPES OF SUBJECT, PREDICATE AND MODIFIER IN RUSSIAN IMPERSONAL CLAUSES

**I. Svintsova
E. Zharkova
E. Nazartseva**

Summary. The article discusses Russian impersonal verb clauses. The authors identify and analyze types of predicate, subject and modifier used in such constructions.

Predicates vary in grammatical form, lexical semantics and argument structure of the verbs involved. Impersonal, essentially zero-subject constructions, may have various types of subject as an implicit part of the verbal predicate or modifier.

Keywords: verbal predicate, impersonality, subject, argument structure of the verb, implicitness, explicitness, modifier.

Русские безличные предложения всегда вызывали интерес у лингвистов по многим причинам. Краткость формы, емкость содержания, отсутствие или все же наличие субъекта, виды распространителей и их роль — вопросы, на которые до сих пор не существует однозначных ответов.

«Глагольный узел, который является центром предложения в большинстве европейских языков, выражает своего рода маленькую драму. Действительно, как в какой-нибудь драме, в нем обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства.» [5, 117] При анализе глагольных безличных конструкций естественно придерживаться вербоцентрической теории предложения. Сделаем попытку описать предикат, формирующий в русском языке ядро безличного предложения, которое объединяет различные, с точки зрения распространения, конструкции. К безличным предложениям модели V3S можно отнести следующие:

*Смеркалось.
На улице похолодало.
Нам невероятно повезло.
Со стороны центра громыхнуло.
У меня пересохло во рту.*

Свинцова Ирина Юрьевна

*К.филол.н., доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД РФ
siju@yandex.ru*

Жаркова Елена Ханберовна

*К.филол.н., доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД РФ
Izharkova@mail.ru*

Назарцева Екатерина Андреевна

*К.филол.н., доцент, Российский университет дружбы народов
Ekaterina-nazartseva@yandex.ru*

Аннотация. В статье идет речь о глагольных безличных предложениях русского языка. Выделяются и анализируются типы возможных для данных конструкций предикатов, субъектов и распространителей. Предикаты характеризуются с точки зрения грамматической формы, лексической семантики и валентности входящих в них глаголов. В безличных, по сути как бы бессубъектных конструкциях, обнаруживаются различные виды субъектов, имплицированных в глагольный предикат или в распространитель.

Ключевые слова: глагольный предикат, безличность, субъект, глагольная валентность, имплицированность, эксплицированность, распространитель.

*В саду пахло яблоками.
Его затрясло от злости.
Начальника переключило.
Друзей потянуло на приключения. и т. п.*

Глаголы в исследуемых безличных конструкциях сохраняют общекатегориальное значение процессуально-го признака, при этом реализуясь как процесс, действие и состояние, например: Меня лихорадило, Светлеет, С вечера моросило, Ее тошнит. Преобладают же глаголы с семантикой процесса. Традиционная грамматика рассматриваемые глаголы определяет как собственно-безличные (знобит, моросит) и безличные, конструктивно обусловленные лексико-семантическим вариантом личного глагола (Нас трясло, Из щелей дует).

Лексическая семантика позволяет выделить в безличных конструкциях следующие глагольные семантические группы:

1. глаголы, обозначающие состояние внешней среды, природы, обстановки (дождило, пахло, застучало);
2. глаголы, обозначающие состояние живого существа (тошнит, лихорадит, тянет, везет, не спится);

3. глаголы констатирующей семантики, указывающие на то, что такое действие имело место (вышло, бывает). Для предложений с глаголами этой группы характерно замещение позиции субъекта словами дейктической семантики «что-то», «это» и подобными. Такие предложения близки к междометным или употребляются в функции вводных слов-предложений.

Что касается распределения типов субъектов, то здесь выявляется определенная закономерность: чем абстрактнее значение глагола, тем более вероятным будет нулевой субъект, наоборот, чем конкретнее глагольная семантика, тем вероятнее наличие мнимого субъекта.

Поясним, что субъект нулевой соотносим с неким фрагментом мира, он не эксплицирован и не эксплицируем в современном языке. По сути своей он неопределим. Значение его имплицировано в предикат, он может быть восстановлен как лексический повтор предиката. Такой субъект является своего рода тотемистическим представлением мифического образа.

Мнимый же субъект — это неопределенный субъект, имплицированный в предикат. Без вербальной компенсации такого субъекта предложение будет семантически аморфным, недостаточным. Это происходит по причине многозначности предикативной основы. Мнимый субъект неопределен, однако значение его более дифференцировано, чем у нулевого субъекта.

В лингвистической литературе при описании семантики безличных предложений отмечалось, что непроизвольность, стихийность действия чаще всего репрезентуется формой 3 лица единственного числа безличного глагола или безличного лексико-семантического варианта глагола личного. В частности, Г.А. Золотова пишет, что «по признаку соответствия-несоответствия семантики компонентов модели значению ее внеязыковых референтов» модель безличного предложения считается изосемичной: «в составе ее компонентов в наиболее чистом и однозначном виде отображен стихийный характер события, например: Плащ Воланда вздуло над головами всей кавалькады (М. Булгаков).» [1] Приведенный Г.А. Золотовой пример подтверждает мысль об изосемичности безличного предложения, однако нам представляется, что в качестве наиболее типичных примеров безличной конструкции были бы предложения типа На улице светает или Девочку тошнит, предикаты которых выражены безличными глаголами, имплицировавшими субъект, а именно — нулевой субъект.

Следует рассмотреть и точку зрения С.И. Кокориной. В русском синтаксисе семантический субъект может

быть выражен косвенными падежами имени, независимо от характера грамматической связи этого компонента со словом-предикатом. [2] При этом семантический субъект может быть носителем признака или состояния (Он любит море, Ветер унес лодку), субъектно-объектным локализатором (Его мутит, С учебой не ладится, Солдата ранило, Лодку унесло). Форма семантического субъекта сама по себе не информирует о том, каков данный семантический субъект (агенса, детерминанта или пациенса). Критерии такого распределения семантических субъектов вызывают много вопросов. По-видимому, при их характеристике необходима опора на контекст и текст.

Поскольку глагольный предикат в безличных конструкциях рассматривается не изолированно, а в связи с его окружением, необходимо затронуть и вопрос о глагольной валентности. Обычно те распространители, позиции которых как бы предсказаны валентными свойствами глагола, рассматриваются как облигаторные и присловные. Другие распространители, позиции которых формально и семантически не заданы предикатом, считаются факультативными и часто квалифицируются как неприсловные.

Безличные предложения модели V3s могут вообще не иметь лексически выраженных распространителей, т.е. быть абсолютными, например: Моросило. Вечерет; могут иметь облигаторные распространители: Нам повезло. Ее передернуло; или иметь распространители факультативные: В комнате пахло жженым кофе, спиртом и французскими духами.

Е. Кржижкова валентность глагола называет интенцией, а его распространители актантами. [4, 32–48] Глаголы типа Смеркается она относит к глаголам с нулевой интенцией, исключающей какой бы то ни было актант-распространитель. В предложениях типа Меня мутит, Степу лихорадило выделяется глагол с необходимым указанием на актант неактивный субъектно-объектной семантики. А в предложении Мне тебя недостает представлен глагол с двумя неактивными субъектно-объектными актантами.

Еще Л. Теньер писал об актантах, об их числе и природе. [5, 122] В частности, глаголы, обозначающие явления природы, атмосферные явления, он называл безвалентными. «Отсутствие актантов у безвалентных глаголов легко объяснимо, если учесть, что они обозначают события, которые происходят без участия каких бы то ни было актантов, — пишет Л. Теньер. — Предложение Il neige (Идет снег) обозначает только процесс, происходящий в природе, причем мы не можем представить себе существование актанта, который являлся бы первопричиной этого процесса. Что касается псевдосубъекта, который обнаруживается в некоторых языках (фр. Il

pleut (Идет дождь); нем. Es regnet (Идет дождь), то ... это всего лишь маркер анонтива единственного числа глагола.» [5, 251] Здесь также можно говорить о формальном замещении синтаксической позиции субъекта. Образно выражаясь, Л. Теньер описывает случай с безактантным (= безвалентным) глаголом как ситуацию, когда «поднявшийся занавес открывает сцену, на которой идет дождь или снег, но нет актеров.» [5, 122] Попробуем иначе интерпретировать происходящее. Актер (пусть не агенс) в данной ситуации — это снег или дождь. Другое дело, что он не эксплицирован отдельной лексемой, словоформой, а имплицирован в глагольный предикат. Семантика большинства таких глаголов в русском языке если не дублирует (ср. Мороз морозит, Свет светает), то как бы включает в себя семантику возможных субъектно-объектных распространителей, например: звенело, текло, пахло, булькало.

Итак, чем больше глагольных валентностей реализовано, тем больше присутствует в предложении присловных распространителей; наоборот, чем меньшей интенцией обладает глагол в предложении, тем больше возможность для употребления приосновных распространителей. И облигаторные, и факультативные

распространители могут быть как гомогенными (однотипными), так и гетерогенными (разнотипными). В безличных предложениях V3s при исчислении гомогенных или гетерогенных распространителей важно учитывать не общее их число, а структурно-семантическую характеристику. Гомогенные однотипны, у них одна синтаксическая позиция, независимо от количества словоформ. Гетерогенные занимают две или несколько синтаксических позиций, каждая из которых может быть заполнена двумя или более словоформами.

Актуальность подробного анализа русских безличных глагольных предложений определяется необходимостью переосмысления отдельных общетеоретических положений и практических подходов в определении языкового статуса таких конструкций. Вопрос о способах их распространения решается в языкознании неоднозначно и противоречиво, поскольку часто такие предложения рассматриваются как изолированные единицы, тогда как являются органической частью целого текста. Крайне важным для более полного описания таких предложений является анализ интенции глаголов-предикатов, интенции его распространителей и эксплицированных или имплицированных субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.
2. Кокорина С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. — М., 1979.
3. Кокорина С. И. Проблемы описания грамматики русского языка как иностранного. — М., 1982.
4. Кржижкова Е. Адвербиальная детерминация со значением места и направления (опыт трансформационного анализа) // Вопросы языкознания. — 1967 — № 2. — С. 32–48.
5. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М., 1988.
6. Andrej Malchukov, Anna Siewierska Impersonal Constructions: A cross-linguistic perspective. John Benjamins Publishing. 2011.

© Свинцова Ирина Юрьевна (siju@yandex.ru),

Жаркова Елена Ханберовна (lzarkova@mail.ru), Назарцева Екатерина Андреевна (Ekaterina-nazartseva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

DEVELOPMENT TRENDS OF WEBSITES OF REGIONAL MASS MEDIA

T. Staroverova

Summary. The relevance of the study is related to a small degree of study of the activities of regional media on the Internet, where they exist in the form of Internet websites. One type of website of the media is the group or account of this media in the social network. The author focuses on the growth of the number of Internet representations of regional media in social networks and the use of interactive social networks by regional media to expand and retain the audience. Based on the Mediascope Web Index, Russia, in order to increase the overall audience of social network users, the fastest growing social networks were identified. The basis for the study was taken by groups of regional media in these social networks. As a result of the study, the tendency of increasing the number of readers of groups of regional mass media in social networks was revealed, the tendency was established of creating new groups in several social networks by a single medium, which broadens the scope of the audience that uses these social networks and prefers to receive news content from them.

Keywords: mass media, regional mass media, website, social networks, interactivity.

Староверова Татьяна Сергеевна

*Аспирант, Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций Казанского федерального
университета, Россия г. Казань
anil@bk.ru*

Аннотация. Актуальность исследования связана с малой степенью изученности деятельности региональных СМИ в сети Интернет, где они существуют в виде интернет-представительств. Одним из типов интернет-представительства СМИ является группа или аккаунт данного СМИ в социальной сети. В центре внимания автора рост количества интернет-представительств региональных СМИ в социальных сетях и использование интерактивности социальных сетей региональными СМИ для расширения и удержания аудитории. На основе данных Mediascope Web Index Россия по приросту общей аудитории пользователей социальных сетей были определены самые быстроразвивающиеся социальные сети. За основу для проведения исследования были взяты группы региональных СМИ в данных социальных сетях. В результате проведенного исследования была выявлена тенденция увеличения числа читателей групп региональных СМИ в социальных сетях, была установлена тенденция создания новых групп в нескольких социальных сетях одним СМИ, что расширяет возможности охвата аудитории, которая пользуется данными социальными сетями и предпочитает получать новостной контент именно из них.

Ключевые слова: средства массовой информации, региональные СМИ, интернет-представительство, социальные сети, интерактивность.

Актуальность темы исследования обусловлена распространением таких трендов, как глобализация и дигитализация информационного пространства. Их появление стало возможным благодаря всемирному распространению Интернета. Лавинообразный рост технологий позволяет увеличивать не только площадь покрытия сети, но скорость доступа к ресурсам, расположенным в Интернете, возможность обращаться к данным с помощью разных типов устройств, создавать свои хранилища. Поскольку с каждым днем человек все больше времени стал проводить в сети, начали активно развиваться средства для межличностной коммуникации. Сначала это были чаты и форумы, в процессе эволюции появились площадки для общения, получившие название социальных сетей. Стали создаваться различные группы для общения по интересам. Начала формироваться аудитория, получающая информацию только из сети. На это обратили внимание сотрудники СМИ и для налаживания коммуникации с данной аудиторией начали создавать свои сообщества в социальных сетях разного типа.

Цель исследования: изучить процесс роста численности интернет-представительств региональных СМИ в социальных сетях.

Задачи исследования: изучить самые популярные социальные сети на территории Республики Татарстан, провести анализ интернет-представительств региональных СМИ в социальных сетях.

В работе был использован метод анализа теоретических источников, синтез и типологический анализ.

Ю. А. Зуляр, определяет электронную коммуникацию как очередной этап социальных коммуникаций, когда информация, возникающая в устной и письменной формах, переводится в электронную [1].

По мнению А. А. Калмыкова и Л. А. Кохановой «Интернет-журналистика — это качественно новый культурный и цивилизационный феномен, представляющий собой деятельность по формированию и представлению информационных образов актуальности, причем носите-

лями этих образов могут быть не только слово, но и картинка, фотография, кино, видео, звук, веб-страница» [2].

А. А. Калмыков в своей книге вывел следующее определение: интернет-представительство — «средство автоматизации деятельности компании. Для СМИ это возможность работать с авторами и редакторами в удаленном режиме, отказаться от географических ограничений численности штата и использовать труд фрилансера. Все действия возможно осуществить в удаленном режиме. Не составляет труда также осуществлять через сеть все необходимые финансовые операции. В более сложном случае это система управления, т.е. сайт, интегрированный в корпоративную информационную систему (интернет + интранет). Интернет-СМИ активно реализуют все возможности удаленного управления. Характерным является появление свободного рынка заказов на статьи и самих статей» [3].

И. Давыдов, предлагает в своем докладе следующую классификацию сетевых изданий:

- ◆ по типу представленного в них контента (новостные, комментарийные, смешанные; авторские, редакционные, смешанные);
- ◆ по тематике (монотематические; политематические);
- ◆ по принадлежности (принадлежащие государству; принадлежащие медийным группам; принадлежащие политическим группам, бизнес-группам; независимые);
- ◆ по «географической» ориентации (общероссийские ресурсы; региональные ресурсы) [4].

Научные взгляды М. Лукиной дополняют классификацию, приведенную И. Давыдовым. Классификация М. Лукиной основывается на сопоставлении интернет-представительства СМИ и его офлайн-прародителя:

- ◆ эквивалентные копии традиционных СМИ, или их электронные версии. В интернет-каталогах их большое количество, и наблюдается тенденция роста их численности, скоро по количеству они приблизятся к числу зарегистрированных в России СМИ. Для данного типа сайтов присутствие в сети — это следование мировым тенденциям, и оно не является спланированным стратегическим шагом по захвату новой доли рынка и расширению своего информационного пространства.
- ◆ модифицированные онлайн-версии традиционных СМИ, которые возникли на основе офлайн-прототипов, но не копируют их, а проводят собственную информационную политику, имеют отличную от традиционного издания схему вещания, соответствующую выбранному каналу.

- ◆ медиапроекты, возникшие в сети и не имеющие офлайн-прототипов. Они занимают лидирующие позиции в сетевых рейтингах, а некоторые из них, которые прямо заявляют о своих коммерческих целях, в скором времени обещают выйти на самоокупаемость» [5].

Л. К. Лободенко говорит о том, что система СМИ может быть структурирована с точки зрения охватываемой территории. Она может включать международный, федеральный и региональный уровни. При этом особую роль в информационно-коммуникативном пространстве играют региональные интернет-СМИ. Она дает определение понятия «региональное интернет-СМИ», под которым понимается сетевое издание, зарегистрированное в установленном порядке как средство массовой информации, с периодически обновляемой и распространяемой массовой, общественно значимой информацией, в зону обслуживания которого входит либо отдельная административная единица государства, либо исторически сложившаяся часть страны, обладающая характерными особенностями [6].

В настоящее время самыми популярными социальными сетями на территории Республики Татарстан являются следующие: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук», «Твиттер», «Инстаграмм». Видеохостинг «YouTube» обладает большим количеством признаков и функций социальной сети и является широко используемым ресурсом, поэтому его мы также включили в данный сегмент.

Для проведения исследования были выделены три группы СМИ: те, кто ведет группы во всех, обозначенных в качестве самых популярных, социальных сетях; те, кто ведет группы в 3–5 выбранных социальных сетях; те, кто ведет группы в одной или двух социальных сетях. Список СМИ для распределения по данным группам был взят с сайта АО «Татмедиа», которое является крупнейшей региональной медиакомпанией в Республике Татарстан. В настоящее время в его состав входит 77 филиалов. Это редакции республиканских, городских и районных печатных СМИ, телерадиокомпаний, информационное агентство «Татар-Информ», а также крупнейший в Поволжье полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

По данным Mediascope Web Index Россия в 2016 году прирост общей аудитории пользователей социальной сети «ВКонтакте» составил 3,7% в сравнении с предыдущим годом, «Одноклассники» — прирост аудитории 3,7%, «Фейсбук» — 7,8%, «Твиттер» — 7%, «Инстаграм» — 6,1%, видеохостинг «Youtube» — 1,3%. Самая активно развивающаяся социальная сеть с наибольшим приростом пользователей — «Фейсбук». Общий объем аудитории

социальных сетей в 2017 году: «ВКонтакте» — 60,9 млн. человек, «Фейсбук» — 30,4 млн. человек, «Одноклассники» — 36,4 млн. человек, «Инстаграм» — 22,8 млн. человек, «Youtube» — 56,6 млн. человек.

Далее рассмотрим популярность создания интернет-представительств региональных СМИ в изученных социальных сетях и уровень использования интерактивной функции среды Интернет для привлечения аудитории.

Рассмотрим СМИ, зарегистрированные в столице Республики Татарстан — городе Казани — по данным Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям.

Телерадиокомпания «Новый век» имеет группы в социальных сетях «ВКонтакте», «Фейсбук», «Твиттер», «Инстаграмм», «Mail.ru», «Youtube». Она представлена во всех, выделенных нами в качестве самых популярных, социальных сетях. Группа «ВКонтакте» имеет удобное меню, которое состоит из видеоархива, видеоанонсов, конкурсов, обсуждений, новостей компании, фотогалереи и народных новостей. По данным на февраль 2015 года в группе 7298 участников. К февралю 2018 года — 20018 человек. За три года прирост составил 12720 подписчиков. Это 74,3%. Повысилась эффективность администрирования страницы, комментарии пользователей, которые требуют ответов, получают их от администратора группы. Страница на «Фейсбуке» содержит меню на русском языке, а представленные материалы на татарском языке. Здесь 84 подписчика, контент постоянно обновляется. Аналогичная ситуация и со страницей в «Твиттере». По данным на февраль 2015 года у канала 606 подписчиков. К февралю 2018 года — 161 человек. Много перепостов видеоматериалов канала с видеохостинга «YouTube». Предположительно отрицательная динамика количества подписчиков появилась вследствие использования несоответствующего данной социальной сети формата размещения информации и сокращения количества татароязычных материалов. Ссылка на страницу в сети «Mail.ru» не открывает страницу «ТНВ». По данным на февраль 2015 года канал на «YouTube» имеет 56 подписчиков, в феврале 2018 года — 5249 пользователей. В процентном соотношении это 9273,2%. Сюда выкладываются видеоролики как на русском, так и на татарском языках. По данным на февраль 2015 года у страницы в «Инстаграме» 439 подписчиков, по данным на февраль 2018 года — 7432. Это 1692,9%. Все интернет-представительства данного СМИ в социальных сетях выдержаны в фирменном стиле телерадиокомпания — это белый и зеленый цвета. У читателя с помощью такой тактики складывается единый образ СМИ и формируется образ бренда.

Газета «Сувар» позиционирует себя как татарстанская республиканская газета на чувашском языке. Имеет группы в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук». По данным на февраль 2015 года в группе «ВКонтакте» состоит 89 подписчиков. Администрированием группы занимается два человека. Стена группы закрыта для размещения информации пользователями, есть возможность комментирования. Мало используются интерактивные возможности, которые предоставляет Интернет. К февралю 2018 года в группе 628 человек. За три года прирост составил 539 подписчиков. Это 505,6%. По данным на февраль 2015 года группа в социальной сети «Одноклассники» содержит 832 участника. Здесь размещен опрос, встречается информация не только на чувашском, но и на русском языке. К февралю 2018 года — 4654 человека. За три года прирост составил 3822 подписчика. Это 459,4%. Страница на «Фейсбуке» закрыта для доступа без регистрации, что может негативно повлиять на ее посещаемость. В июле 2015 года у газеты появился аккаунт в социальной сети «Инстаграм». К февралю 2018 года он насчитывает 2153 подписчика.

Газета «Шахри Казан» по данным на февраль 2015 года имеет группы в социальных сетях «ВКонтакте», «Фейсбук», «Твиттер», канал на «Youtube». По данным на февраль 2015 года группа «ВКонтакте» имеет 1515 подписчиков. Ее администрирует один человек. Стена группы закрыта для размещения информации пользователями, но есть возможность оставлять комментарии. Есть раздел для обсуждения заданных редакцией тем пользователями. К февралю 2018 года — 8210 человек. За три года прирост составил 6695 подписчиков. Это 341,9%. По данным на февраль 2015 года на «Фейсбуке» в группе газеты состоял 231 подписчик. Меню группы на русском языке, а контентное наполнение — на татарском. К февралю 2018 года — 531 человек. За три года прирост составил 300 подписчиков. Это 129,9%. По данным на февраль 2015 года в «Твиттере» у страницы издания 431 читатель. Контент на татарском языке. К февралю 2018 года — 813 человек. За три года прирост составил 382 подписчика. Это прирост на 88,6%. По данным на февраль 2015 года канал на «YouTube» не имел подписчиков. Он открылся недавно и обновляется раз в неделю. К февралю 2018 года — 86 человек. За период проведения исследования у газеты «Шахри Казан» появились аккаунты в социальной сети «Одноклассники», «Инстаграм» и собственный канал в мессенджере «Telegram». Страница газеты «Шахри Казан» в «Одноклассниках» имеет 2161 подписчика, в «Инстаграм» — это 7371 подписчик.

Газета «Ватаным Татарстан» имеет группы в социальных сетях «ВКонтакте» и «Фейсбук». По данным на февраль 2015 года «ВКонтакте» газета зарегистрирована

как пользователь и имеет 1248 друзей. Стена пользователя закрыта для размещения информации другими пользователями, есть возможность оставлять комментарии. Можно отправлять личные сообщения. Информация предоставляется на татарском языке. К февралю 2018 года число подписчиков — 3135 человек. За три года прирост составил 1887 подписчиков. Это 151,2%. На «Фейсбуке» основные публикации ведутся на татарском языке, но имеются ссылки на русскоязычные публикации. По данным на февраль 2015 года число подписчиков группы газеты в социальной сети «Фейсбук» 879 человек. К февралю 2018 года — 1383 человек. За три года прирост составил 504 подписчика. Это 57,3%.

Газета «Казанские ведомости» имеет группы в социальных сетях «Вконтакте», «Твиттер», «YouTube». По данным на февраль 2015 года группа «Вконтакте» насчитывает 2152 подписчика. Стена группы закрыта для размещения информации пользователями, но есть возможность оставлять комментарии. К февралю 2018 года — 3135 человек. За три года прирост составил 983 подписчика. Это 45,7%. По данным на февраль 2015 года страница в «Твиттере» имеет 398 читателей. К февралю 2018 года — 467 человек. За три года прирост — 69 подписчика. Это 17,3%. У канала на «YouTube» по данным на февраль 2015 года 71 подписчик. К февралю 2018 года — 210 человек. За три года прирост — 139 подписчиков. Это 195,8%. В течение исследуемого периода у газеты «Казанские ведомости» появились группы в социальных сетях «Фейсбук» — 147 подписчиков и «Инстаграм» — 315.

Журнал «Наш дом — Татарстан» не имеет интернет-представительства, но имеет группу в социальной сети «Фейсбук». По данным на февраль 2015 года группа насчитывала 62 подписчика. К февралю 2018 года — 96 человек. За три года прирост — 34 подписчика. Это 54,8%. За исследуемый промежуток времени у журнала появилась группа «Вконтакте», которая насчитывает 49 подписчиков.

Журнал «Сююмбике» имеет группы в социальных сетях «Вконтакте», «Фейсбук» и «Инстаграм». По данным на февраль 2015 года в группе «Вконтакте» 921 подписчик. Ее администрирует один человек. Стена группы открыта для пользователей, есть темы для обсуждения. Контент на татарском языке. К февралю 2018 года — 10402 человек. За три года прирост составил 9481 подписчик. Это 1029,4%. По данным на февраль 2015 года страница на «Фейсбуке» зарегистрирована, но не обновляется. К февралю 2018 года число подписчиков — 171 человек. По данным на февраль 2015 года страница в «Инстаграме» имеет 67 подписчиков. К февралю 2018 года — 2419 человек. За три года прирост составил 2352 подписчика. Это 3510,4%.

Журнал «Магариф» имеет группы в социальных сетях «Вконтакте», «Фейсбук» и «Твиттер». По данным на февраль 2015 года в социальной сети «Вконтакте» газета зарегистрирована как пользователь и имеет 2029 друзей. Стена пользователя закрыта для размещения информации другими пользователями, есть возможность оставлять комментарии. Можно отправлять личные сообщения. Информация предоставляется на татарском языке. К февралю 2018 года — 3279 человек. Теперь страница журнала организована как группа. Информация стала предоставляться на двух языках: на русском и татарском. За три года прирост составил 1250 подписчиков. Это 59,6%. По данным на февраль 2015 года страница на «Фейсбуке» зарегистрирована, но не обновляется. К февралю 2018 года страница стала пополняться информацией и имеет 59 подписчиков. По данным на февраль 2015 года страница в «Твиттере» имеет 6 читателей. Здесь размещаются ссылки на материалы официального интернет-представительства и ссылки на группу «Вконтакте». К февралю 2018 года — 32 человека. За три года прирост составил 26 подписчиков. Это 433,3%. За время проведения исследования у издания появились страницы в социальной сети «Инстаграм» — 3533 подписчика — и на сайте видеохостинга «Youtube» — 9.

ФГУП ГТРК «Татарстан» имеет группы в социальных сетях «Вконтакте», «Фейсбук» и «Твиттер». По данным на февраль 2015 года группа «Вконтакте» содержит 3201 подписчика. Администрируется одним человеком. Стена группы закрыта для размещения информации пользователями, есть возможность оставлять комментарии, предложить новость. К февралю 2018 года — 4542 человека. За три года прирост составил 1341 подписчик. Это 41,9%. Есть страничка на «Фейсбуке» на русском языке. По данным на февраль 2015 года у сообщества 85 подписчиков. К февралю 2018 года — 144 человек. За три года прирост составил 59 подписчиков. Это 69,4%. По данным на февраль 2015 года у страницы в «Твиттере» 1736 подписчиков. Здесь среди информационных постов размещаются ссылки на материалы официального интернет-представительства и ссылки на группу «Вконтакте». К февралю 2018 года — 2134 человек. За три года прирост составил 398 подписчиков. Это 22,9%. Изменилась политика предоставления информации. На первый план вышла информационная новостная программа «Вести-Татарстан», официальные группы в социальных сетях реформированы под эту телепрограмму.

Журнал «Татарстан» имеет группы в социальных сетях «Твиттер», «Фейсбук» и «Инстаграм». По данным на февраль 2015 года в «Твиттере» у страницы 293 читателя. Размещается много фотографий, есть ссылки на официальное интернет-представительство. К февралю 2018 года — 646 человек. За три года прирост составил 353 подписчика. Это прирост на 120,5%. Страничка

на «Фейсбуке» имеет много фотоматериалов. По данным на февраль 2015 года страница содержит 684 подписчика. К февралю 2018 года — 1216 человек. За три года прирост составил 532 подписчика. Это 77,8%. По данным на февраль 2015 года в «Инстаграме» у журнала 254 подписчика. К февралю 2018 года — 2633 человек. За три года прирост составил 2379 подписчика. Это 936,6%. В процессе проведения исследования у журнала появилась группа «Вконтакте», участниками которой являются 1058 человек.

Телекомпания «Эфир» имеет группу в социальной сети «Вконтакте», где по данным на февраль 2015 года 24467 подписчиков. Группу администрируют пять человек. Есть меню с разделами: ведущие, телепрограмма, программы, видео. Стена группы закрыта для размещения информации пользователями, есть возможность оставлять комментарии. К февралю 2018 года — 45296 человек. За три года прирост составил 20829 подписчика. Это 85,1%. В период проведения исследования появились группы в социальных сетях «Инстаграм», в которой 1388 подписчиков, «Фейсбук» — 332 подписчика, «Твиттер» — 1457 подписчиков, канал на «Youtube» — 6126 подписчиков.

Газета «Вечерняя Казань» имеет группы в социальных сетях «Вконтакте», «Фейсбук» и «Твиттер». По данным на февраль 2015 года в группе «Вконтакте» 1520 подписчиков. Здесь в основном размещены ссылки на официальное интернет-представительство. Стена группы закрыта для размещения информации пользователями, есть возможность оставлять комментарии. К февралю 2018 года — 3945 человек. За три года прирост составил 2425 подписчика. Это 159,5%. По данным на февраль 2015 года страница на «Фейсбуке» недоступна. К февралю 2018 года — 7210 человек. По данным на февраль 2015 года в «Твиттере» у газеты 3764 подписчика. К февралю 2018 года — 4883 человек. За три года прирост составил 1119 подписчика. Это 29,7%. Здесь размещены ссылки на официальное интернет-представительство.

Информационное агентство «Татар-информ» имеет группы в социальных сетях «Вконтакте» и «Твиттер». По данным на февраль 2015 года в группе «Вконтакте» 8663 подписчика. Группу администрируют три человека. Стена группы закрыта для размещения информации пользователями, есть возможность оставлять коммента-

рии, предложить новость. Здесь в основном размещены ссылки на официальное интернет-представительство. К февралю 2018 года — 16803 человека. За три года прирост составил 8140 подписчика. Это 94%. По данным на февраль 2015 года в «Твиттере» у странички 4803 подписчика. Здесь размещены ссылки на официальное интернет-представительство. К февралю 2018 года — 5853 человека. За три года прирост составил 1050 подписчиков. Это 21,9%. В период проведения исследования у информационного агентства появились группы в социальных сетях «Фейсбук», «Инстаграм» и канал в мессенджере «Телеграм». Группа в «Фейсбуке» имеет 598 подписчиков, в «Инстаграм» — 3410 подписчиков.

Группы во всех популярных социальных сетях ведет 7% СМИ, 3–5 социальными сетями пользуется 79% СМИ, наименьшей популярностью пользуется социальная сеть «Одноклассники», хотя основная аудитория этой социальной сети — люди от 40 лет, то есть те, кто активно читает СМИ; 1–2 социальными сетями пользуется 14% исследованных СМИ.

В ходе исследования была получена статистика по социальным сетям, в которых группы получали прирост более 100% подписчиков за исследуемый период времени. «Youtube» — 14% исследуемых СМИ, «Инстаграм» — 21% исследуемых СМИ, «Вконтакте» — 42% исследуемых СМИ, «Одноклассники» — 7% исследуемых СМИ, «Фейсбук» — 14% исследуемых СМИ, «Твиттер» — 7% исследуемых СМИ. Если сравнивать данные с приведенной выше статистикой по приросту аудитории за 2017 год, то прослеживается взаимосвязь у социальной сети «Вконтакте». Она стала первой по количеству пользователей среди социальных сетей в 2017 году и наибольшее число групп с приростом более 100% подписчиков оказалось зарегистрировано в этой социальной сети.

В процессе проведения исследования была выявлена тенденция увеличения количества групп в разных социальных сетях у одного СМИ. За период проведения исследования 57% исследуемых средств массовой информации создали дополнительные группы в социальных сетях, в которых они не были зарегистрированы. Рост количества групп в разных социальных сетях предполагает охват большей по размеру аудитории, следовательно, рост числа читателей и сокращение расходов на рекламу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуляр Ю. А. Массовые коммуникации в рекламе: учеб. пособие / Федер. агентство по образованию, Иркут. гос. ун-т, Фак. сервиса и рекламы. Иркутск: ИГУ, 2006. 125 с.
2. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 383 с.
3. Калмыков А. А. Медиалогия интернета. М.: Либроком, 2012. 272 с.

4. Давыдов И. Доклад «Массмедиа российского интернета. Основные тенденции развития и анализ текущей ситуации». // Русский журнал URL: http://old.russ.ru/politics/20000928_davydov.html (Дата обращения: 18.04.2018)
5. Лукина М. М. СМИ в домене Ру: Хроника, цифры и типы // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 6. С. 63–73.
6. Лободенко Л. К. Концептуальная модель регионального интернет-СМИ: кросс-коммуникативные аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2015. 46 с.

© Староверова Татьяна Сергеевна (_anil_@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский федеральный университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД И ЯЗЫКОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕГО И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВОЗЗРЕНИЙ

ARTISTIC TRANSLATION AND LANGUAGE INTERMEDIATION IN ARTISTIC LITERATURE: THE RELATIONSHIP OF THE GENERAL AND ARTISTIC WORLD-VIEWS

M. Tsaturyan

Summary. The article is devoted to the study of the problem of translatability. Translatability is a dynamic value; something that can not be translated can, under other conditions, become translatable. Translation can be considered one of the types of linguistic mediation, in which the bilingual mediator in one form or another creates a text that is oriented to a foreign original.

Keywords and phrases: literary translation; language mediation; dynamic properties of translatability; bilingual-intermediary; interlingual communication.

Цатурян Марина Мартиросовна

*Д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар)
tsaturyan.mm@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы переводимости. Переводимость — величина динамическая; то, что не поддается переводу, может при других условиях стать переводимыми. Перевод можно считать одним из видов языкового посредничества, при котором билингв-посредник в той или иной форме создает текст, ориентированный на иноязычный оригинал.

Ключевые слова: художественный перевод; языковое посредничество; динамические свойства переводимости; билингв-посредник; межъязыковая коммуникация.

Одним из магистральных путей развития современной науки о переводе является исследование проблемы переводимости. В эпоху Возрождения возникло сомнение в возможности полноценного перевода, хотя поиски способов адекватного перевыражения не прекращались. В конце XVIII века по-новому поставили и заострили проблему романтики, много переводившие и придавшие первостепенное значение национальной, исторической и индивидуальной самобытности художественных произведений. Их точка зрения на перевод тоже была пессимистической: перевод представлялся им полем соперничества с автором.

Вольное обращение с подлинником представляло собой облегченный путь в обход трудностей перевода, так же как и самоотрешенный буквализм, который, однако, основывался обычно на наивном представлении о возможности достижения в переводе абсолютного тождества, т.е. на противоположном заблуждении. Таким образом, параллельно с нигилистической концепцией неперевода развивалась также концепция всепереводимости, как воплощение неоправданного оптимизма, недооценки реальных трудностей и переоценки возможностей перевода. Аргументированное обоснование этой концепции, мы находим в творческих работах А. Кривцовой и Е. Ланна. Переводимость можно рассматривать в динамике, она всегда соотносима с уровнем развития языка.

В начале XIX столетия наблюдается кризис перехода от неперевода к «наивному буквализму». В эти же годы появляется теория переводимости, возможности полноценного воссоздания подлинника. Идея переводимости обосновывается: 1) функционально: соответствия между языками; 2) гносеологически: объективное, полноценное отражение оригинала достигается через ряд сменяющих друг друга переводов, или дополняющие переводы, раскрывающие разные грани подлинника; 3) философски: бесконечность познания, вечное приближение к объекту делает переводимость категорией динамической; 4) диалектически: единство и взаимосвязь формы и содержания, языка и мышления. Возможность перевода с любого языка на любой другой объясняется единством законов мышления при разнообразии способов выражения; 5) диалектическое соотношение части и целого. Принцип структурности позволяет говорить о переводимости целого, даже, когда оно складывается из непереводаемых элементов.

Таким образом, идея переводимости одержала верх над пессимистической точкой зрения, но проблема переводимости усложнилась и заострилась, и на первый план выдвинулось изучение реальных трудностей перевода и способов их преодоления. Переводимость — величина динамическая; то, что не поддается переводу, может при других условиях стать переводимыми. Ди-

намические свойства переводимости обусловлены: 1) степенью близости языков, отражающих и дистанцию культур; 2) степенью изученности подлинника; 3) художественной спецификой подлинника — жанрам и стилем; 4) расширением ресурсов языка, что происходит благодаря переводам; 5) увеличением у читателя фоновых знаний — тезауруса.

В зависимости от задачи, которую ставит перед собой переводчик, способа решения этой задачи и достигаемого результата, переводчик может заниматься не только «собственно переводом», но и осуществлять речевые действия иного характера. Во многих случаях переводчик стремится как можно полнее воспроизвести оригинал. Известно, однако, что в других случаях переводчику вменяется в обязанность обеспечить воспроизведение в переводе коммуникативного эффекта оригинала, того воздействия, которое автор оригинала хотел сказать получателям сообщения с целью вызвать у них определённую реакцию.

Многие авторы считают воспроизведение коммуникативного эффекта главным условием любого «правильного» перевода. Но это означает, что на первом плане в процессе перевода находится не столько оригинал, сколько реципиент перевода [Залевская 1990].

Поскольку реакция получателей сообщения зависит в значительной степени от характера, знаний и предыдущего опыта самих получателей, переводы одного и того же оригинала, предназначенные для разных типов реципиентов, естественно, должны быть разными. Ориентация переводчика на оригинал, а также или даже, в особенности на определённый тип получателей и есть «динамическая эквивалентность» (Ю. Найда) или «прагматическая адаптация» (А. Нойберт) при переводе.

Коммуникативный эффект оригинала на получателей сообщения может быть иным в отличие от перевода, предназначенного для другой социальной, профессиональной или возрастной категории получателей.

Деятельность переводчика имеет посреднический характер; её значимость определяется тем, в какой степени она обеспечивает возможность общения между коммуникантами, пользующимися разными языковыми системами. Поэтому характер и результат действий переводчика определяется не его личными намерениями, а условиями и задачами межъязыковой коммуникации. Конечно, возможность выполнить поставленную цель зависит от таланта и уровня профессиональной подготовки переводчика, но эта цель и способы её достижения задаются факторами, внешними по отношению к переводчику. Вторичность деятельности переводчика означает, что он действует не для самовыражения, а выполняет социальный заказ либо самих участников межъ-

языкового общения, либо иных лиц, заинтересованных в том, чтобы коммуникация состоялась.

Наиболее полное общение между «разноязычными» коммуникантами осуществляется путём создания на языке перевода текста, коммуникативно-равноценного иноязычному оригиналу, т.е. его перевода. Коммуникативная равноценность двух текстов заключается в их функциональном и структурно-семантическом отождествлении коммуникантами, для которых эти два текста выступают в качестве равноправных форм существования одного и того же сообщения. Известно, что участники любого акта речевого общения не идентичны в лингвистическом плане. Каждый из них в разной степени владеет языком, на котором осуществляется общение. У каждого имеется свой запас слов, в разной степени развитые навыки говорения и понимания, разный языковой, литературный, культурный и жизненный опыт. Каждый обладает индивидуальными психологическими особенностями памяти, внимания, темперамента, интуиции и т.п. У каждого свои ассоциации, предпочтения, реакции, связанные с определёнными формами и их значениями. В результате подобных различий два человека никогда не создают или не воспринимают речевое произведение абсолютно одинаково, и в акте речи то, что говорит один, не полностью идентично тому, что понимает другой. Высказывание и содержащееся в нём сообщение как бы существует в двух видах: текст для говорящего и текст для слушающего.

Несколько иной характер имеет коммуникативная равноценность текстов, обнаруживаемых в процессе межъязыковой коммуникации. Создаваемый переводчиком текст отождествляется коммуникантами с текстом оригинала. Участники общения игнорируют возможные, реально существующие различия между двумя текстами. Они обращаются с переводом так, как будто он и есть оригинал (печатают его под именем автора оригинала, цитируют, оценивают, критикуют оригинал по переводу и т.п.), считая, что по форме и по содержанию они имеют дело с одним и тем же сообщением.

Степень общности разноязычных текстов, объединившихся в процессе межъязыковой коммуникации, зависит от соотношения систем и правил функционирования языков, участвующих в этом процессе. Перевод можно считать одним из видов языкового посредничества, при котором билингв-посредник в той или иной форме создаёт текст, ориентированный на иноязычный оригинал.

У Ч. Диккенса мы находим:

- ◆ *you're up to that?* [DPC1837, ch. XLII].
- ◆ разве вы не понимаете этого? [ДПК 1853, гл. XLII].
- ◆ Разве вы не понимаете? [ДПК 1894, гл. XLII].
- ◆ Сообразили? [ДПК 1984, гл. XLII].

В отличие от перевода, другие способы репрезентации текста на другом языке, лишь частично воспроизводят оригинал, не создают ему коммуникативно-равноценной замены, не дают основания для полного отождествления разноязычных текстов. Иначе говоря, при передаче сообщения, содержащегося в оригинале, происходит некоторое изменение, адаптация передаваемого. Билингв-посредник ставит перед собой задачи, ориентированные на особый тип реципиента, создавая тем самым межъязыковую коммуникацию (понимание, практическое использование или необходимое воздействие создаваемого текста для указанной группы лиц). При решении этих задач происходит не только транскодирование информации с одного языка на другой, но и её преобразование с целью изложения в форме, определяемой не объёмом и организацией этой информации в оригинале, а типом межъязыковой коммуникации, или «адаптивным транскодированием» [Kade 1980, 152–159].

Как видно из названия адаптивного транскодирования полноправной замены иноязычного оригинала быть не может. В данном процессе можно выделить: 1) Упрощающая адаптация, в основе которой лежит функциональное транспонирование текста. При этом, переводчик ориентируется на иную группу реципиентов, чем та, на которой был написан оригинал. Его задача — упростить содержание оригинала, чтобы сделать его доступным для читателя, не обладающего необходимыми познаниями, уровнем подготовки или жизненным опытом для понимания исходного сообщения. Наиболее распространённой формой подобной адаптации является уменьшение при передаче на другом языке степени научной сложности, специального или «технического» характера оригинала с целью сделать его доступным для читателя-неспециалиста, а также упрощение формы и содержания «взрослого» оригинала, перевод которого предназначается для детской аудитории. Этот вид адаптивного транскодирования наиболее близок к переводу; ему присущи некоторые признаки функционального отождествления конечного текста с оригиналом (опубликование под именем автора оригинала), и его обычно называют «сокращённым переводом»; 2) Воздействующая адаптация, при которой переводчик, ориентируясь на определённую группу реципиентов перевода, определённым образом воздействует на членов этой группы. Для достижения такой цели необходимо перестраивать передаваемое сообщение с учётом особенностей восприятия тех лиц, для которых предназначен текст на языке перевода. Здесь приходится прибегать к различным способам модуляции смысла и осуществлять не просто функциональное транспонирование текста, а его модуляционное транскодирование, составление параллельного текста на языке перевода, который должен

обеспечить необходимое воздействие. Указанные два вида адаптивного транскодирования О. Каде называет «текстопреобразующими» [Kade 1980, 169], в отличие от двух других видов, которые О. Каде называет «информативно-преобразующими» и которые отличаются от первых по цели и способу адаптации. Здесь речь идёт не просто о преобразовании исходного текста, а об отборе части содержащейся в нём информации и передаче её на языке перевода в совершенно иной форме. 3) Редукционно-описательная адаптация, которая преследует цель, сообщила Реципиенту о том, какого рода информация имеется в иноязычном тексте, не передавая содержание этой информации и не оценивая её. Адаптированные таким образом тексты дают возможность читателю узнать, о чём идёт речь в оригинале, и решить, есть ли там интересующая его информация. Для получения самой информации потребуется перевод или иной более детальный способ знакомства с содержанием исходного текста. Типичным примером подобной адаптации может служить краткое резюме на одном или нескольких иностранных языках, которое обычно приводится в конце или в начале статьи в научном журнале. 4) Редукционно-информативная адаптация, которая должна в сокращённой форме сделать доступным для читателя основное содержание оригинала. В этом случае, переводчик выбирает из оригинала информацию, отвечающую определённой теме, содержащую новые или важные сведения, которые могли бы заинтересовать реципиента. Реферативное изложение содержания оригинала подводит реципиента к тому, что он лишь получает часть информации, содержащейся в оригинале, и не является полноценным участником межъязыковой коммуникации.

С таким подходом к данному вопросу можно сделать вывод, что адаптивное транскодирование, как и перевод, является формой языкового посредничества. При адаптивном транскодировании отдельные части оригинала могут полностью переводиться, и в процессе перевода переводчик использует некоторые приёмы данного метода. В принципе, всё, что делает переводчик, можно называть языковым посредничеством, или переводом и размечать «собственно переводы», «переводы-рефераты», «упрощённые переводы», «сокращённые переводы», «прагматически-адаптированные переводы» и т.д. Важно лишь разграничить процесс создания текста, коммуникативно-равноценного тексту оригинала в указанном выше смысле, и всевозможные иные способы передачи содержания иноязычного текста.

Основой для критической оценки качества перевода служат исходные установки различных теоретических концепций, существующих в современном переводоведении. Большинство из них отражают двойную ориентированность перевода: на иноязычный оригинал и на чи-

тателя перевода. Ориентация на оригинал предполагает оценку перевода по степени верности исходному тексту.

Как показывают эксперименты, в большинстве случаев в переводе имеются языковые особенности, отличающие его от оригинального текста. Но, возможно, это свидетельствует не о нарушении языковой нормы, которое можно порой встретить и в оригинальном тексте, а об особенностях связанных с самой сущностью переводного текста, с его функционированием в качестве репрезентанта иноязычного оригинала. Например у Ч. Диккенса мы находим:

- ◆ *which stood to win* [DPC1837, ch. XLI].
- ◆ чтобы выиграть [ДПК 1853, гл. XLI].
- ◆ иметь шанс победить [ДПК 1894, гл. XLI].
- ◆ иметь шанс, чтобы выиграть [ДПК 1984, гл. XLI].

Такие особенности хорошо известны: это воспроизведение элементов иноязычной формы путём использования транскрипции, транслитерации и кальки, дословная передача идиоматических выражений и, прежде всего, как уже упоминалось, иная частотность употре-

бления отдельных языковых единиц или целых классов таких единиц. Наличие подобных особенностей — универсальная характеристика перевода, и их, видимо, не следует относить за счёт небрежности или недостаточной квалификации переводчика. Они обусловлены необходимостью добиться того, чтобы перевод наиболее полно отражал оригинал.

Можно утверждать, что на любом языке перевод — это особая категория текстов, выполняющих специфическую общественную функцию. Язык переводов представляет собой особую разновидность литературного языка, заслуживающую специального изучения, чтобы отличать её закономерные особенности от индивидуальных ошибок переводчика.

Всестороннее изучение языка реально существующих переводов необходимо не для регистрации ошибок, а для выявления особенностей этой разновидности литературного языка может открыть новые возможности для более объективной оценки художественных переводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. Leipzig, 1980, s. 152–159.
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
3. Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. M., 1837.
4. Диккенс Ч. Замогильные записки Пиквикского клуба. С.-Петербург, 1853 (перевод И. Введенского).
5. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. М., 1894 (перевод М. А. Шишмарёвой).
6. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского Клуба. М., 1984 (перевод А. В. Кривцовой и Е. Ланна).

© Цатурян Марина Мартиросовна (tsaturyan.mm@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TWITTER

PECULIARITIES OF THE POLITICAL DISCOURSE OF THE SOCIAL NETWORK TWITTER

**M. Tsaturyan
A. Glushchenko**

Summary. The following article is devoted to the research of the peculiarities of the political discourse based upon the real examples of the textual messages of the political actors in the social network Twitter. The analysed network is the reflection of the politicians' actions and means in order to get the support of their constituents.

Keywords: political discourse, social network Twitter, the Internet, Twitter mediatext.

Цатурян Марина Мартиросовна

*Д.филол.наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар)
tsaturyan.mm@mail.ru*

Глущенко Александра Николаевна

*Соискатель, Кубанский государственный университет (Краснодар)
aleksandrากลushchenko@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей политического дискурса на примере реальных текстовых сообщений политических представителей социальной сети Twitter. Анализируемая медиаплатформа является прямым отображением медийной деятельности политиков и применяемые ими средства воздействия для получения поддержки избирателей.

Ключевые слова: политический дискурс, социальная медийная платформа Twitter, Всемирная Паутина, медиатексты Twitter, сравнительный метод.

Всемирная Паутина находит свое отображение во всех сферах индивидуальной и социальной деятельности, к которым можно отнести такие отрасли как политика, экономика, история, литература, медицина, образование, и др. Взаимодействие многочисленных процессов в сфере Интернет-коммуникации и различных областей современного социума приводит к формированию узконаправленных подвидов дискурса. Данная статья посвящена выявлению особенностей политического дискурса в реалиях медиаплатформы Twitter.

Термин «политический дискурс» рассматривается как минимум тремя различными лингвистическими аспектами:

- ◆ филологическим – как и любой другой текст, однако, исследователь смотрит «боковым зрением» на фон — политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора;
- ◆ социопсихолингвистическим — при измерении эффективности для достижения скрытых или явных, — но несомненно политических — целей говорящего,
- ◆ индивидуально-герменевтическим — при выявлении личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах.

В связи с этим становится очевидным, что исследование политического дискурса лежит на пересечении разных дисциплин и связано с анализом формы, задач

и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях (Bell V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist. p.44) В данной статье подобными политическими ситуациями выступает социальная медийная платформа Twitter и личные аккаунты политических деятелей в открытом доступе, на основе которых мы рассмотрим и проанализируем особенности политического дискурса в конкретной медиаплатформе.

В реалиях двадцать первого века блоги деятелей политического процесса представляют собой источник ценнейшей информации как для пользователей социальной сети, так и для представителей различных гуманитарных дисциплин, включая политологию, филологию, психологию, литературоведение, социологию и др. С целью изучения особенностей политического дискурса социальной сети мы изучим краткие сообщения (твиты) таких политических деятелей, как Дональд Трамп (американский президент и бизнесмен), Барак Обама (бывший президент Соединенных Штатов Америки и общественный деятель), Хилари Клинтон (бывший гос секретарь Соединенных Штатов Америки) и Дмитрий Медведев (премьер-министр Российской Федерации).

Наиболее значимой особенностью медиатекстов социальных медиа является их максимальная приближенность к устной речи, что накладывает отпечаток на выбор языковых средств и речевых стратегий при создании медиатекстов. При этом необходимо подчеркнуть, что медиатексты Twitter имеют ряд особенностей. В отли-

чие от ряда других социальных медиа (например, блога LiveJournal), микроблог Twitter до последнего времени не допускал изменений опубликованного медиасообщения, что также подчеркивало «живой» стиль общения. (Кобрин Н. В. Особенности политического медиадискурса Твиттера с.94–95) В результате чего провокационные или неверные твиты политических деятелей нередко становились «информационной бомбой» для репутации того или иного человека. Американский президент Дональд Трамп, будучи активным пользователем социальной сети Twitter, часто становится объектом обсуждений как для его сторонников, так и оппонентов. Например,

«Our great country has been divided for decade, but it will come together again. Sometimes protest is needed to heel! And heel we will!» (пост от 19 августа 2017 года) — наша великая страна была разделена в течение десятилетия, но она воссоединится снова. Иногда нужен протест, чтобы подчиниться. И мы подчинимся!

Президент США Дональд Трамп попытался написать твит про «исцеление» страны, но что-то пошло не так: вместо слова «heal» («исцелиться») он написал «heel» (у этого слова много значений— от «каблук» и «мерзавец» до «выполнять команду «рядом»»). Твит Трампа должен был звучать так: «Наша великая страна была разделена десятилетиями, но она снова объединится. Иногда, чтобы излечиться, нужны протесты, и мы излечимся!». Первый твит с ошибкой он удалил очень быстро, а через полчаса написал новый. В нем снова было написано «heel» вместо «heal», но президент заменил «десятилетие» на «десятилетия».

«Our great country has been divided for decades. Sometimes you need protest in order to heel, & we will heel, & be stronger than ever before!» (пост от 20 августа 2017 года) — наша великая страна была разделена десятилетиями. Иногда нужен протест, чтобы подчиниться, и мы подчинимся, и будем сильнее, чем когда-либо до этого.

Еще через шесть минут Трамп наконец написал твит без ошибок, в очередной раз став центром насмешек.

«Our great country has been divided for decades. Sometimes you need protest in order to heal, & we will heal, & be stronger than ever before!» (твит от 20 августа 2017 года) — наша великая страна была разделена десятилетиями. Иногда нужен протест, чтобы излечиться, и мы излечимся, и будем сильнее, чем когда-либо до этого.

Наблюдение за историей изменений твитов Дональда Трампа приводит к следующему результату: информация, публикуемая в социальной сети Twitter, мо-

жет характеризовать личность политического деятеля наравне с устными высказываниями. Анализируемая наша медиаплатформа не предполагает корректировку сообщений, что не дает возможности автор обдумать или изменить (удалить) опубликованную информацию. В результате чего, мы можем сделать вывод об импульсивности американского президента, выраженной как грамматическими, так и лексическими ошибками высказываний.

Деление на социальные группы и различные идеологические подгруппы также представляют собой идентичное явление политического дискурса социальной медиаплатформы Twitter. Терминология медиаплатформы подразумевает наличие уникальных действий и определяющих их терминов, например, «retweet» (скопировать то или иное высказывание на страницу своего блока, с указанием источника данного информационного сообщения).

Медиатексты Twitter стали мощным средством воздействия на массовую аудиторию, одновременно отражая и создавая новую реальность в интересах доминирующей идеологии правящей группы или группы, настроенной на смену действующей власти. Twitter стал мощным инструментом коммуникативного взаимодействия в период «цветных революций» и массового недовольства. Появился термин «Твиттерреволюция» (англ. Twitter Revolution) (автор термина — Е. Морозов) (Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. p.403), обозначающий протесты и революции, координация и мобилизация которых происходит через социальные медиа, в частности, посредством Twitter. Необходимо обратить внимание, что неслучайно название платформы Twitter восходит к программе ЦРУ по использованию психотропных веществ в ходе допросов под названием Chatter («щебетать»), а символ Twitter (маленькая синяя птичка) — к проекту в области модификации поведения Bluebird (с англ. «маленькая синяя певчая птица»). Создатели Twitter стимулируют, чтобы одни коммуниканты «щебетали» о себе, а другие — умножали этот «щебет» по принципу сетевого маркетинга. Twitter — политизированная площадка, где система «свой-чужой» находит отражение в так называемых ретвитах (Кобрин Н. В. Особенности политического медиадискурса Твиттера с.94–95). Например,

«Obama just endorsed crooked Hillary. He wants four more years of Obama — but nobody else does» (твит от 9 июня 2016 года).— Обама только что поддержал обманщицу Хиллари. Он хочет еще четыре года Обамы, но никто этого больше не хочет.

Выше представленный пост был опубликован на личной странице на тот момент ещё кандидата в прези-

денты Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа с целью оскорбить бывшего президента Барака Обаму, и получил отклик на странице персонального блога оппонента Дональда Трампа- Хилари Клинтон.

«Delete your account @realDonaldTrump. Obama just endorsed crooked Hillary. He wants four more years of Obama — but nobody else does» (твит от 9 июня 2016 года).— Удали свой аккаунт @realDonaldTrump. Обама только что поддержал обманщицу Хиллари. Он хочет еще четыре года Обамы, но никто этого больше не хочет.

Данный ретвит на странице Хилари Клинтон, собрал наибольшее количество ретвитов за всю историю ведения ею личного аккаунта — более полу миллиона против аналогичного твита на странице Дональда Трампа (чуть больше пятидесяти тысяч ретвитов). Особое внимание стоит уделить фразе «delete your account» (удали свой аккаунт), использованное Клинтон при публикации текстового сообщения на своей личной странице. В политическом дискурсе медиапространства социальной сети Twitter, данное выражение используется для обозначения неудачной попытки пошутить. Обращаясь к вышеизложенной теории, что действие под названием «ретвит» является символом поддержки того или иного высказывания (политического деятеля), можно сделать вывод, что сторонников у бывшего кандидата в президенты Хилари Клинтон значительно больше, чем у её оппонента.

Именно этот ретвит Хилари Клинтон спровоцировал ответную реакцию у других политических деятелей, в частности, сторонника республиканской партии Ренса Прибуса:

«@HillaryClinton if anyone knows how to use a delete key, it's you» (пост от 9 июня 2016 года).— если кто и знает, как пользоваться кнопкой «удалить», то это ты.

Автор предыдущего поста ссылается на нашумевший скандал в политической карьере Хилари Клинтон, которая использовала рабочую электронную почту для личной переписки, в том числе, с политическими представителями разных государств. В результате упомянутой скандальной истории Хиллари Клинтон пришлось удалить более тридцати тысяч писем, часть из которых была опубликована во Всемирной Паутине и получила многочисленные негативные отзывы у Интернет-пользователей. Можно сделать вывод, что одной из характерных черт политического дискурса является диалогичность. Любое высказывание или сообщение, опубликованное на личной странице пользователя, в конкретной ситуации, политического деятеля, предназначено для широкой общественности и нацелено на получение ответной реакции в виде поддержки (ретвита, лайка, потенциа-

льного голоса на выборах) или отрицательной оценки деятельности (высказывания) автора публикации.

В большинстве случаев публикации и высказывания политических деятелей в социальной сети Twitter субъективны. Однако следующий фактор позволяет автору тестового сообщения задать определенное направление в неосознанном манипулировании массами и вовлечении их в свои убеждения, а также созданию ощущения влияния на ситуацию у потенциального избирателя (Цатурян М. М. Интернет-дискурс как коммуникативный феномен. с. 2) Наиболее ярко это явление выражено использованием личных местоимений единственного и множественного числа («я» и «мы»). Например,

«В результате операции по «принуждению Грузии к миру» Россия получила главное -мир. Мы смогли защитить своих граждан, которые живут и в Абхазии, и в Южной Осетии» (твит от 7 августа 2018 года).

В выше представленном текстовом сообщении, опубликованном на медиаплатформе Twitter, Дмитрий Медведев намеренно использует личное местоимение множественного числа «мы». Подобный приём позволяет автору сообщения подчеркнуть идею единения нации, а также всеобщее принятие политики государства гражданами Российской Федерации. Премьер-министр осведомлен о неоднозначности мнения внутренней и иностранной общественности относительно абхазо-грузинской войны в августе 2008 года и степени вмешательства в неё России, и используя личное местоимение «мы», подчеркивает согласованность решения государством и населением.

«My entire presidency has been about helping working families» (твит от 23 апреля 2015 года) — Всё своё пребывание на посту президента я посвятил помощи работающим семьям.

«We need a fully functional Supreme Court» (твит от 14 октября 2016 года) — нам нужен полноценно функционирующий Верховный Суд.

С целью охарактеризовать представленную нами точку зрения, мы также приводим примеры опубликованных твитов бывшего резидента Соединенных Штатов Америки Барака Обамы. Стоит обратить внимание на разницу во временных промежутках сообщений, а также различие в использовании личных местоимений единственного и множественного числа. В первом текстовом сообщении, датированном 2015 годом (период президентского правления Барака Обамы), он обращается от собственного имени, используя притяжательное местоимение 'my' (мой), тем самым подчеркивая значимость своей персоны и влияния в государственном и общественном аппа-

рате. Второй пост датирован более поздним сроком и относится к окончанию президентской деятельности Обамы. Употребляя в своем сообщении личное местоимение множественного числа 'we' (мы) Барак Обама акцентирует внимание на значимости вопроса для всего населения в целом, признавая себя его частью, и ссылается к новому главе государства (Дональду Трампу), выражая точку зрения народа Соединенных Штатов Америки.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что использование личных местоимений в публикациях политических деятелей позволяют им отображать уровень своего значения и влияния в той или иной ситуации. Личное местоимение единственного числа подчеркивает единоличное принятие решений политиком или же ценности его деятельности, в то время как личное местоимение во множественном числе позволяет политическому деятелю идентифицировать себя наравне с гражданами и тем самым исключить личный аспект принятия решения по внутренним и международным вопросам.

Таким образом, в результате выше представленных примеров можно сделать вывод, что особенностями политического медиадискурса социальной сети Twitter являются как минимум три основополагающие идеи. Максимальная схожесть с прямой речью позволяет сделать читателям, а также пользователям данной социальной сети, вывод о личных характеристиках политического деятеля и степени его импульсивности. Безусловной и одной из основополагающих идей политического дискурса Twitter является акт поддержки адресата, который выражается путем использования таких функций, как retweet и like. Более того, публикации в данной социальной сети являются прямым орудием завуалированного воздействия на аудиторию читателей определенного политического деятеля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/07.htm> (дата обращения: 24.07.2015).
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.
3. Иванова А. И. Прагматический анализ личного местоимения «мы» как формы публичного обращения Барака Обамы в Интернете // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 84–87
4. Кобрин Н. В. Особенности политического медиадискурса Твиттера. Филологические науки. Вопросы теории и практики.— Тамбов: Грамота, 2015. 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 94–99
5. Цатурян М. М. Интернет-дискурс как коммуникативный феномен. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»: № 8 (август). Москва: Научные технологии, 2017. № по перечню ВАК — 1193 (на 30.10.2017 г.).
6. Bell V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist // A. Firth ed. The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace. — Oxford etc.: Pergamon, 1995. P. 41–58.
7. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. PublicAffairs, 2011. 431 p.

© Цатурян Марина Мартиросовна (tsaturyan.mm@mail.ru), Глущенко Александра Николаевна (aleksandraglushchenko@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА В ТЕКСТАХ ИГРОВЫХ ЧАТОВ

YOUTH JARGON FUNCTIONING IN THE TEXTS OF COMPUTER GAMES CHATS

*T. Yacovets
E. Korol*

Summary. The present article is dedicated to the investigation of the youth jargon in the texts of gaming chats and of the modes of their functioning. The authors postulate the rapid development of a new layer of jargon in the English language, namely, computer jargon and investigate its nature, discrimination features, its structural and functional characteristics.

Keywords: gaming chats, youth jargon, functionality, method of linguistic description.

В современной лингвистике в последнее время много исследователей уделяют больше внимания речевым структурам, используемым в интернет-чатах. С появлением интернета язык перетерпел немало различных изменений, которые нельзя определить однозначно. Появились компьютерные онлайн игры, сопровождаемые комментариями и беседами игроков, различные социальные приложения, где пользователи общаются друг с другом, используя особые языковые единицы. Коммуникация в текстах игровых чатов — это специальный язык, на котором общаются игроки и их основная цель — экономить время и пространство написания. Исследование вербальных составляющих интернет коммуникации в текстах игровых чатов, на наш взгляд, может быть интересным, так как они являются своеобразными словами и выражениями, которые показывают групповую солидарность, объединение людей на основе хобби или профессии, а также дать некоторые идеи для исследования направлений языкового развития и преобразования. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности функционирования жаргонизмов в текстах игровых чатов. В настоящее время сфера интернет — общения оказывает огромное влияние на сознание людей во всем мире. Развитие этой сферы общения оказывает также непосредственное влияние на функционирование и структуру языка, его лексику, грамматику, стилистические особенности.

Целью данной статьи является анализ функционирования жаргонизмов в текстах игровых чатов. Материалом для выполненного исследования являлись тексты

Яковец Татьяна Яковлевна
К.п.н., доцент, Сургутский государственный университет
jatja57@mail.ru

Король Елена Витальевна
К.филол.н., доцент, Сургутский государственный университет

Аннотация. В статье проводится исследование жаргонизмов английского языка в текстах игровых чатов и рассмотрение основных способов их функционирования. Авторы определяют признаки компьютерного жаргона, как нового, быстроразвивающегося пласта лексики, исследуют его природу, отличительные черты, структурные и функциональные характеристики.

Ключевые слова: игровые чаты, молодежный сленг, жаргон, функционирование, метод лингвистического описания.

игровых чатов пользователей интернета в приложении «Discord», словари игровых жаргонизмов интернет-сленга английского и русского языков. В рамках проведенного исследования мы рассмотрели соотношение традиционно выработанного понятие «жаргон» как явление в современной лингвистике и исследуемых текстовых единиц; соотнесли классификацию жаргонов и определили типы и функции игровых жаргонизмов, рассмотрели компьютерные игры как один из источников новых языковых единиц и структур, соответствующих жаргону.

Определение понятия «МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН»

Любой язык развивается только в обществе. Язык является средством коммуникации, он не статичен и изменяется под влиянием различных социальных особенностей. Язык — это знаковая система со своими внутренними законами функционирования.

В разных языках одна и та же идея выражается по-разному в зависимости от ситуации. Существует нейтральная лексика, которая является основой языка и используется во всех сферах общения, и стилистически окрашенная лексика, используемая в конкретных случаях. Такая лексика помечена в словарях как нелитературная или нестандартная.

Жаргон (фр. jargon) — социолект; он отличается от общеразговорного языка тем, что в его состав входит специфическая лексика и фразеология, он обладает экс-

прессией, но в нем отсутствует собственная грамматическая и фонетическая система.

Жаргонная лексика (или жаргонизмы) — это слова и словосочетания, используемые в процессе коммуникации группой людей, связанной общим делом, хобби, работой и т.д. У жаргонизмов имеются соответствия в литературном языке [11, с. 224].

Однако термин «жаргон» разными авторами воспринимается по-разному. Определения термина «жаргон» из некоторых английских и американских словарей имеют разительные отличия. Например, в американских толковых словарях выделили три главных определения термина «жаргон»: 1) непонятная речь; незначительное, несущественное или бестолковое высказывание; 2) пиджин; смешанный диалект или смешанный язык; технический язык торговли, социального класса, какой-либо группы, связанной интересами или занятием; кэнт [12, с. 61]. В.А. Хомяков согласен с определением, которое дал Э. Партридж: «Жаргон, по происхождению (как у Чосера) — пение птиц, он свободно употребляется в качестве кэнта, сленга, английского пиджин, неграмотной речи. Используется в технических науках, профессиях, при предоставлении услуг, в торговле, ремеслах, различных видах спорта и спортивных играх, искусстве и гуманитарных науках» [11, с. 61; 10, с. 164].

В конце XX в. в лингвистике зарождается новый термин — интержаргон. Он образовывается на стыке различных жаргонов. Относится к социолекту как общий жаргон, который в нашем понимании сильно уменьшил связи с первичной средой употребления, однако не потерял своего стилистически сниженного оттенка. Интержаргон популярен в СМИ (в журналах, на телевидении, в газетах, на радио) или в художественной литературе и стремится получить положение общелитературной лексики [2, с. 108].

Жаргон — полуоткрытая лексико-фразеологическая подсистема, используемая различными социальными группами для того, чтобы отделиться от остальной части языкового сообщества, он обладает конкретным ограничением по использованию в определённой среде или по употреблению людьми какого-либо возраста.

Существуют различные классификации рассматриваемых лексических единиц. Например, Крысин Л.П. описывает три главных варианта жаргона: молодёжный, групповой, профессиональный. Профессиональные подязыки — это вспомогательные лексические формы используемого языка, присущие представителям какого-либо промысла, хобби, а также профессии или производства и всех его отраслей. Обучение любой профессии прочно объединено с освоением соответствующей про-

фессиональной лексики. По словам Л.П. Крысина «некоторые профессиональные выражения служат как бы символом владения какой-либо профессией» [6, с. 69].

Групповые жаргоны рассматриваются как языковые формирования, базирующиеся на социальном разобщении людей [6, с. 66]. Арго является вариантом группового жаргона. Выделяют также и тюремно-лагерный жаргон, который в современном мире употребляется как в литературе, так и в молодежном жаргоне.

Молодежные жаргоны, в свой черед, состоят из жаргонов школьников, студентов; жаргонов солдат и матросов (сюда можно отнести и военный жаргон); жаргонов субкультур: панки, готы, эмо и т.д; немного отличается жаргон молодёжи, обладающей общими увлечениями в спорте и компьютерах [11, с. 386].

Тем не менее при сравнении профессиональных жаргонов с молодежным можно выделить основное отличие: он «предназначен для обозначения не каких-либо специальных понятий или явлений, имеющих место, например, в учебном процессе (в вузе и в школе), а таких понятий и явлений, которым соответствуют устойчивые и регулярные обозначения в литературном языке» [6, с. 373]. Однако номинативная функция не так важна, главную роль играет эмоционально-экспрессивная, оценочная функция — желание сформировать что-то очень выразительное и яркое, сильнее обращающее на себя внимание.

Типичным качеством молодежного жаргона и, на наш взгляд, наиболее интересным с точки зрения лингвистического анализа является непрерывное пополнение его словами и словосочетаниями, стремительная их сменяемость: всякое последующее поколение старается выделяться с помощью языка не только от старших, но и от предыдущего поколения [6, с. 78], что может затруднять исследовательские подходы.

Молодежный жаргон, точно также как и общий жаргон, имеет смешанный тип, который включает в себе почти все области жизни. Жаргон сконцентрирован на человеке, на образе его жизни и отношениях с другими людьми. Довольно часто жаргонные слова, которые употребляет молодёжь, плавно перетекают в речь уже взрослых людей и превращаются в ее неотделимую часть.

Компьютерные игры как один из источников молодежного жаргона

В настоящее время в русском языке просматривается значительное усовершенствование особой подсистемы лексического пласта, который может быть сформули-

рован как четвертый вариант жаргона, а точнее компьютерный жаргон. Компьютерный жаргон объединяет в себе качества и молодежного и профессионального жаргонов, находясь в промежуточной позиции. Он имеет общие черты с групповым жаргоном, но все же они не очень ярко выражены. С одной стороны, компьютерный жаргон — это вариант профессионального жаргона, потому что он используется специалистами в процессе работы, но с другой стороны, большинство пользователей ПК — молодежь, которая пользуется компьютером для обучения или компьютерных игр. Природа образования компьютерного жаргона и его интеграция с устной речью демонстрирует достаточно веские доводы в пользу того, что «компьютеризмы» представляют собой наикрупнейший ряд лексических единиц молодежного жаргона. Таким образом, говоря о характерных признаках компьютерных новаций, мы будем опираться на профессиональный и молодежный жаргоны.

По мере усовершенствования компьютерной техники в России и популяризации компьютерных игр начал развиваться специфический язык, который употребляют как активные пользователи ПК, так и геймеры. Для нынешнего этапа эволюции русского языка свойственно «частое отсутствие слов, необходимых для обозначения компьютерных реалий в литературном языке» [9, с. 84]. Таким образом, развивающийся пласт жаргонной лексики из узко — направленного функционирования переходит в языковую систему, посредством переноса жаргонной номинации соответствующей реалии в сознание носителей языка.

В профессиональных языках термины сначала получают стилистическую окраску профессионализмов, а впоследствии переходят в категорию жаргонизмов. С возникновением компьютерного жаргона в этой области случается обратный эффект: компьютеризм сначала становится профессионализмом, а затем термином [13, с. 72].

Между компьютерным и молодежным жаргоном присутствует сходство, это наблюдается в речевых функциях, способах словообразования. Растущая популярность персональных компьютеров и появление интернета привели к тому, что ими стали пользоваться все слои населения, которые изменили и обогатили компьютерную жаргонную лексику.

На сегодняшний день человечество владеет различными средствами, способами и формами передачи и принятия информации, большинство из которых обязательно имеют отношение к современным технологиям. Интернет-общение или интернет-коммуникация — это такие способы связи, в которых вся информация передается по интернет-каналам при помощи стандарт-

ных протоколов обмена этой информацией. Информация распространяется разными способами: голосовое общение, мгновенные сообщения, видео трансляции, файлы и так далее [5, с. 104]. Одним из способов общения в интернете являются социальные сети, специальные интернет приложения, например, «Discord» или компьютерные онлайн игры. Так как приложения для общения и онлайн игры возникли сравнительно недавно, изучение их с лингвистической точки зрения представляет для нас особый интерес. Можно выделить некоторые особенности, которые определяют своеобразие и функции молодежного жаргона в текстах игровых чатов. Для исследования языковых единиц игровых жаргонизмов и сленга в интернет приложении или компьютерных играх следует учитывать все их особенности «сложного взаимодействия, некоторого открытого множества факторов при изначальной включенности человека в социально-культурный контекст взаимодействия в сети» [5, с. 110]. В отличие от общения в онлайн играх, где чат не сохраняется и затрудняет его исследование, в приложении «Discord» все сообщения остаются в памяти программы, что значительно облегчает исследование игровых жаргонизмов и современный сленг молодых людей по всему миру. Участие в игровой коммуникации молодых людей из разных стран предполагает наличие различных языковых базисов, влияющих на построение структур и единиц коммуникации, что определяет интернациональный характер языка чатов.

Основной разницей между жаргоном и компьютерным подязыком или компьютерным жаргоном является существование у него письменной формы, а его письменная форма преобладает над устной. То есть, это письменный вид коммуникации, который сформирован на базе современной разговорной речи и основной целью которой является максимально быстрая передача информации путем ее сжатия. Такая интернет коммуникация имеет ряд специфических черт, например, использование аббревиатур, сокращений и усечений, знаки препинания опускаются, заглавные буквы не используются, активное употребление разговорной лексики, так как коммуникация в интернете носит оттенок простоты и торопливости. Употребление компьютерных жаргонизмов или компьютерной лексики сегодня является способом выразить себя, упрочняет групповое единство [4, с. 57]. Так как компьютерный жаргон обладает письменной формой, это говорит о том, что он имеет разнообразный ряд функций, как и литературный язык.

Говоря о функциях жаргонизмов, обратимся к классификации, предложенной Забело И. В., которая считает, что компьютерный жаргон обладает следующими функциями:

1. экспрессивной;
2. манипулятивной;

3. функцией категоризации и систематизации;
4. номинативной.

К жаргонизмам, обладающим экспрессивной функцией, И. В. Забело относит группу слов, в которую входят оценочные жаргонизмы, выражающие некомпетентность или глубокие знания в работе с компьютером, например: *read-onlyuser* (пользователь, который с компьютером на «вы») или *superprogrammer* (супер программист). И. В. Забело сюда также относит юмористические номинации (*sys-frog* — системная лягушка, т.е. человек, который хорошо разбирается в компьютерах), номинации, не имеющие аналогов в терминологии и дающие более детальное определение, например, *netter* — человек, пользующийся интернетом [4, с. 90].

Слова, относящиеся ко второй группе, подразумевают наименования действий человека и ответных действий компьютера. Например: *tobeam* — послать по электронной почте. По мнению И. В. Забело, жаргонизмы с функцией категоризации и систематизации охватывают названия деталей компьютера и периферийных устройств, например, *toaster* — периферийное устройство. Четвёртая группа, по её мнению, включает в себя юмористические наименования, семантика которых имеет оттенок шутовства, сюда входят названия операционных систем, например, *Windoze (Windows)*, жаргонные названия компьютерных игр: *Dungeon-and-Dragons-like* (игра Подземелья и драконы), где суффикс *-like* представляет собой пример использования нелитературных словообразовательных элементов — продуктивного способа словообразования компьютерного жаргона. На пересечении множества слов третьей и четвертой тематических групп находятся различные жаргонные названия компьютера, который, как известно, включает в себя как аппаратное, так и программное обеспечение. Жаргонизмы данного ряда дают оценку или предлагают более экспрессивный, образный вариант обозначения этого ключевого профессионального понятия [4, с. 90].

В английском компьютерном жаргоне И. С. Куликова выделяет следующие основные тематические группы:

1. Человек, имеющий отношение к миру компьютеров.
2. Человек, отдающий предпочтение чему-либо в мире компьютеров.
3. Работа с компьютером. Неудачи в работе с компьютером.
4. Составные части компьютера.
5. Название программных продуктов, команд, файлов. Компьютерные игры.
6. Интернет [7, с. 115].

Взяв за основу данную тематическую классификацию, нами была предпринята попытка создать тематиче-

скую классификацию для жаргонизмов текстов игровых чатов, используя словарь игровых жаргонизмов английского языка [14], словарь игровых жаргонизмов русского языка [15] и приложения для общения «Discord» [16]:

В первую группу были отнесены игровые жаргонизмы, обозначающие игроков: *user* — пользователь какой-либо игры, *noob* — новичок или игрок, который плохо играет, *feeder* — игрок, который специально или непреднамеренно отдаёт очки вражеской команде, *donator* — игрок, который вкладывает большое количество денег в игру, получая преимущества перед другими игроками, *carry* — игрок, который повлиял на исход боя, благодаря которому его команда победила, *GM* или *admin* — работник игровой студии, *teammate* — игрок из вашей команды, *fed* — игрок, который получил много очков в течении игры и соответственно обладает преимуществом над другими и становится почти не убиваемым, *rager* — расстроенный или разозлённый игрок, который вымещает свою злость на свою команду. В первую группу была добавлена подгруппа, обозначающая игровые сообщества: *clan, party, legion, alliance* — объединения игроков для совместной игры.

Во вторую группу были отнесены игровые жаргонизмы, обозначающие действия игроков: *toattack* — атаковать вражеского персонажа или монстра, *tousebasicattack* — атаковать с помощью базовой атаки, а не умениями, *toassist* — атаковать одну и ту же цель вместе со своей командой, *tobackdoor* — атаковать вражескую башню, без чьей-либо помощи, пока вражеский герой не замечает, *tobait* — специальный обманный манёвр, спомощью которого игрок разводит вражеского игрока на использование умений, а потом, когда его умения в откате, нападает на него, *tobodyblock* — блокировать атаки противников туловищем своего персонажа, закрывая свою команду.

К третьей группе относятся жаргонизмы, обозначающие игровые классы и персонажей: *assassin* — класс ближнего боя, использующий в качестве оружия кинжалы, обладающий хорошим уроном, но слабой защитой, его также называют *jungler, warrior* — класс ближнего боя, использующий высокую защиту и владеющий хорошим уроном, *mage* — магический класс, с очень низким уровнем защиты и довольно высоким уроном, *hunter* — класс дальнего боя, с высоким уроном, он же *ADC, guardian* — класс с очень высоким уровнем защиты, но низким уроном, также обладает большим запасом здоровья.

В четвёртую группу были собраны игровые жаргонизмы, относящиеся к умениям персонажей. Например: *ultimate* — самое сильное умение персонажа, сокращённо называется *ult*, *cooldown* — время отката умения, *skill*

или *ability* — умение, *aura* — умение, распространяющееся на всех членов группы, *buff* — умение, усиливающее команду, *debuff* — умение, ослабляющее команду противника, *silence* — умение, накладывающее запрет вражескому игроку на использование умений, *blind* — умение, которое ослепляет противников, *nuke* — умение с огромным уроном, *DoT* (damageovertime) — умение, которое наносит постепенный урон, *heal* — умение, исцеляющее свою команду, *stun* — умение, которое не позволяет вражескому персонажу двигаться какое-то время.

В пятую группу были собраны игровые жаргонизмы, обозначающие различные игровые предметы: экипировка, игровые здания или строения, предметы, усиливающие персонаж, например: *weapon* — любое игровое оружие, *gear* или *equip* — снаряжение, *jewellery* — усиливающая бижутерия, *skin* — красивая одежда, которая надевается поверх брони, *dungeon* — специальное помещение для группового прохождения, с уникальной добычей, *set* — доспехи.

И в шестую, последнюю группу, были отнесены игровые жаргонизмы, обозначающие персонажей, управляемых компьютером, например: *minion* — монстр, убийство которого даёт игровой опыт и деньги, *creep* — тоже самое, что и *minion*, *NPC* — игровые герои, управляемые компьютером, за убийство которых тоже можно получить награду, *bot* — игровые персонажи, управляемые компьютером, против которых можно вести бой для того, чтобы получить опыт ведения боя, *mob* — игровой монстр, управляемый компьютером, за убийство которого можно получить игровой опыт и деньги, *monster* — тоже, что и *mob*, *boss* — самый сильный игровой монстр, для убийства которого нужно собирать много людей, награда за него очень ценна, *guard* — более сильный монстр, обычно охраняющий что-либо.

Рассмотрим функциональные характеристики выделенных элементов каждой из групп, представленных выше.

Для первой группы были отобраны жаргонизмы, характеризующие игроков; данная группа обладает *экспрессивной функцией*, так как сюда входят оценочные жаргонизмы, выражающие некомпетентность или высокий уровень игры.

Вторая группа жаргонизмов, характеризующая действия игроков, обладает *манипулятивной функцией*, так как обозначает действия человека, в нашем случае игрока, и ответных действий компьютера.

Остальные группы изученных выше жаргонизмов обладают функцией *категоризации и систематизации*, так как они называют различные элементы компьютер-

ной игры, такие как: игровые сообщества, игровые классы и персонажи, умения персонажей, игровые предметы и персонажи, управляемые компьютером.

Рассмотрев 364 примера молодежного жаргона из текстов игровых чатов и их типологию, мы определили, что жаргонизмы рассматриваемого типа обладают следующими функциями: *экспрессивной* (18%), *манипулятивной* (21%) и *функцией категоризации и систематизации* (61%), которая является самой распространённой.

Проведя анализ существующих научных взглядов и исследований в области жаргонизмов и рассмотрев функционирование молодежных жаргонов в текстах игровых чатов, можно сделать следующие выводы:

- ◆ жаргонизмы текстов игровых чатов имеют черты как молодёжного, так и профессионального жаргонов, находясь между ними;
- ◆ основной характеристикой молодёжного сленга можно назвать высокую эмоциональность, выразительность, оценочность и метафоричность речи молодых людей;
- ◆ популярным средством коммуникации являются в настоящее время социальные сети и различные приложения для общения;
- ◆ изучение различного рода коммуникаций посредством приложений для общения представляет собой лингвистическую ценность, так как такого рода приложения появились сравнительно недавно и хранение всех переписок в приложении позволяет беспрепятственно извлекать из них нужную нам информацию;
- ◆ особенность компьютерного жаргона состоит в том, что его письменная форма преобладает над устной, в отличие от других видов жаргонов, что позволяет нам сравнить его с литературным языком, основываясь на его немалом количестве языковых функций.

Изучив типологическую классификацию игровых жаргонизмов, мы попытались определить функции жаргонизмов для каждой типологической группы. В результате мы пришли к выводу, что первая типологическая группа, характеризующая игроков, обладает экспрессивной функцией, вторая типологическая группа, характеризующая действия игроков, обладает манипулятивной функцией, а остальные группы обладают функцией категоризации и систематизации.

Таким образом, мы видим, что в современной лингвистике виртуальная коммуникация рассматривается как особая сфера коммуникации, в которой своеобразно преломляются типичные особенности устной и письменной форм речи. Экономия усилий со стороны отправив-

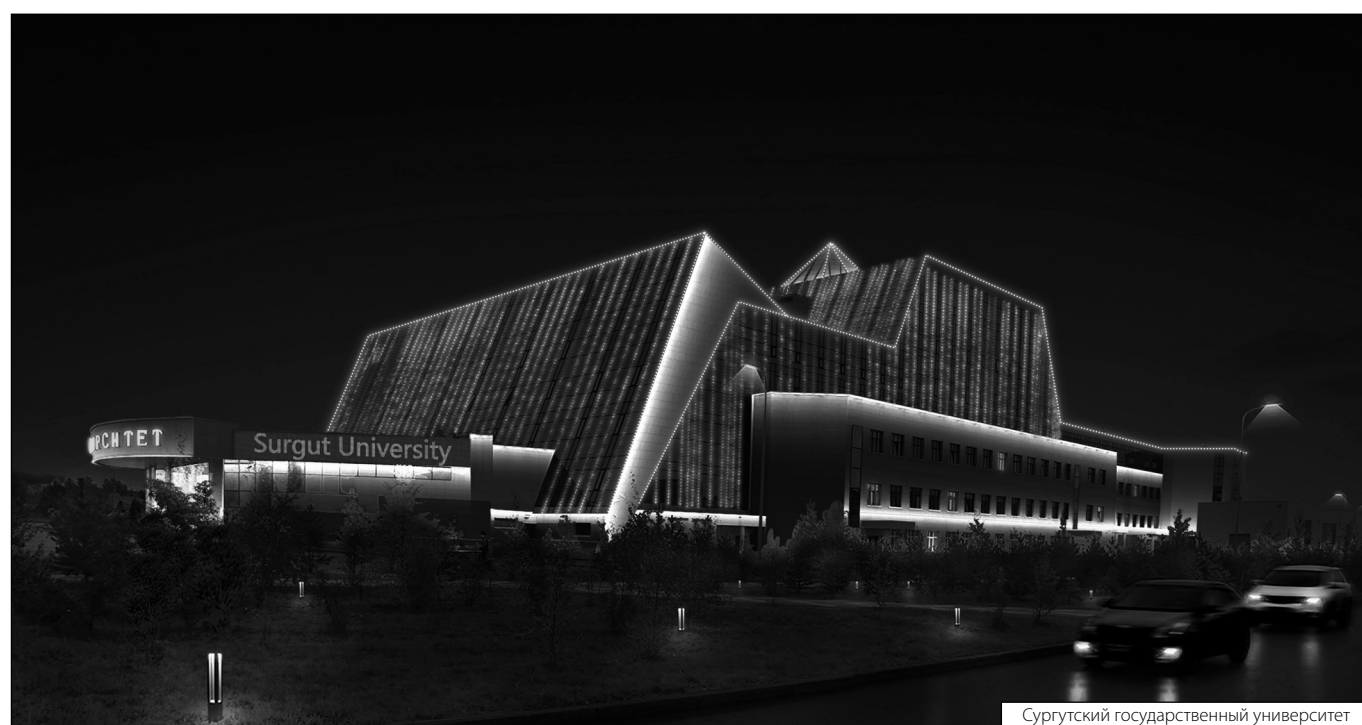
теля, которому часто приходится бороться за избирательное внимание получателя, обуславливает большую нагрузку на использование различных способов выражения для достижения большей эмоциональности неформального общения. Дальнейшее изучение этого

быстро развивающегося и изменяющегося пласта лексических единиц может способствовать систематизации и развитию лингвистических взглядов на молодежный жаргон, а также иметь практическую значимость в обучении языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. — 459 с.
3. Грачев, М. А. Третья волна. Русская речь / М. А. Грачев. — 1992. № 4. — 64 с.
4. Забело, И. В. Некоторые особенности тематической организации лексики компьютерного жаргона / И. В. Забело // Библиотека. — 2001. № 6. — 110 с.
5. Зайцева, Ю. Е. Роль ведения Интернет-дневника в становлении индивидуальности // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность. / Под ред. Волохонского В. Л., Зайцевой Ю. Е., Соколова М. М. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. — 117 с.
6. Крысин, Л. П. Социолнгвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — М.: Наука, 1989. — 157 с.
7. Куликова, И. С. Введение в металингвистику / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. — СПб.: САГА, 2002. — 352 с.
8. Марочкин, А. И. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона: (На материале речи молодежи г. Воронежа). Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. / А. И. Марочкин. — Воронеж, 1998. — 170с.
9. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка. / О. Д. Мешков. — М.: Наука, 1976. — 246 с.
10. Хомяков, В. А., Нестандартная лексика английского языка. / В. А. Хомяков, Т. М. Беяева. — Изд. 2, 2010—136 с.
11. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность, 2002 / А. Д. Шмелев. — М.: Просвещение, 2008. — 291 с.
12. Partridge E. Usage and Abusage: A Guide to Good English / E. Partridge. — L.: Penguin Books, 1999. — 401 p.
13. Spears, R. A. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions / R. A. Spears. — М.: Рус. яз., 1991. — 528 p.
14. Словарь игровых жаргонизмов игры «Smite» — 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://smiteworld.wordpress.com/2012/08/31/smite-glossary/> (дата обращения 29.11.2017)
15. Словарь молодежного сленга английского языка — 2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 29.11.2017)
16. Discord / Приложение для общения. — 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://discordapp.com/> (дата обращения 29.11.2017)

© Яковец Татьяна Яковлевна (jatja57@mail.ru), Король Елена Витальевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Abrosimova N. — Herzen State Pedagogical University of Russia (St.Petersburg)
abrosimova8@gmail.com

Akhmedova R. — Postgraduate student, Novosibirsk pedagogical University
rugiya76@gmail.com

Angaleva M. — PhD in philology, assistant professor of the Military University of the Russian Federation Defense Ministry
angalevama@yandex.ru

Anurova T. — Postgraduate student, Belgorod National Research University; Teacher «Prokhorovskaya Children's Art School»
tatjana.anurova@yandex.ru

Bazanova A. — PhD in Philological sciences, Associate Professor, RUDN university;
baza89265851150@yandex.ru

Borodina M. — Candidate of Philology, Associate Professor, Peoples' Friendship University Of Russia
kokocinel@mail.ru

Denisenko M. — Senior Lecturer, Kemerovo State Institute of Culture
denisenko.mv@mail.ru

Egorova V. — Postgraduate student, Kuban State University
valeriya111@mail.ru

GerasimenkoTatiana L. — Senior lecturer, Plekhanov Russian University of Economics
gerasimenko_2005@mail.ru

Glazova M. — Post-graduate student, Yugra State University
marinochka191@yandex.ru

Glushchenko A. — Kuban State University (Krasnodar)
aleksandraglushchenko@gmail.com

Gong Lei — Graduate student, Bashkir State University
rector@bsu.bashedu.ru

Ibragimov R. — Kazan (Volga) federal university; Institute of the Tatar encyclopedia and regional studies Academies of Sciences of Tatarstan (Kazan)
rus-ibr@inbox.ru

Kalashnik V. — Postgraduate student, Omsk state University F. M. Dostoevsky
kalashnik-1988@inbox.ru

Kalesnik E. — MBOU school №3 in Serpukhov; Moscow State Regional University
helirmai@yandex.ru

Kasymova O. — Ph.D., Associate Professor, Bashkir State University
olgakasymova@yandex.ru

Kelbekhanova M. — Ph.D. Dagestan State University
Kel_79@mail.ru

Kirillova A. — Candidate of historical Sciences, Kamchatka state University named after Vitus Bering
astra1155@yandex.ru

Koljada N. — The Southern Federal University (g Rostov on Don)
vz1612@mail.ru

Korneeva G. — Candidate of Historical Sciences, assistant professor, Senior Researcher of the Khakass State Research Institute of Language, Literature and History
korn-galina@yandex.ru

Korol E. — Candidate of linguistic sciences, assistant professor, Surgut State University

Kuleshov E. — Assistant, Bauman Moscow State Technical University
evgeniy_kuleshov@mail.ru

Kuzmina A. — Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian State Pedagogical University behalf of Al. Herzen (Russia, St. Petersburg)
kouzmina.a.v@mail.ru

Le Lan Ngok — Russian State Social University; Peoples' Friendship University of Russia
rus.lanngoc@gmail.com

Lizunov P. — COLLEDGE Director of «Ust-Katav industrial and technological College»
1980pl@mail.ru

Lukankina T. — Postgraduate student, Kazan Federal University
tatianaalehina@yandex.ru

Magomedov R. — Post-graduate, Dagestan state University
oliverkromvel93@mail.ru

Martynenko E. — Doctor of Politics, Prof., Peoples' Friendship University of Russia

Melnikova A. — PhD student, Peoples' Friendship University of Russia
scharnchorst@mail.ru

Nazartseva E. — PhD, Associate professor, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)
Izharkova@mail.ru
Ekaterina-nazartseva@yandex.ru

Omarov A. — Doctor of history, professor, Dagestan state University
levzerov@mail.ru

Osmanov A. — Doctor of History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
Osmanov193@yandex.ru

Panteleeva O. — Ph.D. student of the MSLU
breatney2007@mail.ru

Plaksina I. — Docent of the Vladimir State University named after Aleksandr Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs
irinapl@mail.ru

Popova E. — PhD in Philological sciences, assistant lecturer, RUDN university;
e.o.popova@bk.ru

Potapova O. — Associate Professor of the English Language Navigation and Communication Chair Admiral S.O. Makarov
oe27@mail.ru

Samatova C. — Kazan cooperative institute (branch) of the Russian university of cooperation
chulpan-samatova@mail.ru

Sat N. — PhD (Philology), associate professor of Tuvan State University;
satnd@mail.ru

Shcherbakova I. — Senior lecturer, Elabuga Institute of Kazan Federal University
shereri@mail.ru

Staroverova T. — Graduate student of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Kazan Federal University, Kazan city
anil@bk.ru

Svintsova I. — PhD, Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University) MID RF
siju@yandex.ru

Tsaturyan M. — Philology Doctor, Professor, Kuban State University (Krasnodar)
tsaturyan.mm@mail.ru

Vaganova A. — Ph.D. of Philology, associate professor at the Taganrog Institute named by Anton Chekhov (branch of the University) RSUE
aynisa.vaganova@mail.ru

Varenina L. — PhD, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics
luvaren@starlink.ru

Vasilyeva K. — Doctor of Philosophy, Professor, Leading researcher of Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service
klavdiya5@yandex.ru

VivcharVasily M. — Candidate of Historical Sciences, Senior lecture of the Omsk Theological Seminary
vvivchar@yandex.ru

Vlasova L. — Tutor for educational work, Peoples Friendship University of Russia
vlasovaliubov@yandex.ru

Yacovets T. — Candidate of education sciences, assistant professor, Surgut State University
jatja57@mail.ru

Zharkova E. — PhD, Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University) MID RF
Izharkova@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).